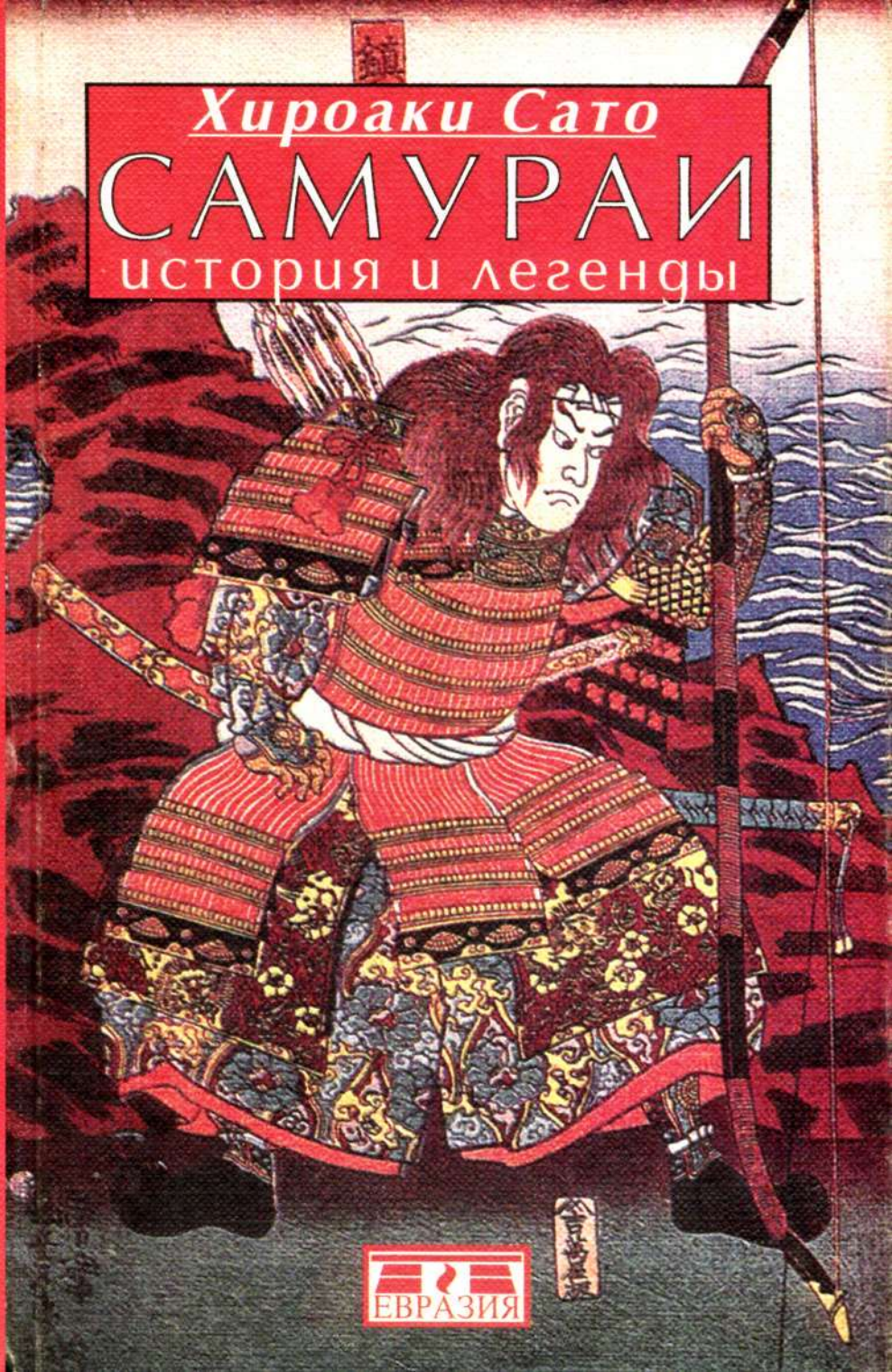

Хироаки Сато САМУРАИ история и легенды

Хироаки Сато
САМУРАИ
история и легенды

ЕВРАЗИЯ

LEGENDS OF THE SAMURAI

Hiroaki Sato

THE OVERLOOK PRESS
WOODSTOCK • NEW YORK

САМУРАИ: ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Хироаки Сато

GERZA SCAN

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

*Кипрушкина
Вадима Альбертовича*

Хироаки Сато.

Самурай: история и легенды. Перевод: Котенко
Р.В.— СПб.: «Евразия», 1999. — 416 стр.
ISBN 5-8071-0012-3

В книге Хироаки Сато органично сплетаются в единое целое разные источники: мифы и исторические хроники, произведения самих самураев и художественные произведения, проза и поэзия. Все вместе они создают яркую и многоплановую картину жизни самураев, исполненной великих подвигов и свершений, верности традициям и заветам предков.

ISBN 5-8071-0012-3

© Hiroaki Sato, 1985
© Котенко Р. В., перевод, 1998
© Лосев П. П., оформление, 1999
© Издательская группа «Евразия», 1999

Содержание

Вступление 7

Часть I

Доблесть самурая

Ямато Такэру: Проигравший — герой	31
Ёродзу: «Я хотел показать свою храбрость»	40
Отото-но Якамоти: Умереть за нашего господина	43
Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми: Поединок	47
Минамото-но Мицунака: Обращение воина	50
Фудзивара-но Ясумаса и Хакамадарэ: Присутствие духа	58
Мураока-но Горо и Хакамадарэ: Знать, когда быть настороже	61
Тайра-но Корэмоти, генерал Ёго: «Вы принесли его голову?»	64
Канэтада и Корэмоти: Смысл мести	74
Татибана-но Норимицу: «Какое великолепное владение мечом!»	78
Саканоуэ-но Харудзуми: Позор воина	85
Минамото-но Райко: Бдительный и твердый	87
Стражи и повозка: Забавная история	91
Минамото-но Ёринобу: «Пусть ваш ребенок умрет!»	96
Райко и другие: Легенды об искусстве стрельбы из лука	104
Тайра-но Мунэцунэ: Безмолвный	112
Тайра-но Садацуна: Когда не следует рисковать жизнью	115

Часть II

Сыгранные сражения

Минамото-но Ёсинэ: «Самурай величайшей храбрости» ..	119
Минамото-но Ёсицунэ: Затравленный герой	133
Кусуноки Масасигэ: Воин, верный долгу до конца	181
Ко-но Моронао: Когда самурай влюбляется	213
Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин: Два полководца	229
Ода Нобунага: Полководец и поэзия	258

Часть III

Путь самурая

Ходзэ Соун: «Двадцать одно правило господина Соуна»	275
Миямото Мусаси: «Горин но сё» («Книга пяти колец»)	280
Араи Хакусэки: «Мой отец»	298
Ямамото Цунэтомо: «Хагакурэ»	312
Сорок семь самураев: Свидетельство очевидца и доводы	329

Часть IV

Современная повесть

Мори Огаи: «Семья Абэ»	367
------------------------------	-----

Приложения

Хронология	407
Генеалогия клана Минамото	413
Провинции Японии	415

Вступление

Самурай в широкополой шляпе идет по пустынному полю. Вдруг из зарослей травы выскакивают десять разбойников с обнаженными мечами. Они окружают его и требуют немедленно отдать им оружие и деньги. Самурай выказывает покорность и начинает снимать *хаори*, верхнее платье. Разбойники теряют бдительность. И тут он вдруг выхватывает свой меч и с молниеносной быстротой справляется с несколькими из них. Оставшиеся в живых убегают, моля о пощаде. Самурай достает кусочек ткани, вытирает меч и кладет его обратно в ножны. Затем, как ни в чем не бывало, он продолжает свой путь.

Знаменитый фехтовальщик наносит визит даймё. Оказавшись там же *ронин*, самурай, лишившийся господина, уверен в своем мастерстве. Узнав о посетителе, он просит его «преподать» ему несколько уроков. Это означает серьезный поединок. Мастер меча отказывается, но даймё проявляет интерес и уговаривает его. В конце концов, он соглашается на поединок на деревянных мечах. Два воина выходят в сад и становятся лицом друг к другу. Через мгновение они ударяют друг друга мечами.

«Вы довольны?» — спрашивает мастер меча.

«Ничья», — говорит ронин, явно довольный таким результатом поединка с великим фехтовальщиком.

Но мастер спокойно говорит: «Нет, я победил».

Смущенный и разгневанный, ронин просит о реванше. Мастер соглашается, но происходит то же самое: оба ударяют одновременно.

Ронин вновь говорит, что итог поединка — ничья, а фехтовальщик утверждает, что победил именно он.

Ронин выходит из себя. Даймё же, наполовину не веря

словом мастера, не отрываясь следит за тем, что будет дальше. Ронин настаивает еще на одной схватке — на этот раз на настоящих, стальных мечах. Фехтовальщик отказывается, но даймё снова уговаривает его. Но как только воины встают лицом друг к другу, поединок заканчивается: ронин падает, его голова рассечена надвое. Фехтовальщик идет к даймё и показывает свое плечо. Лишь верхнее платье слегка разрезано. Нижняя же одежда в целости.

Наверное, читатель именно так представляет себе самурая: безжалостная машина-убийца, владеющая невероятной техникой меча. Впрочем, и в нынешней Японии подобных самурайских историй множество. Мы привели лишь две из них в самом начале с двойной целью.

Во-первых, предназначение данной книги, «Легенды самураев», — показать с различных углов зрения облик японского воина, поэтому она представляет собой не просто собрание историй, повествующих о боевом искусстве самураев. Последние занимают лишь меньшую часть книги и включены, в основном, в первый ее раздел.

Во-вторых, мы пытались отдавать предпочтение не современным пересказам, а тем версиям, которые приближены по времени создания к реальным событиям. Тем не менее, трудности остаются. Даже если бы мы совсем не говорили об одном из мифических героев, Ямато Такэру, временной промежуток все-таки остается очень большим. Например, говоря о Ёродзу, будущем «защитнике императора», составители «Нихон сёки» («История Японии») описывали в 720 г. событие 140-летней давности. К тому же, в любую эпоху люди склонны превращать человека или его деяния в легенду, либо следуя обычаям повествования, либо будучи не в силах отказаться от желания пофантазировать. Нередко это скрывает то, что происходило на самом деле и что думали о данном событии современники.

Два приведенных выше рассказа, оба об одном и том же человеке — мастере меча Ягю Дзюбэ Мицусэ (1607–1650), полностью подтверждают нашу точку зрения. Слава Мицусэ как отчаянного рубаки способствовала тому, что уже вскоре после его смерти о нем стали ходить будоражащие воображение легенды, в которых вымысла нередко было намного больше, чем правды. Современный писатель Кайондзи Тёгоро, включив второй эпизод в свой очерк «Хэйхося» («Мастера военного искусства»), приво-

дит весьма интересное замечание. Он говорит, что в период Токугава (1603–1868) воин мог убить человека только в четырех случаях: преступника или опасного человека по приказу своего господина или сёгуна; из мести; во время ссоры; или же если он встречался с грабителем или разбойником, покушавшимся на его жизнь. Хороший фехтовальщик должен был тщательно избегать любых споров, которые могли закончиться схваткой. Среди грабителей и разбойников едва ли встречались искусные воины, поэтому, случись настоящему мастеру столкнуться с ними, он бы одолел их и не убивая. Что касается мести, то этому чувству поддавалось не так уж много великих воинов. Наконец, конкретные приказы убить такого-то отдавались властями лишь в начале периода Токугава. Поэтому, заключает Кайондзи, многие знаменитые фехтовальщики за свою жизнь не убили ни одного человека.

Поклон перед мечом

Мы начали предисловие рассказами о фехтовальщиках, но фехтовальщик и самурай — не синонимичные понятия. Конечно, меч оставался для последнего главным оружием. Однако вплоть до XIV–XV вв., когда в битвах всадников стала сменять пехота и искусство фехтования оказалось особенно востребованным, первым оружием самурая был лук со стрелами. В одном из эпизодов «Хэйкэ моногатари» («Сказание о Хэйкэ»), самом известном японском военном повествовании, окончательно оформившимся в XIV в., рассказывается, как в 1185 г., во время сражения на берегу у Ясима, главнокомандующий Минамото-но Куро Ёсицунэ (1159–1189) уронил в воду свой лук и бился, чтобы вернуть его, хотя воины противника с лодок пытались выбить командующего из седла, а свои воины умоляли забыть об оружии. Когда, наконец, он смог достать свой лук и вернулся на берег, старые ветераны открыто сказали:

«Это было ужасно, господин. Ваш лук может стоить тысячу, десять тысяч золотых, но разве он стоит того, чтобы подвергать риску вашу жизнь?»

Ёсицунэ ответил:

«Дело не в том, что я не хотел расставаться со своим луком. Если бы у меня был лук, подобный луку моего дяди Тамэтомо, который могли натянуть только два, а то и три человека, я, быть может, даже намеренно оставил бы его

врагу. Но мой лук плохой. Если бы враги завладели им, они бы смеялись надо мной: “Посмотрите, и это лук полководца Минамото Куро Ёсицунэ!” Я не хотел бы этого. Поэтому я рисковал жизнью, чтобы вернуть его».

В «Хогэн моногатари» («Сказание об эпохе Хогэн»), где описываются военные действия 1156 г., о Тамэтомо (1139–1170), дяде Ёсицунэ, говорится как о лучнике столь сильном, что после того как его взяли в плен, ему выбили долотом руки из плечевых суставов, чтобы он больше не мог выстрелить из лука. Звание «лучника» (*юмитори*) оставалось почетным титулом для отличившегося самурая еще долго после того, как на смену луку пришел меч. Так, например, военачальника Имагава Ёсимото (1519–1560) называли «Первым лучником Восточного моря».

Самурай: истоки

Слово *самурай* происходит от глагола *сабурау* — «охранять, служить», и первоначально имело значение «личный слуга». Остается неясным, когда смысл его сузился до понятия «вооруженный слуга», в то время — определенный тип воина. Тем не менее, этот изначальный смысл слова определил путь самурая и в дальнейшем: даже когда в XII в. *de facto* он стал правителем Японии, *de jure* он подчинялся высшему гражданскому лицу — императору. Высший пост, которого он мог достичь, — *сэй-и тай-сёгун*, «главнокомандующий, подчиняющий варваров», или просто *сёгун*. — на деле означал не более, чем помощник императора по военным делам в случае особой необходимости.

Воины в Японии, как и в большинстве стран, существовали с незапамятных времен. Но появление того типа воина, которому суждено будет создать правительство, независимое от императорского двора, приписывается VII–VIII вв., когда были предприняты попытки создать центральные органы управления и заимствована государственная система танского Китая.

Одно из восьми учрежденных ведомств называлось *Хёбусё*, «Ведомство военных дел». По китайскому же образцу были сформированы и многочисленные местные военные подразделения. Однако, в отличие от Китая, в Японии, значительно мень-

шей по площади и располагающейся на островах, существовало лишь несколько военных соединений, представлявших потенциальную угрозу центральным властям. В то же время, на каждого, призванного на службу, налагалось тяжелое бремя. Воин не имел права заниматься во время службы какой-либо иной деятельностью. Набор военного снаряжения, утвержденный законом, перечень которого представлял собой огромный список, каждый должен был приобретать и содержать на свои средства. «Один человек взят, один дом разорен», — говорили в те времена.

Со временем количество военных постов и занимавших их воинов сократилось, и свободным от службы людям разрешили вернуться к сельскому хозяйству. На их место были набраны люди из достаточно состоятельных семей, умевшие и править лошадью, и стрелять из лука. Власти выдали каждому провизию и по два пехотинца в сопровождение. От них требовалось лишь неустанно совершенствовать свое мастерство. Хотя впоследствии происходили и другие изменения, именно эти благородные воины считаются непосредственными предшественниками самураев.

К X в. некоторые из этих воинов сформировали почти автономные местные соединения. Кое-кто пользовался дурной славой преступника, как, например, Тайра-но Масакадо (ум. 940), дошедший до того, что объявил себя императором. Другие, такие как Минамото-но Мицунака (913–997), чье обращение в буддизм описывается не без иронии во многих источниках, создали свои сферы влияния и накопили богатства, но при этом не теряли тесных связей с центральными властями и часто служили губернаторами провинций. В любом случае, в целом они были ориентированы на единство страны. Говорят, что Масакадо выступил против императорского двора и создал свой собственный, ибо желал укрепить свое положение в правительстве, но не смог получить желанный пост в императорской гвардии. Он был убит посланниками двора.

Как и можно было ожидать, внутри каждой группы развивались тесные взаимоотношения «господин—слуга». Важнейшим фактором, способствовавшим этому, стала необходимость защиты земель. Особую роль тут сыграли Первая Девятилетняя война (1051–1062) и Вторая Трехлетняя война (1083–1087) за подчинение могущественных северных кланов Муцу и Дэва. Именно во время этих войн клан Минамото (в китайском прочтении:

Гэндзи) укрепил свои силы и стал ведущим в восточной области, Канто. Сходными, хотя и менее заметными путями, клан Тайра (в китайском прочтении: Хэйдзи или Хэйкэ) захватил ведущую роль в западной области, Сайгоку или Сайкай. Оба клана происходили от императорского дома.

Восхождение самураев

Как уже отмечалось, статус самураев изменился во второй половине XII в. Это произошло в два этапа.

В 1156 и 1159 гг. в Киото, резиденции правительства, произошли короткие вооруженные столкновения, явившиеся непосредственным результатом борьбы за власть внутри императорского дома. В них участвовали и воины Тайра и Минамото, и члены обоих кланов, запутавшиеся в бесчисленных интригах. В конце концов победу одержал ведомый Киёмори (1118–1181) клан Тайра. Соперничающий клан Минамото был побежден.

Но не военный итог конфликта стал главным. В 1160 г., год спустя после второго столкновения, Киёмори был назначен *санги*, «императорским советником» в Большой Государственный Совет. Воин впервые удостоился такой чести.

Этот факт имел историческое значение: допуск воина в высшие круги власти положил конец статусу самурая как наемника придворных аристократов, или, по оригинальному выражению Карла Фрайдея, «нанятому мечу». Киёмори пошел дальше: в 1167 г. он стал главным министром и сосредоточил в своих руках огромную власть.

Второй этап изменения статуса самурая стал следствием еще одной военной борьбы, вновь между кланами Минамото и Тайра, но на этот раз долгой и в масштабе всей страны. В 1180 г. клан Минамото, возглавляемый Ёритомо (1147–1199), находившимся в ссылке в Камакура, поднял армию против Тайра и нанес ему поражение в 1185 г. Но Ёритомо поступил иначе, чем Киёмори. Если последний собрал в своих руках все нити власти в центре, то первый, напротив, в целом оставался в стороне от императорских дел. Лишь в 1190 г., спустя пять лет после победы, он прибыл в Киото на аудиенцию к императору Готоба (1180–1239) и удалившемуся от дел императору Госиракава (1127–1192). Он был назначен *гондайнагоном*, «действующим главным советником», и *тайсё*, «командующим»

Левого крыла стражи Внутреннего дворца. Но уже в следующем месяце он отказался от обоих постов. В 1192 г. он был назначен сёгуном, но два года спустя подал в отставку. Очевидно, что его больше интересовало создание своего собственного правительства.

Созданный им орган управления позднее получил название Камакура Бакуфу (*бакуфу* — изначально ставка главнокомандующего на войне). Таким образом, вплоть до Реставрации императорской власти в 1868 г., именно это «правительство внутри правительства» представляло собой реальную власть, а двор в Киото оставался лишь «источником почестей и местом свершения государственных церемоний и ритуалов».

Эпоха «Сражающихся царств»

Камакура Бакуфу просуществовало до 1333 г., когда император Годайго (1288–1339), встав на защиту абсолютной императорской власти, временно взял верх. Более чем за сто лет до него, в 1220 г., император Готоба попытался сделать то же самое и поднял против Камакура армию, но его войска были разбиты, а сам он — отправлен в ссылку. Годайго оказался удачливее. Поначалу, как только он захотел вернуть себе власть, его также арестовали и отправили в ссылку, но он смог вернуться, уничтожить правительство Камакура и стать подлинно «Наивысшим». Но плохое управление — а особенно награждение придворной знати, а не воинов — практически сразу же вызвало недовольство. Вскоре поднял восстание Асикага Такаудзи (1305–1358), прежде предавший Камакура и примкнувший к дому Годайго. В нескольких сражениях он нанес поражение полководцам Годайго, в том числе и самому способному и преданному, Кусуноки Масасигэ (1294–1336). Он сам назначил императора и заставил Годайго отдать символы императорской власти, «три божественных сокровища»: зеркало, меч и драгоценный камень. В 1338 г. он провозгласил себя сёгуном.

Созданный Такаудзи сёгунат располагался в Киото и существовал пятнадцать поколений, вплоть до Ёсиаки (1537–1597). Однако на протяжении всего времени его сотрясали раздоры и восстания. Причин тому можно выдвинуть три.

Во-первых, Годайго, которого во второй раз не отправили в ссылку, а позволили ему сбежать, собрал собственный двор в

Ёсино, в сегодняшней Нара. Этот «южный» двор, сосуществовавший параллельно с «северным» в Киото до 1392 г., сеял смуту внутри и вне сёгуната Асикага и до, и после своего исчезновения. Во-вторых, размещение в Камакура наместника сёгуна в восточной области, называвшейся *Канто кубо*, создавало сходные проблемы: сеяло подозрения и способствовало соперничеству. Наконец, сама организация центральной власти лишь подчеркивала личную безответственность и групповое принятие решений. Подобная система могла бы работать, обладай лидер непоколебимым авторитетом или прочной экономической базой. У сёгунов Асикага зачастую не было ни того, ни другого.

Когда восьмой сёгун Ёсимаса (1435–1490) разошелся со своей женой Хино Томико (1440–1496) по вопросу о выборе наследника, несколько кланов, назначенных исполнять функции наместников сёгуна, восстали. Так началась десятилетняя гражданская война (1467–1477). В войне на стороне и той, и другой группировки участвовали многие наместники провинций и представители влиятельных местных сил, но это было лишь первое очевидное крушение сёгуната Асикага. Укрепив и без того проявлявшуюся местную претенциозность и независимость, эта война привела к еще большему хаосу — японскому *сэнгоку дзидай*, периоду «Сражающихся царств», когда обладавшие средствами или способностями люди открыто боролись за власть и расширение своих земель.

Более ста лет борьба за местную гегемонию сотрясала Японию. Она сопровождалась невиданной жестокостью. Тем не менее, страна была открытой, и в эту эпоху возникали некоторые новшества. Асакура Такакагэ (также Тосикагэ, 1426–1482), мелкий землевладелец-самурай, ставший наместником удела и потому считающийся одним из предвестников периода «Сражающихся царств», составил «домашний кодекс». Вот некоторые статьи этого кодекса:

В семье Асакура не будет должности младшего управляющего. Выбирай людей по способностям и преданности.

Не назначай бездарного человека командующим или посланником только потому, что этот пост передается из поколения в поколение.

Не стремись обязательно обладать мечом, выкованным знаменитым кузнецом. Ибо даже человек с мечом стоимос-

тью в десять тысяч монет не сможет победить сто человек с копьями по сто монет каждое.

Будь добр с храбрым человеком, даже если он уродлив. Также, даже робкого можно взять в слуги, если он красив собой.

Если можешь выиграть битву или взять замок, не стоит упускать возможность выбрать благоприятный день или верное направление. Однако, как бы ни был благоприятен день, едва ли благоразумно выходить на корабле в ураган или бросаться с несколькими воинами на превосходящего врага.

В нашей книге также приводятся похожие, но более «прозаичные» «домашние уроки» Ходзэ Соуна (1432–1519). В отличие от Такакагэ, Соун был ронинном, который, тем не менее, смог стать блестящим военачальником.

Самурай при Токугава

Хаос в конце концов заканчивается единением. Хотя в середине XVI в. было около ста пятидесяти влиятельных местных военачальников, многие желали стать во главе их всех. Ода Нобунага (1534–1582) первым серьезно взялся за выполнение этой задачи и достиг заметного успеха.

Когда он был убит, не завершив своего дела до конца, Тоётоми Хидэёси (1536–1598), один из его полководцев, взял бразды правления в свои руки и завершил начатое. Токугава Иэясу (1542–1616), один из пяти уполномоченных Хидэёси после его смерти, воспользовался плодами трудов предшественников, назначив себя сёгуном и основав бакуфу в Эдо, сегодняшнем Токио, в 1603 г.

Основанный Иэясу сёгунат просуществовал четверть тысячелетия и стал самым долгим из трех военных правительств. Система рухнула, когда обострились внутренние экономические противоречия, и изоляционистская политика, избранная в начале XVII в., уже не могла сопротивляться иностранному проникновению. Тем не менее, эпоха отличалась отсутствием военного соперничества. Укрепить мир помогли две административные меры: взятие в больших масштабах заложников и кодификация иерархий и поведения.

Система «взятия в заложники», называвшаяся *санкин котай*, предписывала даймё — землевладельцам с годовым дохо-

дом в 10000 *коку* (или 50000 бушелей риса) и более, — а также вассалам Токугава в ранге *хатамото*, «адъютантов», проводить каждый второй год или половину каждого года в Эдо под прямым надзором властей. Асано Наганори (1667–1701) как раз исполнял свою обязанность пребывания в Эдо, когда совершил поступок, коему суждено было развязать самую знаменитую вендетту в истории Японии. (Можно добавить, напоминая о статусе императорского двора в то время, что инцидент произошел, когда Наганори являлся членом комитета по приему ежегодного церемониального посольства из Киото.)

Разделение всего населения на четыре сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, и тщательное ранжирование в самом самурайском сословии, сделанное наследным, не всегда насаждалось так уж жестко, как это обычно считается. Торговцы, находившиеся на нижней ступени социальной лестницы, в экономической жизни нисколько не зависели от самураев. Внутри самурайского сословия также существовала достаточная степень свободы, что подтверждает пример Араи Хакусэки (1657–1725): будучи родом из самурайской семьи, служившей мелкому местному землевладельцу, он поднялся до высокого поста советника сёгуната. И все же сословная градация и система наследного ранжирования сковывали социальную мобильность, хотя в равной степени и препятствовали возникновению беспорядков.

Военные действия не велись, гражданская бюрократия крепла, поэтому мирная жизнь заставляла самураев искать оправдание необходимости существования воинского сословия. Ученый-конфуцианец Накаэ Тодзю (1608–1648) был одним из первых, кто попытался дать этому философское обоснование. В своем сочинении «Окина мондо» («Беседы со стариком») два воображаемых человека вступают в сократический диалог:

Кто-то спросил: «Часто говорят, что ученость и военное искусство подобны двум колесам повозки, двум крыльям птицы. Означает ли это, что “ученость” и “ратное дело” различны? Как вы тогда определите “ученость” и “ратное дело”?»

Учитель ответил: «Невежды не понимают “учености” и “ратного дела”. Под “ученостью” они подразумевают умение хорошо составлять стихи на японском и писать строфы на китайском, и быть мягким и утонченным, а под “ратным делом” они подразумевают умение стрелять из лука и править лошадей, знать военное искусство и стратегию и быть гру-

бым и необузданным. Кажется, что это так и есть, но они глубоко заблуждаются.

По своей природе “ученость” и “ратное дело” — одна добродетель, и они неотделимы друг от друга. Как в создании Неба и Земли участвуют силы инь и ян, так и в человеческой природе, являющей собой одну добродетель, присутствуют “ученое” и “военное” начала. Точно так же, как инь коренится в ян, а ян коренится в инь, искусство “учености” коренится в “военном” искусстве, а “военное” — в “ученом”.

Хорошо управлять народом и должным образом следовать пяти постоянствам*, беря Небо как основу ткани, а Землю — как уток, — это дело “учености”. Если же появляется тот, кто не боится небесного дао и совершает зло, жестокие и безнравственные поступки и тем самым препятствует исполнению пути “учености”, необходимо наказать его, собрать армию и покорить его, так, чтобы народом можно было управлять в мире. Это — “военное” начало. Поэтому китайский иероглиф *бу* (“у”, военное) состоит из иероглифов *хоко* (“гэ”, копье) и *ямуру* (“чжэн”, исправлять)».

Подобные аргументы, подчеркивающие преимущественно гражданский характер военного правления, были весьма сильны. Они стали краеугольным камнем системы Токугава. Однако этого было недостаточно для самих самураев, и они создали свой собственный кодекс поведения. Веками утвержденная вера, что честь — высшее достоинство самурая и что во имя ее сохранения он должен быть готов умереть, была романтизирована в период Эдо. Так родился постулат, провозглашенный устами Ямамото Цунэтомо (1659–1721): «Я постиг, что Путь самурая — это смерть».

Обезглавливание и вспарывание живота

Два обычая, как правило, привлекают внимание любого, кто знакомится с самурайскими хрониками: обезглавливание и вспарывание живота. Японский обычай отрубать голову воину врага

* Пять постоянств — любовь между отцом и сыном, справедливость между правителем и подданным, уважение между мужем и женой, должное поведение между старшими и младшими и верность между друзьями.

идет от эпохи войн в Древнем Китае, где воин получал повышение по службе на один ранг, если он добывал в сражении голову знатного врага. Выражение *сюкю о агэру* — «взял голову и получил повышение» — происходит оттуда.

Происхождение ритуала вспарывания живота остается неясным. Отдельные случаи этого зафиксированы в Китае и других странах. Любопытно, что самый ранний сохранившийся до нашего времени документ, описывающий вспарывание живота, приписывает его совершение женскому божеству. Объясняя название болота Харасаки («Разрывающая живот»), «Харима но кунни фудоки» («Географическое описание провинции Харима»), составленное в начале VIII в., говорит, что «богиня Оми, преследуя своего мужа, добралась до этого места, но вспылала гневом и злостью, разрешила мечом живот и бросилась в болото».

Знали самураи, что первый подобный ритуал совершило женское божество, или нет, но к XI в. обычай уже вошел в практику и должен был служить либо способом проявления отваги, либо способом избежания бесчестия от рук врагов. В XIV в. ритуал широко распространился. Живот также вспарывали, чтобы последовать за господином после его смерти. В XVII в. при Токугава ко вспарыванию живота стали приговаривать самураю, совершившего позорный поступок — так он мог восстановить свою честь.

Вскрытие живота не приводит к немедленной смерти, гибель может оказаться мучительной, грязной и долгой. Одно время существовало правило, предписывавшее вскрывать живот вначале горизонтально, затем вертикально, за чем должен был следовать смертельный удар — в спину или в шею. Говорят, что генерал Ноги Марэсуке (1849–1912), покончивший с собой в день похорон императора Мэйдзи (1852–1912), исполнил именно эту процедуру.

Пройти все три этапа — это требует невероятной силы духа. Поэтому нередко при самоубийстве присутствовал помощник, *кайсяку* или *кайсякунин*, который должен был отрубить голову в один из двух моментов.

В первом случае кайсяку отрубал голову в тот момент, когда осужденный самурай, уже приготовившись к смерти, наклонялся за коротким мечом или кинжалом, лежащим перед ним на церемониальном подносе. Здесь, как мы видим, вскрытия живота не происходило вовсе. В период Токугава этот способ получил рас-

пространение в самой стилизованной форме, а вместо меча на подносе часто лежал веер.

В другом случае кайсяку ждал, пока человек, которому он должен был помочь умереть, сам пройдет первый или второй этап. Такой путь выбрал для себя самурай по имени Таки Дзэнзабуро 2 марта 1868 г. Его самоубийство подробно описано сэром Эрнестом Мэйсоном Сатоу (1843–1929), секретарем Британской Дипломатической миссии в Эдо:

Мы тихо просидели около десяти минут, как вдруг услышали приближающиеся шаги на веранде. Осужденный, высокий японец благородного вида и осанки, вошел слева в сопровождении кайсяку и еще двух людей, видимо, выполнявших такую же роль. Таки был одет в голубое камисимо из пеньковой ткани; на кайсяку был военный мундир (*дзимбаори*). Проходя перед свидетелями японцами, они пали ниц, а им в ответ поклонились. Затем той же церемонией они обменялись и с нами. Осужденного подвели к помосту перед алтарем, покрытому красной войлочной тканью; совершив два поклона, один на расстоянии, а другой перед самым алтарем, он сел на корточки на возвышении. Он проделал все со спокойной отрешенностью, выбрав то место, откуда будет легче всего упасть вперед. Человек, одетый в черное, поверх которого была накинута легкая серая мантия, принес обернутый бумагой кинжал на простом деревянном подносе, который с поклоном поставил перед осужденным. Тот взял кинжал обеими руками, поднес ко лбу и с поклоном положил обратно. Это обычный японский ритуал, выражающий благодарность за подарок. Затем четким голосом, надломленным, но не страхом и чувствами, а скорее отвращением к необходимости признаться в поступке, за который стыдно, он заявил, что один несет всю ответственность за то, что 4 февраля отдал жестокий приказ открыть в Кобэ огонь по иностранцам, когда они пытались бежать, и что за совершение этого преступления он собирается вспороть себе живот и просит всех присутствующих быть свидетелями. Затем он вытащил руки из рукавов верхнего платья, длинные концы которых сложил сзади, чтобы не дать телу упасть назад, и остался обнаженным до пояса. Потом он взял в правую руку кинжал, как можно ближе к лезвию, вонзил его глубоко в живот... Мужественно проделав все это, он наклонил тело вперед и вытянул шею, как бы подставляя ее

под меч. Кайсяку, сидевший с самого начала ритуала слева от него с обнаженным мечом, внезапно вскочил и нанес последний удар.

Говорят, что писатель Мисима Юкио (1925–1970) использовал такой же прием, но, поскольку он вонзил кинжал слишком глубоко, мышцы напряглись, к тому же он спешил, поэтому кайсяку не смог отрубить ему голову одним ударом, как планировалось.

Самураи и поэзия

Древние классические рассказы о самураях, как и некоторые другие японские повествования, полны стихов. Включение в текст стихов — отличительная черта буддийских сочинений, впрочем, китайские историки и писатели тоже любили включать их в ключевые места повествований. Авторы хроник и рассказчики древней Японии были хорошо знакомы и с теми, и с другими и, вполне возможно, позаимствовали у них этот риторический прием. Позднее умение писать стихи стало составной частью образования благородного человека, появился обычай слагать прощальные стихотворения перед смертью. В результате самурай и поэзия стали практически неотделимы друг от друга.

В VII в. — некоторые ученые полагают, что еще раньше — основой японского стихосложения стали строки по 5 и 7 слогов. Поначалу в длинных стихотворениях комбинация 5 и 7 слогов использовалась произвольно, но к IX в. самой распространенной поэтической формой стала *танка*, «короткая песня», ритмический рисунок которой выглядит так: 5–7–5–7–7.

Вскоре после того, как *танка* превратилась в стандарт стихосложения, возникла тенденция «разбивать» ее на два полустишия, 5–7–5 и 7–7. Двое поэтов составляли каждый свое полустишие самостоятельно, затем их «соединяли», часто меняя порядок: вначале 7–7, а затем 5–7–5. Так появилась новая поэтическая форма *рэнга*, «соединенный стих». Позднее два полустишия стали связывать до пятидесяти раз, так возникали целые поэмы из ста частей. Нередко в их написании принимали участие до десяти человек.

Один из самых простых способов понять стиль *рэнга* (в минимальной комбинации из двух полустиший) — представить себя и своего друга составляющими подобие детской загадки, но в

поэтически изощренной форме: один произносит первую строку, другой быстро говорит вторую. Игра слов при этом весьма существенна. Возьмем один пример.

В «Хэйкэ моногатари» есть рассказ о поэте-самурае Миномото-но Ёримаса (1104–1180), который убивает из лука фантастического зверя, спускающегося на черном облаке на крышу императорского дворца и приносящего самому императору кошмарные сны. Император, благодаря Ёримаса за его искусство, дарит ему меч. Беря меч, чтобы вручить его Ёримаса, Левый министр Фудзивара-но Ёринага (1120–1156) идет вниз по ступенькам. В этот момент в небе дважды кукует кукушка, предвестница лета. Министр откликается следующей строкой (5–7–5):

Кукушка кричит над облаками.

Ёримаса, почтительно встав на колени у подножия лестницы, вотрит ему (7–7):

И серп луны исчезает.

Если бы стихотворение составил один поэт, это была бы *танка*, и *танка* замечательная. Сложенная двумя людьми, она превращается в *рэнга*, а игра слов, несомненно, украшает ее. В полустишии Ёринага *на о агуру* означает и «звать», и «упрочить репутацию», а *кумои* — «облака» и «императорский дворец». Таким образом, 5–7–5 строка, внешне кажущаяся спонтанным описанием природного явления, на самом деле является комплиментом Ёримаса, означая: «Вы, о верный воин, упрочили свою славу перед самим Повелителем».

Точно так же в полустишии Ёримаса *юмихаридзуки*, «луна, изогнутая подобно луку», обозначает луну в любое время между новолунием и полнолунием, но особенно первую или последнюю четверть луны; это также переключается с «натянутым луком». *Иру* означает и «затемняться», «исчезать», и «стрелять». Поэтому строка 7–7, кажущаяся отвлеченной, на самом деле несет в себе самоуничижительный смысл: «Я лишь натянул лук и выстрелил, ничего более».

Составление длинных *рэнга* стало в XIV в. страстью многих самураев и, хотя правила становились все сложнее, продолжало пользоваться популярностью и в период «Сражающихся

царств». Военачальник Хосокава Фудзитака (позднее Юсай; 1534–1610), ученый и поэт, вспоминал, как его друг, воин и поэт Миёси Тёкэй (1523–1564), участвовал в состязании рэнга:

[Он] сидел бы подобно статуе, положив веер у коленей чуть наискось. Если бы было очень жарко, он бы очень тихо взял веер правой рукой, левой рукой искусно раскрыл бы его на четыре или пять палочек и обмахивался бы им, стараясь не создавать шума. Затем он закрыл бы его, вновь левой рукой, и положил бы обратно. Он исполнил бы все предельно аккуратно, так что веер не отклонился бы от того места, где лежал вначале, даже на ширину одной соломинки татами.

Может показаться забавным, что Тёкэй был одним из самых энергичных военачальников своего времени и многого достиг благодаря этому.

Восхитительное описание Тёкэя сообщает нам об одном важном моменте в классическом японском стихосложении. Рэнга, как групповая игра, возлагала на участников строгие правила соблюдения протокола и этикета. Основной смысл, основное наслаждение игрой — именно в этом чувстве соучастия, соучастия и с другими людьми, и с самой традицией. Насколько мы можем судить по сочинениям, соперничество было вторичным, а если и первичным, то только постольку, поскольку поэт мог уловить традиционные предписания.

Чувство традиции было не менее необходимо и при написании прародительницы рэнга, танка (5–7–5–7–7). Мы приведем три примера.

В седьмом месяце 1183 г., спасаясь от наступающей с востока огромной армии Минамото, клан Тайра покинул столицу и бежал на запад, взяв с собой ребенка-императора Антоку (1178–1185) и оставив после себя пылающий город. Однако, один из главнокомандующих войсками Тайра, Таданори (1144–1184) повернул обратно, чтобы нанести прощальный визит своему учителю поэзии, Фудзивара-но Сюдзэю (1114–1204). Согласно «Хэйкэ моногатари», войдя в комнату Сюдзэя, он сказал:

Долгие годы вы, учитель, благосклонно вели меня по пути поэзии, и я всегда считал ее самым важным. Однако, последние несколько лет в Киото — волнения, страна разорвана на части, и вот беда коснулась и нашего дома. По-

этому, никоим образом не пренебрегая обучением, я не имел возможности все время приходить к вам. Его величество покинули столицу. Наш клан погибает.

Я слышал, готовится собрание поэзии, и думал, что если вы проявили бы снисходительность ко мне и включили в него одно мое стихотворение, это было бы величайшей честью всей моей жизни. Но вскоре мир обратился в хаос, и когда я узнал, что работа приостановлена, то очень огорчился. Когда страна успокоится, вам суждено продолжить составление императорского собрания. Если в том свитке, что я принес вам, вы найдете что-нибудь достойное и соблаговолите включить в собрание одно стихотворение, я возрадуюсь в своей могиле и берегу вас в отдаленном будущем.

Когда он уезжал, он взял с собой свиток, на котором было записано более ста стихов из тех, что он составил за многие годы и которые, он думал, достаточно хороши. Теперь он достал его из-под доспехов и почтительно передал Сюдзэю.

Сюдзэй, лучший знаток поэзии своего времени, во втором месяце того же года действительно получил от удалившегося от дел императора Госиракава указание составить седьмую императорскую антологию японской поэзии. Далее в «Хэйкэ» говорится, что он включил в «Сэндзай сю», антологию, которую он закончил, когда в стране наступил мир, одно стихотворение Таданори, правда, как произведение «неизвестного поэта», ибо Таданори, к тому времени уже погибший, считался врагом императорского дома. Что же это было за стихотворение? Описание жизни воина? Смятения могущественного клана, от которого вдруг отвернулась судьба? Страданий людей, вовлеченных в войну? Нет. Оно гласило:

Сига, столица журчащих волн, опустела,
но вишни в горах остаются прежними.

В 667 г. император Тэндзи (626–671) перенес столицу страны в Оцу, Сига, на западном берегу озера Бива, но через год после его смерти она была оставлена. Ко времени Сюдзэя Сига уже давно стала *ута-макура*, «поэтическим именем», и стихотворение, составленное на заданную тему «Цветы в родном городе», достаточно типично: в нем сочетаются ностальгия по брошенной столице и красота вечных цветов вишни. Можно с уверенностью утверждать, что ни один из ста с лишним стихов, столь тщательно

собранных Таданори, не выходил за пределы тем и языка, считавшихся приличествующими для придворной поэзии*.

Другое стихотворение принадлежит Хосокава Фудзитака. Оно, возможно, было его прощальным посланием миру:

В мире, что и ныне неизменный с древних времен,
листья-слова сохраняют семена в человеческом сердце.

Фудзитака написал это в 1600 г., когда его замок был окружен превосходящими силами врага. Он послал стихотворение к императорскому двору вместе со сведениями, которые он знал о «тайном смысле» первой императорской антологии японской поэзии «Кокинсю», составленной в начале X в. К тому времени уже твердо укрепились традиции передачи определенных толкований непонятных слов и фраз, и никто не знал их лучше Фудзитака, хотя он и был воином. Император Гоэдзэй (1571–1617), известный своей ученостью, опечалился, узнав, что такой знаток древней поэзии может погибнуть; он попытался спасти Фудзитака, что ему в конце концов удалось, ибо сначала Фудзитака отказывался пойти на недостойную воина сдачу в плен.

Стихотворение, хоть и написанное при чрезвычайных обстоятельствах, лишено и намека на военную тематику или на предположение, что оно создано самураем, пойманым в ловушку. Наоборот, оно явно перекликается с «Кокинсю», первая фраза *инисиэ мо има мо* указывает на название антологии, ибо *кокин* — это синифицированная форма *инисиэ*, «древние времена», а *има* — «сегодня». Вторая же часть стихотворения прямо соответствует первому предложению предисловия к антологии: «Семена японской поэзии возрастают в человеческом сердце, она обретает форму в бесчисленных листьях-словах».

Еще одна написанная самураем относительно недавно танка вновь подчеркивает важность поэтической традиции. 17

* Некоторые тексты «Хэйкэ» приписывают Таданори еще одно стихотворение неизвестного автора в «Сэндзай сю»; если к ним добавить его стихи в более поздних антологиях, где они подписаны его именем, то окажется, что в императорские собрания вошло десять (или одиннадцать) его стихотворений — весьма значительное количество. В «Хэйкэ» приводится еще одно стихотворение Таданори, которое, по преданию, нашли в его шлеме после того, как он был обезглавлен. В «Сэндзай» также есть четыре стихотворения трех других неизвестных авторов, принадлежавших к клану Тайра.

марта 1945 г. генерал-лейтенант Курибаяси Тадамити, командующий японскими войсками в Иводзима, перед тем как броситься в атаку на противника с оставшимися у него восемьюстами солдатами, послал по радио в Генеральный штаб три танка. Вот одна из них:

Враг не разбит, я не погибну в бою,
я буду рожден еще семь раз, чтобы взять в руки алебарду!

Наступление 70000 американских войск на Иводзима началось 16 февраля. В ходе 36-дневных боев из 21000 японских солдат, защищавших остров, в живых осталось не более тысячи. Американцы потеряли 25851 человека, из которых 6821 были убиты, умерли от ран или пропали без вести.

Стихотворение генерала Курибаяси перекликается со словами брата самурая Кусуноки Масасигэ Масасуэ, сказанными перед тем, как оба брата пронзили друг друга мечами: слова выражают надежду на семикратное перерождение, с тем чтобы отомстить за императора, они давно уже стали национальным лозунгом*.

Стоит сказать, что чувства генерала, вкупе с избранной поэтической формой и языком, были безнадежно анахроничны: представьте себе все современное мощное оружие разрушения, использовавшееся в битве, а он говорит о том, чтобы «взять в руки алебарду». Однако несомненно, что Курибаяси, когда писал стихотворение, хотел выразить свое желание соответствовать японской вековой традиции.

Мы должны также упомянуть *канси*, стихи, написанные по-китайски в соответствии с китайской просодией. Мы приведем два хорошо известных стихотворения Ноги Марэсукэ, генерала, который, как уже говорилось, вспорол себе живот в день похорон императора.

Ноги командовал армией во время Японско-Китайской (1894–1895) и Русско-Японской (1904–1905) войн. В обеих войнах он получал приказ атаковать Люйшунь, тогда Порт-Артур. Одно из двух стихотворений было написано им в начале

* Командующий императорским флотом Хиросэ Такэо (1868–1904) использовал его в нескольких стихах, особенно в двух: превозносящем верность императору и посланном родственникам перед тем, как он принял командование в Люсю в начале Русско-Японской войны, в ходе которой он был убит прямым попаданием артиллерийского снаряда.

июня 1904 г., когда он во главе III-й армии шел к Люйшуню через Наньшань, где только что разыгралось большое сражение, в котором был убит его сын Кацуори.

Горы и реки, трава и деревья вымерли;

На десять миль пахнет кровью недавнего сражения.

Захваченные кони не шелохнутся и люди не проронят ни звука

У замка Цзиньжоу стою я в лучах заходящего солнца.

Ноги не знал, когда писал стихотворение, что вскоре ему суждено дать еще множество жестоких сражений. Хотя в войне с Китаем за десять лет до этого он в один день взял Люсю, чтобы захватить русскую крепость, находящуюся на том же месте, ему потребовалось четыре месяца. Русские и японцы потеряли в боях 145000 человек, из них 18000 убитых и 78000 раненых. Следующее стихотворение Ноги написал в конце 1905 г., перед возвращением со своей армией в Японию:

Армия императора, миллион воинов, победила сильного врага;

После сражений в поле и осады крепостей остались
горы трупов.

О стыд, как я посмотрю в глаза их отцам и дедам?

Мы торжествуем сегодня, но сколько из них вернется?*

Перевод

Переводчик древних японских хроник, историй и записей неизбежно сталкивается с несколькими трудностями, которые можно свести к одной проблеме: следует ли сохранять нюансы оригинального текста или игнорировать их ради лучшей читабельности? Мы избрали первый путь, ибо наша цель — воспроизвести оригинальные сочинения, а не пересказать их — если, конечно, сам процесс перевода не является пересказом.

Среди других трудностей — старый обычай несколько раз

* Следует сказать, что хотя Ноги закончил войну героем, на последнем этапе осады Порт-Артура его фактически сменил на посту командующего генерал Кодама Гэнтаро (1852–1906), заместитель начальника штаба японских войск в Маньчжурии. Это было сделано без лишней огласки и с согласия Ноги, и сразу же после победы Кодама вернулся на свой пост. Уже в следующем году он умер, как говорят, от тревог и усталости, накопленной за годы войны.

менять имена на протяжении жизни, как, например, это делали полководцы Такэда Сингэн (1521–1573) и Уэсуги Кэнсин (1530–1578), а также традиция упоминания человека в соответствии с его меняющимся официальным титулом (это особенно характерно в случаях с Минамото-но Куро Ёсицунэ). Если Сингэна и Кэнсина называть по их именам, взятым уже в зрелом возрасте, то это исказит не только оригинальные источники, но и их жизни, в которых перемена имени нередко играла важную роль. Точно так же, называть Ёсицунэ по имени, когда его называют по титулу — значит упростить неуловимое ощущение развития и перемен и тем самым совершить несправедливость по отношению к замечательному полководцу и тем, кто пытался скрупулезно записывать его деяния.

Кроме того, еще два момента могут показаться трудными для некоторых читателей, хотя они и не связаны непосредственно с переводом, — периодически появляющиеся перечни имен и, в связи с ними, предположение наличия у читателя некоторого знания предмета.

Во-первых, что касается имен: следует помнить, что для воинского участия или неучастия в боевых действиях оказывалось важнейшим фактором, определявшим его положение и вознаграждение. Вот почему в древних военных хрониках и повествованиях уделяется первостепенное внимание *сороэ*, построению воинов. В западной литературе первый подобный пример можно найти во второй книге «Илиады». Ота Гюити (1527–1610?) в биографии своего бывшего господина Ода Нобунага, перечислив тех, кто точно участвовал в том или ином сражении, имена остальных начинал писать с новой строки.

Во-вторых, перечисляющий имена должен быть уверен, что читающий перечень узнает некоторые из имен и поймет контекст, в котором они появляются, или, по крайней мере, что читатель знаком с главными действующими лицами описываемых событий. Такое допущение со временем теряет свою обоснованность, и тем более при переводе на иностранный язык. Поэтому, если вас смутят отрывки из «Адзума кагами» («История Востока»), описывающие действия Ёсицунэ, или из «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии»), рассказывающие о бесчисленных битвах Сингэна и Кэнсина, мы надеемся, что вы помните: одна из задач «Легенд самураев» — показать разнообразие стилей повествования.

Построение книги

Книга состоит из четырех частей.

Часть первая, «Доблесть самурая», представляет собой большей частью собрание историй о тех, кто преуспел в каком-то военном искусстве. Многие рассказы взяты из «Кондзяку моногатари сю» («Собрание историй минувших времен»), компендиума, составленного в XII в., в который вошли более тысячи версий. Часть I заканчивается рассказом о самурае, написанным в начале XIII в.

Часть вторая, «Сыгранные сражения», — коллекция историй об отличившихся воинах, полководцах и битвах, в которых они участвовали. Спектр взятых источников очень широк: от официальных хроник до возвышенных сочинений в китайском стиле и современных описаний. Часть II заканчивается событиями XVI столетия.

Часть третья, «Путь самурая», представляет взгляды самураев, ими же самими и высказанные, хотя некоторые из тех, чьи сочинения цитируются, являются все-таки в большей степени учеными, чем самураями. Среди последних — Араи Хакусэки, оставивший незабываемый портрет своего отца, и ученые-конфуцианцы, спорившие по поводу справедливости и несправедливости мести сорока семи ронинов. Часть III доводит историю самураев до первой половины XVIII в.

Часть четвертая, «Современная повесть», состоит из одного-единственного «современного» художественного изложения событий, произошедших в середине XVII в. В центре повествования — самурай, решивший покончить с собой без разрешения господина. Рассказчик — Мори Огаи (1862–1922), весьма образованный человек, дослужившийся в японской императорской армии до поста генерала медицинской службы. Огаи обучался западной медицине и был воспитан в западных ценностях, но когда его друг, генерал Ноги Марэсукэ, покончил с собой, вскрыв себе живот, он решил заново исследовать прошлое Японии, разыскал древние документы и написал ряд исторических сочинений. Помещенный здесь рассказ «Семья Абэ» — его второе произведение. Искренне воссоздающее самурайский дух того времени, оно, мы надеемся, станет подходящим окончанием для «Легенд самураев».

Часть I Доблесть самурая

Ямато Такэру: Проигравший — герой

Ивэн Моррис в своей книге «Благородство неудачи: трагические герои в истории Японии» прекрасно описывает Ямато Такэру, Ямато Отважного, как архетип «японской героической параболы». Ямато Такэру — скорее всего мифологический образ, составленный из многих легенд. За первую половину своей жизни он совершил множество подвигов, но умер «мучительной и одинокой» смертью, так и не дождавшись признания и награды. Японская история изобилует подобными героями и неудачниками.

В каждой стране те или иные герои занимают свое, особенное место. В США, например, такие люди, как Джесси Джеймс, Джордж Армстронг Кастер и Роберт Е. Ли всегда почитались и продолжают почитаться, ибо они были отважными героями. Бесконечное восхищение Югом пронстекает из того простого факта, что он проиграл в войне, расколовшей нацию надвое. Что несколько отличает Японию от других — так это то, что проигравшие, являются ли они мифологическими персонажами или историческими, всегда вызывали в Японии куда большую симпатию, восхищение и даже преклонение, чем победители. Ямато Такэру выделяется в ряду таких героев, во-первых, потому, что он самый первый из тех, о ком до нас дошли достаточно подробные сведения, а, во-вторых, потому, что в свое время Ямато, вначале название маленького уголка Нара, стало в Японии символическим именем. (Многим императорским сыновьям и дочерям в мифологический и полумифологический периоды давали имя Ямато, но сам герой затмевает их всех.)

Имя Ямато Такэру появляется в обеих самых ранних официальных историях Японии: полумифологической «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), составленной в 712 г., самой старой из дошедших до наших дней японских книг, и «Нихон сёки» («История Японии»), составленной в 720 г.

Ямато Такэру был одним из многих сыновей двенадцатого императора Кэйко, который, в отличие от своего куда более известного отпрыска, вполне мог быть реальным историческим лицом, жившим в IV в. Его первое имя — Оусу, «Маленькая ступка», и у него был брат по имени Ооусу, «Большая ступка». В «Нихон сёки» сказано: «Принц Ооусу и принц Оусу родились в один день. Рассердившийся император прошептал что-то в ступку. Поэтому он назвал принцев “Большая ступка” и “Маленькая ступка”».

Необычное поведение Кэйко некоторые ученые объясняли народным обычаем: если у жены были тяжелые роды, муж носил вокруг дома массивную ступу. Кэйко, чье официальное имя — Отараси-хико-осиро-вакэ, потому, сообщают нам, шептал что-то в ступу, что второй близнец появлялся на свет очень тяжело. В любом случае, ребенок сумел «вырасти в десять футов ростом и таким сильным, что мог легко поднять большой ритуальный сосуд из меди», как сообщает «Нихон сёки» с несомненной долей китайской гиперболичности («Нихон сёки» была написана по-китайски, ибо китайский являлся официальным языком в ту эпоху). Преувеличены данные или нет, но о Ямато Такэру говорится тем же языком, что и об императоре, его жены называются императрицами, и, по крайней мере, в одном древнем тексте его самого называют императором.

В «Кодзики», из которой взят наш рассказ, говорится, что Оусу начал свой путь с бесцеремонного убийства собственного брата-близнеца. Из описания его прически можно сделать вывод, что он был еще совсем юным в то время.

Император сказал принцу Оусу: «Почему это твой старший брат не приходит на утреннюю и вечернюю трапезы? Иди к нему и убеди его прийти».

После этого прошло пять дней, но принц Ооусу все еще не показывался. Тогда император спросил принца Оусу: «Почему твой старший брат не появляется так долго? Ты уже говорил с ним?» Принц ответил: «Я уже убедил его». Император спросил: «Как же ты это сделал?»

Принц ответил: «Когда на рассвете он вошел к себе, я подстерг его, схватил и задушил. Затем я оторвал ему конечности, завернул в соломенные циновки и выбросил».

Услышав это, император испугался отчаянной смелости и дикого сердца своего сына и сказал ему: «К западу живут двое храбрецов Кумасо. Они непокорны и отказываются подчиниться мне. Иди и убей их».

И он отослал его прочь. В то время волосы у принца еще были собраны на лбу.

Тетя, принцесса Ямато, дала Оусу женское платье. Он положил себе за пазуху кинжал и отправился в путь.

Подойдя к дому храбрецов Кумасо, он увидел, что его окружают три ряда стражников, а в земле вырыты жилища. Воины готовились к пиру, чтобы отпраздновать постройку жилищ, готовили еду и разговаривали. Принц подошел к жилищам и стал ждать, когда начнется пир.

Когда настало время пира, он сделал себе прическу как у девушки и одел женское платье, которое ему дала тетя. Прикинувшись девушкой, он затерялся среди женщин, проскользнул в жилище и сел. Когда храбрецы Кумасо, старший и младший, увидели его, они пришли в восхищение от девичьей красоты, посадили его между собой и веселились.

В разгаре пира принц вытащил свой кинжал, схватил старшего брата за ворот и ударил его в грудь.

Младший брат, увидев это, в ужасе убежал. Принц бросился за ним, поймал его у подножия ступеней и пронзил кинжалом. Тут младший храбрец Кумасо сказал: «Не шевели кинжалом. Я хочу кое-что сказать».

Принц на минуту отпустил его. Храбрец спросил: «Кто ты?»

Принц сказал: «Я — сын императора Отараси-хико-осиро-вакэ, который, сидя во дворце Хисиро в Макимуку, правит Восемью Великими островами. Зовут меня наследный принц Ямато. Его величество узнали, что вы — двое храбрецов Кумасо — не покорились и не выказываете почтения, поэтому он послал меня убить вас».

Услышав это, младший храбрец Кумасо сказал: «Это так. На западе нет другого храбреца, нет никого отважнее нас двоих. Но в великой стране Ямато есть человек храбрее нас. Могу я дать тебе новое имя? С этих пор ты будешь зваться принц Ямато Такэру».

Как только он сказал, принц убил его, разрезав надвое, как спелую дыню. После этого люди почитали принца, называя

его принц Ямато Такэру. Возвращаясь назад, он покорил и усмирил всех божеств гор, рек и проливов.

Когда он вступил в страну Идзумо, он решил убить Идзумо Отважного. Для этого он завязал с ним дружбу. Втайне он сделал из дуба меч и, когда они отправились к реке Хи купаться вместе с Идзумо Отважным, засунул его в ножны, как настоящий. Выйдя из воды первым, он взял меч, который снял и оставил на берегу Идзумо Отважный, и сказал: «Давай поменяемся мечами».

Затем, когда Идзумо Отважный вышел из воды и надел меч Ямато Такэру, принц бросил ему вызов, сказав: «Давай скрестим наши мечи».

Когда они стали вытаскивать мечи, Идзумо Отважный не смог сделать это. А принц вытащил меч и убил Идзумо Отважного. Затем он спел песню:

Там, где вздымаются облака, Храбрец
Идзумо носит меч,
Много раз обвязанный виноградной лозой,
но без лезвия, какая жалость!

Уничтожив и покорив страну, он вернулся и доложил императору.

Император вновь сказал принцу Ямато Такэру: «Покори и усмири всех диких божеств и людей, что не подчинились мне, в двенадцати восточных землях». Он отослал его вместе с Киби-но Оми по имени Мисуки-томо-мими-такэ-хико, который стал вторым командующим, и дал ему длинное копье, сделанное из падуба.

Получив приказание и отправляясь в путь, принц остановился у великой усыпальницы Исэ, вознес молитвы у алтаря богини и сказал своей тете, принцессе Ямато: «Его величество желают, чтобы я был мертв. Ибо зачем ему тогда посылать меня с немногими воинами покорять злых людей двенадцати восточных земель, если я только что вернулся, усмилив злых людей запада? Когда я думаю об этом, то убеждаюсь, что он желает моей смерти». Он собрался уходить, в тревоге и печали, когда принцесса Ямато дала ему Меч, Скашивающий Траву, и мешок, сказав при этом: «Если окажешься в опасности, развяжи веревку и открой мешок».

Достигнув страны Овари, он вошел в дом принцессы Миядзу, прародительницы правителя Овари. Он сразу же решил жениться на ней. Но, решив сделать это на обратном пути, он отправился в восточные земли, где покорил и усмирил всех диких божеств гор и рек, а также людей, которые не подчинялись ему.

Когда он пришел в страну Сагаму, правитель солгал ему: «Посреди этой долины есть большое болото. Божество, живущее в болоте, страшное и непокорное».

Принц отправился в долину, чтобы увидеть божество. Тогда правитель поджег долину. Принц понял, что его обманули, и тогда развязал мешок, который ему дала тетья. В нем он нашел куски кремня. Вначале он скосил мечом траву. Затем ударил кремнем и пустил огонь, который побежал от него. Выйдя из долины, он зарубил правителя и его людей и сжег их тела. Поэтому место теперь называется Яидзу, «Горящая Река».

Когда он покинул страну и попытался пересечь море, называющееся Бегущие волны, божество пролива подняло волны и стало бросать его корабль во все стороны, так что принц не мог никуда плыть. Увидев это, его императрица*, Ототатибана, сказала: «Я отправлюсь в море вместо вас. Вы, господин, должны завершить возложенное на вас дело и доложить его величеству».

Затем она бросила на воду восемь циновок из тростника, восемь из кожи и восемь из шелка, сошла вниз и села на них. Огромные волны исчезли, и корабль принца мог плыть вперед. Императрица запела:

Пламя сжигает долину Сагаму, там,
где рядом вздымаются холмы.
Стоя среди них, ты спросил обо мне!

Семь дней спустя волны вынесли ее гребень на берег. Его нашли, построили усыпальницу и положили в нее гребень.

Покинув страну, принц покорил всех диких *эмиси*** и усмирил злых божеств гор и рек. Возвращаясь назад, он

* Неожиданное появление жены Ямато Такэру позволяет предположить, что рассказ составлен из разных легенд.

** Предполагается, что речь идет об айну.

проходил мимо склона, ведущего к горе Асигара. Он ел сухой рис, когда божество горы обратилось в белого оленя и предстало перед ним. Принц схватил один конец растения хиру, которое он не доел, и ударил им оленя. Он попал ему прямо в глаз и убил его. Затем он по склону взобрался на вершину и, стоя на ней, трижды тяжело вздохнул и сказал: «О, моя жена!» Поэтому страну назвали Адзума, «Моя жена».

Он пешком пересек страну и вышел из нее прямо к Каи. Во дворце Сакаори он запел:

Проходя Ниибари и Цукуба,
сколько ночей не спал?

Старый факельщик продолжил его песню:

Добавьте дни, и ночей будет девять,
а дней будет десять.*

Покинув эту страну и прибыв в страну Синано, принц быстро покорил божество склона Синано и вернулся в страну Овари, где остался у принцессы Миядзу, которой он прежде дал обещание. Принцесса созвала для него большой пир и поднесла ему большую чашу сакэ. Когда принц увидел пятно месячных на кайме ее платья, он запел:

Над бескрайней небесной горой Кагу,
Выгнув шен, подобно серпу, летят лебеди.
На вашу руку, тонкую и нежную,
Я хотел положить свою голову.
Я думал спать вместе с вами,
Но на кайме платья, что вы надели,
Взошла луна.

Принцесса Миядзу ответила песней:

Наш принц подобен солнцу,
сияющему в вышине.

* Песня в стиле *сэдока*, «повторяющаяся песня», ибо составлена из двух «полустиший» *катаута* (5–7–7 слогов каждое). Согласно традиции, этот дуэт положил начало поэтической форме *рэнга*.

Наш господин побывал в восьми
частях света,

Пока год сменял год, а месяц
сменял месяц.

Господин, господин, я не могу
ждать вас более,

И на кайме платья, что надела,
Уже взошла луна.

Он взял ее в жены и, оставив ей Меч, Скашивающий Траву, отправился, чтобы убить божество горы Ибуки.

Там он сказал: «Я возьму божество злой горы голыми руками, лицом к лицу». Карабкаясь на гору, он столкнулся с белым кабаном, размером с буйвола. Увидев его, он произнес запретные слова: «Это существо в облике белого кабана, должно быть, посланец божества. Я не буду убивать его сейчас, я сделаю это, когда буду возвращаться». Затем он вновь стал карабкаться вверх. Увидев это, божество наслало сильный дождь, чтобы испугать принца Ямато Такэру. Он отправился назад. Добравшись до Симидзу, «Чистой воды», в Тамакурабэ, он отдохнул и постепенно пришел в себя. Поэтому чистая вода в тех местах была названа и до сих пор зовется Исамэ-но Симидзу, «Чистой водой, где он пришел в себя».

Когда принц покинул то место и проходил мимо Тагино, он сказал: «Я всегда думал, что могу летать по небу. Но сейчас я едва могу идти, еле передвигаю ноги». Поэтому место было названо и до сих пор зовется Таги, «Ковыляние».

Пройдя еще немного, он совсем ослаб и медленно двигался, опираясь на палку. Поэтому место было названо и до сих пор зовется Цуэцуки-дзака, «Опора на палку».

Когда он дошел до одинокой сосны на мысе Оцу, то нашел меч, забытый им во время трапезы, когда он еще шел вперед. Увидев его, он запел:

Обратившись прямо к Овари,
Одинокая сосна стоит на мысе Оцу,
о брат!

Одинокая сосна, если бы ты была
человеком,

Я бы хотел, чтобы ты носила меч,
носила платье,
Одинокая сосна, о брат!

Покинув то место и придя в деревню Миэ, он опять сказал: «Мои ноги согнулись втрое, как я устал». Поэтому место было названо и до сих пор зовется Миэ, «Трижды». Когда принц покинул то место и достиг Нобоно, он затосковал по своей родине и запел:

Ямато известна повсюду
Среди голубых изгородей, Окруженных
горами, Ямато прекрасна.

Затем он снова запел:

Те из вас, в ком полнится жизнь,
Носите в волосах большие листья дуба
С горы Хэгури, устланной циновками!

Это — песня тоски по родным местам. И снова он запел: «Как красиво! С той стороны, где мой дом, поднимаются облака!» Это *катаута*, «полупесня». Тут его вдруг настигла болезнь. Он запел:

Меч, что оставил я
У ложа моей девы,
Тот меч!

Он спел и умер. Весть послали императору с нарочным всадником. Жены принца и дети, что оставались в Ямато, прибыли к нему и построили усыпальницу. Они ползали по рисовому полю и, причитая, пели:

Среди рисовых стеблей на залитых
водой полях,
Среди рисовых стеблей вьется плющ
дикого батата.

Тут принц превратился в большую белую птицу, взмыл в небо и полетел к берегу. Его жены и дети побежали вслед за

ним, рая ноги о срезанные стебли бамбука. Но, рыдая, они забывали о боли. Они пели:

Стебли бамбука достают нам до пояса.
Мы не можем лететь, но ноги наши бегут.

Затем они вошли в море и, еле двигаясь, запели:

Морские волны нам по пояс
Как водоросли в большой реке.
Не можем двинуться морем ни вперед,
ни назад.

Когда же птица вернулась и спустилась на берег передохнуть, они запели:

Береговые птицы летают не над морем,
а вдоль берега.

Эти четыре песни они пели на похоронах принца. Поэтому с тех пор их поют при погребении каждого императора*.

* Эти песни действительно до недавнего времени исполнялись при погребении императора. Последний случай — похороны императора Мэйдзи (1852—1912). Смысл же этих, как и ряда других стихов в этой легенде, неясен.

Ёродзу: «Я хотел показать свою храбрость».

Год 587. Власть при дворе уже в течение нескольких лет оспаривают две влиятельные семьи — Сога и Мононобэ. Умако, глава Сога, носит титул *о-оми*, «главного управляющего» и держит в руках всю придворную администрацию; Мория, глава Мононобэ, носит титул *омурадзи*, «великого главы кланов», являясь официально утвержденным императорским эдиктом «представителем» всех кланов при дворе. Оба пользуются примерно равной властью и влиянием. Естественно, что каждый пытается обойти другого. Очевидный и традиционный способ взять в свои руки все бразды правления — возвести на престол «своего» человека из императорской семьи. В четвертом месяце 587 г. умирает тридцать первый император Ёмэй, и сразу же после его смерти начинаются интриги. Мононобэ пытается возвести на престол принца по имени Анахобэ. О заговоре становится известно, и Умако немедленно расправляется с Анахобэ и его братом Якабэ. Семья Мононобэ, как свидетельствует фамилия, — «восный отряд», — является военным кланом, а также контролирует полицию. Однако, когда дело доходит до серьезного столкновения, ее власть над другими кланами оказывается недостаточной. Не получив поддержки от тех, на кого она рассчитывала, семья Мононобэ погибает за несколько дней. В восьмом месяце на трон как тридцать второй император Сусюн восходит принц Хацусэбэ, поддерживавший в ходе вооруженного столкновения Сога. Пять лет спустя Сога-но Умако, узнав, что император обижен на него, подсылает к нему убийцу, который погибает, как и император. История Ёродзу содержится в разделе о царствовании Сусюна в «Нихон сёки».

Слуга «великого главы кланов» Мононобэ-но Мория, Ёродзу из отряда ловцов птиц вместе со ста воинами охранял дом своего хозяина в Нанива. Услышав, что «великий глава» потерпел поражение, он вскочил на коня и всю ночь мчался к деревне Аримака в Тину. Он проехал мимо дома жены и спрятался на окрестном холме.

Императорский двор обсудил это дело и постановил:

«Ёродзу замышляет восстание. Поэтому он спрятался на холме. Немедленно уничтожить его родственников. В случае провала прощения не будет».

Ёродзу вышел один, одежда его была грязной и разорванной, а сам он выглядел истощенным, но держал в руках лук и меч. Командующий послал несколько сотен воинов, которые окружили Ёродзу. Встревоженный, Ёродзу спрятался в бамбуковых зарослях. Он привязал к стеблям бамбука веревки и, дергая за них, обманул воинов. Воины бросились вперед, туда, где качался бамбук, с криками: «Ёродзу там!» Ёродзу начал стрелять в них. Ни одна стрела не прошла мимо цели. Воины были испуганы и не осмеливались приблизиться к нему.

Затем Ёродзу отвязал от лука тетиву и, с луком под мышкой, побежал по направлению к холму. Воины стреляли в него через реку, но ни одна стрела не попала в цель. Потом один воин обогнал Ёродзу, притаился у реки, положил на лук стрелу и выстрелил. Стрела попала Ёродзу в колено. Он вытащил ее. Он вновь привязал тетиву к луку и начал стрелять. Затем лег на землю и закричал: «Я всегда защищал императора и хотел показать свою храбрость, государь никогда не просил меня поступать так. Теперь я окружен. Пусть выйдет тот, кто может говорить со мной! Я должен знать, намереваетесь вы убить или захватить меня».

Потом воины стали состязаться в стрельбе в Ёродзу. Ёродзу отбивал летящие стрелы и за короткое время убил более тридцати человек. Затем он разрубил мечом свой лук на три части, согнул меч и бросил его в реку. Потом он пронзил себе горло кинжалом и умер.

Губернатор Кауги подал императорскому двору доклад о том, как умер Ёродзу. Двор издал указ:

«Разрубить тело этого человека на восемь частей, насадить куски тела на копья и установить их в восьми провинциях».

Когда, исполняя приказ, губернатор Каути попытался разорубить тело на части и насадить на копья, раздались звуки грома и с неба хлынули потоки дождя.

У Ёродзу была белая собака. Она бегала около разорубленного тела хозяина взад и вперед и выла. Наконец, она схватила голову хозяина и положила ее в могилу. Затем осталась у изголовья могилы и лежала, пока не умерла от голода.

Губернатор Каути узнал о собаке и, озадаченный, отправил доклад ко двору. Двор выразил сожаление и издал сочувственный эдикт, в котором говорилось:

«Собака исполнила то, о чем мы редко слышим в мире. Пусть она будет примером для будущего. Позволить родственникам Ёродзу похоронить его и воздвигнуть гробницу».

Родственники Ёродзу воздвигли две гробницы около деревни Аримака и похоронили рядом его и собаку.

Отомо-но Якамоти: Умереть за нашего господина

Семья Отомо известна как один из древних военных кланов, хотя самые выдающиеся ее представители знакомы нам скорее только как поэты. Якамоти (716?–785) — последняя яркая звезда в уже клонящейся к упадку знатной семье. Он считается одним из лучших поэтов раннего периода и, возможно, был редактором великой поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), составленной во второй половине VIII в. При этом, благодаря своему происхождению, он занимал несколько военных постов, дослужившись до *дзисэцу сэйто сёгун*, «главнокомандующего покорением восточных земель». Повседневной обязанностью клана была охрана императорского дворца.

Как и большинство поэтов «Манъёсю», Якамоти писал лирические стихи. Однако, быть может потому, что его стихотворений включено в антологию больше, чем сочинений какого-либо другого автора, его поэзия представляет весьма широкий спектр тем и вариаций. В одном необычном стихотворении (№ 4049) говорится о том, что клан Отомо выражает решимость сохранить верность трону. Поводом для его написания послужило издание в первый день четвертого месяца 749 г. императорского постановления о первой находке в Японии золота. Новость удостоилась публичного одобрения императора потому, что на отливку статуи Великого Будды в Нара, начавшуюся за два года до этого, требовалось очень много меди и золота.

Пожалуй, что Якамоти подвигло на создание этого стихотворения не столько открытие золота, сколько желание напомнить об образцовой верности императору своего клана и близкого клана Сэаки. В указе, установленном перед строящейся гигантской статуей Будды, были приведены слова из одного из традиционных публичных обетов Отомо, начинающегося фразой «Отправляясь в плавание». Якамоти включил ее вместе с еще двумя цитатами в

свое стихотворение с незначительными изменениями. Эта клятва, измененная Якамоти, в 1880 г. была положена на музыку и стала церемониальной песней японского императорского флота.

Стихотворение написано в стиле *тёка* («длинная песня»). В ней модель 5—7 слогов повторяется три или более раз и заканчивается обычно, как и в данном случае, 7-сложной фразой. За *тёка*, как правило, следуют одна или более заключительных строф танка. Якамоти назвал свое стихотворение так: «Отмечаю императорский указ об открытии в Митиноку золота».

В той стране, где хороши
Тростниковые поля,
Где колосья счастья есть,
Там, спустившись вниз с небес,
Управлять стал на земле
Внук богов.
И вслед за ним
Много тысяч лет подряд
Государей длинный ряд
Власть приняв от божества —
Солнца в ясных небесах,
Долго правил на земле,
Век за веком без конца...
И в чудесной той стране,
В четырех ее концах,
Широки теченья рек,
Глубоки ущелья гор.
И богатств, что в дань несут
Государю своему,
Невозможно людям счастье
И нельзя их исчерпать.
Но при всем богатстве том
Удручен заботой был
Наш великий государь.
Всех людей к себе призвав,
Начал он в своей стране
Добрые дела вершить,

Но тревожился в душе
И мечтал: «Как хорошо
Золото бы нам найти!»
И как раз ему тогда
Доложили во дворце,
Что в восточной стороне,
Там, где много певчих птиц,
В Митиноку, в Ода, вдруг
Золото нашли в горах.
И прошла его печаль,
Стало на сердце светло.
«Боги неба и земли
Вняли, знать, моей мольбе.
Повелители земли —
Души предков — помогли.
То, что в давние века
Скрыто было от людей,
Обнаружили в земле
В век правленья моего», —
Клялся род Отомо так:
«Если морем мы уйдем,
Пусть поглотит море нас,
Если мы горой уйдем,
Пусть трава покрое нас.
О великий государь,
Мы умрем у ног твоих.
Не оглянемся назад».
И в стране те имена
Рыцарей былых времен
С древних пор
До сей поры
Славу светлую хранят,
О которой говорят
И другим передают
Без конца
Из века в век.
Мы же, дети тех отцов,
Славу их должны беречь.
Славный род Отомо наш,
Древний род Саэки наш

Службу важную несли.
И из века в век наказ
Был один навеки дан:
«Имя славное отцов
Берегите, сыновья,
И служите, как и мы,
Государю своему».
Так передавался нам
Каждый раз из века в век
Предков доблестный наказ.
Славный ясеневый лук
В руки мы свои возьмем,
Бранный острый славный меч
К бедрам прикрепим своим.
Утром будем сторожить,
Будем вечером стоять
Мы на страже во дворце —
Государя охранять.
Больше нет таких людей
Кроме нас,
Кто охранять
Сможет преданно,
Как мы.
Вход священный во дворец! —
Восклицаю нынче я,
Полный радости, узнав
Весть счастливую для нас,
Что в указе объявил
Нам великий государь,
И почтенья полон я.

[Перевод А. Е. Глускиной]

Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми: Поединок

Сражения в любую эпоху и в любой стране безжалостны. В древности в Японии, как и в прочих странах, существовал идеализированный ритуал, когда полководцы противостоящих друг другу армий решали исход сражения в личном поединке. Представленный ниже рассказ является самым старым из известных в Японии полных описаний подобных поединков. Он взят из «Кондзяку моногатари сю» («Собрание новых и старых историй»), т. 25, разд. 3.

Точные даты рождения и смерти двух героев неизвестны. Однако мы знаем, что Тайра-но Ёсифуми был племянником Масакадо (ум. 940), мятежника, поднявшего восстание и провозгласившего себя императором.

В коротком, но восхитительном рассказе, описывающем обмен посланцами перед битвой, есть один пробел. В оригинале утрачен кусок текста, и это не позволяет нам судить о том, что посланники сделали или не сделали с лошадьми. Я склоняюсь к тому, что они не пустили лошадей галопом, а не что они вообще были пешими.

В восточных землях когда-то жили двое воинов, Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми. Мицуру был известен как Минота-но Гэнни, а Ёсифуми — как Мураока-но Горо.

Оба они преуспели в бусидо. Но чем совершеннее становились они, тем более ненавидели друг друга. Это произошло потому, что злые языки передавали одному из них то, что сказал о нем другой. Так, кто-то сообщил Ёсифуми: «Господин, Мицуру говорил о вас: “Он не может вызвать меня на поединок, но перечит мне во всем. Это отвратительно”».

Услышав это, Ёсифуми отвечал: «Как он смеет говорить так? Я знаю все о его слабостях, о его мыслях. Я говорю ему: “Если вы на самом деле так думаете обо мне, выходите сражаться со мной в любом удобном месте”». И эти слова обязательно передавали Мицуру.

Поэтому, хотя оба воина были отважны и мудры, они, в конце концов, разгневались, ибо люди продолжали науськивать их, и отправили друг другу послание:

«Мы больше не можем говорить так друг о друге. Мы выберем день, найдем удобное место и сразимся, чтобы увидеть, кто лучше». Обменявшись письмами, они выбрали поле сражения и установили день, после чего обе армии начали готовиться к битве.

Когда назначенный день настал, армии собрались утром в условленном месте. В каждой из них насчитывалось 500-600 воинов, и каждый воин был готов отдать все свои силы и жизнь. Обе стороны стояли в ста ярдах друг от друга, выставив вдоль переднего края щиты.

Вскоре каждая сторона отправила воина с письмом, официально объявляющим войну. Как только воин возвращался в свой лагерь, противник, как установлено правилами, посылал ему вслед стрелы. Не нестись в этот момент, не уклоняться и не оглядываться, но спокойно возвращаться в свой строй считалось признаком отваги.

После этого обе армии подняли щиты и начали готовиться к стрельбе, когда Ёсифуми сказал Мицуру: «В сегодняшнем сражении не имеет смысла, чтобы наши воины стреляли друг в друга. Ведь вы и я хотели узнать, что каждый из нас может показать другому, не так ли? Если так, нет необходимости затевать стрельбу между вашими и моими воинами. Лучше каждому из нас выйти из ряда и выстрелить, показывая свое искусство. Что вы думаете?»

Услышав предложение, Мицуру ответил так: «Именно этого я и желал. Я немедленно выхожу».

Затем он выехал на коне из-за щитов и встал, положив на лук стрелу с раздвоенным наконечником.

Ёсифуми был доволен таким ответом и сказал своим воинам: «Я хочу состязаться в стрельбе из лука с ним одним, используя все свое мастерство. Оставьте дело мне и наблюдайте. Если я погибну, заберите мое тело и похороните».

Затем он один выехал на лошади из-за щитов. Оба воина поскакали навстречу друг другу, держа наготове луки, и сделали первый выстрел. Надеясь поразить врага второй стрелой, каждый натянул тетиву и выстрелил в тот момент, когда они мчались мимо друг друга. Проехав, они повернули лошадей и поскакали обратно.

И снова каждый натянул тетиву, хотя в этот раз они мчались навстречу, не стреляя. Проехав мимо друг друга, они вновь повернули коней и поскакали назад. Опять они натянули тетиву и прицелились. Ёсифуми прицелился в центр тела Мицуру и выстрелил. Но Мицуру, уклоняясь от выстрела, резко наклонился в сторону, почти упав с лошади, и стрела попала в рукоять меча.

Мицуру вновь сел в седло и выстрелил в центр тела Ёсифуми, но Ёсифуми увернулся, и стрела попала в пояс, на котором висел меч.

Когда воины вновь помчались навстречу друг другу, Ёсифуми закричал Мицуру: «Мы оба стреляем в центр тела. Теперь мы знаем, что можем показать друг другу, и это не так плохо. Вы знаете, что мы не старые враги, и потому давайте остановимся. Мы просто хотели бросить вызов друг другу. Мы не хотели убивать друг друга, не так ли?»

«Я согласен, — сказал Мицуру. — Мы увидели, что у нас есть, что показать друг другу. Остановиться сейчас будет правильно. Я уведу своих воинов».

И каждый из них увел свою армию.

Воинов охватил ужас, когда их хозяева мчались навстречу друг другу и стреляли из лука, и каждый из них думал: сейчас его убьют! Сейчас его убьют! Поистине, смотреть, как сражаются их хозяева, им было тяжелее, чем самим стрелять друг в друга. Поэтому развязка поначалу озадачила их, но потом они возликовали.

Таким путем следовали воины древности. После поединка Мицуру и Ёсифуми стали близкими друзьями и, не колеблясь ни мгновения, говорили друг с другом обо всем.

Минамото-но Мицунака: Обращение воина

Чувство вины за убийство птиц и зверей (но отнюдь не людей) совсем не обязательно обусловлено буддизмом, который появился в Японии в VI в. Тем не менее буддизм оказал воздействие на тех, кто, ощущая такую вину, отказывался от мирской жизни. В следующем эпизоде, взятом из «Кондзяку моногатари сю» (т. 19, разд. 4), обращение в буддизм воина Минамото-но Мицунака (913–997) описано с очаровательной насмешкой. Мицунака, достигший высокого положения и известный также как Тада-но Мандзю (китаизированное произношение его имени), жил в Тада, провинция Сэтцу. В некоторых официальных летописях он упоминается также и как поэт, и действительно, его стихотворение включено в третью императорскую антологию «Сюсю» (№ 334). Оно представляет собой ответ на стихотворение Киёвара-но Мотосукэ (908–990) по поводу отбытия последнего к месту службы — на должность губернатора провинции Хиго. Первые строки:

Сколько, как считаете, буду думать о вас
Когда мы, старики, уезжаем друг от друга?

Ответ гласил:

Вы правы, вам отправляться в дорогу,
А я остаюсь здесь ждать, как долго —
не знаю.

Среди тех, кто упомянут в рассказе, — Энью-ин, шестьдесят четвертый император Энью (959–991). Мидзуно — пятьдесят шестой император Сэйва (850–880), шесть сыновей которого положили начало шести семьям Минамото (в китайском прочте-

нии — Гэндзи). Одна из линий, начавшаяся с принца Садасуми, превратилась в славный военный клан, ибо его сын Цунэмото (917–961) стал главнокомандующим. По этой генеалогии Минамото традиционно называли Сэйва Гэндзи.

Монах Гэнкэн (977–1020), третий сын Мицунака, поначалу был известным воином-монахом, но стал набожным буддистом. Он также писал стихи и оставил после себя пятьдесят одно стихотворение.

В правление Энью-ина жил человек по имени Минамото-но Мицунака, занимавший пост Начальника Левых императорских конюшен. Сын губернатора Тикудзэн Цунэмото, он был несравненным воином, поэтому двор относился к нему с почтением, а знать, министры и высокие чины жаждали заполучить его на службу. Потомок императора Мидзуно, он был знатного происхождения. После долгих лет службы при дворе Мицунака достиг огромного влияния и заслуг, сравнимых лишь с теми, кто занимал должность губернатора в различных провинциях. В конце концов он стал губернатором Сэтцу. К старости он построил себе дом в Тада, что в Тэсима, в этой же провинции, где и жил.

У него было много сыновей, все они преуспели в бусидо, за исключением одного, который стал монахом. Его звали Гэнкэн, он был учеником Дзиндзэна из Иимуро* и жил в монастыре на горе Хиэй**. Однажды он посетил своего отца в Тада и был глубоко огорчен, видя, как тот убивает живых существ. Возвращаясь в Йокава, Гэнкэн остановился выразить почтение монаху Гэнсину*** и сказал ему:

«Мне очень больно видеть, как ведет себя мой отец. Ему уже больше шестидесяти и не так уж много ему осталось прожить. Но он по-прежнему выезжает летом на охоту с

* Дзиндзэн (943–990) — глава школы Тэндай, считался «самым просвещенным» буддистом своего времени.

** На горе Хиэй к северо-востоку от Киото находится храм Энряку, центр школы Тэндай.

*** Гэнсин (942–1017) — один из наставников школы Тэндай, написавший в 985 г. знаменитое сочинение «Одзэ ёсю» («Сущность избавления»).

сорока-пятидесятью ястребами и беспрестанно убивает живых существ. Держать летом ястребов — лучший способ отнимать жизнь.

Он ставит сети в реках и ловит множество рыбы. У него много орлов, которым он скармливает животных. Каждый день его люди ловят неводом рыбу в море. Он постоянно посылает людей с оружием охотиться на оленей. И все эти убийства он совершает в своей вотчине. Тех же, кого он убил в отдаленных местах, и не сосчитать.

Далее, если ему попадается кто-нибудь, перечавший его желаниям, он убивает его, как насекомое. Если человек совершил незначительное преступление, он отрубает ему руки и ноги.

Если он будет продолжать совершать так много грехов, то сколько же он будет страдать в будущих жизнях? Это очень печалит меня. Я думаю о том, как подать ему мысль стать монахом, но я слишком боюсь его и не могу найти возможности предложить ему это.

Почтеннейший, не были бы ли вы так добры убедить его войти в обитель? Как я говорил, сердце у него — как у демона, но я полагаю, что он серьезно отнесется к словам такого возвышенного и святого человека, как вы».

«То, что ты сказал, — замечательно, — ответил монах Гэнсин. — Если мы сможем убедить кого-нибудь подобного твоему отцу стать монахом, это само по себе будет добродетельным деянием. Кроме того, это убережет его от убийства многих живых существ, что породит бесконечное множество других добродетельных деяний. Я, конечно, попробую. Но мне будет тяжело сделать это самому. Подобную задачу я должен решить вместе с людьми, подобными Какууну и Ингэну*. Отправляйся первым в Тада и оставайся там. Потом приеду я с этими двумя людьми, сделав вид, что решил по нашим правилам навестить тебя во время путешествия. Увидев нас, изобрази суету и скажи своему отцу, что такие-то и такие-то святые почтенные люди, странствуя, приехали к тебе поговорить на религиозные темы.

Хотя у твоего отца сердце демона, он, безусловно, слышал о нас. Если он встревожится и рассердится на твои слова, скажи ему: «Эти святые люди не всегда спускаются с

горы, даже когда их приглашают к императору. То, что во время странствия они прибыли к нам — редкость». Затем убедил его: «Пожалуйста, используйте эту возможность, чтобы совершить что-то доброе, и попросите у них наставления. Если вы выслушаете их наставление, ваши грехи могут быть уменьшены, а жизнь — продлена». Если у нас появится возможность дать наставление, мы попытаемся убедить его стать монахом. И даже при случайной беседе мы сделаем все возможное, чтобы помочь ему понять, в каком положении он находится».

Обрадовавшись, Гэнкэн отправился назад в Тада.

Монах Гэнсин встретил двух людей и сказал им: «Я собираюсь в провинцию Сэтцу, чтобы исполнить такой-то замысел. Идите со мной». Оба ответили: «Это хорошая мысль». Так все трое отправились в Сэтцу.

Они шли два дня, и после полудня следующего дня добрались до окрестностей Тада. Они послали вестника с письмом: «Такие-то и такие-то желают видеть учителя Гэнкэна. Не воспользоваться такой возможностью нельзя, ибо они только что посетили священную гору Миноо».

Услышав, что сказал посланник, Гэнкэн приказал ему привести их. Затем он побежал к отцу и сказал ему: «Господин, святые люди прибыли из Иокава, чтобы посетить нас!»

«Что ты говоришь, сын?» — спросил губернатор. Убедившись в том, что услышал, он сказал: «Я также слышал, что это весьма достойные монахи. Я обязательно встречу с ними и выражу свое уважение. Какая радостная весть! Обращайся с ними должным образом! Приведи все в порядок!»

И сам он потерял покой и стал суетиться и хлопотать.

В глубине души Гэнкэн был очень рад. Он пригласил святых людей войти и провел их в роскошные, великолепные покои.

Губернатор передал святым людям через Гэнкэна: «Хотя мне следует немедленно посетить вас в ваших покоях, я боюсь, что это будет невежливо с моей стороны, ибо вы, наверное, устали с дороги. Поэтому могу я предложить, чтобы вы отдохнули и, может быть, приняли вечером ванну? Я же нанесу вам визит завтра. Могу я услышать ваше мнение, достойные?»

* Ингэн — 26-й наставник школы Тэндай.

«Мы возвращаемся с горы Миноо, где совершали поклонение, и хотели вернуться в обитель сегодня. Но, услышав ваши великодушные слова, мы хотели бы перед возвращением встретиться с вами».

Когда Гэнкэн принес такой ответ, губернатор был очень доволен.

«Трое человек, что почтили нас сегодня своим присутствием, — сказал Гэнкэн, — не приходят даже тогда, когда их вызывает император. Им случилось неожиданно посетить нас сегодня. Могу ли я предположить, что вы воспользуетесь этой возможностью и подарите им несколько буддийских сутр?»

«То, что ты сказал — замечательно, — ответил губернатор. — Я обязательно сделаю это».

Он нарисовал Будду-Амитабху и преподнес изображение святым людям. Затем он начал копировать текст «Лотосовой сутры» и послал сказать монахам: «Я решил воспользоваться возможностью исполнить и это. Могу я просить вас остаться, по крайней мере до завтра, чтобы ваши ноги могли немного отдохнуть?»

«Если так, мы с благодарностью последуем вашему предложению и отправимся в путь завтра», — ответили монахи.

Вечером губернатор приказал нагреть воду для купания. Приготовленная вода была такой изысканной и такой чистой, что ею невозможно было нахвалиться. Монахи провели всю ночь, с наслаждением купаясь.

К полудню следующего дня сутра была готова. Статуи Шакьямуни, которые губернатор, занятый своими несправедными делами, все не находил времени закончить, были завершены, и весьма искусно. Сразу после полудня губернатор приказал повесить сутру на южной стороне дома и отправил к монахам посланца сказать, что он готов.

Трое монахов вышли и совершили церемониальную службу, которую возглавлял Ингэн. Возможно, и для губернатора пришло время дать буддийский обет: во время проповеди Ингэна он громко расплакался. И он был не один такой. Все его воины, люди с сердцами демонов, тоже плакали.

Когда проповедь закончилась, губернатор подошел к трем наставникам и, официально встречая их, произнес: «Благодаря какой-то карме вам случилось неожиданно посетить меня и проповедовать добродетельные поступки. Быть может, это

означает, что пришло время и для меня. Прошли годы, и вот я уже стар. Я совершил бесчисленное множество грехов. Теперь я хочу стать монахом. Не были бы ли вы столь великодушны и не пробьете ли у нас еще два дня, чтобы я мог встать на путь Будды?»

«Очень приятно слышать то, что вы говорите, губернатор, — сказал монах Гэнсин. — Мы бы конечно были рады сделать то, о чем вы просите. Однако завтра благоприятный день, и для вас было бы лучше всего вступить на путь Будды завтра. Потом благоприятного дня не будет долго».

Гэнсин сказал так потому, что был уверен: такие люди склонны чувствовать себя набожными сразу после проповеди и говорить что-нибудь подобное. Но спустя несколько дней обязательно меняют свое мнение.

«В таком случае, может быть, вы поторопитесь и пострижете меня в монахи сегодня?» — спросил губернатор.

«Сегодня не благоприятный день для того, чтобы стать монахом, — сказал Гэнсин. — Подождите еще один день, и вы примете буддийский обет завтра рано утром».

Губернатор сказал: «Я буду более чем счастлив сделать это».

Затем, потирая от удовольствия руки, он вернулся в свои покои, призвал верных воинов и произнес: «Завтра я собираюсь принять обет. За все эти годы я ни разу не утратил пути воина. Я останусь на этом пути еще одну ночь. Помните об этом, и хорошо стерегите меня этой ночью».

Услышав от господина такие слова, воины ушли в слезах.

Затем четыреста или пятьсот человек, все в доспехах, вооруженные луками и стрелами, окружили дом губернатора тремя-четырьмя рядами. Всю ночь они жгли костры, а местность постоянно контролировали дозоры. Они сторожили своего господина так, что даже муха не смогла бы пролететь мимо них.

Шла ночь, и губернатор становился все более и более неуверенным в себе. Как только рассвело, он быстро умылся и попросил святых людей совершить службу и позволить ему стать монахом. Все трое с радостью согласились. Тем временем у ястребов, сидевших в клетках, перерезали привязь, и они взмыли в небо, подобно испуганным воронам. К ловушкам для ловли рыбы послали людей, чтобы порвать их. Из клеток

выпустили всех орлов. Затем послали людей за большими неводами для рыбы, которые затем разрезали перед домом на мелкие кусочки. Все доспехи, луки и стрелы, военные жезлы, хранившиеся в арсенале, были вытащены, собраны в кучу и сожжены.

Еще пятьдесят самураев, служивших губернатору долгие годы, приняли обет вместе с ним. Их жены и дети непрерывно плакали от горя.

Хотя принятие буддийского обета важно при любых обстоятельствах, этот случай был особенно достоин ликования. После того, как губернатор принял обет, наставники преподали ему в виде легко воспринимаемых притч еще более благородные истины, поэтому губернатор неистово потирал руки от радости и плакал.

Мы смогли передать ему добродетельное учение, думали святые люди. Но перед уходом мы должны сделать его чуть праведнее.

Поэтому они сказали: «Можно нам остаться еще на один день? Мы хотели бы отправиться послезавтра».

Переполенный радостью, новообращенный вернулся в свои покои. День подошел к концу.

На следующий день святые учителя сказали друг другу: «Мы пробудили в нем какие-то возвышенные чувства. Если мы сейчас доведем его до неистовства, мы сможем пробудить их еще более».

Собираясь обращать в веру губернатора, монахи принесли с собой одеяние бодхисаттвы и еще около десяти вещей. Теперь они спрятали несколько человек, умевших играть на флейте и сѣ*, и одели одного из них в костюм бодхисаттвы.

«Когда новообращенный придет к нам, — сказали им наставники, — мы поговорим с ним об учении. В это время вы начнете играть на флейтах и сѣ за тем холмом к западу от пруда, а затем выйдете, играя возвышенную музыку».

Когда музыканты исполнили все, что им сказали, новообращенный был восхищен и спросил: «Что это за музыка?»

* Музыкальный инструмент сѣ можно назвать восточным аналогом волынки, по крайней мере, внешне. В китайском инструменте было от 13 до 19 бамбуковых дудочек, в японском — 17. В Японии он по-прежнему используется во время исполнения дворцового танца гагаку.

Наставники сделали вид, что ничего не знают, и сказали: «Мы тоже удивлены. Возможно, это посланцы, приветствующие вас в раю. Вознесем же молитвы».

Зазвучал хор, состоящий из перемешивавшихся голосов наставников и десяти их учеников. Казалось, что новообращенный будет без конца потирать руки от радости. Затем кто-то открыл бумажную дверь комнаты, где находился новообращенный. И — о чудо — прямо на него шел бодхисаттва с золотым лотосом в руках. Увидев это и громко зарыдав, губернатор упал с веранды на землю и стал молиться. Наставники тоже почтительно вознесли молитвы. Вскоре бодхисаттва удалился вместе с играющими музыкантами.

Взобравшись обратно на веранду, новообращенный сказал: «Вы проявили необычайную добродетель. Я тот, кто убил бесчисленное множество живых существ. Я хотел бы искупить свои грехи. Построив буддийский зал, я прекращу совершать преступления и спасу жизни других существ».

И он начал строить зал. Наставники покинули Тада на следующее утро и вернулись на гору. Потом, когда зал был построен, совершили службу. Сегодняшний храм Тада — это множество залов, которые начали строить с того самого.

Фудзивара-но Ясумаса и Хакамадарэ: Присутствие духа

Вера в то, что великий человек может оказывать влияние на других людей без всяких слов и жестов, прекрасно отражена в одном из эпизодов «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 7), в котором описывается, как знатный человек победил знаменитого разбойника одной только силой духа.

О разбойнике Хакамадарэ («свисающее одеяние») сохранилось немного достоверных сведений. В свою очередь, о Фудзивара-но Ясумаса официальные летописи говорят как о знатном аристократе, занимавшем губернаторские посты в нескольких провинциях. Одно время он был женат на великой поэтессе и возлюбленной многих людей Идзуми, чьи любовные романы шокировали людей даже в ту эпоху, когда сексуальные нравы были весьма свободными. Интересно, что одно из стихотворений Идзуми, в заглавии которого упоминается Ясумаса («Сиика сю», № 239), адресовано другому любовнику.

Стихотворение самого Ясумаса также включено в императорскую антологию «Госюи сю» (№ 448). Как поэт он явно не может сравниться с Идзуми, зато как воин он оказался сильнее самого знаменитого разбойника тех дней. Он прославился и как жестокий правитель, ибо известно, что в 1028 г., когда он служил губернатором Ямато, один священнослужитель подал на него жалобу, осуждая слишком суровую политику в управлении провинцией.

Любопытно, что брат Ясумаса, Ясусукэ, тоже пользовался дурной славой разбойника и не стеснялся никаких способов, чтобы заманить в ловушку и убить продавцов оружия, одежды и других ценных вещей. В «Удзи сюи моногатари» («Истории, собранные в Удзи») говорится, что он так и остался безнаказанным, но официальные хроники утверждают, что он покончил с собой после того, как был арестован и посажен в тюрьму.

О его отце Мунэтада, который упоминается в конце рассказа, известно, что в восьмом месяце 999 г. он убил сына губернатора и его воинов. Когда начальник императорской внутренней службы пришел допрашивать его, он спокойно признал свою вину и был сослан на остров Садо.

Когда-то жил человек, которого можно назвать «главарем» всех разбойников и который носил имя Хакамадарэ. Он был умен и крепок телом, отличался быстротой ног, проворностью рук и мудростью в замышлении интриг. Никто не мог сравниться с ним. Он занимался тем, что грабил состоятельных людей, когда они были без охраны.

Однажды, в десятом месяце, у него не оказалось одежды, и он решил где-нибудь ее раздобыть. Он отправился в подходящее место и стал озираться по сторонам. Около полуночи, когда все люди уже спят, в проблесках лунного света он увидел медленно прогуливающегося человека в богатых одеждах. Его рубашка была подвязана тесемками, а поверх нее был надет охотничий костюм, мягко облегавший тело. Он медленно шел, наигрывая на флейте, и, видимо, никуда не торопился.

О, подумал Хакамадарэ, да он просто жаждет поделиться со мной своей одеждой. В таких случаях он обычно радостно вскакивал, мчался к своей жертве, валил ее и снимал одежду. Но на этот раз он вдруг почувствовал, что жертва внушает ему какой-то страх, поэтому он проследовал за ней пару сотен ярдов. Казалось, человек не замечал, что за ним кто-то идет. Наоборот, он продолжал играть на флейте, которая звучала еще нежнее.

Пусть-ка он покажет себя, сказал себе Хакамадарэ, и подбежал поближе, стараясь стучать ногами как можно сильнее. Человек, тем не менее, ничуть не обеспокоился. Он просто обернулся, продолжая играть на флейте. Прыгнуть на него было невозможно. Хакамадарэ отскочил назад.

Хакамадарэ несколько раз пытался приблизиться, но человек оставался таким же невозмутимым. Хакамадарэ понял, что имеет дело не с простым человеком. Когда они прошли уже около тысячи ярдов, Хакамадарэ решил, что так больше продолжаться не может, выхватил свой меч и бросился впе-

ред. На этот раз человек перестал играть на флейте и, обернувшись, сказал: «Что ты делаешь?»

Хакамадарэ едва ли был бы поражен больше, даже если бы на него одного бросился демон или божество. Необъяснимым образом он утратил и разум, и мужество. Исполненный смертельного страха, он, против своей воли, упал на четвереньки.

«Что ты делаешь?» — вновь спросил человек. Хакамадарэ почувствовал, что ему не спастись, даже если он попытается это сделать. «Я хочу ограбить вас, — выпалил он. — Меня зовут Хакамадарэ».

«Да, я слышал, что есть человек с таким именем. Опасный, необычный человек, мне говорили», — так сказал незнакомец и вдруг просто произнес: «Идем со мной». Он продолжил свой путь, и вновь зазвучала флейта.

Испуганный, как будто он имеет дело не с человеческим существом, словно одержимый демоном или божеством, Хакамадарэ последовал за ним, окончательно замороженный. Наконец, человек вошел в ворота, за которыми виднелся большой дом. Сняв обувь, он вступил на веранду и вошел внутрь. Пока Хакамадарэ думал, что человек, должно быть, хозяин этого дома, тот вернулся и позвал разбойника. Он дал ему одежду из толстой хлопковой пряжи и сказал: «Если тебе впредь понадобится что-нибудь подобное, приходи ко мне и скажи. Если же будешь кидаться на того, кто не знает твоих намерений, можешь обжечься».

Позже Хакамадарэ узнал, что дом принадлежит губернатору Сэтцу Фудзивара-но Ясумаса. Когда его поймали, он сказал: «Это необычайно таинственный, устрашающий человек!»

Ясумаса не был самураем по семейной традиции, ибо он был сыном Мунэтада. Однако он ни в малейшей степени не был слабее наследных самураев. Он отличался острым умом, быстрыми руками и необычайной силой. Он также был непостижимым в замыслах и интригах. Поэтому даже императорский двор мог чувствовать себя в безопасности, приняв его на службу. Весь мир опасался его и был запуган им. Некоторые люди говорят, что он не оставил потомства, ибо вел себя как воин, хотя и не принадлежал к самурайскому дому.

Мураока-но Горо и Хакамадарэ: Знать, когда быть настороже

Самурай должен знать, когда нужно быть настороже, а когда нет. Это правило иллюстрируется еще одним эпизодом из жизни знаменитого грабителя Хакамадарэ, который приводится в «Кондзяку моногатари сю» (т. 29, разд. 19).

Некоторые ученые считают, что Мураока-но Горо, чье официальное имя — Тайра-но Садамити, на самом деле — Тайра-но Ёсифуми, который фигурирует в приведенном выше рассказе «Поединок».

Застава Осака — контрольный пост на горе Осака между нынешними Сига и Киото. Говорят, что его установили в 646 г. и убрали в 814 г. В то время он считался «восточными воротами» Киото. Ко времени создания рассказа от него осталось лишь название, хотя само место было известно как *ута-макура*, «поэтическое место». Самое известное стихотворение об этой заставе приписывается Сэмимару, легендарному музыканту, виртуозно владевшему игрой на люте-бива. Оно включено во вторую императорскую антологию «Госэн сю» (№ 1090). В нем обыгрывается слово «Осака», буквально означающее «встреча холм».

Вот так происходит: и те, кто идут вперед,
и те, кто возвращаются,
И друзья, и незнакомцы встречаются
на заставе Осака!

За свои злодеяния разбойник Хакамадарэ однажды был схвачен и посажен в тюрьму. Но по объявленной императором амнистии его вскоре выпустили. Остановиться ему было негде, и, так ничего и не придумав, он отправился к заставе

Осака, скинул с себя всю одежду и совершенно голым лег у дороги, прикинувшись мертвым.

Прохожие, видя его, подходили и суетились, приговаривая: «Как же он умер просто так, на земле? На нем нет ни ран, ни чего-нибудь еще!»

Со стороны Киото на великолепной лошади ехал воин, вооруженный луком и стрелами, в сопровождении множества солдат и слуг. Увидев, что собралась толпа и на что-то смотрит, он остановился, подозвал слугу и приказал ему выяснить, в чем дело. Вскоре слуга вернулся и сказал: «Господин, там лежит мертвый человек, но на нем нет ни ран, ни других следов!»

Только он закончил говорить, как воин приказал своим людям соблюдать порядок, положил на лук стрелу и поехал вперед, осторожно поглядывая на мертвого.

Люди, видевшие это, захлопали в ладоши и засмеялись: «Воин, у которого в сопровождении столько солдат и слуг, сталкивается с мертвым и пугается! Какой же он великий воин!» Они продолжали потешаться и смеяться над ним, пока он не скрылся из виду.

Вскоре, когда все люди разошлись и около мертвого человека никого не осталось, проезжал верхом другой воин. У него не было ни солдат, ни слуг, он был вооружен лишь луком и стрелами. Он неосторожно подъехал к мертвецу.

«Несчастный! Как же он умер так, на земле! Ведь на нем нет ран», — сказал он и ткнул мертвеца кончиком лука. Вдруг мертвец схватил лук, вскочил и сбил воина с лошади. «Вот как ты отомстишь своим предкам!» — закричал он, выхватил у воина меч и заколол его.

Затем он сорвал с воина одежду, надел на себя, поднял лук и колчан, вскочил на лошадь и стремглав полетел на восток. Затем он встретился еще с десятью или двадцатью людьми, так же, как и он, выпущенными из тюрьмы. Грабя каждого встречного на дороге и отнимая у него одежду, лошадь, лук, стрелы, доспехи и все остальное, он одел и вооружил своих людей. Когда он и его двадцать-тридцать людей ехали из Киото обратно, ему не встретился ни один человек, с которым он не смог бы совладать.

Человек, подобный Хакамадарэ, может поступить точно так же и с тобой, если ты хоть чуть-чуть утратишь бдительность. Если не найдешь ничего лучшего, как приблизиться к

нему настолько, что он может дотронуться до тебя, как же он не схватит тебя?

Когда люди разузнали о первом всаднике, проехавшем мимо в полной готовности, оказалось, что это был сам Мураока-но Горо, более известный как Тайра-но Садамити. Тогда люди поняли, почему он так поступил. У него было много вооруженных людей и слуг, но он знал то, что знал, и не позволил себе потерять бдительность. Он поступил мудро.

В отличие от него, воин без слуг и сопровождающих, подъехавший слишком близко и убитый, был глупцом. Поэтому люди превозносили одного и осуждали другого.

Тайра-но Корэмоти, генерал Ёго: «Вы принесли его голову?»

Фудзивара-но Санэката (ум. 998), упоминающийся в самом начале следующей истории, включенной в «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 5), был человеком аристократического происхождения. Его назначение губернатором Муцу в 995 г. оказалось, согласно другой истории «Кондзяку» (т. 24, разд. 37), полностью «неожиданным». Муцу для центральных властей Киото была тем же самым, что и Аризона или Южная Дакота для жителей восточного побережья США сто лет назад — отдаленной, смутно определяемой и варварской землей. А реакция аристократа на назначение губернатором такой провинции может быть средни реакции члена Верховного суда Новой Англии в XIX в., которого послали бы исполнять обязанности окружного судьи в одном из западных штатов США, хотя в компетенцию губернатора входило и не только вынесение приговоров. Вот почему назначение Санэката породило столько разговоров. Говорили, что причиной временного устранения Санэката от двора — это и было главной целью, ибо он умер на посту губернатора — явился его необузданный нрав. Однажды он затеял спор с аристократом Фудзивара-но Юкинари (972–1027), сорвал с головы Юкинари убор и бросил его во внутренний дворик. Юкинари, считавшийся одним из трех величайших каллиграфов своего времени, приказал слуге поднять головной убор. Спокойно смахнув с него пыль и снова надев, он пробормотал: «Знатный человек, а такие ужасные манеры!»

Император Итидзэ (980–1011), наблюдавший за сценой из-за прозрачной шторы, отделявшей его ото всех, решил назначить Юкинари начальником императорского секретариата, а Санэката — губернатором Муцу. Он объяснил, что Санэката может научиться придворным приличиям, находясь в Муцу, ибо ее второе благозвучное название, Митиноку, на самом деле было *ута-макура*, «названием поэтического места». Удивительно, как

пятнадцатилетний император мог дать подобное объяснение, исполненное тонкости и иронии. Многие места, названия которых были «поэтическими», находились на окраинах страны, а «поэтическими» они становились только в воображении поэта. Вот одно из самых известных стихотворений, в котором упоминается Митиноку:

Краска с клевером и папоротником,
из Митиноку —
Кто еще мог бы так взволновать меня?*

О Фудзивара-но Морото мы не знаем почти ничего, за исключением того, что он был «врагом генерала Ёго», как говорят некоторые источники. Однако его дед, Фудзивара-но Хидэсато, также известный как Тавара-но Тота, прославился тем, что убил чудовище и, что более реально, мятежника Тайра-но Масакадо. Легенда гласит, что когда Хидэсато отправился к Масакадо, якобы желая стать его союзником, обрадованный Масакадо устроил в честь него пир. Во время пира Масакадо беспечно смахнул рис, который уронил себе на одежду, вместо того чтобы приказать сделать это слуге. Увидев поступок Масакадо, Хидэсато решил, что тому не суждено быть великим вождем.

Но обратимся к рассказу.

Когда военачальник Санэката был назначен губернатором Муцу и прибыл к месту службы, все знатные воины потчевали его и служили ему днем и ночью так, как никому из его предшественников, ибо он был аристократом благородного происхождения.

В той же провинции жил человек по имени Тайра-но Корэмоти. Он был старшим сыном Канэтада, губернатора Кадзуса, который был сыном Сигэнари, губернатора Мусаси,

* Автор стихотворения — Минамото-но Тору (822–895), известный тем, что в своем саду соорудил модель Сиогама, еще одной ута-макура в Муцу. Стихотворение, включенное в «Кокинсю», основывается на причудливом образе: краски, в которые добавляют клевер и папоротник, необычны и поэтому «волнуют». Подразумевается «кто еще, кроме тебя».

который, в свою очередь, являлся младшим братом воина Тайрано Садамори, губернатора Тамба. Когда брат его деда, Садамори, усыновил всех своих племянников и их сыновей, Корэмоти был еще очень юным и стал пятнадцатым усыновленным, поэтому и получил прозвище «Ёго»^{*}.

Жил еще один человек по имени Фудзивара-но Морото. Он был внуком воина Тавара-но Тота Хидэсато. Его также называли Савамата-но Сиро.

Эти двое, поссорившись из-за нескольких маленьких полей и угодий, обратились к губернатору. Каждый из них доказывал свою правоту. Оба приводили в свою пользу веские доводы и были знатного происхождения, и губернатор все никак не мог разрешить спор, пока, наконец, он не умер три года спустя. Однако тревоги и гнев обоих не прекратились, и они продолжали доставлять друг другу неприятности. К тому же злые языки передавали то, что один якобы говорил про другого, и выдумывали ужасные вещи. Так, хотя поначалу они были добрыми друзьями, их отношения все ухудшались, ибо каждый говорил все чаще и чаще: «Так вот он что говорит обо мне», или: «Как он мог сказать такое обо мне?» В конце концов они послали друг другу ультиматум — дело оборачивалось серьезно.

Было решено, что оба выстроят своих воинов и будут сражаться. Они отправили друг другу письма, чтобы определить день битвы, и договорились встретиться в условленном месте. Корэмоти собрал около 3000 воинов, а Морото — значительно меньше, чуть больше 1000. Поэтому Морото уклонился от сражения и двинулся в провинцию Хитати. Услышав об этом, Корэмоти сказал: «Так и должно быть. Он не смог бы даже сразиться со мной». Он похвалялся несколько дней, хотя и продолжал какое-то время держать своих воинов настороже. Но по прошествии времени они стали собираться домой, каждый говорил: «У меня есть дела». Опять-таки, некоторые из тех, кто любят вмешиваться, когда не надо, а особенно те, кто хотели без помех отправиться домой, говорили, пытаясь угодить Ёго:

«Господин Савамата не захотел вступать в бесполезное сражение. К тому же воинов у него намного меньше, чем у вас».

* «Пятнадцать» звучало как «десять и пять», ёго.

Спор между вами двумя беспочвен, если позволено будет сказать так, господин. Люди говорят: «Господин Савамата находится в Хитати и Симоцукэ»».

Найдя эти слова убедительными, Ёго отпустил своих воинов домой и ослабил охрану.

Но в первый день десятого месяца, около двух часов утра Ёго разбудили водяные птицы, обитавшие у большого пруда перед домом. Ёго немедленно закричал своим слугам:

«Должно быть, идут воины врага! Птицы подняли такой шум! Воины, хватайте луки и стрелы! Седлайте коней! Пошли-те кого-нибудь в смотровую башню!»

Затем он приказал одному из воинов сесть на лошадь и сказал ему: «Скачи вперед и узнай, что там происходит».

Воин вернулся почти сразу же. «Господин, на поле к югу на протяжении четырехсот-пятисот ярдов видны черные фигуры воинов, я не могу сказать точно, сколько их!»

Ёго произнес: «Враг напал внезапно. Мне конец, но я сумею умереть достойно».

Он собрал воинов в несколько отрядов, в каждом из которых было четыре-пять всадников, приказал им выставить щиты и стать на дороге, по которой должен был прийти враг. В доме же осталось всего около двадцати человек, знатных и низких, с луками и стрелами.

Должно быть, он слышал, что я ослабил охрану, поэтому он и напал внезапно. У меня нет возможности остаться в живых, подумал Ёго и велел жене, служанкам и маленькому ребенку бежать к холму позади дома и укрыться там. Ребенок впоследствии стал Саэмон-но Таю Сигэсада.

Отправив их, Ёго успокоился. Он успевал повсюду и отдавал приказы. Воины врага, подойдя к дому, окружили его и начали атаку. Люди Ёго защищались, но их было слишком мало, чтобы дать достойный отпор.

Воины Савамата подожгли дом. Когда кто-то пытался выбегать, все воины разом стреляли в него, поэтому многие остались в доме и погибли, извиваясь словно черви.

Наконец наступил рассвет. Воины Савамата не позволили бы ускользнуть ни одному человеку. Те, кто находился в доме, были или застрелены, или сгорели заживо. Когда огонь погас, воины вошли в дом и насчитали около восьмидесяти тел сгоревших людей и детей. Они искали тело Ёго, упорно пере-

ворачивая все трупы подряд, но многие обгорели так, что в них не осталось ничего человеческого.

Что ж, подумал Савамата, мы убили всех, не дав уйти даже собакам. Я уверен, что Ёго мертв. Он приказал уходить. Его потери составили от двадцати до тридцати человек, одни были убиты, другие ранены, так что их пришлось везти обратно на спинах лошадей.

Возвращаясь назад, он остановился у дома человека, которого звали Великий Принц. Сын Фудзивара-но Корэмита, губернатора Ното, Великий Принц был мудрым и храбрым воином, настолько решительным и хитрым, что у него не было врагов. Все уважали его. Савамата, который был женат на сестре Великого Принца, остановился у него, надеясь накормить своих воинов и дать им отдохнуть после беспощадной ночной битвы.

Поприветствовав Савамата, Великий Принц сказал: «Я восхищен, каким великолепным способом вы расправились с Ёго. Он был очень умен и энергичен, и я никак не ожидал, что вы поймаете его в собственном доме и убьете. Я надеюсь, что вы убедились в том, что он мертв, отрубили ему голову и привезли ее сюда, привязанной к седлу. Позвольте мне увидеть ее».

«Господин, вы говорите глупость, если мне будет позволено сказать так, — ответил Савамата. — Мы заперли его в собственных владениях и заставили сражаться. И он сражался, отдавал громкие приказания, метаясь повсюду на своей лошади. Когда рассвело, мы могли видеть любого, кто попытался бы бежать, но мы не позволили спастись и мухе. Некоторые были застрелены, остальные — заперты в доме и сожжены. Затем мы убили всех, кто еще мог стонать. Зачем же мне везти с собой такую отвратительную вещь, как обугленная голова? Не может быть никаких сомнений, господин, что мы убили его».

Он произнес это победным тоном, довольный, сложив руки на груди.

«Да, я понимаю, почему вы говорите так, — сказал Великий Принц. — Но зная, каков этот старый хитрец, я чувствовал бы себя намного спокойнее, если бы голова Ёго была привязана к вашему седлу. Иначе, кто знает, что может случиться. Я говорю это потому, что хорошо знаю, как работает его ум. Если вы останетесь здесь даже на короткое время, я

буду чувствовать себя в опасности. Ведь в моем почтенном возрасте опасно сражаться с кем-либо из-за пустяков, как делаете вы. За свою жизнь я встречал многих людей и всеми силами старался не вступать в сражение, подобное этому. А теперь — пожалуйста! Немедленно покиньте мой дом!»

С этими словами он безжалостно прогнал Савамата. Савамата же привык почитать Великого Принца как отца и был готов уйти, как ему было сказано.

«Я сейчас же прикажу приготовить все, что вам нужно, — сказал Великий Принц. — А пока немедленно покиньте это место. И подумайте обо всем».

«Жаль. Впрочем, он на самом деле старый и мудрый человек», — сказал себе Савамата, втайне усмехаясь, но уехал со своими людьми.

Проехав несколько сотен ярдов, они увидели в поле холмик, к западу от которого протекал ручей. Все остановились около ручья и спешили со словами: «Отдохнем здесь».

Они складывали луки, стрелы и другое оружие, когда слуги, посланные Великим Принцем, принесли десять больших бочонков с сакэ, несколько лоханей суси, рыбу и птиц, все вплоть до уксуса и соли. Первым делом они подогрели сакэ и стали пить, каждый из своего кубка. Все были очень утомлены, ибо начали готовиться к битве накануне вечером и сражались до позднего утра. Быстро выпив по несколько чашек сакэ на пустой желудок, чтобы утолить жажду, они сильно опьянели и заснули мертвецким сном. Великий Принц послал также сухой травы, фуража и соевых бобов для лошадей. Они сняли седла, убрали уздечки и оставили лошадей на привязи. Лошади съели слишком много и улеглись рядом с людьми.

Ёго метался по своему дому до рассвета, отдавая приказы и убив много врагов, пока у него не осталось только несколько воинов, а сам он не выпустил все стрелы. Тогда он решил, что сражаться дальше бесполезно. Он надел верхнее платье погибшей женщины и собрал на голове волосы, как у служанки. Спрятав под одеждой меч, он, скрываясь в клубках дыма, выскочил и бросился в пруд к западу от дома. Затем он осторожно отплыл к зарослям тростника и оставался там, держась за корни плакучей ивы.

Когда дом сгорел, воины Савамата ворвались в него и сосчитали тех, кто погиб от стрел и от огня. Ёго слышал, как

один из них громко спрашивал: «Где голова Ёго, будь он проклят?» — а двое отвечали: «Здесь!» или: «Нет, здесь!» Вскоре они уехали.

Когда, по его расчетам, они удалились на пару миль, прискакали от тридцати до сорока его воинов. Полагая, что их господин среди сгоревших, они громко плакали.

Когда Ёго увидел, что уже вернулось около пятидесяти-шестидесяти всадников, он закричал: «Я здесь!»

Услышав его голос, воины соскочили с коней и заплакали не менее громко, чем в первый раз, — теперь уже от счастья. Когда он выбрался на землю, его воины послали своих слуг домой — кто-то принес одежду, кто-то еду, кто-то — луки, стрелы и другое оружие, кто-то привел лошадей и взял седла.

Ёго облачился в одежду, немного поел и сказал: «Когда этой ночью на меня напали, я сначала подумал о том, чтобы укрыться среди холмов и спасти свою жизнь. Но я не хотел оставаться в памяти людей человеком, который бежал, поэтому поступил так. Итак, что, вы думаете, мы будем делать?»

«У него намного больше воинов, четыresta-пятьсот человек, — сказали его люди. — А у нас лишь около шестидесяти. Господин, таким малым числом мы не сможем сейчас ничего сделать. Вам следует собрать большую армию и затем уж сражаться».

«То, что говорите вы, конечно, правильно, — сказал Ёго. — Но вот что думаю я. Если бы я остался в доме, то сгорел бы заживо и не сидел бы здесь перед вами. Но я бежал, и потому не считаю себя живым. Если бы я показался перед вами в таком виде в другой день, это было бы позором для меня. Меня не интересует моя жизнь.

Поэтому вы собирайте армию и сражайтесь. Что касается меня, то я отправлюсь в его дом. Он полагает, что я заживо сгорел. Я покажу ему, что жив, и выстрелю в него по крайней мере один раз, прежде чем умру.

Вот что думаю я. Если я не сделаю этого, то разве не будут стыдиться меня мои будущие потомки? Я не хочу и думать о том, чтобы собрать армию и убить его позднее. Если вы не хотите рисковать своими жизнями, не нужно. Я отправлюсь один».

Сказав так, Ёго вскочил на коня и собрался уезжать один. И тогда даже те воины, которые предлагали отложить

сражение, сказали: «Он прав. Больше об этом нечего говорить. Едем за ним».

«Я могу уверить вас в одном, — произнес Ёго. — Эти негодяи устали после ночного сражения и, должно быть, спят где-нибудь у ручья, или на солнечном склоне холма, или в дубовой роще неподалеку. Лошади их тоже наверняка расседланы, наелись и отдыхают. Луки не натянуты. Если мы нападём на них с громкими криками, то будь их даже тысяча, они ничего не смогут поделать. Если мы не сделаем этого сегодня, другого дня не будет. Те из вас, кто не хочет рисковать жизнью, оставайтесь без колебаний».

На нем был плащ цвета индиго поверх рубахи и охотничья шапочка из тростника. В колчане за его спиной было около тридцати стрел с двойными наконечниками, а в руках — большой лук, частично покрытый кожей. Меч у него тоже был совершенно новый, а лошадь — в «семь дюймов»*, с брюхом каштанового цвета: великолепный скакун, который мог двигаться и вперед, и назад по воле седока.

Он пересчитал своих людей: свыше семидесяти всадников и свыше тридцати пеших, всего более сотни. Наверное, те, кто жил рядом, сразу узнали, что случилось, и примчались, до других же весть еще не дошла и они должны были прибыть позже.

Они двинулись по следу Савамата. Когда они проходили мимо дома Великого Принца, Ёго послал предупреждение: «На Тайра-но Корэмоти напали прошлой ночью, но он остался жив».

Великий Принц, и прежде полагавший, что это вполне вероятно, держал в доме два десятка воинов, двое из которых находились в смотровой башне. Ворота же были наглухо заперты. Посланец Ёго, получивший приказ не отзывать, передал предупреждение и сразу же отправился обратно.

Великий Принц спросил одного из дозорных: «Скажи мне, что ты видел? Ты внимательно смотрел?»

«Да, господин. В ста ярдах от нас по дороге быстро проехало около ста воинов. Они буквально улетели прочь,

* В среднем в Японии рост лошадей в ту эпоху не превышал 4-х футов. Рост же более высоких коней обозначали числом, на которое он превосходил 4 фута. Таким образом, «7 дюймов» — это 4 фута и 7 дюймов.

господин. Один из них ехал на большой лошади, на нем были плащ цвета индиго поверх желтой рубахи и охотничья шапочка. В нем было что-то величественное, и я догадался, что это командующий отрядом, господин».

«Это, должно быть, сам Ёго, — сказал Великий Принц. — Лошадь его. Я слышал, что это великолепный скакун. Если он нападает на такой лошади, кто может сопротивляться ему? Савамата суждено умереть плохой смертью. Он думает, что я сказал ему пустые слова; он ясно дал понять, что все сделал так, как нужно. Должно быть, он лежит где-то неподалеку от холма, утомленный сражением. Если Ёго нападет на него, все его люди погибнут. Можешь быть уверен — я тебе это говорю. Держи ворота наглухо закрытыми и не издавай ни звука. Возвращайся обратно в башню и следи за тем, что происходит».

Ёго послал вперед отряда одного из воинов, чтобы узнать, где Савамата. Воин вскоре вернулся и сказал: «Они едят и пьют на поле к югу от холма, здесь рядом. Некоторые лежат, другие кажутся больными».

Ёго был рад услышать это. Он отдал приказ нападать немедленно и сам помчался вперед, словно на крыльях. Он взобрался на холм по северному склону и затем с вершины бросился вниз по ровному южному склону. Закричав на вершине холма во всю силу легких и нещадно подгоняя лошадей, как в *касагакэ*^{*}, воины бросились в атаку.

Только сейчас Савамата-но Сиро и его люди вскочили на ноги и увидели их. Некоторых попытались схватить луки и стрелы, другие — надеть доспехи. Некоторые пробовали седлать коней. Кто-то оступился и упал в страхе. Часть бросилась бежать, оставив свои луки и стрелы. Некоторые схватили

щиты и пытались сражаться. Лошади, перепуганные и сорвавшиеся с привязи, метались повсюду, страшно хрипя, так что никто не мог поймать их и накинуть уздечку. Некоторые лошади сбросили седоков и умчались прочь. Во время паники было застрелено от тридцати до сорока человек. Кое-кто бежал, даже не помышляя о том, чтобы вскочить на лошадь и сражаться.

Савамата погиб, и ему отрубили голову. Затем Ёго повел своих воинов к дому Савамата. Люди Савамата думали, что это возвращается их хозяин после победы в сражении. Довольные, они начали выносить еду, когда вдруг ворвались воины Ёго, подожгли дом и стали стрелять в каждого, кто пытался сопротивляться. Ёго послал в дом своих людей и приказал привести жену Савамата и ее служанок. Он заставил ее сесть на лошадь и одеть итимэгаса, чтобы никто не мог видеть ее лица. Служанку заставили одеться точно так же. Обе сидели рядом с Ёго на лошади, когда он приказал своим воинам поджечь все дома.

«Не трогайте женщин, ни знатных, ни низких, — сказал он своим воинам. — Но убивайте всех мужчин, которых увидите».

Они стреляли из луков в каждого мужчину. Иногда кто-то из тех, в кого попали стрелы, вскакивал и пытался бежать.

К вечеру все дома были сожжены, и Ёго ушел. Возвращаясь назад, он подошел к воротам дома Великого Принца и прокричал: «Я не буду входить. Я не сделал ничего, позорящего жену господина Савамата. Зная, что она ваша сестра, я решил привести ее к вам».

Великий Принц был рад услышать это, отворил ворота и забрал свою сестру, жену Савамата. Затем он передал, что женщина у него. Когда посланец вернулся с известием, Ёго направился к своему дому.

После этого случая слава Ёго разнеслась по восьми восточным провинциям, и люди стали говорить о нем как о несравненном воине. Потомки его сына, Саэмон-но Таю Сигэсада, ныне пользуются почетным правом служить императору.

* *Касагакэ*, «подвешенная шапка» — игра, в ходе которой соревнуются в стрельбе из лука со скачущей лошади. Первоначально в качестве мишени использовали шапки из тростника, отсюда и название. Аналогичная игра, в которой мишень двигалась, называлась *тшун*, «охота на собаку», по всей видимости потому, что мишенью была собака. В обеих играх использовали стрелы хикимэ. У таких стрел был тупой деревянный наконечник, чтобы не повредить мишень; кроме того, в древке делали отверстия, так что стрела в полете издавала свистящий звук. Такие стрелы также применялись в спортивных состязаниях и при исполнении некоторых ритуалов.

Канэтага и Корэмоти: Смысл мести

Воины убивали и воинов убивали... Месть нередко становилась и значимой составной частью жизни самурая, и предметом размышления. Следующий эпизод из «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 4) является одним из самых ранних подробных описаний отмщения за смерть отца. Он примечателен тем, что в нем подробно обосновывается необходимость наказания отцеубийцы. Стоит отметить, что сама идея расплаты за смерть отца, пришедшая из Китая, отнюдь не превалировала в описываемый период. Рассказ о генерале Ёго, или Тайра-но Корэмоти, появляется в истории перед данным повествованием.

Когда-то губернатором Кадзуса был человек по имени Тайра-но Канэтага, сын Сигэмоти, младшего брата воина Тайра-но Тадамори. Пока Канэтага служил губернатором в провинции Кадзуса, его сын, генерал Ёго, находившийся в провинции Муцу, отправил ему послание: «Господин, я так долго не видел вас. Сейчас, когда вы стали губернатором Кадзуса, могу ли я приехать и поздравить вас?» Канэтага был рад услышать такие слова. Он сделал необходимые приготовления для приема гостя и стал ждать. В назначенное время Корэмоти прибыл, и люди в доме Канэтага преисполнились радости.

Случилось так, что в это время Канэтага простудился и не смог выйти и поприветствовать Корэмоти. Он лежал за занавеской, и маленький самурай, к которому он особенно благоволил, массировал ему бедра. Пока оба они находились на передней веранде, беседуя о том, что произошло за минувшие годы, несколько лучших воинов Корэмоти, вооруженные луками и стрелами, выстроились в линию в саду.

Первым стоял человек, которого звали Тароносукэ. Ему было около пятидесяти, он отличался решительностью и силой. Еще у него была длинная борода и устрашающий взгляд. Все выдавало в нем хорошего воина. Заметив его, Канэтага спросил человека, массировавшего ему бедра, не знает ли он этого воина. Тот ответил, что нет. Канэтага сказал: «Этот человек убил твоего отца. Ты тогда был еще ребенком. Неудивительно, что ты не узнаешь его».

«Люди говорили мне, что кто-то убил моего отца, но я не знал, кто это был, — ответил самурай. — А теперь я вижу его лицо прямо перед собой». С этими словами он поднялся и вышел в слезах.

Когда Корэмоти поужинал, солнце уже зашло, и он пошел в свои покои. Сопроводив своего господина в его апартаменты, Тароносукэ отправился к себе. Там тоже принимали гостей. Было шумно: несли еду, фрукты, вино, а также фураж и сено для лошадей. Уже заканчивался девятый месяц, и на земле в темном саду стояли светильники.

Хорошо поужинав, Тароносукэ мирно лег спать. Рядом с подушкой он положил свой новый меч, а также стрелы, колчан, доспехи и шлем. В саду несли стражу несколько его воинов с луками и стрелами. Покои, в которых он спал, защищали два слоя плотных занавесок, которые не могла пробить стрела. Зажженные в саду светильники прекрасно освещали покои, его люди бдительно охраняли его, так что бояться ему было нечего. Устав с дороги и выпив немало сакэ, Тароносукэ быстро расслабился и уснул.

Что же до того человека, которому губернатор сказал: «Этот человек убил твоего отца» и который поднялся и удалился в слезах, то Канэтага почти позабыл о нем. Однако тот пробрался на кухню и упорно точил свой кинжал. Спрятав кинжал за пазухой, он с наступлением темноты подобрался к покоям Тароносукэ и стал дожидаться своего часа. Затем, в суматохе, которую подняли люди, носившие еду и вещи, он смешался с ними, взяв в руки квадратный поднос, и проскользнул в пространство между двумя занавесками.

Он подумал, что Небесное дао позволяет отомстить за смерть отца и начал шептать молитву: «Пусть Небо позволит мне исполнить мой сыновний долг и пусть не оставит меня удача».

Он припал к земле, никто не заметил его. Наконец, когда спустилась ночь и он уже был уверен, что Тароносукэ крепко спит, он подкрался к нему, перерезал ему горло и выскочил. Никто не заметил его.

Наутро Тароносукэ долго не выходил. Один из его воинов отправился к нему, чтобы сказать, что пора завтракать, но увидел его лежащим в луже крови. Он закричал: «Посмотрите на это!» Тут же вбежали люди с луками наготове и с обнаженными мечами, но уже было поздно. Первым делом, конечно, нужно было найти того, кто убил Тароносукэ. Так как он не имел близких отношений ни с кем, кроме своих людей, они подозревали, что среди них есть тот, кто знает убийцу. Но разговоры об этом также ни к чему не привели.

«Он умер такой ужасной смертью», — громко говорили они взвинченными и возбужденными голосами.

«Все эти годы, пока мы служили ему, идя впереди него или следуя за ним, мы и думать не могли, что господин умрет такой позорной смертью. От него могла отвернуться удача, но это поистине страшная смерть».

Услышав новость, Корэмоти вышел из себя. «Я в замешательстве, — сказал он. — Любой, кто боится меня, не посмел бы убить одного из моих людей таким способом. Раз убийца сделал это, значит, он ни на йоту не боится меня. Время и место очень неудобны для убийства. Даже в моих владениях было бы трудно сделать это, но убить одного из моих воинов в незнакомом месте — это неслыханная наглость».

«Давайте поразмыслим, — продолжал он. — Тароносукэ много лет назад убил одного человека. У его светлости губернатора есть маленький самурай, сын того, кто был убит. Наверняка он и совершил убийство».

Думая так, Корэмоти отправился к дому губернатора.

«Господин, — начал он, сев перед губернатором. — Пройшей ночью кто-то убил одного из моих сопровождающих. Такое убийство моего воина во время путешествия — позор для меня. Когда-то мы убили одного человека, который грубо попытался проехать верхом впереди нас. У вас, господин, служит его сын. Я почти убежден, что это сделал он. Я хотел бы вызвать его и допросить».

«Без сомнения, убийство совершил он, — сказал губернатор. — Вчера я видел твоего человека в саду среди сопро-

вождающих тебя. У меня болели бедра, я попросил маленького самурая помассировать их. Я спросил его, знает ли он того человека. Он сказал, что нет. И я сказал ему: «Этот человек убил твоего отца. Вот ты и увидел его лицо. Он, наверное, ничего не знает о тебе, и это плохо для него». Он опустил глаза, поднялся и вышел. Более я не видел его. Он никогда не оставляет меня, ждет меня днем и ночью. Так что если он не показывался с прошлого вечера, это действительно странно. К тому же, еще кое-что заставляет меня подозревать его: вчера он точил в кухне свой кинжал. Мне сказали об этом сегодня утром мои люди, высказывая свои подозрения. Ты говоришь, что хочешь вызвать и допросить его. Подразумеваешь ли ты, что если убийство действительно совершил он, ты хочешь казнить его? Я вызову его только после того, как узнаю о твоих намерениях. Я, Канэтада, недостойный человек, а ты умен. Но я твой отец. Предположим, что кто-то убил меня, а один из твоих людей убил его. И если потом люди начнут осуждать и ругать такого человека, ты думаешь, это хорошо? Разве Небесное дао не позволяет отомстить за смерть отца? Ты великий воин, и тот, кто осмелится убить меня, не будет знать покоя. Ты предлагаешь допросить человека, который лишь отомстил за отца, хотя он служит мне. Это значит, что ты даже не будешь соблюдать траур после моей смерти».

Канэтада говорил все это громким голосом, встав на ноги. Корэмоти понял, что совершил ошибку. Он тоже поднялся на ноги, стараясь выразить почтение, насколько возможно. Он решил, что здесь уже поделаться ничем нельзя, и отправился обратно в Муцу. Его люди позаботились о теле Тароносукэ.

Три дня спустя появился тот, кто убил Тароносукэ, весь в черном. Он предстал перед губернатором в таком удручении и трепете, что и губернатор, и те, кто был подле него, не могли сдержать слез. После этого люди уважали и боялись его. Вскоре он заболел и умер. Губернатор очень горевал о нем.

За отца редко мстят даже великие воины. Этот человек исполнил все сам, убив того, кого он решил убить, несмотря на то, что того охраняли воины. В этом поистине проявилась воля Небесного дао, и люди восхваляли его за такой поступок.

Татибана-но Норимицу: «Какое великолепное владение мечом!»

С описанием его Сэй Сёнагон,
автором «Записок у изголовья»

В следующей истории из «Кондзяку моногатари сю» (т. 23, разд. 15) поединок на мечах описан столь ярко, что, кажется, повествователь предвосхитил таких японских режиссеров, как Куросава Акира и Окамото Кихати.

Человек, который сумел молниеносно зарубить трех напавших на него с мечами людей, — Татибана-но Норимицу (р. 965). Норимицу также известен тем, что поймал как-то грабителя. Это случилось, когда он служил домашним управляющим в доме Главного советника. Он также занимал посты офицера Левого крыла стражи Внешнего дворца, начальника императорской полиции, губернатора Тотоми и губернатора Ното, Тоса и Муцу.

Император Итидзё (980–1011) правил с 986 г. по 1011 г.

Бывший губернатор Муцу Татибана-но Норимицу был родом не из самурайского дома, но отличался сильным умом и был мудр и в интригах, и в стратегии. Он отличался огромной силой, приятной внешностью и взвешенностью, поэтому люди относились к нему с уважением.

В юности — это случилось в правление императора Итидзё — он служил камергером в дворцовой страже. Однажды он тихо покинул свою комнату, где должен был нести службу, чтобы встретиться с женщиной. Стояла глубокая ночь. Вооруженный только мечом, он пешком, в сопровождении лака, вышел из ворот и пошел вниз по улице Омия. Проходя вдоль высокой изгороди, он почувствовал, что рядом кто-то есть, и его охватила тревога. Луна в девятый день восьмого месяца стояла почти над гребнем горы Ниси. Западный склон

горы лежал во мраке, и он едва ли мог различить стоявших вокруг него людей.

Затем он услышал, как один из них сказал: «Эй, там! Остановитесь! Здесь знатные люди. Вы не можете пройти здесь».

Вот они, подумал Норимицу, но у него и в мыслях не было повернуть назад. Он лишь ускорил шаг.

«Посмотрите-ка, он не обращает внимания», — прокричал кто-то и прыгнул по направлению к нему. Норимицу присел. Он не увидел лука, но разглядел блестящий меч. Вздохнув с облегчением, он побежал вперед, пригнувшись к земле. Когда преследователь догнал его, он резко сделал шаг в сторону. Тот не смог сразу же остановиться и пробежал чуть вперед. В эту минуту Норимицу бросился за ним, выхватил свой меч и нанес удар. Меч рассек голову преследователя надвое, и он упал замертво.

Хороший удар, подумал Норимицу. Потом кто-то закричал: «Что с ним случилось?» И побежал по направлению к Норимицу. У Норимицу не было времени засунуть меч обратно в ножны, и он бросился прочь, держа меч в руке.

«А он хорош», — сказал новый преследователь. Этот бегал куда быстрее первого. Норимицу понял, что не сможет справиться с ним так же, как с предыдущим, и, внезапно изменив свой план, присел на корточки. Преследователь налетел на него и упал. Тут Норимицу вскочил и, прежде чем человек успел встать на ноги, рассек ему голову.

Вот так, подумал Норимицу. Но был еще один, который прокричал: «Он действительно хорош! Я не дам ему уйти!» И тоже бросился на него.

«На этот раз мне конец! Да помогут мне божества и Будда!»

Вознося молитвы, Норимицу выставил меч вперед, держа его обеими руками, как копьё, и так резко повернулся навстречу преследователю, что их тела почти столкнулись. У преследователя также был меч, и он пытался ударить Норимицу с плеча. Но они оказались так близко, что ему не удалось рассечь даже одежду Норимицу. Меч же Норимицу, который тот держал как копьё, пронзил тело преследователя. Когда же Норимицу выдернул меч, человек начал падать назад. И в этот момент Норимицу отсек по плечо его руку, державшую меч.

Норимицу отбежал на какое-то расстояние и прислушался, не преследует ли его еще кто-нибудь. Но не было слышно ни звука. Он двинулся вперед, прошел через средние ворота и, остановившись у колонны, стал ждать своего пажа. Мальчик шел по улице Омия, громко плача. Норимицу позвал его, и тот подбежал к нему. Норимицу велел ему отправиться за новой одеждой, а потом приказал спрятать окровавленную одежду и никому ничего не говорить. Затем он тщательно вытер кровь с меча, облачился в новую одежду и, как ни в чем не бывало, вернулся в свою комнату и лег спать.

Всю ночь он страшно беспокоился о том, что могут узнать, кто совершил убийства. Наутро только и говорили:

«Троих молодых нашли мертвыми на улице Омия, около входа в императорскую кухню. Их зарубили рядом друг с другом».

«Какое великолепное владение мечом!»

«Кто-то говорил сначала, что эти люди передрались между собой. Но, посмотрев повнимательнее, он убедился, что каждый был убит одним-единственным ударом».

«Может быть, их убили враги».

«Эти люди явно похожи на разбойников».

Даже некоторые знатные особы приглашали друг друга пойти посмотреть на убитых. Самого Норимицу также несколько раз просили пойти. Сначала он не хотел делать этого, но потом решил, что если он не пойдет, то люди, быть может, начнут подозревать его. Наконец, с явной неохотой, он отправился вместе со своими друзьями.

Все не смогли втиснуться в повозку, поэтому Норимицу пошел рядом. Когда повозка остановилась около убитых, тела все еще лежали нетронутыми. Рядом стоял человек лет тридцати с густой бородой. На нем была какая-то бесформенная одежда, плащ цвета индиго, протершийся от стирки, и такая же выношенная желтая рубаха. Его меч лежал в ножнах, украшенных щетиной кабана, а на ногах у него была обувь из оленьей шкуры. Он стоял, указывая пальцем на убитых, и что-то говорил.

Пока Норимицу гадал, кто бы это мог быть, подбежал слуга из тех, что сопровождали повозку, и доложил: «Господин, этот человек говорит, что он убил их, ибо они были его врагами».

Норимицу страшно обрадовался. Кто-то из воинов сказал с повозки: «Скажи этому человеку, пусть подойдет сюда. Мы хотим узнать все поподробнее».

Подошедший человек обладал удивительной внешностью: у него оказались высокие скулы, нижняя челюсть выступала, нос был плоским, а волосы — красного цвета. Глаза у него были налиты кровью, как будто он очень долго тер их. Держа меч за рукоять, он опустился на одно колено.

«Что случилось?» — спросил кто-то.

«Господин, около полуночи я шел здесь, направляясь по своим делам, как вдруг трое человек бросились на меня с криками: «Как ты смеешь проходить мимо нас!» Я подумал, что это разбойники, и зарубил их. Но когда взглянул на них утром, я узнал в них тех, кого я искал все эти годы. Я обрадовался, что наконец покончил со своими врагами, и намеревался отрубить им головы».

Говоря все это, он продолжал указывать пальцем и беспокойно оглядываться по сторонам. А поскольку знатные люди продолжали задавать вопросы, человек еще более возбудился и лепетал что-то без умолку.

Норимицу развеселился. Что ж, подумал он, если он хочет взять это на себя, я ничего не имею против. И принял невинный вид.

Говорят, что он рассказал обо всем своим детям, когда был уже дряхлым стариком.

Норимицу в этом рассказе (как и в другом, где описывается, как он поймал грабителя) предстает мужчиной среди мужчин. Женщина пишет о нем несколько иначе.

Норимицу был близким другом Сэй Сёнагон (даты жизни неизвестны), написавшей знаменитые «Макура-но соси», «Записки у изголовья». Они действительно были настолько близки, что придворные подтрунивали над ними, называя Норимицу старшим братом, а Сэй Сёнагон — младшей сестрой. Наверное, поэтому госпожа Сэй оставила в своей книге впечатляющее описание Норимицу.

Рассказ никоим образом не связан с воинским искусством.

Когда я проводила дни в деревне, люди говорили, что придворные навещают меня. Но раз для моего отъезда не было особых причин, эти сплетни не должны были доставлять беспокойство кому-либо. Если кто-то приходит навесить меня, как я могу сказать, что меня нет дома, и озадачить человека? Даже те, с кем я не знакома близко, навещают меня.

Последний раз я покинула двор, не сказав никому, где я собираюсь быть. Об этом знали только господин Цунэфуса, Средний капитан стражи Внутреннего дворца, и господин Наримаса.

Как-то пришел офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца, Норимицу. Он сказал: «Вчера господин советник*, Средний капитан приходил ко мне и спрашивал:

“Не может быть, чтобы вы не знали, где находится ваша сестра. Скажите же мне”. Я продолжал утверждать, что не знаю, но как же настойчив он был.

“Странно, — продолжал он, — что вы не говорите то, что на самом деле знаете”. Я едва не улыбнулся. Хуже того, в это время там присутствовал и Средний капитан, который напустил на себя столь невинный вид, что я бы рассмеялся, если бы наши глаза встретились. Я уже не знал, что и придумать, поэтому схватил лежащие на столе водоросли и стал жевать их. Люди, должно быть, подумали, что это странно — есть между трапезами. Но это позволило мне не сказать им, где ты находишься. Все было бы бесполезно, если бы я не сдержался и улыбнулся. Более же всего меня смешит то, что он решил, будто я на самом деле не знаю, где ты».

«Пожалуйста, — сказала я, — не говори ему».

Прошло несколько дней.

Однажды поздно ночью кто-то постучался в ворота так громко, что я подумала: каким бы ни было срочным дело, так ломиться в ворота неразумно, тем более что дом рядом. Как бы то ни было, я послала слугу узнать, кто там. Это оказался кто-то из Такигути**. Он сказал, что принес письмо «от офицера Левого крыла стражи Внешнего дворца». Хотя все спали, я принесла лампу, чтобы прочесть письмо.

* «Господин советник» — Фудзивара-но Таданобу (967–1035), получивший этот пост в четвертом месяце 996 г.

** Апартаменты дворцовой стражи.

«Завтра — последний день Священных чтений, — говорилось в письме. — Господин советник, Средний капитан, опять будет допытываться. Если он не отстанет от меня и будет спрашивать о тебе, я не смогу отвертеться снова. Я не сумею скрыть это. Должен ли я сказать ему правду? Что ты думаешь? Я сделаю так, как ты велишь».

Я не стала писать ответ, просто завернула маленький кусочек морской водоросли в бумагу и отослала его.

Какое-то время спустя он пришел и сказал: «Он не отставал от меня, так что целую ночь я был вынужден ездить с ним по тем местам, в которых, я заведомо знал, тебя нет. Он спрашивал так искренне, что мне было больно поступать так. Почему же ты не написала мне ответ, а вместо этого отправила какой-то завернутый в бумагу кусочек водоросли! Как можно заворачивать в бумагу что-нибудь подобное и посылать кому-либо. Ты перепутала?»

Я расстроилась, видя, что он не понимает, в чем дело. Не говоря ни слова, я написала на клочке бумаги, что лежал на чернильном камне:

Чтобы ты не указал,
где прячется «нырятьщик»*,
Я заставила тебя съест
эту водоросль.

И подала ему. Но он воскликнул: «Так ты написала стихотворение! Я не буду читать его!» Он отбросил клочок бумаги в сторону и убежал.

Так, хотя мы много говорили друг с другом и заботились друг о друге, наши отношения стали несколько натянутыми. Потом он написал мне: «Даже если случится несчастье, не забывай, пожалуйста, что мы поклялись друг другу. Надеюсь, что люди по-прежнему будут считать меня твоим братом».

Он любил повторять: «Тот, кто любит меня, не должен писать мне стихов. Любого, кто делает это, я буду считать своим врагом. Только если ты решишь, что между нами все кончено, напиши мне стихотворение».

Поэтому я послала ему стихи:

* «Нырятьщик» — «тот, кто временно скрылся из вида», намек на саму себя.

Наша дружба разрушилась,
как горы Имо и Сэ.
Более ты не увидишь реки Ёсино*.

Наверное, он так и не прочитал их. Он даже не ответил мне.

Вскоре он получил пятый ранг и был назначен губернатором Тотоми. Так, на плохой ноте, закончились наши отношения.

Норимицу, хотя и не любил тех, кто пишет стихи, чтобы выразить свои чувства и мысли, сам, тем не менее, назван в официальных летописях поэтом, ибо одно его стихотворение было включено в пятую императорскую антологию «Кинъёсю» (№ 371). Стихотворение предваряется заглавием, в котором говорится, что оно было составлено у заставы Осака по пути в Муцу и отправлено обратно в Киото. Норимицу был назначен губернатором Муцу в 1006 г., четыре года спустя после назначения в Тотоми, поэтому можно с уверенностью сказать, что оно не было адресовано госпоже Сэй.

Я думал, что спешу на восток один,
Но цветы сливы над изгородью
опередили меня.

* Река Ёсино протекает между горами Имо и Сэ. Намек на то, что дружба между Сэй и Норимицу закончилась, подобно тому, как река Ёсино оказалась перекрыта горными обвалами.

Саканоуэ-но Харудзуми: Позор воина

Самурай, потерявший бдительность, может быть обесцещен — такой урок преподносит нам рассказ о человеке, жившем около 1000 г. Эпизод из «Кондзяку моногатари сю» (т. 29, разд. 21) также примечателен тем, что в нем четко устанавливается статус воина по отношению к придворной аристократии, который он так или иначе служил в раннюю эпоху.

О воине Харудзуми мало что известно. Но имя упомянутого в рассказе губернатора Корэтоки появляется в нескольких источниках, начиная с 988 г., когда, согласно одному из дневников, на него было совершено покушение, и вплоть до 1034 г. Известно, что в 994 г. он с отрядом знатных воинов охотился за шайкой разбойников.

В местечке Ито провинции Кии жил человек по имени Саканоуэ-но Харудзуми. Он неустанно совершенствовался на пути воина и служил под началом губернатора Тайра-но Корэтоки.

Однажды он отправился в Киото по делам. У него были враги, поэтому он никогда не оставался без охраны. Он всегда имел при себе лук и стрелы, как и его воины. Поэтому никто не мог напасть на него.

Как-то ночью, в нижнем Киото, направляясь куда-то со своими людьми, он пересек дорогу нескольким знатым людям на лошадях. Впереди них шел отряд воинов и нарочито расчищал дорогу. Воины подбежали с криками к Харудзуми, и он слез с лошади. Но затем они приказали: «Эй, опустите луки и падайте ниц!» Смутившись, Харудзуми и его люди подчинились, оставив в стороне луки и стрелы.

Они пали ниц, лицом в землю, и сказали себе: «Должно быть, знатные господа уже проехали». Но в этот момент Харудзуми и все его окружение, включая воинов и слуг, почувствовали грубые удары. Харудзуми в ужасе повернул голову и посмотрел вверх. Те, кого он принял за знатных людей двора, оказались разбойниками на лошадях, в доспехах и полном вооружении. Эти ужасные люди вложили стрелы в луки и, целясь в Харудзуми, сказали: «Одно движение, и ты будешь убит!»

«О черт, это разбойники, и они сыграли со мной злую шутку!» Когда Харудзуми понял это, его сожалению не было предела. Но любое движение означало немедленную смерть, поэтому ему и его людям не осталось ничего, как сдаться на милость негодяев и позволить им втоптать себя в землю и отнять все, что только можно — одежду, луки, колчаны, лошадей, седла, мечи, кинжалы и даже обувь.

После этого случая Харудзуми сказал: «Если бы я не позволил себе потерять бдительность, то даже самый свирепый из тех разбойников не смог бы так опозорить меня, по крайней мере, если бы не убил меня первым. Я бы сражался изо всех сил и, быть может, даже схватил бы его. Но они послали вперед отряд и заставили меня лечь на землю и выразить почтение. И я потерял возможность что-нибудь сделать. Все это показывает, что на пути воина меня покинула удача».

Он перестал вести себя как самурай, а вместо этого понизил себя до статуса «бокового слуги».

Минамото-но Райко: Бдительный и твердый

В старые времена Минамото-но Райко (которого также называли Ёримицу; 948–1021) приводили в пример японским детям как образцового воина, который, командуя четырьмя самураями, победил на горе Оэ чудовище по имени Сютэндодзи, «пьяница». Говорили, что так звали шайку разбойников. Если это правда, то в обязанности Райко, занимавшего пост губернатора в нескольких провинциях, безусловно входило подавление подобных «элементов».

Четверо храбрецов, которых называли причудливым именем *ситэн-но*, «четыре стражей», это: Ватанабэ-но Цуна (953–1024), Саката-но Кинтоки (даты жизни неизвестны), Усуи Садамицу (955–1021) и Урабэ-но Суэтакэ (950–1022). О Суэтакэ рассказывается и в других историях, некоторые из которых включены в данную книгу.

Известно, что за годы губернаторства Райко скопил значительное состояние. Так, в 988 г., когда Фудзивара-но Канэиэ (929–990), бывший в то время регентом, в честь своего шестидесятилетия устроил пир, Райко подарил гостям 30 лошадей. А в 1018 г., когда канцлер Фудзивара-но Митинага (966–1027) построил новый дворец, Райко предоставил всю мебель. Он также стал одним из немногих представителей военного сословия, которых в тот ранний период допускали ко внутреннему двору.

Возможно, что именно благодаря связям при дворе ранга Райко была включена в императорскую антологию. Лишь единицы из воинов удостоивались тогда такой чести. Стихотворение, написанное вместе с женой, вошло в пятую императорскую антологию «Кингёсю». В заглавии описываются обстоятельства, при которых оно было создано:

Когда Минамото-но Райко прибыл к месту службы в качестве губернатора Тадзима, он увидел, что перед его до-

мом протекает река Кэта. Однажды он заметил лодку, спускающуюся вниз по течению, и спросил о ней слугу, только что открывшего окно. Слуга ответил, что это собирают растение, которое называется тадэ. И тогда Райко произнес:

Лодка, собирающая тадэ, проплывает мимо.

Его жена продолжила:

Я думала, это кто-то быстро гребет пред
рассветом*.

Следующий рассказ взят из «Кокон тёмон дзю» («Собрание записанного и услышанного в старые и новые времена», разд. 335).

Возвращаясь как-то холодной ночью, Райко увидел, что находится рядом с домом Ёринобу. Тогда он отправил Кинтоки с посланием: «Мне случилось проходить мимо. Стужа просто ужасная. Не найдется ли у вас доброго вина?»

В это время Ёринобу как раз пил вино, и потому очень обрадовался и сказал Кинтоки: «Скажи своему господину о том, что видишь здесь. Мы очень рады его просьбе. Пусть он окажет нам честь и присоединится к нам». Райко тут же вошел.

Пока они обменивались чашками с сакэ, Райко взглянул в сторону конюшен и увидел парня, связанного веревкой. Он изумился и спросил Ёринобу: «Кого это вы там связали?»

«Кидомару**», — ответил тот.

Райко встревожился. «Если это правда Кидомару, то почему вы его связали таким образом? Если он совершил преступление, я бы не относился к нему так беспечно».

Ёринобу согласился, что Райко прав. Он подозвал одного из своих воинов и приказал связать Кидомару покрепче и приковать цепями, дабы тот не убежал.

* Игра слов: *караро* означает и «китайское весло», и «горький». Стебли тадэ выделяют сок, горький на вкус. Жена Райко была матерью известной поэтессы Сагами.

** «Бесенок» — так можно перевести это имя.

Услыхав слова Райко, Кидомару разозлился и сказал себе: «Будь он проклят. Что бы ни случилось, я отомщу ему прежде, чем кончится ночь».

Выпив несколько бутылей, Райко и Ёринобу опьянели и отправились спать. Когда все затихло, Кидомару, обладавший большой силой, порвал веревки и цепь и сбежал. Затем через окошко во фронтоне крыши он пробрался в то место, что над потолком комнаты, в которой спал Райко*. Он решил сломать потолок и упасть прямо на Райко, чтобы сразиться с ним.

Однако Райко был не прост. Он почувствовал, что задумал Кидомару, и решил, что позволить ему спрыгнуть на себя будет слишком опасно. Затем он сказал: «Кто-то побольше ласки, но поменьше куницы шумит наверху».

Потом он громко позвал: «Есть там кто-нибудь?»

Цуна откликнулся и вошел.

Райко сказал: «Мы хотели к завтрашнему дню добраться до Курама. Сейчас еще ночь, но я хочу отправиться прямо сейчас. Передай это всем».

Цуна ответил: «Господин, все готовы!»

Услышав это, Кидомару понял, что не сможет расправиться с Райко здесь и сейчас. Он думал, что Райко пьян и крепко спит. Любая неподготовленная попытка обернется бедой не для Райко, но для него самого. Поэтому он решил попытаться напасть еще раз, на следующий день, на пути к Курама. Размышляя так, он выбрался из-под крыши.

Добравшись до поля, через которое шла дорога к горе Курама, Кидомару огляделся, но не смог найти подходящего места, чтобы спрятаться. Тогда он выбрал самого большого буйвола из тех, что паслись неподалеку, убил его и перетащил к дороге. Он вспорол буйволу брюхо, выпотрошил его, спрятался внутрь и стал ждать.

Вскоре появился Райко. Он был облачен в белую охотничью одежду и играл мечом. Его сопровождали четверо воинов: Цуна, Кинтоки, Садамицу и Суэтакэ. Райко остановил лошадь и сказал: «Забавное поле. И сколько здесь скота. Поохотимся-ка на буйвола».

* В традиционных японских домах, в отличие от европейских и американских, пространство между потолком комнат и крышей обычно не используется.

Все четверо с радостью бросились вперед, соревнуясь друг с другом и стреляя в животных стрелами хикимэ. Это было достойное зрелище. И вдруг Цуна достал настоящую, острую стрелу и выстрелил в мертвого буйвола.

Пока все в изумлении глядели на него, брюхо мертвого буйвола зашевелилось. Из него выскочил здоровенный парень с обнаженным мечом и бросился на Райко. Это был Кидомару! Из его тела торчала стрела, но он, казалось, не замечал ее. Он мчался к своему врагу. Но Райко ничуть не утратил присутствия духа. Он вытащил свой меч и одним ударом отсек Кидомару голову.

Однако Кидомару не упал и сумел даже ударить мечом по седельной луке Райко. Его голова отлетела и ударилась об украшение упряжи. До самого конца он оставался храбрым и бесстрашным.

Стражи и повозка: Забавная история

С описанием происхождения ханива

Лошадь была незаменимой для японского воина с самых древних времен. Об этом свидетельствуют фигуры ханива, которых в гигантских усыпальницах древних императоров и знатных людей найдено огромное множество. Некоторые фигуры изображают коней в боевом снаряжении. Существует теория, что в Японию в IV–V вв. вторглись из Сибири тунгусские племена кочевников. Это занимательное предположение сделал историк Эгами Намио в тот короткий период после 2-й мировой войны, когда, по выражению другого историка, Иноуэ Мицусада, пьянящее чувство освобождения от гнета милитаристов и дзингоистов переполняло всю нацию. Однако эта концепция не нашла большого числа сторонников.

Но в Японии не было того, о чем в первую очередь подумает любой, рисующий в своем воображении образы древнегреческих персонажей, таких как Ахилл или Гектор, или кого-либо из более реальных героев Древнего Китая — воинов, основателей нации и государства. Речь идет о колеснице. Вот почему трое из «четверых стражей» Минамото-но Райко оказались в такой неподобающей воину растерянности, о чем говорится в следующем эпизоде из «Кондзяку моногатари сю» (т. 28, разд. 21).

События разворачиваются на следующий день после праздника Камо в четвертом месяце, когда жрица святынь Камо в сопровождении императорского посланника возвращается в свое обиталище в Мурасакино. Праздничная процессия была, пожалуй, самой пышной в те дни и привлекала огромные толпы людей, в том числе и знатную аристократию. Этот праздник, ныне называемый Аои Мацури, отмечается 15 мая в Японии и сегодня и считается одним из трех главных празднеств.

История, как и приводившийся выше рассказ о Саканоуэ-но Харудзуми, свидетельствует, насколько значительным было в то

время подчинение самураев аристократии. Воинов же из восточных земель считали, как наших трех героев, деревенщиной, объясняющейся на трудновоспринимаемом местном наречии.

У губернатора Сэтцу Минамото-но Райко было три великих воина: Тайра-но Хидэмиги, Тайра [Урабэ]-но Суэтакэ и Саката-но Кинтоки. Все они отличались примечательной внешностью и ловкостью рук. Они были умны и мудры в замыслах и интригах. Ничто не могло опорочить их. Они совершили множество военных подвигов на востоке, и люди боялись их. Сам губернатор Сэтцу относился к ним с большим почтением и держал на особом положении.

Однажды, на следующий день после праздника Камо, трое воинов обсуждали, как бы им посмотреть на шествие.

«Все мы можем ехать в Мурасакино на лошадях, но это же будет слишком вызывающе, — согласились они. — С другой стороны, мы не можем отправиться туда пешком, пытаясь скрыть наши лица. Мы жаждем увидеть шествие, но не знаем, что делать».

«А что если взять повозку у нашего знакомого монаха?» — предложил один из них. «Тогда мы сможем смотреть на представление с повозки».

«Нам запрещено ездить на повозке, — сказал другой. — Если стражники знати узнают нас, они вышвырнут нас и побьют. Они даже могут убить нас».

«А что, если мы опустим занавески, как если бы мы были женщинами?» — предложил третий.

«Вот это здорово», — разом вскричали все трое.

Они сразу же взяли повозку у друга монаха, опустили шторы, облачились в таинственные, приличествующие правилам одежды цвета индиго и забрались внутрь. Они спрятали обувь и не высовывали из повозки рукава, поэтому экипаж выглядел почти таким, в каком ездят женщины.

Повозка двинулась в сторону Мурасакино. Все трое никогда прежде не ездили таким образом: их кидало и бросало во все стороны, как если бы их заперли в коробку с крышкой и трясли что есть силы. Они падали друг на друга, ударяясь головами о борта, они то оказывались щекой к щеке друг с

другом, то падали на спину. В конце концов они так устали, что уселись на днище повозки. Это было невыносимо. По дороге они лишились всех сил. Подножки повозки были залиты их рвотой. В отчаянии они сбросили с себя головные уборы.

Вола оказался очень хорошим и, несмотря ни на что, упорно тащил повозку вперед. Несчастные воины только кричали на своем ужасном наречии: «Не так быстро, не так быстро!» Услышав это, люди, ехавшие в экипажах рядом с ними, и их слуги, шедшие позади, были весьма озадачены.

«Что за люди едут в этой женской повозке? Они же кричат как простофили с востока, разве не так?» — говорили они друг другу. «Может быть, это чьи-то дочери едут посмотреть на шествие?»

Однако раздававшиеся громкие голоса, без сомнений, принадлежали мужчинам, что озадачивало людей еще больше.

Наконец добрались до Мурасакино, остановили повозку и распрягли вола. Их повозка доехала до места в числе первых, так что у них оставалось еще много времени. Но воинов, казалось, поразила морская болезнь, чувствовали они себя ужасно. Перед глазами все плыло. Они так ослабели, что тут же заснули.

Процессия прошла мимо, но они спали как убитые и пропустили ее. Они зашевелились только тогда, когда все закончилось и люди стали шуметь, запрягая в свои повозки волов. Все еще чувствуя себя больными и поняв, что они проспали процессию, воины стали злыми и сердитыми.

«Если мы отправимся на повозке обратно, то точно не выдержим, — сказали они. — Никто из нас не боится броситься на лошади в тысячную толпу врагов, это для нас обычное дело. Но полагаться на милость презренного и сопливого мальчишки, погоняющего вола, и позорить себя — это уж слишком. Если мы поедем на этой повозке, то вряд ли доберемся обратно живыми. Лучше подождем немного и отправимся обратно пешком, когда никого не будет».

Решив так, они вышли из повозки только когда все уже разъехались. Отослав повозку обратно, они надели обувь, нагнули на лоб головные уборы и, прикрывая лица веерами, возвратились в дом губернатора Сэтцу в Итидзэ.

Позже Суэтакэ сказал: «Мы, несомненно, храбрые воины. Но сражаться с повозкой бессмысленно. После этого

ужасного путешествия мы впредь даже не приближались к ней».

Здесь также стоит привести рассказ о происхождении ханива. Как свидетельствует фрагмент «Нихон сёки» («История Японии»), приведенный ниже, эти глиняные фигуры, наивной красотой которых так восхищался Пикассо, появились в правление одиннадцатого императора Суйнина, когда при похоронах знатных особ их стали класть в усыпальницы, отказавшись от человеческих жертвоприношений.

Однако описания погребения вместе с покойником живых людей, встречающиеся в «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихон сёки», порой противоречат друг другу. В «Кодзики» говорится, что человеческие жертвоприношения вошли в практику после смерти принца Ямато Хико — того самого, чьи похороны, сопровождавшиеся погребением людей, побудили, согласно «Нихон сёки», Суйнина покончить с варварским обычаем. Согласно «Нихон сёки», Суйнин называет этот обычай «древним обрядом». Отыскать истину почти невозможно, ибо древних источников, повествующих о данном периоде, очень мало. В любом случае, если Суйнин принял такое решение, оно достойно восхищения.

Зимой двадцать восьмого года [правления Суйнина] в пятый день десятого месяца умер принц Ямато Хико, брат матери императора.

Во второй день одиннадцатого месяца принц Ямато Хико был погребен в Цукисака, Муса. Его близких слуг поставили вдоль края могилы и похоронили вместе с ним. Они не умирали несколько дней, кричали и стонали. Когда же они наконец умерли, их трупы начали гнить и разлагаться. Собаки и вороны пожирали их. Император, слыша крики и стоны, счел их невыносимыми. Он сказал своим сановникам:

«Заставлять людей следовать в смерти за господином только потому, что он любил их при жизни, — ужасно. Да, это древний обычай, но мы не должны следовать ему, если он плох.

Обсудите между собой, как нам прервать этот ритуал...»

Осенью тридцать второго года, шестого числа седьмого месяца умерла принцесса Хибасу, одна из его жен. День ее похорон был отодвинут. Император сказал своим сановникам: «Я говорил, что жестоко заставлять живых людей следовать за умершим. Что нам надлежит сделать в этот раз, когда близятся похороны?»

«Погребать живых людей в усыпальнице члена императорской семьи не мудро, — сказал Номи-но Сукунэ. — Если мы поступим так, как мы расскажем о нем последующим поколениям? С вашего позволения, я придумаю что-нибудь и доложу».

Он отправил посланника и вызвал сто гончаров из провинции Идзумо. Он лично следил за тем, как они получали глину и лепили из нее людей, лошадей и прочее. Затем он принес эти фигуры императору и сказал: «Отныне вместо живых людей в усыпальницу будут опускаться такие глиняные фигуры. Пусть это станет законом для последующих поколений».

Император был очень доволен. Он сказал Номи-но Сукунэ: «Ваше решение полностью соответствует моим желаниям».

Так в усыпальницу принцессы Хибасу впервые были опущены глиняные фигуры... Затем вышел императорский эдикт, гласивший: «Отныне следует делать глиняные фигуры и не вредить людям».

Минамото-но Ёринобу: «Пусть ваш ребенок умрет!»

Каждый, кто смотрел фильм Куросава Акира «Семь самураев», легко вспомнит эпизод: самурай противостоит разбойнику, взявшему в заложники крестьянского ребенка.

Сцена начинается с того момента, как самурай готовится побрить голову. Служитель выбривает тонзуру, потом воин надевает его одежду. Затем ему приносят два рисовых шарика, о которых он просил. Безоружный, неся в руках рисовые шарики, он приближается к сараю, в котором прячется разбойник, угрожающий убить истощенно плачущего ребенка. Воин объявляет, что он священник, хочет лишь, чтобы разбойник и ребенок поели. Затем он бросает рисовые шарики в амбар, один за другим. Бросив второй шарик, он врывается в сарай. Несколько мгновений спустя из сарая выползает разбойник. Явно смертельно раненый, он медленно опускается на землю. Воин становится вожаком семи самураев, защищающих деревню от грабителей.

В своей книге «Меч и сознание» я говорил, что поставленная в фильме Куросава сцена основывается на одной из легендарных историй о фехтовальщике Камиидзуми Хидэцуна (1508—1588). Теперь я должен внести поправку и уточнить, что история Хидэцуна могла произойти от одного из двух рассказов о Минамото-но Ёринобу (968—1048), включенных в «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 11).

В те дни, когда, по словам знаменитого разбойника Исикава Гоэмона (1558—1594), грабителей и воров было «много, как песчинок на берегу моря», случаи взятия в заложники детей загнанным в угол бандитом происходили очень часто. Историй, рассказывающих о спасении таких детей, также немало. Мы отметим здесь только то, что в каждом из трех описанных случаев расставлены несколько различные акценты. В версии Куросава выделяется умение уловить ситуацию и действовать быстро и решительно;

в легенде о Хидэцуна — спокойствие духа, позволяющее искусственному воину без оружия противостоять размахивающему мечом разбойнику; в истории Ёринобу — необходимое для воина качество поступать согласно своим побуждениям.

Ёринобу был великолепным воином, занимал губернаторские посты в нескольких провинциях и стал Командующим Обороной Запада. Что касается народной молвы и легенд, то тут, пожалуй, его превосходит один из его братьев, Райко, возможно, благодаря множеству увлекательных рассказов о четырех самураях, служивших последнему. Тем не менее, в приведенном ниже необычно реалистическом повествовании о спасении ребенка Ёринобу предстает достойным восхищения человеком, исполненным невозмутимости, здравого смысла и сострадания. Случай произошел не позднее 999 г.

В то время, когда нынешний губернатор Кавати Минамото-но Ёринобу занимал пост правителя провинции Кодзукэ, жил человек по имени Фудзивара-но Тикатака, офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца, сын няни Ёринобу. Он был таким же великолепным воином, как и сам Ёринобу.

Однажды Тикатака поймал забравшегося в дом грабителя и оставил его с охранником. Каким-то образом грабителю удалось освободиться от оков. Он попытался бежать, но не смог выбраться из дома. Тогда он взял в заложники сына Тикатака, многого мальчугана четырех-пяти лет, бегавшего по двору. Разбойник утащил мальчика во внутренний амбар и, держа его за ногу, приставил к его животу меч и угрожал убить.

В это время Тикатака был на приеме у губернатора. Когда прибежали и сказали, что разбойник взял в заложники его сына, он, испуганный и рыдающий, бросился к себе. Когда же он увидел, что разбойник держит меч у живота его сына, у него потемнело в глазах. Он не знал, что делать. Он хотел ворваться внутрь и освободить сына, но разбойник держал перед ребенком большой сверкающий меч и кричал: «Не подходишь! Если кто-нибудь подойдет ко мне, я убью его!» «Если он убьет моего сына, — подумал Тикатака, — то что проку разрезать потом этого негодяя на тысячу кусочков». Поэтому он приказал своим воинам не подходить к разбойнику, а только наблюдать за ним издали, и, бросив на ходу, что доложит губернатору, умчался.

Губернаторская управа была рядом. Губернатор, увидев несущегося возбужденного Тикатака, тут же спросил: «Что случилось?»

«Мой сын, мой единственный сын взят в заложники разбойником», — в слезах прокричал Тикатака.

«Я понимаю ваши чувства, — с улыбкой сказал губернатор. — Но стоит ли так кричать? Подумают, что в вас вселился демон. Не кажется ли вам, что вам не подобает орать, подобно младенцу? Пусть, если будет угодно Небу, ваш сын погибнет. Только так относясь к этому, можно назвать себя воином. Если бы вы беспокоились о себе, жене и ребенке, то ничего бы не достигли. Быть бесстрашным — значит не беспокоиться ни о себе, ни о жене, ни о ребенке».

«Я сказал то, что должен был сказать. Теперь позвольте мне пойти с вами и посмотреть, как нам быть», — продолжил губернатор. Затем он взял свой меч и направился к дому Тикатака.

Когда Ёринобу подошел к входу во внутренний амбар, разбойник увидел, что явился сам губернатор. Он не кричал, как на Тикатака, но лишь опустил глаза и еще сильнее прижал меч к телу ребенка, готовый пронзить его, если кто-нибудь приблизится. Ребенок же громко плакал охрипшим голосом.

Губернатор сказал: «Эй, разбойник! Говори прямо, ты взял ребенка в заложники потому, что хочешь остаться в живых, или потому, что намереваешься его убить?»

Разбойник ответил тихим голосом, который едва можно было услышать: «С какой стати мне убивать мальчика, господин? Я не хочу расставаться с жизнью, я хочу жить. Поэтому я и взял его в заложники, вот и все».

«Понятно, — сказал губернатор. — Если так, то бросай свой меч. Я, Ёринобу, приказываю тебе, и у тебя нет выбора. Ты же не думаешь, что я позволю тебе убить мальчика? Ты, должно быть, слышал обо мне, каков я есть. Поэтому немедленно бросай меч, эй, слышишь?»

Разбойник молчал какое-то время, а потом сказал: «Благодарю вас, господин. Я не могу не выполнить то, что вы мне говорите. Я бросаю меч». С этими словами он отбросил меч в дальний угол, поднял малыша на ноги и отпустил.

Губернатор отступил назад, подозвал воинов и сказал: «Приведите этого человека сюда». Воины схватили разбойника за

шиворот, выволокли его во двор и посадили на землю. Тикатака хотел разорвать его на части, но губернатор произнес: «Этот человек заслуживает восхищения за то, что отпустил заложника. Он так беден, что вынужден был забраться в ваш дом. Потом, чтобы остаться в живых, он взял в заложники вашего сына. В нем нет ничего ненавистного. Кроме того, когда я сказал ему отпустить мальчика, он выполнил мое повеление и дал ему уйти. Он понимает ход вещей. Немедленно освободите его».

Затем губернатор сказал разбойнику: «Скажи нам, что ты хочешь». Но разбойник рыдал и рыдал, не в силах вымолвить ни слова.

Губернатор сказал: «Дайте ему поесть. Он совершил дурной поступок, поэтому его могут убить. Ступайте в конюшню, выберите крепкого коня, бросьте на него дешевое седло и приведите сюда».

Он также послал людей принести простой лук и колчан. Когда все было приготовлено, губернатор приказал разбойнику одеть за спину колчан и сесть на лошадь. Затем он положил в сумку десятидневный запас сухого риса, обернул сумку тканью и привязал к поясу разбойника. Сделав это, он сказал разбойнику: «А теперь уезжай! Скачи прочь!» Разбойник ускакал, следуя его приказу.

Устрашенный словами Ёринобу, разбойник отпустил заложника. Размышляя об этом, сможешь понять величие воина Ёринобу.

Мальчик, который был взят в заложники, стал монахом в монастыре на горе Митакэ. Он получил священный сан атярья и принял имя Мёсю.

В 1046 г., за два года до смерти, Ёринобу поместил в святилище Хатимана в Ивасимидзу свиток с молитвами, в которых были отражены генеалогия и военные достижения его семьи. Годом ранее его сын Ёриёси совершил в этом же святилище уже уходящий в прошлое ритуал в честь своего сына Ёсинэ и дал ему имя Хатиман Таро. Впоследствии современники будут восхищаться Хатиман Таро Ёсинэ как величайшим воином. Свиток с молитвами Ёринобу сделал поклонение клана Минамото в святилище Хатимана официальным. Отныне божество Хатиман превратилось в защитника клана.

Ёринобу рассказывает в молитвах о своих военных подвигах в пышном китайском стиле:

Недавно, в четвертый год эры Мандзю императора Гоитидзэ [1027], Тайра-но Тадацунэ, жадная крыса из Кадзуса, распустил свои щупальца по восточной столице, устранил губернатора Бандо, распространил свое порочное влияние, намереваясь напасть на данников императора, и воспротивился установлениям императорского двора. Он распоряжался государственным имуществом как своим собственным и воровал собранные налоги. Он пренебрегал императорскими эдиктами и противился императорским посланникам, так что правящий дом часто посылал свои лучшие войска, дабы усмирить его. Тем не менее, ему удавалось избежать поимки, создавая неприступные крепости. Стоя у самого императорского дворца, он ждал случая захватить двор, когда я, ваш ничтожный слуга, наконец удостоился чести быть назначенным губернатором Каи во втором году эры Тэгэн [1029], и выступил в поход для покорения восточных земель. Не набирая в армию местное население, не расходуя выделенных средств, не ударяя в барабаны, не потрясая флагами, не натягивая луков, не выпуская стрел, не прячась в засаде и не атакуя, я схватил жестокого бандита, даже не шелохнувшись.

Это описание в значительной степени соответствует действительности. Весть о восстании Тайра-но Тадацунэ в Канто (другое название — Бандо) достигла двора в шестом месяце 1028 г. Собрался совет, чтобы назначить командующего карательной экспедицией. Ёринобу получил прекрасные рекомендации, но в конце концов выбрали двух других полководцев, один из них был известен своей военной доблестью. Однако им не удалось одолеть Тадацунэ, и один из них был смещен со своего поста в конце 1029 г. Весной 1030 г. Тадацунэ напал на ставку губернатора Ава, и губернатор бежал. Двор назначил преемника, но он был занят собственными делами и не пожелал принять новый пост.

Разграбление земель восставшими и правительственными войсками продолжалось. Наконец, в девятом месяце 1030 г. двор отозвал последнего командующего и назначил на его место Ёринобу. Ёринобу, годом раньше ставший губернатором Каи, находился в Киото и по каким-то причинам медлил с отъездом на восток. Когда же весной 1031 г. он все-таки прибыл к месту

службы, произошла любопытная вещь: печально известный мятежник Тадацунэ быстро сдался. Месяц спустя Тадацунэ заболел и шестого числа шестого месяца умер по пути в Киото.

Почему Тадацунэ так быстро сдался? Быть может, одна из причин — его особое отношение к Ёринобу, о котором рассказывается в следующем эпизоде из «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 9). Если он действительно имел место, то это произошло не позднее 1012 г.

Когда Ёринобу стал губернатором Хитати и находился там, в провинции Симофуса жил самурай по имени Тайра-но Тадацунэ. Он имел огромное влияние и бродил по Кадзуса и Симофуса, не платя налогов и не подчиняясь властям. Порой он даже не обращал внимания на приказы губернатора Хитати. Губернатор был оскорблен и горел желанием отправиться в Симофуса и напасть на Тадацунэ.

В той же провинции находился человек по имени Тайра-но Корэмото, офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца. Услышав о намерениях губернатора, он сказал ему: «Тадацунэ очень влиятелен. К тому же он обитает в тех местах, куда людям трудно добраться. Поэтому напасть на него с немногочисленным войском невозможно. Если вы хотите перейти границу и отправиться в его логово, возьмите побольше воинов».

Услышав это, губернатор сказал: «Может быть, все так и есть, но я не могу оставить это». Вскоре он выступил и направился в Симофуса. Корэмото собрал 3000 воинов и пошел, чтобы встретиться с ним у святилища Касима.

На морском пляже, белом и широком, длиной почти в 2000 ярдов, луки воинов блестили в лучах восходящего солнца. Губернатор прибыл один со своими воинами и войсками своей провинции. Всего их было около 2000. Воины стояли вдоль берега к западу от Касима. Они не были похожи на людей: можно было видеть лишь луки, сверкающие, как облака. «В легендах мы слышали о таком, но никогда не видели столько воинов», — говорили очевидцы.

Устье реки Кину было подобно океану. Касима находилась прямо напротив, на другом берегу реки перед Катори, но лица людей на другом берегу невозможно было различить. Главная крепость Тадацунэ располагалась далеко в бухте.

Чтобы добраться до нее по берегу бухты, нужно было идти семь дней. Если же плыть по воде, можно было добраться за один день. Тадацунэ отошел и спрятал все лодки.

Возможности перебраться через реку не было, и некоторые из стоявших на берегу воинов спрашивали, не следует ли им идти в обход по берегу бухты. В этот момент губернатор вызвал человека по имени Онакатоми-но Нарихира, посадил его в маленькую лодку и отправил к Тадацунэ. Слова его были такими: «Если он не собирается сражаться, возвращайся назад как можно быстрее. Если он решил биться и ты не сможешь вернуться, пусти лодку по течению. Увидев ее, мы начнем переправляться через реку».

Получив указания, Нарихира отправился в путь на маленькой лодке. В это время Корэмото слез с коня и взял лошадь губернатора под уздцы. Увидев это, еще несколько воинов спешились.

Нарихира пустил лодку по течению. Тадацунэ сказал в ответ: «Господин губернатор — великий человек. Я был бы рад покориться ему. Но Корэмото — враг моей семьи. Пока он с ним, как я могу стать перед губернатором на колени?» Затем добавил: «Без единой лодки как может хоть один человек добраться сюда?»

Увидев спускающуюся по течению лодку, губернатор сказал окружающим его воинам: «Если мы пойдем кругом по берегу бухты, минет несколько дней. Вот почему он не убегает. Другой же путь, думает он, недоступен. Если бы смогли напасть на него сегодня, этот негодяй был бы очень удивлен. Но он спрятал все лодки. Что, вы думаете, нам надлежит делать?»

Воины сказали: «Другого выхода нет, господин. Придется идти вкруговую».

«Что ж, — сказал губернатор, — я в Бандо в первый раз. Поэтому я плохо знаю местность. Но в моей семье из поколения в поколение передаются сведения об этом море: «В нем есть отмель, подводная банка, идущая к противоположному берегу. Она десять футов шириной и глубиной по брюхо лошади». Я думаю, что дорога должна начинаться где-то здесь. Среди вас должен быть кто-то, кто знает ее. Он пойдет первым. Я последую за ним».

Сказав это, он двинулся вперед и начал заходить в воду. В этот момент воин по имени Маками-но Такафуми вскричал:

«Господин, я ходил здесь много раз. Позвольте мне пойти впереди вас!»

Такафуми дал своему слуге пучок тростника и, приказав ему поминутно хлестать по крестцу лошади, пошел вброд через бухту. За ним последовали и другие воины. Когда несколько сотен воинов вошло в воду, это сделал и губернатор. Как оказалось, среди множества людей только трое знали брод. Остальные же даже не слышали о нем.

Губернатор первый раз в этой местности, думали они. Как же он может знать то, о чем мы даже не слышали? Несомненно, он — воин, превосходящий всех остальных! Их страх перед ним усилился еще больше.

Пока Ёринобу со своими воинами переходил залив, Тадацунэ был спокоен и расслаблен. Он пойдет по берегу бухты, чтобы напасть на меня, думал он. Раз я спрятал все лодки, он не сможет перебраться.

Кроме того, размышляя Тадацунэ, он не может знать о дороге по отмели. Только я знаю о ней. Пока он будет идти несколько дней по берегу, я успею скрыться. И он не сможет напасть на меня. Решив так, он дал своим людям отдохнуть.

И тут ворвался человек, работавший около дома, и закричал: «Правитель Хитати нашел отмель и уже переходит ее со своими воинами! Что нам делать, господин?»

Он произнес это дрожащим голосом и просто трясся от страха. Все получалось отнюдь не так, как ожидал Тадацунэ.

«На меня напали! Вот как!» — сказал он. «Я пошлю ему письмо, что сдаюсь». Он тут же наколот на один конец палки для писем семейные свитки и отправил их вместе с письмом, в котором просил прощения, со слугой на маленькой лодке*.

Губернатор, когда лодка приблизилась к нему, взял семейные свитки и сказал: «Раз он послал мне свои семейные свитки и письмо с извинениями, нам нет необходимости нападать на него и убивать. Возвращаемся назад».

Сказав, он повернул свою лошадь обратно. За ним последовали его люди.

После этого случая люди стали считать его несравненным воином и бояться еще больше, чем прежде.

* Отдать семейные свитки, *мэбу*, считалось залогом верности.

Райко и другие: Легенды об искусстве стрельбы из лука

До того как меч стал считаться «душой самурая», основным оружием воина были лук и стрелы. Ниже приведены несколько историй о виртуозном владении этим оружием воинами древности, в том числе и об одном человеке, который добровольно стал мишенью.

Первый эпизод, взятый из «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 6), повествует о Минамото-но Райко, который ко времени описываемых событий был уже в годах. Его отца, упоминаемого здесь под именем Тада-но Мандзю, звали Минамото-но Мицунака (912—997). Рассказ о его чудесном обращении в буддизм приводился выше. Император Сандзё (976—1017) правил с 1011 по 1016 гг.

Когда император Сандзё был еще наследным принцем и жил в Хигаси Сандзё, случилось следующее. Как-то он прогуливался вдоль южной стороны Синдэн. Неподалеку стояли двое знатных воинов. Тут он заметил лисицу, забравшуюся под западный свес крыши Зала Будды, что к юго-востоку.

В то время главным военным помощником наследного принца был Минамото-но Райко. Сын Тада-но Мандзю, Райко считался настолько великолепным воином, что императорский двор взял его на военную службу, и весь мир страшился его. Этот человек был одним из двух воинов, находившихся рядом. Наследный принц дал ему лук и стрелу хикимэ и сказал: «Подстрелите-ка ту лису, лежащую под свесом крыши к юго-востоку».

«Ваше высочество, боюсь, что должен отказать вам, — ответил Райко. — Будь на моем месте кто-нибудь другой, не

случилось бы ничего страшного, не попади он в цель. Но для меня промахнуться будет позором. К тому же, ваше высочество, я не смогу попасть в цель. Когда я был моложе, я стрелял в оленя даже тогда, когда он бежал вдалеке и я не мог отчетливо его видеть. Но вот уже многие годы я не делаю ничего подобного. Ныне, даже во время спортивных состязаний, я не могу сказать, куда упадет моя стрела».

Райко надеялся, что если он не будет стрелять сразу, лисица ускользнет, пока он говорит. К несчастью, лиса не только не убежала, но и, казалось, заснула, повернувшись к западу.

Наследный же принц стал горячо убеждать Райко выстрелить. В конце концов Райко не в силах был больше отказываться, взял лук и положил на него стрелу хикимэ.

«Я мог бы подстрелить ее, если бы лук был достаточно тугим, ваше высочество, — сказал он. — К тому же стрела хикимэ слишком тяжела, чтобы пролететь такое большое расстояние. Если же стрела не долетит до цели, то это будет для меня еще большим позором, чем не попасть в лисицу. Я не думаю, что смогу попасть».

Тем не менее, он подобрал веревкой платье и закатал рукава. Затем чуть опустил конец стрелы, натянул тетиву настолько, насколько позволял лук, и выстрелил. Он даже не видел, куда полетела стрела. Но через мгновение она пронзила лисице грудь. Лисица судорожно дернула головой и упала в пруд.

С таким слабым луком и тяжелой стрелой даже самый сильный лучник не смог бы дострелить до цели, подумал наследный принц и все, кто был рядом. Но Райко попал в лисицу. Это чудо из чудес!

Лисица утонула в пруду, поэтому послали слугу найти и выгнать ее.

Потом наследный принц подарил Райко лучшего коня из императорских конюшен, чтобы выразить свое восхищение. Взяв во дворе под уздцы коня, Райко обернулся к принцу, сидевшему в глубине зала, и произнес: «Это не моя заслуга, ваше высочество. Божество, хранящее меня, помогло мне попасть в цель, дабы я не опозорил своих предков».

Затем он сказал то же самое своим братьям и родственникам: «Нет, это была не моя стрела. Вы должны понять это».

Когда слова Райко стали известны, люди восхищались им еще больше.

В мире немало историй о том, как человек намеренно становится мишенью и избегает смерти. Следующий эпизод, взятый из «Кокон тёмон дзю» (разд. 347), повествует об одном из «четверых стражей» Минамото-но Райко.

Суэтакэ, воин Райко, отличался среди прочих самураев исключительной храбростью. Он был великолепным лучником и мог отстрелить иголку от вдетой в нее нитки.

Однажды какой-то человек сказал Суэтакэ: «Быть может, вы и способны отстрелить иголку от нитки, но держу пари, что вы не попадете в меня, если я встану прямо перед вами на расстоянии десяти ярдов».

Что за чушь он несет, подумал Суэтакэ и, поддавшись искушению разоблачить этого наглеца, сказал: «Если я не попаду в вас, я дам вам все, что вы пожелаете. А если я не промахнусь, что вы дадите мне?»

«Мою жизнь, господин», — ответил человек. Этого, несомненно, было достаточно.

Суэтакэ согласился, и человек встал перед ним на расстоянии десяти ярдов. Суэтакэ знал точно, что попадет. Это значило потерять одного из своих подчиненных. Но раз уж так все повернулось, решил Суэтакэ, хватит думать об этом. Он тщательно прицелился, выстрелил и... промахнулся. Стрела прошла в пяти дюймах от тела. Суэтакэ, проигравшему пари, ничего не оставалось, как дать человеку все, что он попросит. А тот несколько не стеснялся просить.

Потом человек сказал: «Не хотите ли попробовать еще раз, господин?»

Подобная твердость вновь удивила Суэтакэ, и он согласился. Почему я не попал в первый раз — загадка, подумал Суэтакэ, но сейчас я уж точно не промахнусь. Он чуть задержал натянутую тетиву и, целясь в сердце, выстрелил. И опять промахнулся. Стрела опять прошла в пяти дюймах от тела.

«Господин, разрешите мне объяснить, почему вы промахнулись, — сказал человек. — Вы великолепный лучник, но, если мне позволено будет сказать, вы недостаточно хорошо думаете. Тело у человека большое, но оно не шире ног. Вы стреляете, целясь в центр. Предположим, что я, мишень, прыгну в сторону, как только услышу звук отпускаемой тетивы. Я могу отпрыгнуть от стрелы, по крайней мере, на пять дюймов. Вот как все происходит. Стреляя в следующий раз, господин, помните об этом».

Объяснение оказалось настолько совершенным, что Суэтакэ нечего было сказать.

В следующей истории из «Кондзяку моногатари сю» (т. 25, разд. 12) речь идет о родственнике Райко: его племяннике Ёриёси (988—1075). Как мы увидим, он станет губернатором Муцу и командующим в так называемой Первой Десятилетней войне.

Этот рассказ описывает не только поистине божественное искусство стрельбы из лука, но и беспредельное великодушие отца по отношению к сыну.

Когда Минамото-но Ёринобу, губернатор Кавати и великий воин, услышал о том, что на востоке у кого-то есть прекрасный конь, он отправил посланника, вежливо прося подарить ему этого коня. Владелец, не в силах отказать в просьбе, отслал коня в Киото. В пути его увидел конокрад и решил во что бы то ни стало завладеть им. Поэтому он тайком последовал за ним. Но воины неусыпно охраняли коня, и у вора не было ни единой возможности украсть его до того, как они прибыли в Киото. Когда коня доставили в столицу, его поначалу поместили в конюшни Ёринобу.

Тут кто-то сообщил Ёриёси, сыну Ёринобу: «Сегодня утром вашему отцу привезли с востока прекрасного коня». Услышав об этом, Ёриёси подумал: «Несомненно, что какой-нибудь недостойный человек попросит его у моего отца и рано или поздно получит. Пока этого не случилось, пойду-ка я взгляну на него, и если это действительно хороший конь, попрошу отца подарить его мне».

Несмотря на то, что уже был вечер и дождь лил как из ведра, Ёриёси, снедаемый нетерпением увидеть коня, отправился к отцу.

«Почему ты так долго не навещал меня?» — спросил отец. Он сразу понял, что сын узнал о появлении прекрасного коня и пришел просить дать его ему. Поэтому еще до того, как Ёриёси открыл рот, Ёринобу сказал: «Я слышал, что с востока привезли коня, но я его еще не видел. Хозяин говорил, что это прекрасный конь. Сейчас уже темно. Взгляни на него завтра утром, и, если он понравится тебе, он твой».

Ёриёси был очень доволен, что ему сказали об этом еще до того, как он изложил свою просьбу. «В таком случае, — произнес он, — могу ли я остаться на ночь, господин, чтобы взглянуть на коня утром?»

Вечер отец и сын провели беседуя друг с другом. Когда наступила ночь и отец отправился отдыхать в свою спальню, Ёриёси последовал за ним и расположился в соседней комнате.

Дождь, тем временем, не прекращался. В полночь вор, воспользовавшись шумом дождя, пробрался в конюшни и увел лошадь. Вскоре со стороны конюшен раздался крик: «Украла коня, доставленного накануне для нашего господина!»

Ёринобу услышал крик, хотя и не отчетливо. Даже не спросив у спящего Ёриёси, слышал ли он что-нибудь, отец закутался в свое платье и поднялся. Перекинув за спину колчан, он побежал в конюшни. Затем он сам вывел коня, бросил на него первое попавшееся под руку дешевое седло и один бросился в погоню по направлению к заставе Осака. Тот, кто сделал это, думал он, несомненно с востока. Он увидел, какой это прекрасный конь, и последовал за ним, ища возможности украсть его. Но это ему не удалось до прибытия в Киото. Сейчас же он воспользовался шумом дождя и скрылся.

Ёриёси тоже слышал крик. Он подумал то же самое, что и отец, и точно так же ничего не сказал ему. Он спал в одежде, поэтому просто вскочил, надел за спину колчан, вывел из конюшни лошадь, оседлал ее и помчался к заставе Осака.

«Мой сын, несомненно, отправился в погоню», — думал отец.

«Мой отец преследует вора впереди меня», — подумал сын и прищипорил лошадь. Когда он переехал через реку, дождь

кончился и небо просветлело. Он помчался еще быстрее, пока не добрался до заставы Осака.

Вор, скача на украденном коне, полагал, что ему удалось ускользнуть. Приблизившись к заставе Осака, он замедлил ход и начал пересекать большой водоем, образовавшийся от дождя. Услышав плеск воды, Ёринобу, хотя было еще темно и он не знал, где находится его сын, закричал, как если бы они обо всем договорились заранее: «Стреляй, он там!»

Только он это сказал, как услышал свист рассекающей воздух стрелы. Стрела попала во что-то. Затем раздалось позвякивание пустых стремян: испуганный конь пустился вскачь без седока. Ёринобу сказал: «Ты убил вора! Езжай вперед и поймай коня!» После чего он повернул лошадь и отправился домой, не дожидаясь сына.

Ёриёси помчался за конем и поймал его. К тому времени воины Ёринобу тоже отправились вслед за хозяином, и, возвращаясь назад, Ёриёси несколько раз встречал их по несколько человек. Когда он достиг Киото, с ним было от двадцати до тридцати человек.

Ёринобу вошел в свой дом и, даже не думая о том, чтобы рассказать кому-нибудь, как было дело, прошел в свои покои и лег спать. Ёриёси, после того как передал коня слугам, тоже отправился спать.

На следующее утро Ёринобу позвал Ёриёси. Но вместо того чтобы как-то проявить свое восхищение великолепной стрельбой сына из лука и поимкой коня, отец просто приказал привести коня. Когда коня привели, Ёриёси взглянул на него, увидел, что он действительно великолепен, и сказал: «Я принимаю ваш подарок, господин». И взял коня себе.

Коня доставили с отличным седлом, чего не было обещано накануне. Ёриёси решил, что это награда за попадание в цель.

«Муцу ваки» («История Муцу»), описывающая события Первой Десятилетней войны, в которой Ёриёси командовал войсками правительства, так говорит о его искусстве:

«Ёриёси всегда попадал в любого зверя, бегущего по полю, будь то олень, лисица или заяц. Он носил слабый лук, но пущенная им стрела неизменно входила в цель по самое оперение».

Даже взбешенный дикий зверь падал перед силой его тетивы. Он превзошел всех остальных во владении луком».

Последние две истории также связаны с Райко, хотя на этот раз косвенным образом. Оба эпизода взяты из «Кокон тёмон дэю» (разд. 348 и 349). Муцуру, главное действующее лицо одного и сторонний наблюдатель в другом, был братом Ватанабэ-но Цуна, одного из «четырех стражей» Райко. Более о нем почти ничего не известно. Итиин — это император Тоба (1103—1156). Его запрет на убийство рыб и птиц, возможно, был связан с тем, что к тому времени он постригся в монахи.

Когда Итиин находился в своей резиденции во дворце Тоба, он увидел, что каждый день прилетает чайка и ловит в пруду рыбу. Он решил подстрелить ее и спросил, есть ли среди воинов стражи кто-нибудь подходящий для этого. Выбор пал на Муцуру, его вызвали и дали ему императорский приказ:

«Чайка прилетает к пруду и ловит много рыбы. Подстрелите ее. Но убить ее было бы жестоко. Его величество желает, чтобы не погибли ни птица, ни рыба. Придумайте, как это сделать».

Муцуру не мог отказаться. Он ушел и вскоре вернулся с луком и стрелой с двойным наконечником. Стоя на берегу пруда, он ждал, когда прилетит чайка. Вскоре она появилась. Птица схватила карпа и начала подниматься, когда Муцуру, натянув до отказа лук, выстрелил в нее. Стрела попала в цель, но чайка улетела. Карп упал в пруд и всплыл белым брюхом вверх. Муцуру достал карпа и представил его императору для проверки. Оказалось, что стрела попала в лапы чайки, в которых она держала рыбу. Ее лапы были повреждены, но сама она не погибла. Рыба также не погибла, хотя птица и схватила ее когтями. В соответствии с приказанием ни птица, ни рыба не были убиты. Муцуру выполнил его.

Император решил, что это необычный подвиг, и вознаградил Муцуру.

Этот же самый Муцуру, офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца, решил как-то сделать оперение для боевых

стрел из перьев ибиса. Ему не удалось раздобыть достаточно перьев, и он попросил их у своих подчиненных.

Когда Дзёроку Даю, великолепный стрелок, услышал об этом, он приказал своим слугам пойти поискать ибисов. Вскоре ему доложили, что несколько птиц замечено среди рисовых полей к северу от реки. Он вышел с луком и стрелами, и тут ибисы поднялись в воздух и полетели на юг. Дзёроку приготовил лук и стрелу, но не стрелял ни вправо, ни влево. Вместо этого он спросил Муцуру, какую бы птицу он особенно хотел получить. Муцуру ответил, что хотел бы последнюю из стаи, но Дзёроку по-прежнему не проявлял никакой спешки. Наконец, когда птицы улетели на большое расстояние и вроде бы находились над южным берегом реки, он натянул до предела тетиву и выстрелил. Стрела попала в птицу.

Глубоко восхищенный и в то же время озадаченный, Муцуру спросил Дзёроку: «Почему вы не стреляли, когда птица была близко? Почему выстрелили только когда она улетела далеко?»

«Я рад, что вы спросили, — сказал Дзёроку. — Если бы я убил птицу, когда она была близко, она упала бы в реку, ее перья намокли бы и испортились. Я выстрелил в нее, когда она достигла берега, чтобы не повредить ее перья».

Без сомнения, он был великолепным лучником, который мог стрелять, как пожелает.

Тайра-но Мунэцунэ: Безмолвный

Молчаливый, но умелый — воин, наделенный этими качествами, всегда вызывал восхищение, но даже среди таких людей выделяется Тайра-но Мунэцунэ (982—1023), о котором рассказывает «Кондзяку моногатари сю» (т. 23, разд. 14).

В ту эпоху войны непрерывно сражались друг с другом. Мунэри, отец Мунэцунэ, будучи губернатором Муцу, убил другого губернатора, Тайра-но Корэхира, своего «соперника на пути воина», и был сослан на остров Оки. Сам Мунэцунэ, занимая пост офицера Левого крыла стражи Внешнего дворца, был обвинен в развязывании вражды и одно время преследовался императорской полицией за убийство. В своем стихотворении, включенном в шестую императорскую антологию «Синка сю» (№ 335), Мунэцунэ благодарит священнослужителя Гэнкаку за то, что тот добился для него помилования за совершенные преступления.

В то время, когда господин Удзи* был на вершине власти, Мёсон**, настоятель храма Мии***, присутствовал как-то при дворе для совершения всенощных молитв. Все светильники были потушены.

Спустя какое-то время Ёримити, не говоря никому о своих намерениях, решил послать Мёсона с каким-то поруче-

* Фудзивара-но Ёримити (992—1074), служивший регентом и советником при трех императорах.

** Мёсон (971—1063) занимал несколько высоких постов в буддийской иерархии.

*** Также известен как Ондзэ-дзи, храм школы Тэндай. Находится в Оцу, недалеко от Киото.

нием. Он хотел, чтобы Мёсон вернулся еще затемно. Он велел привести из конюшен и оседлать лошадь, спокойную и покладистую, и громко спросил: «Может ли кто-нибудь сопроводить этого господина?»

Мунэцунэ, офицер стражи Внешнего дворца, нес тогда службу. Он сказал: «Мунэцунэ к вашим услугам, господин».

«Очень хорошо», — сказал Ёримити и, поскольку в то время Мёсон был еще не настоятелем, а всего лишь монахом, добавил: «Монах должен отправиться в храм Мии и вернуться прежде, чем наступит утро. Как сопровождающий позаботьтесь о том, чтобы так и было сделано».

«Слушаюсь, господин».

Лук и колчан со стрелами Мунэцунэ всегда держал наготове в своей комнате. Под циновкой были спрятаны соломенные сандалии. Слуга у него был всего один, явно низкого происхождения. Поэтому все, кто знал его, говорили: «Какой экономный человек!»

Получив приказ сопровождать монаха, Мунэцунэ немедленно подобрал края своего платья и связал их узлом. Затем он достал свои сандалии, надел за спину колчан со стрелами и вышел во двор, где стояла оседланная лошадь.

Монах спросил: «Как ваше имя?»

«Мунэцунэ, почтенный», — ответил тот.

«Мы направляемся к храму Мии, — сказал монах. — Что же вы стоите, как будто мы отправляемся туда пешком? Разве у вас нет лошади?»

«Даже если я на ногах, я ни за что не отстану. Тронемся в путь», — сказал Мунэцунэ.

Монах подивился про себя: «Однако это очень странно».

Слуга Мунэцунэ двигался впереди с фонарем. Они прошли семьсот или восемьсот ярдов, когда Мёсон вдруг увидел двух людей, одетых в черное и вооруженных луками, идущих прямо на него. Он очень перепугался. Однако, увидев Мунэцунэ, они упали на колени и сказали: «Вот ваша лошадь, господин!» Затем оказалось несколько лошадей. Стояла ночь, и монах не мог различить, какого цвета лошади, но он увидел, что люди принесли также обувь для верховой езды. Мунэцунэ одел ее поверх соломенных сандалий и вскочил на лошадь.

Мёсона теперь сопровождали двое воинов с колчанами и луками. Он почувствовал себя в безопасности и продолжил

путь. Они проехали еще ярдов двести, когда на дороге появились еще двое людей, с луками и стрелами, точно так же одетых в черное. На этот раз Мунэцунэ не сказал ни слова. Двое тут же привели своих коней и присоединились к эскорту. «Это тоже его люди. Невероятно!» — сказал монах самому себе.

Еще через двести ярдов опять появились два человека, и также поехали рядом. И так через каждые двести ярдов к ним подходило по два человека, так что когда они добрались до реки Камо, всего сопровождающих уже было около тридцати человек. Пока Мёсон восхищался загадочными поступками Мунэцунэ, показался храм Мии.

Выполнив то, что ему было поручено, еще до полуночи, Мёсон отправился обратно. Впереди и позади него ехали те же воины. В окружении их он был спокоен. Воины сопровождали его до тех пор, пока они не достигли реки. Однако после того, как они въехали в Киото, воины без всякого приказа Мунэцунэ начали исчезать по двое там же, где они появились. Когда до дома господина Удзи оставалось не более сотни ярдов, с ними осталось лишь двое воинов, появившихся первыми. Мунэцунэ слез с лошади в том же самом месте, где и сел на нее, снял обувь и пошел пешком в соломенных сандалиях, в которых покинул дом. Двое воинов подобрали обувь и, ведя лошадей под уздцы, исчезли. Теперь монаха сопровождали только Мунэцунэ и его слуга. Они вошли в ворота в простых сандалиях.

Очарованный тем, как появлялись люди и лошади, как будто это было заранее определено, Мёсон отправился к Ёримити, намереваясь рассказать ему обо всем. Ёримити ждал его и не ложился спать. Сообщив о том, что он выполнил поручение, Мёсон добавил: «Мунэцунэ — необыкновенный воин. И у него способные слуги, не уступающие ему».

Но, вопреки ожиданиям Мёсона, Ёримити не задал ему никаких вопросов. Монах был обескуражен.

Мунэцунэ был сыном воина по имени Тайра-но Мунэёри. Он отличался отвагой и, в отличие от большинства людей, стрелял очень большими стрелами. Поэтому его прозвали Командиром Больших стрел стражи Внешнего дворца, Левого крыла.

Тайра-но Садацуна: Когда не следует рисковать жизнью

Самурай должен быть готов в любое время проститься с жизнью — но только если это необходимо. Он также должен знать, когда не следует подвергать жизнь риску, о чем свидетельствует следующий короткий отрывок из «Кокон тёмон дзю» (разд. 341).

О главном герое Тайра-но Садацуна известно очень мало. *Сирабёси*, «белый ритм» — танцовщица в элегантном и изысканном костюме, зачастую она же была и проституткой.

Вада Ёсимори (1147–1213) — доблестный воин с блестящим послужным списком. Когда Ходзё Ёситоки (1143–1224), регент сёгуната Камакура и фактический правитель Японии, убил своего брата, Ёсимори поднял против него армию, но потерпел поражение и был убит. Он будет важным действующим лицом в следующем разделе о Минамото-но Ёсицунэ.

Командир Левого крыла стражи Внешнего дворца Тайра-но Садацуна из Фурукори был пьян и спал вместе с танцовщицей-сирабёси по имени Гёкудзю, когда грабители проникли в его дом в Киото. Они ворвались в спальню, но Садацуна выхватил меч и заставил их отступить. Затем он протолкнул вперед себя Гёкудзю, отступил на задний двор, перебрался через живую изгородь кипарисов на участок соседа и бежал вместе с женщиной.

Люди узнали об этом и сказали: «Он бежал от разбойников. Это позор!»

Услышав такие слова, Садацуна произнес: «Если бы подобное случилось снова, я бы поступил точно так же. Я не хочу из-за разбойников рисковать жизнью. Но если в беду попадет

мой господин, я отдам свою жизнь столько раз, сколько требуется».

Садацуна сдержал свое слово. Когда командир Левого крыла стражи Внешнего дворца Вада Ёсимори вступил в битву, Садацуна мчался впереди войск, которые он вел. Днем он скакал на черном коне, накинув алое хоро*, защищающее от стрел, ночью — на белом коне с черными яблоками, неся белое хоро. Он был настоящим воплощением «воина, стоящего тысячи». Верный своему слову, он оставался храбрым и отважным.

Когда его сторона потерпела поражение и никто не захотел принять его вызова на поединок, Садацуна покончил с собой.

* *Хоро* — большая сумка из материи, которую всадник обычно носил за спиной, чтобы уберечься от стрел.

Часть II

Сыгранные сражения

Минамото-но Ёсиизэ: «Самурай величайшей храбрости»

Однажды, когда господин Сиракава спал, на него напал дух. Ему сказали: чтобы избавиться от духа, нужно положить на подушку оружие. Тогда Сиракава вызвал Ёсиизэ. Ёсиизэ сразу же предложил ему свой лук, сделанный из особого дерева и покрытый черным лаком. Как только господин Сиракава положил этот лук на подушку, дух перестал досаждать ему.

Потрясенный, он спросил Ёсиизэ, не пользовался ли тот луком во время Двенадцатилетней войны. Ёсиизэ ответил, что не помнит. Это, говорят, восхитило господина Сиракава еще больше.

~

Короткий эпизод из «Удзи сюи моногатари» («Истории, собранные в Удзи», разд. 66) подтверждаем большим уважением, граничащим с благоговейным ужасом, пользовался у двора во главе с императором Сиракава (1053–1129), здесь называемым господином Сиракава, самурай по имени Минамото-но Ёсиизэ (1041–1108). К тому времени, когда произошел описанный выше случай, некоторые называли его «командиром всех самураев» и «самураем величайшей храбрости». Второе определение принадлежит Фудзивара-но Мунэтада (даты жизни неизвестны). Он записал его в своем дневнике в 1098 г., когда Ёсиизэ был допущен ко двору Сиракава. Подобной чести удостоивались лишь очень немногие воины.

Ёсиизэ прославился в ходе двух гражданских войн, которые традиционно называются Первой Девятилетней (1051–1062) и Второй Трехлетней (1083–1087)*. В первой он командовал

* Войны явно длились дольше обозначенного периода, хотя некоторые полагают, что Первая Девятилетняя война началась в 1054 г. Иногда Двенадцатилетней войной называют только первую, иногда — обе.

войсками под началом своего отца Ёриёси, губернатора Муцу, а в ходе второй уже сам был губернатором той же провинции. Обе войны велись с целью уничтожить могущественные кланы области Муцу, стоявшие во главе племен эбису*.

Считается, что члены семьи Абэ, занимавшие главные посты в области Муцу, прежде заселенной преимущественно эбису, сами принадлежали к этой народности. Их автономия крепла, и вскоре они фактически превратились в единоличных правителей области. К тому же они не только пользовались влиянием и поддержкой среди тех, кем управляли: они были высокообразованы. Это подтверждается описанным в следующем эпизоде обменом стихами (рэнга), который, по преданию, произошел в разгар битвы между Ёсинэ и Абэ Садато, возглавлявшим противников Минамото. Говорят, что Мунэто, брат Садато, сдавшийся в плен в конце Первой Десятилетней войны, опозорил звать столичного Киото, когда кто-то, желая продемонстрировать грубость и невежество Мунэто, попытался выставить его на посмешище. Указывая на цветущую сливу — древняя поэтическая тема — его спросили, знает ли он, что это такое. Мунэто моментально откликнулся стихом:

В своей стране я бы сказал,
что это цветы сливы.
Но как же называет их звать Киото?

Неудивительно, что для Ёриёси и его воинов борьба с народом, который возглавляли такие люди, борьба в чужой стране с плохим климатом оказалась делом изнурительным. Муцу была родной землей Абэ, снабжение оставалось постоянной проблемой для Ёриёси, и многие его воины дезертировали. Вожди местных кланов нередко корыстным образом меняли свои пристрастия. Киёхара-но Цунэкиё, поначалу занявший сторону Ёриёси, переметнулся к Абэ вместе со своими восемьюстами воинами. За это предательство Ёриёси, как рассказывается в следующем пове-

ствовании, обрек Цунэкиё на мучительную смерть, когда тот был схвачен живым. В конце концов Ёриёси победил, когда Киёхара-но Норитакэ, могущественный лидер эбису из Дэва, присоединился к нему с 10000 воинами. Под непосредственным же началом Ёриёси находилось всего около 3000.

В одной из первых жестоких битв начала войны Ёсинэ заслужил славу великого лучника. В «Муцу ваки», описании Первой Десятилетней войны, кратко говорится об этом.

В одиннадцатом месяце того же года [1057] командующий [Ёриёси] вел армию в 1800 воинов, намереваясь уничтожить Садато и его людей. Садато, под началом которого было 4000 отборных воинов, занял оборону в Кимони и превратил крепость Коганэ-но Тамэюки в свое передовое укрепление. Дули сильные ветры, валил снег, дороги и перевалы стали труднопроходимыми. У войск Ёриёси закончился провиант, люди и лошади были истощены. Мятежники на свежих лошадях прорвали их центр и стреляли в них, покуда те пытались подняться на ослабевших ногах. Мятежников было намного больше, так что силы сторон оказались неравными. Войска Ёриёси потерпели поражение во многих стычках, несколько сот воинов погибло.

Однако Ёсинэ, старший сын командующего, далеко превосходивший всех остальных в отваге и силе, стрелял с лошади как бог. Он врывался снова и снова в ряды окружавших его воинов со сверкающими мечами, появлялся то слева, то справа, стреляя в командиров врага из своего большого лука. Ни одна стрела не прошла мимо цели, и каждый, кого она настигала, падал замертво. Он обрушивался как молния и летал как ветер. О его божественной военной доблести знали все. Воины эбису метались, и никто не отваживался бросить ему вызов...

[Тем временем] воины, охранявшие командующего, либо рассеялись, либо были ранены или убиты. В конце концов рядом с ним осталось лишь шестеро всадников. Это были Ёсинэ, Фудзивара-но Кагэмити, Оякэ-но Мицутто, Киёхара-но Садахиро, Фудзивара-но Норисуэ и Нориакירה. Двести мятежников на лошадях наполовину окружили их и атаковали слева и справа, обрушив на них град стрел. Лошадь команду-

* Большая, трудно определяемая народность, также называвшаяся *эмиси* «варвары». В периоды Мэйдзи и Тайсё (1868—1926) преобладала точка зрения, что эбису принадлежали к той же этнической группе, что и айну. Сегодня этот взгляд подвергается сомнению, но пока никому не удалось убедительно опровергнуть его.

ющего рухнула, сраженная случайной стрелой. Кагэмити привел ему другую лошадь. Конь Ёсиэ тоже был убит. Норикакира сбросил с лошади одного из мятежников и отдал ее Ёсиэ. Спаситься, казалось, было невозможно. Но Ёсиэ по-прежнему стоял насмерть. Мицудо и другие воины тоже отчаянно сражались. Наконец мятежники решили, что эти люди подобны богам, и отступили. Ёриэси и его воины смогли уйти.

Ёсиэ было в то время 18 лет. Далее в «Муцу ваки» говорится о том, как мастерство Ёсиэ-лучника, проявленное им в ходе войны, потрясло столь многих, что даже Киёхара-но Норитакэ, вождь эбису, присоединившийся к императорским войскам, попросил его как-то показать свое искусство. Ёсиэ охотно согласился. Норитакэ повесил на дереве один за одним три комплекта доспехов. Ёсиэ выстрелил, и стрела легко пробилла все три. Восхищенный Норитакэ заявил, что Ёсиэ является новым воплощением Хатимана, божества лука и стрелы.

В 1062 г., последнем году Первой Десятилетней войны, произошло несколько сражений. Пятого числа девятого месяца Садато с 8000 воинов напал на лагерь Ёриэси. У Ёриэси было только 6500 воинов, но после ожесточенной схватки, длившейся несколько часов, он заставил Садато отступить и даже начал преследовать его. Ночью, когда главные силы расположились в лагере на отдых, Ёриэси приказал Норитакэ продолжить погоню. Пользуясь темнотой, Норитакэ с пятьюдесятью воинами проник во вражеский лагерь. Перенулавшись, войска Садато побежали дальше, оставляя за собой кровавый след. Они оставили еще два военных поста и укрылись в замке на реке Коромо.

В течение следующего дня воины Ёриэси атаковали замок тремя группами. Норитакэ, возглавлявший одну группу, приказал тридцати самым ловким воинам взобраться на большое дерево, ветви которого простирались почти до другого берега реки, на которой стоял замок. С помощью виноградных лоз и веревок воины проползли по большим ветвям, спрыгнули на противоположный берег, ворвались в расположение врага и подожгли укрепления. Садато и его воины беспорядочно бежали из замка. Предание говорит, что именно в это время Садато и Ёсиэ обменялись стихами.

В эпизоде из «Кокон тёмон дзю» (разд. 336) некоторые детали представлены иначе, чем в «Муцу ваки». Губернаторство в Иё, свидетельствует источник, было пожаловано Ёриэси за военные успехи.

Минамото-но Ёриэси, губернатор Иё, провел в Муцу двенадцать весен и осеней, сражаясь против Садато и Мунэто.

Однажды он покинул лагерь и пошел со своими воинами к замку Акита. Валил густой снег, и одежда всех его воинов стала белой. Замок Садато возвышался над рекой Коромо. Воины Ёриэси построили плоты и бросились в атаку, прикрываясь щитами. Наконец, Садато перестал сопротивляться и бежал с другой стороны замка. Первый сын Ёриэси, Хатиман Таро упорно преследовал его вдоль реки Коромо и кричал: «Господин, вы показываете спину противнику! Какой позор! Остановитесь, я хочу что-то сказать вам».

Когда Садато обернулся, Ёсиэ произнес:

Замок Коромо разрушен
[Основа ткани распущена]*.

Садато ослабил поводья и, повернув голову, ответил:

За годы ее нити спутались,
и это ранит меня.

И тогда Ёсиэ убрал стрелу, которую уже вложил в лук, и повернул обратно в свой лагерь. Это был благородный поступок во время жестокой битвы.

Не нужно быть историком, чтобы отметить явную «неисторичность» такого описания; у полководцев, возглавлявших армии в несколько тысяч человек, едва ли было время, да и желание, всту-

* *Коромо* — название места, означает также «одежда», «ткань», а *татэ* означает и «замок», и «основа ткани».

пять в подобные «стихотворные поединки». Почему же родилась эта легенда? О высокой образованности клана Абэ либо уже знали, либо узнали позднее. Слава же Ёсиэ-воина росла день ото дня и вскоре стала легендарной, поэтому возникла необходимость представить его не только человеком храбрости и силы — но и изысканности.

Садато продолжал отступать, пока не добрался до своей резиденции — крепости на берегу реки Курия. К тому времени большинство его самых способных и преданных командиров было убито. Четырнадцатого числа к крепости подошел Ёриёси со своими воинами. Ёсиэ не является главным действующим лицом следующего эпизода из «Муцу ваки». В нем ярко описаны жестокость войны и ее последствия.

[Армия Ёриёси] подошла вечером пятнадцатого дня и окружила две крепости — одну на реке Курия, а другую — в Убато. Их разделяло семьсот-восемьсот ярдов. Лагерь, раскинувшиеся подобно крыльям птицы, бдительно охранялись всю ночь. К северо-западу от крепости Курия было большое болото, а передние стены Убато располагались на небольшом расстоянии от реки. Берег вздымался над рекой футов на тридцать, как скала, и не было никаких проходов. Крепость Курия стояла на берегу, который сам по себе казался неприступным. Над крепостью возвышалась смотровая башня, в ней неусыпно несли караул воины. Между рекой и крепостью был вырыт ров, на дне которого острием вверх торчали мечи; вся земля перед крепостью также была утыкана мечами. Защитники крепости стреляли из арбалетов в тех, кто находился далеко, и бросали камни в тех, кто оказывался рядом. Тех же, кому удавалось достичь крепости, они поливали кипящей водой и убивали острыми мечами.

Когда появились войска Ёриёси, воины на смотровой башне закричали им: «Попробуйте-ка сразиться с нами!» Затем пятьдесят или шестьдесят девушек залезли на башню и стали петь песни. Командующий был вне себя от гнева и ранним утром шестнадцатого числа приказал идти в атаку. Весь день и всю ночь непрерывно стреляли арбалетчики, которых он собрал в одном месте. Градом сыпались стрелы и камни. Но крепость

стояла непоколебимо, казалось, ее невозможно взять. Несколько сот воинов Ёриёси погибло.

На следующий день, семнадцатого числа, полководец приказал командирам и их людям: «Идите по деревням и разберите дома. Принесите все сюда и забросайте ров перед замком. Нарежьте сухого тростника и сложите его на берегу реки».

Воины разобрали дома и принесли бревна; на берегу реки выросли горы сухого тростника. Командующий спешился, повернулся лицом к императорскому дворцу и произнес слова молитвы:

«Однажды, когда добродетель династии Хань еще не пришла в упадок, внезапно обрушившийся ливень стал ответом пожеланиям командующего. Ныне воля Неба проявлена вновь. Да поможет сильный ветер старому подданному сохранить верность. Я молю и заклинаю: пусть три святых Хатимана нашьют ветер, и пусть он перенесет огонь на эти крепости и сожжет их!»

Затем он взял факел и, назвав его божественным огнем, бросил вперед. В этот момент над лагерем пролетел голубь. Командующий снова вознес молитвы. Вдруг поднялся сильный ветер, поднявший языки пламени и дым*.

Стрелы, посланные воинами Ёриёси, утыкали стены крепости и крышу смотровой башни так, что они стали похожи на соломенную одежду, из которой торчат стебли. Языки пламени, гонимые ветром, добрались до оперения стрел. Крепость и башня запылали. Тысячи мужчин и женщин в замке хором плакали от горя. Некоторые мятежники, потрясенные и испуганные, бросались в воду или обезглавливали себя сверкающими белыми мечами.

Воины Ёриёси пересекли реку и пошли на штурм. В это время несколько сотен отчаянных мятежников, закованных в доспехи и размахивающих мечами, бросились из крепости на окружающую их армию. Они были готовы умереть и уже простились с жизнью. Многие воины Ёриёси погибли или получили ранения. Увидев это, Такэнори приказал своим людям расступиться и пропустить мятежников. Воины открыли проход. Тут мятежники изменили свой план и решили спастись.

* Голубь был воплощением божества Хатимана для воинов Минамото. То, что он пролетел над лагерем, являлось хорошим предзнаменованием.

Они перестали сражаться и побежали. И тогда воины Такэ-нори бросились на них и перебили их всех.

Цунэкиё взяли в плен живым. Командующий приказал привести его и резко спросил: «Все твои предки служили моей семье. А ты попрал волю императора и презрел своих хозяев. Твое предательство порочит Путь. И что ты думаешь, сможешь ты или нет воспользоваться сегодня белым знаком?»

Цунэкиё склонил голову и молчал. Командующий так ненавидел его, что приказал отпилить ему голову тупым мечом, желая продлить его боль и страдания.

Садато сражался и зарубил нескольких человек. Воины Ёриёси ранили его алебардами, затем шестеро из них положили его на большой щит и принесли к командующему. Он был более шести футов ростом, а талия была в объёме не менее семи футов и четырех дюймов. У него было необычное лицо и белая кожа. Командующий обвинил его во многих преступлениях. Садато пытался перед смертью запугать его. Брат Садато Сигэто погиб. Но Мунэто удалось спрятаться в грязной яме и ускользнуть. У сына Садато, мальчика тринадцати лет по имени Тиё, было красивое лицо. Надев доспехи, он вышел из крепости и храбро сражался. Яростью и храбростью он напоминал своего деда. Командующий сжалился и хотел простить его. Но Норитакэ выступил вперед и сказал: «Господин, не забывайте, что проявив жалость сейчас, вы можете навредить себе потом». Командующий кивнул в знак согласия, и Тиё погиб.

В самом замке пятьдесят или шестьдесят красивых женщин, прекрасно одетые, в ожерельях из золота и яшмы, рыдали в клубях дыма от горя. Их вывели и отдали воинам. Лишь жена Норито поступила по-другому: когда крепость была разрушена, она, держа на руках трехлетнего сына, сказала мужу: «Вас сейчас убьют. Я не смогу жить одна. Я хочу умереть прежде вас». И вместе с ребенком бросилась в пропасть. Это была женщина удивительного мужества.

Следующие два эпизода произошли уже после войны. Первый, описанный в «Кокон тёмон дзю» (разд. 338), повествует о

великой славе Ёсиэ-воина и его образцовом отношении к Мунэто, одному из уцелевших братьев Абэ Садато.

Во время Двенадцатилетней войны Садато был убит. Но к Мунэто, сдавшемуся в плен, относились с рыцарской вежливостью. Утром и вечером он приходил к старшему сыну Ёриёси Ёсиэ.

Однажды Ёсиэ отправился куда-то и взял с собой Мунэто. Хозяин и его друг были одеты в охотничьи костюмы, за плечами у них висели колчаны со стрелами. Проезжая по широкому полю, они увидели бегущую лисицу. Ёсиэ вытащил стрелу с двойным наконечником и погнался за ней. Он решил, что убивать лисицу было бы жестоко, поэтому он прицелился так, чтобы стрела пролетела между ее ушей. И действительно, стрела вонзилась в землю прямо перед лисицей. Бежать ей было некуда, и она упала на землю, прикинувшись мертвой.

Мунэто слез с лошади и поднял лисицу. «Стрела даже не коснулась ее, — сказал он, — но она умерла».

Ёсиэ взглянул на лисицу и сказал: «Она испугалась и упала в обморок. Я не хотел убивать ее и намеренно промахнулся. Скоро она очнется. Отпусти ее».

Когда Мунэто подобрал стрелу и подошел, Ёсиэ позволил ему положить ее в колчан.

Слуги Ёсиэ, увидевшие это, испугались за хозяина: «О Небо, это было опасно. Конечно, Мунэто сдался, но чувство мести все еще живет в нем. Как наш господин мог позволить себе так раскрыться, разрешив Мунэто положить стрелу? Это было слишком рискованно. А если бы Мунэто в отчаянии решил нанести ему вред?»

Но Ёсиэ был человеком, почти равным божеству. Мунэто, со своей стороны, и не думал наносить предательский удар сзади. Оба они доверяли друг другу.

В другой раз Ёсиэ в сопровождении одного лишь Мунэто отправился к женщине. Дом у женщины был старый, глиняный забор осыпался, ворота накренились. Ёсиэ вошел через калитку у края навеса и встретил там женщину. Мунэто ждал снаружи, у средних ворот.

Шел пятый месяц. По небу, казалось, разлили тушь — таким оно было черным. Послышались раскаты грома, начался дождь. Мунэто почувствовал, что этой ночью должно что-то произойти. И тут он увидел грабителей. Выглядели они раздраженными. Прямо перед воротами они развели костер, и в свете пламени Мунэто насчитал их около тридцати. Он не знал, что делать, как вдруг откуда-то с лаем выскочила собака. Он вытащил стрелу хикимэ и выстрелил в нее. Собака завертелась на месте, воя и скуля. Спустя мгновение Мунэто пустил в собаку одну за одной еще несколько стрел.

«Кто там?» — позвал Ёсиэ.

«Мунэто, господин».

«Ты так быстро стреляешь. Хочешь удивить кого-нибудь?»

Услышав эти слова, грабители закричали: «О черт, да это господь Хатиман!» И бежали в полном испуге.

Потом Мунэто отправили в Иё, область на острове Сикоку, губернаторство над которой было даровано Ёриёси за заслуги в Первой Девятилетней войне. Затем его сослали в Дадзайфу, Кюсю, самый южный военный гарнизон того времени. Двор опасался иметь у себя под боком, рядом со столицей, «варвара эбису».

Следующий рассказ взят из «Кокон тёмон дзю» (разд. 337). Как мы помним, Ёсиэ, губернатор Муцу, занимал пост главнокомандующего.

После Двенадцатилетней войны, когда Ёсиэ отправился с визитом к господину Удзи* и рассказал ему о битвах и сражениях, господин Масафуса**, который тоже присутствовал и внимательно слушал, пробормотал: «Он, несомненно, талантливый и мудрый воин. Но он не знает, в чем состоит искусство войны».

* Фудзивара-но Митиёри (992–1074) — регент.

** Оэ-но Масафуса (1041–1111) — поэт и ученый. Одно время он возглавлял гарнизон в Дадзайфу. Вот почему его называли генералом Оэ, хотя пост в Дадзайфу был больше номинальным.

Один из воинов Ёсиэ случайно услышал его слова и возмутился дерзостью Масафуса. Когда генерал Оэ вышел, воин передал Ёсиэ, что тот сказал про него.

Ёсиэ произнес: «Я думаю, что он прав». Затем он пошел к Масафуса, который садился в повозку, и поприветствовал его. Вскоре он стал учеником Масафуса и прилежно посещал все его занятия. Потом, во время войны Эйхо*, осаждая замок Канадзава**, он увидел, как пролетающая стая гусей начала спускаться на рисовое поле. Вдруг, чем-то встревоженные, птицы вновь стали подниматься вверх и в беспорядке полетели обратно. Командующему это показалось подозрительным. Держа лошадь за уздечку, он сказал: «Несколько лет назад генерал Оэ говорил мне: «Летящие гуси нарушают строй, когда видят спрятанных в засаде воинов». Должно быть, там укрылся враг».

И тогда он послал в тыл противнику отряд. Оставшуюся армию он разделил на несколько частей, и вскоре подозрительное место окружили с трех сторон. И действительно, там оказалось около трехсот всадников. Сражение между армиями было беспорядочным и долгим. Но, так как засаду обнаружили, командующий получил преимущество и, в конце концов, разгромил воинов Такэхира.

«Не zapomни я урок генерала Оэ, — сказал после Ёсиэ, — я, наверное, проиграл бы битву».

Такэхира был старшим сыном Киэхара-но Такэнори, вождя эбису, который в ходе Первой войны присоединился к войскам, которыми командовал отец Ёсиэ Ёриёси. В награду Такэнори получил пост командующего и должен был держать эбису под контролем. То есть вождя эбису, не служившего правительству в Киото, поставили надзирать за эбису. Это кажущееся странным назначение было обусловлено тем, что семья Киэхара, в отличие от Абэ, не принадлежала к эбису и вела род от одного правительственного чиновника.

* Вторая Трехлетняя война. Названа здесь так потому, что началась в период Эйхо (1081–1084).

** Бывшая резиденция Садато, разрушенная в ходе Первой войны.

Вторая Трехлетняя война явилась следствием ссоры между членами семьи Киёхара. Ёсиэ оставался сторонним наблюдателем, пока его не заставили вмешаться. В итоге война оказалась такой же кровопролитной, как и предыдущая. Ёсиэ смог одержать победу, только осадив замок Канадзава и перерезав все линии снабжения. Тем не менее, двор счел войну частным, а не государственным делом, и не дал Ёсиэ никакой награды после ее окончания. И тогда Ёсиэ сам вознаграждал своих воинов. Подобное случалось не часто, и, говорят, щедрость Ёсиэ обеспечила клану Минамото беспрецедентную поддержку в области Канто.

Когда Вторая Трехлетняя война закончилась, Ёсиэ было уже почти пятьдесят лет. В последнем эпизоде, связанном с ним, который мы приводим ниже, он гораздо моложе — по всей видимости, события произошли вскоре после его возвращения в Киото с Первой войны. Рассказ включен в «Кокон тёмон дзю» (разд. 339).

В молодости Ёсиэ встречался с женой одного священнослужителя. Дом женщины находился неподалеку от пересечения улиц Нидзё и Икума. Над забором из глины возвышалась башня, а перед ним был вырыт ров, по краям которого росли колючий кустарник. Монах прекрасно владел оружием и постоянно совершенствовал свое искусство.

Ёсиэ приходил ночью, когда знал, что монаха нет дома. Он останавливал повозку у внешнего края рва, женщина открывала окно в башне и поднимала занавеску, и Ёсиэ прыгал в окно прямо с оглобли повозки. Ров был достаточно широк, и далеко не каждый человек смог бы совершить такой прыжок.

Они встречались так часто, что монах в конце концов узнал об этом и стал допрашивать жену. Когда она рассказала ему все, как было, он произнес: «Что ж, в следующий раз сделай все так, как будто меня нет, и впусти его». Женщина не могла отказаться и согласилась.

Монах хотел зарубить ночного гостя, как только тот появится. Он прислонил к стене доску, наподобие щита, в том месте, где должен был пройти ночной гость, в надежде, что тот споткнется. Вытащив меч, он стал ждать.

Вскоре подъехала повозка, женщина сделала все так, как обычно. Незнакомец прыгнул и полетел, как птица. Но он сумел вытащить свой короткий меч, еще в полете ударил по прислоненной доске и спокойно приземлился.

Ошеломленный монах, решив, что обычный человек не смог бы сделать это, стоял не шелохнувшись. Затем, объятый ужасом, он в испуге выпрыгнул из башни и убежал.

Расспросив потом людей, он узнал, что человек был никто иной, как Хатиман Таро Ёсиэ. И испугался еще больше.

Читатель, должно быть, удивился, что монах «прекрасно владел оружием» и имел жену. Секуляризация — или, если угодно, деградация — буддийских монахов началась в Японии очень рано. Основная причина тому — ослабление властями требований к обязанностям и нормам жизни монахов в IX в. Подобные меры стали необходимыми, ибо в стране было построено множество храмов, «нужны» были тысячи и тысячи монахов. Буддийские монахи освобождались от некоторых налогов и повинностей, поэтому стать монахом хотели многие. В 914 г. ученый-конфуцианец Миёси-но Киёцура (847–918) подал императору доклад, в котором говорилось о «страшном зле» времени:

«Сегодня так много людей бреют головы и надевают облачение священнослужителя, что у двух третей людей в Поднебесной — бритые головы. В домах у монахов жены и дети, они едят мясо. Внешне они выглядят как буддийские монахи; на самом же деле они ничем не отличаются от мясников».

Если уж нарушался обет безбрачия и употреблялись в пищу живые существа, то что уж говорить о том, что многие монахи носили оружие и упражнялись в военном деле. В 970 г. Рёгэн (912–985), главный настоятель храма Энряку на горе Хиэй, осудил нравы времени и сказал: те монахи, которые носят мечи, луки и стрелы и «наносят вред живым существам, ничем не отличаются от мясников».

Возвращаясь к нашему герою, Минамото-но Ёсиэ, стоит отметить, что, несмотря на высокие награды за воинские заслуги, в глазах аристократии он оставался самураем в изначальном смысле.

ле слова: воином-слугой, наделенным лишь немногими привилегиями придворной знати. Это ярко подтверждается событиями 1081 г., когда Ёсинэ еще находился в Киото и собирался отправиться в Муцу в качестве губернатора, чтобы вступить в войну, которую потом назовут Второй Трехлетней.

В этот год произошли вооруженные столкновения между монахами храмов Энряку и Ондзэ. Двор послал Ёсинэ и начальника императорской полиции в храм Ондзэ, чтобы арестовать главарей вооруженных монахов (их называли *акусо*, «злые, грубые монахи»). В следующем месяце, когда император отправился к святыням Хатимана в Ивасимидзу, Ёсинэ и его брату Ёсицуна было приказано сопровождать его величество на случай мести со стороны монахов. Но так как они не имели титулов, которые давали бы им право охранять императора, их назначили «предвестниками» (*сэнгу*, или *маэгакэ*) регента, который находился рядом с императором. Воины шли следом за процессией.

Когда кортеж вернулся в Киото, Ёсинэ попросили стать у экипажа императора, в неофициальном охотничьем костюме, с луком и стрелами. Один из придворных написал в дневнике, что допустить простого воина так близко к императору было «неслыханным» делом.

В двенадцатом месяце того же года император отправился к святыням Касуга, что в Нара. И в этот раз Ёсинэ приказали охранять процессию. Он выполнил поручение, но вновь как сопровождающий регента, а не императора. В полном боевом облачении, со своими воинами, которых было более ста, он двигался далеко позади императорского кортежа.

Взаимоотношения между самураями и двором корснным образом изменятся столетие спустя.

Минамото-но Ёсицунаэ: Затравленный герой

Двадцать первый день, десятый месяц [1180]. Сегодня один молодой человек подошел к резиденции господина Камакура и попросил аудиенции. [Тои] Санэхира, [Цутия] Мунэто и [Окадзаки] Ёсидзанэ это показалось подозрительным, и они не хотели допускать его. Шло время. Наконец об этом услышал сам командующий и сказал: «Может быть, он Куро из Осю. Проведите его ко мне». Санэхира вызвал человека. И действительно, это оказался Ёсицунаэ. Он немедленно позволил ему пройти к господину. Вспоминая события минувшего, они плакали.

Этот драматический эпизод из жизни Минамото-но Куро Ёсицунаэ (1159–1189) описан в «Адзума кагами» («История Востока»), официальной хронике событий, относящихся к первой половине Камакура Бакуфу, военного правительства, созданного его старшим братом Ёритомо (1149–1199), называемым здесь господином Камакура и «командующим» (*буэ*, или *буэн*). «Адзума кагами» в целом можно доверять, хотя она явно предвзятно относится к Ёритомо и тем, кто служил под его началом. Здесь уместно сказать о титуле Ёритомо. Уже в возрасте 12 лет ему пожаловали ранг «действующего командующего» (*гои но сукэ*) Правого крыла стражи Внешнего дворца. Буэ, или буэи — китайское название (произносимое по-японски). Но ко времени описываемой встречи с братом он уже давно утратил этот титул; более того — в глазах двора Киото он был главарем мятежников. Ранг командующего ему вернули лишь два года спустя. Поэтому формально он не мог появляться в официальной хронике под именем господина Камакура.

Драматизм встрече братьев придают как события, произошедшие до нее, так и то, что случится потом.

Минамото-но Ёситомо (1123—1160), отец братьев и правнук Ёсниэ, дважды активно участвовал в вооруженных столкновениях, ставших следствием борьбы за власть внутри императорского дома: смутах Хогэн (1156) и Хэйдзи (1159). В первом случае Ёситомо оказался на стороне победителей, но вынужден был обезглавить около десяти родственников, в том числе собственного отца и девять своих братьев. В ходе второй смуты его сторона потерпела поражение, он пытался бежать, но был убит в ванной комнате в доме человека, которому, он полагал, можно доверять. В итоге Тайра-но Киёмори (1118—1181), глава другого военного клана, который во время первого столкновения сражался на одной стороне с Ёситомо, а во время второго — на противоположной, поднялся на вершины власти и вскоре подчинил себе знать, ознаменовав тем самым полное изменение исторических отношений между аристократом-господином и воином-слугой.

После убийства Ёситомо началась охота и на его восьмерых сыновей. Старший сын Ёсихира был схвачен и обезглавлен. Однако многие другие смогли, по счастливому стечению обстоятельств, избежать столь печальной участи. Ёритомо поймали, но отправили в ссылку, ибо мачеха Киёмори, увидев мальчика, сказала, что тот похож на ее умершего сына, и убедила Киёмори пощадить его. Ёсицунэ, еще младенец, также остался жив, потому что его мать (но не мать Ёритомо), отличавшаяся необыкновенной красотой, согласилась стать наложницей Киёмори в обмен на сохранение жизни своим трем сыновьям. Нет нужды говорить, что уцелевшие сыновья главы военного клана постоянно подвергались опасности. Ёритомо, Ёсицунэ и другие вынуждены были скрываться. Хотя, говорят, и Ёритомо, находясь в ссылке в Идзу, и Ёсицунэ, вначале живший в храме на горе Курана к северу от Киото, а затем в Осю (север Симоноцука) пользовались значительной свободой передвижения.

О последующих десятилетиях тирании Киёмори говорили: «Тот, кто не принадлежал к клану Тайра, не считался человеком». Недовольство росло — и не только среди лишившихся власти аристократов и других кланов, но и во всем народе. Наконец, в четвертом месяце 1180 г. принц Мотихито, не в силах

более сдерживать разочарование и гнев, послал Ёритомо императорский указ (рёдзи), начинавшийся так:

Членам клана Минамото в провинциях трех областей Токай, Тосан и Хокурику, равно как и их воинам, приказывается как можно быстрее поймать и убить презренного священнослужителя Киёмори* и тех мятежников, что следуют за ним.

Поначалу Ёритомо осторожничал. Но в следующем месяце до него дошли вести, что принц Мотихито начал действовать, но погиб в сражении вместе с Минамото-но Ёримаса, поддерживавшим его в восстании**. Киёмори собирался отправить против Ёритомо войска, чтобы уничтожить его. Ждать больше было нельзя. В восьмом месяце Ёритомо поднял армию против Тайра. Но его первая битва с местными кланами на горе Исибаси закончилась поражением. Он едва избежал пленения и смерти.

Однако удача вновь сопутствовала Ёритомо: он смог быстро перегруппировать силы, а отправка армии Киёмори из Киото задержалась из-за конфликта между главнокомандующим и начальником штаба, так что когда, наконец, двенадцатого числа десятого месяца войска сошлись на реке Фудзи, армия Киёмори была незначительной и надломленной. Один из отрядов Ёритомо инсценировал нападение в тыл противнику, стаи птиц взмыли в небо из большого болота неподалеку, нарушив боевой строй воинов Тайра. Говорили, что командиры Тайра, решив, что все местные кланы восточных провинций выступили на стороне Ёритомо, напергонки бежали обратно в Киото. Ёритомо хотел преследовать их, но часть вождей кланов выступила против, советуя прежде утвердиться в области Канто, а уж потом вступать в новое сражение. Ёритомо принял совет. На следующий день он встретился с Ёсицунэ.

Нам не известно, встретились ли двое братьев хоть раз за двадцать лет после гибели их отца. Также ничего не известно, за исключением указанного выше, как жил все эти годы Ёсицунэ. По всей видимости, детство он провел в храме неподалеку от Киото, ибо Киёмори приказал ему и еще двум сыновьям Токива стать монахами. В юности же он бежал на север под защиту Фудзивара-но Хидэхира (ум. 1187), хозяина обширной области

* В 1167 г. Киёмори принял буддийский обет.

** О Ёримаса см. Вступление и раздел о Ко-но Моронао.

Осю*. Не много сохранилось сведений и о том, что произошло после воссоединения его с Ёритомо. Известно лишь, что за год с небольшим, в период с первого месяца 1184 г. по третий месяц 1185 г., он показал себя одним из самых блестящих полководцев за всю историю Японии, но потом подвергся преследованиям со стороны брата и умер.

Общее представление о взаимоотношениях между братьями дает еще один эпизод из «Адзума кагами», в котором Ёсицунэ появляется во второй раз. Двенадцатого числа седьмого месяца 1181 г., когда было завершено строительство сокровищницы новой святыни Хатимана Цуругаока, Ёритомо присутствовал на церемонии и подарил плотникам лошадей. Каждую лошадь вели на роскошных поводьях несколько человек.

Его высочество сказали господину Куро вывести лошадей, на что Куро ответил: «Сейчас никто не может указывать мне». Его высочество повторили приказание: «Когда здесь присутствует Хатакэяма Дзиро, Сануки Сиро и другие, как ты смеешь говорить, что никто не может указывать тебе? Должен ли я понимать тебя так, что ты считаешь это дело слишком низким для себя и не хочешь делать этого?»

Господин Куро испугался, немедленно встал со своего места и вывел двух лошадей.

В таких церемониях «вывести лошадь» означало выразить почтение господину. Данный эпизод интерпретируется как попытка Ёритомо показать своему брату Ёсицунэ, что тот всего лишь один из его подчиненных.

Под этим же годом в «Адзума кагами» Ёсицунэ упоминается лишь еще один раз: пятого числа одиннадцатого месяца он, вместе с главами нескольких кланов, хотел отправиться со своими

войсками в провинцию Татами, чтобы защитить дружественного им даймё. Но, в конце концов, они отказались от своего плана, когда один из вождей кланов выступил против. Под 1182 г. о нем нет сведений, а записи за 1183 г. утеряны. Ёсицунэ появляется вновь лишь в начале 1184 г.

Тем временем боевые действия продолжались, хотя Ёритомо был более заинтересован в усилении своей власти, чем в борьбе с Тайра. Особой активностью отличался Минамото-но Ёсинака (1154—1184), двоюродный брат Ёритомо и Ёсицунэ, который откликнулся на приказ принца Мотихито, поднял армию, пошел на Киото и выиграл несколько сражений*.

Первая важная битва произошла одиннадцатого числа пятого месяца 1183 г. у прохода Курикара на границе Кага и Эттю. Ёсинака разгромил большую часть центральной армии клана Тайра. Два месяца спустя, двадцать второго числа седьмого месяца, он достиг горы Хиэй, что к северо-востоку от Киото. Под давлением армий Минамото клан Тайра три дня спустя бежал из столицы на запад, взяв с собой малолетнего императора Антоку (1178—1185). Двадцать восьмого числа Ёсинака занял Киото. Тогда удалившийся от дел император Госиракава отдал официальный приказ об уничтожении клана Тайра.

Однако политический союз Ёсинака и Госиракава оказался недолгим**. В девятом месяце Госиракава попросил Ёритомо

* Первым «подвигом» Ёсихира, старшего брата Ёситомо и Ёсицунэ, стало убийство в 1155 г. своего дяди Ёсиката, отца Ёсинака. Потом Ёсихира охотился и за самим Ёсинака, но, прежде чем нашел его, был схвачен и убит после смуты Хэйдзи.

** Несколько факторов сыграли против Ёсинака. Его армия, поначалу насчитывавшая несколько десятков тысяч человек, состояла из множества разрозненных отрядов, возглавлявшихся вождями местных кланов, и никогда не была подконтрольна ему полностью. В Киото в тот год свирепствовал голод, и внезапное нашествие орд воинов, грабивших и бесчинствовавших, сразу же оттолкнуло от Ёсинака и горожан, и знать. Его армия рассыпалась. В первой попытке выполнить приказ императора и уничтожить Тайра сразу же после захвата Киото он потерпел поражение. Ёсинака, родом из горной и отсталой Кисо, явно не хватало политической мудрости. В этом он не мог сравниться с Госиракава, которого можно смело считать одним из самых великих интриганов в истории Японии.

* С помощью Ёсииз Фудзивара-но Киёхира стал наследником клана Абэ, утвердил свою власть и создал прочную экономическую базу. Хидэхира, глава третьего поколения семьи, еще более укрепил позиции семьи в области, превратив последнюю фактически в независимое «царство».

расправиться с Ёсинака. Подобную просьбу тот только рад был исполнить. Ёритомо, после договора с Госиракава, послал в Киото двух своих братьев, Нориёри и Ёсицунэ. Оскорбленный этим, Ёсинака в одиннадцатом месяце сжег дворец Госиракава, а третьего числа первого месяца 1184 г. заставил императора назначить себя сёгуном.

Теперь вернемся к «Адзума кагамн».

Двенадцатый день, первый месяц. Гама-но Кандзя Нориёри и Куро Ёсицунэ в качестве посланников командующего прибыли в Киото во главе нескольких десятков тысяч воинов. Их целью было покарать Ёсинака. Нориёри вошел в Киото со стороны Сэта, а Ёсицунэ — со стороны Удзи. Кисо [Ёсинака] послал воинов под командованием Сиды Сэндзё Ёсихиро и Имаи Сиро Канэхиро и попытался выбить их обратно, но потерпел поражение. Нориёри и Ёсицунэ в сопровождении Кавагоси Таро Сигэёри, [Кавагоси] Котаро Сигэфуса, Сасаки Сиро Такацуна, Хатакэяма Дзиро Сигэтада, Сибуя Сёдзи Сигэкуни и Кадзивара Гэнта Кагэсуэ поспешили во дворец Рокудзё, чтобы защитить императора [Госиракава]*. В это время отважные воины, ведомые Итидзё Дзиро Тадаёри, преследовали бегущих по всем дорогам. Наконец, около Авадзу, провинция Оми, Исида Дзиро, уроженец Сагами, убил Ёсинака.

Двадцать седьмой день. Около двух пополудни в Камакура прибыли срочные посланцы от губернатора Тотоми Ёсисада, Нориёри, Ёсицунэ и Итидзё Дзиро Тадаёри. Они сказали, что двенадцатого закончилась битва, в которой армия его превосходительства уничтожила Ёсинака и его сторонников. Трое посланцев были вызваны к его превосходительству и отправились к Исицубо, на север. Пока он справлялся о под-

робностях, прибыл срочный гонец от [Кадзивара] Кагэтоки. Он привез список имен убитых и взятых в плен. Появлялись разные гонцы, но было невозможно записать их доклады. Говорят, что его превосходительство неоднократно повторяли: внимательность Кагэтоки поистине божественна.

Записи под двадцать седьмым днем требуют некоторых пояснений.

Кадзивара Хэйдзо Кагэтоки (ум. 1200), в ходе сражения у горы Исибаси занимавший сторону врагов Ёритомо, но не участвовавший в битве, вскоре присоединился к нему, стал его «первым помощником» (*ими но родо*) и сосредоточил в своих руках огромную власть. Во время войны Кагэтоки занимал три поста: полевого командующего, начальника снабжения войск и генерала-наблюдателя за командирами. Согласно военной иерархии того времени, его пост *сабураи дайсё* («командующий воинами») был формально гораздо ниже поста, например, Ёсицунэ, носившего титул *со-дайсё* («командующий армией»), однако Кагэтоки называл себя *о-дайкан* («особым посланником») Ёритомо и далеко не всегда считался с мнением своего непосредственного начальника Ёсицунэ.

Вышеприведенный пассаж показывает, что Кагэтоки знал свою подлинную роль, и Ёритомо принимал ее. В то время как другие командующие просто сообщали о победе и не вдавались в детали, Кагэтоки прислал список потерь врага — а также, возможно (хотя об этом и не говорится), докладную о других командирах.

Накануне Ёритомо получил от Госиракава императорский приказ уничтожить клан Тайра.

Двадцать девятый день, первый месяц. Двое генералов Канто [Нориёри и Ёсицунэ] выступили с воинами в поход на запад против Тайра. Сообщили, что в этот день все они покинули Киото.

Первый день, второй месяц. Его превосходительство разгневались на господина Нориёри из-за того, что прошедшей

* В отсутствие императора Антоку на престол двадцать второго числа восьмого месяца предыдущего года был возведен новый император Готоба (1178—1239). Разногласия по поводу выбора императора стали первым фактором, способствовавшим разрыву Ёсинака с Госиракава: Ёсинака поддерживал сына принца Мотихито, а Госиракава — младшего брата Антоку. Госиракава победил и de facto остался правителем.

зимой*, направляясь к Киото, чтобы покорить Кисо [Ёсинака], на переправе Суномата в Овари тот соревновался с прямыми вассалами (*гокэнин*) его превосходительства, кто быстрее достигнет противоположного берега, и вступил с ними в ссору. Услышав в этот день о происшедшем, его превосходительство сказали: «Меня очень тревожит, когда кто-то необдуманно вступает в личные ссоры прежде, чем побежден враг императора»**.

Седьмой день. Шел снег. Около четырех утра господин Куро подошел к холму позади Итинотани с семьюдесятью самыми отважными воинами, которых он отобрал лично.

В то же время Кумагаэ-но Дзиро Наодзанэ и Хираяма-но Мусядокоро Суэсигэ из провинции Мусаси тайно развернулись, вышли на дорогу перед Итинотани и, соперничая друг с другом, атаковали крепость со стороны моря, громко крича, что идут впереди главных сил Минамото. Тогда командир Левого крыла стражи Внешнего дворца Хида-но Сабуро Кагэцуна, Этто-но Дзиро Морицугу из стражи Среднего дворца, командир стражи Среднего дворца Кадзуса-но Горо Тадамицу и Акусицу Кагэкиё из стражи Среднего дворца во главе двадцати-тридцати всадников распахнули деревянные ворота и сражались с ними. Кумагаэ-но Кодзиро Наоиэ был ранен***, а воин Суэсигэ погиб безвременной смертью.

Вскоре спешно прибыл Нориёри с людьми из Асикага, Титибу, Миура и Камакура. Воины Минамото и Тайра были брошены в хаос, их белые и красные знамена перемешались. Они сражались так, что откликались эхом горы и дрожала

* По лунному календарю «зиму» составляют десятый, одиннадцатый и двенадцатый месяцы.

** Этот эпизод, как и истории с выводом лошадей, показывает нежелание Ёритомо относиться к братьям особенным образом. *Гокэнин* — воины, лично преданные Ёритомо, часто были для него важнее собственных братьев. О гневе Ёритомо в «Адзума кагами» говорится еще раз: источник указывает, что в шестой день третьего месяца Ёритомо решил «простить Нориёри, ибо Нориёри за несколько дней до того выразил свое сожаление по поводу случившегося».

*** В тот же день, чуть позже, Наодзанэ, отец Наоиэ, убил Тайра-но Адзумори, ровесника своего сына. Он был так потрясен этим, что принял монашеский постриг.

земля. Мощь их была настолько велика, что даже Фань Куай и Чжан Лян не сумели бы так просто одолеть их.

Валуны вздымались так высоко, что на лошадях было невозможно пройти их, а долина была столь глубока, что ни один человек уже долгое время не проникал в нее. Господин Куро в сопровождении воинов под командованием Миура-но Дзуро Ёсицура атаковал со стороны Итинотани [дикая гора, по которой бродили лишь кабаны, олени, зайцы и лисы]; воины Тайра потеряли хладнокровие, были разбиты и отступили. Кто-то бежал из крепости Итинотани, нещадно погоняя лошадей, кто-то отправился на лодках к острову Сикоку, неистово налегая на весла.

В ходе сражения у залива Акаси Кагэтоки и Иэкури взяли в плен капитана стражи Внутреннего дворца, третьего ранга [Тайра-но Сигэхира]. Губернатор Эттидзэна, третьего ранга [Митимори] был убит у реки Минато Гэнсаном Тосицуна. Включая его, воины Нориёри и Ёсицунэ схватили или убили семерых: губернатора Сацума Таданори*; губернатора Вакаса Цунэтоси; губернатора Мусаси Томоаки; Адзумори, имевшего пятый ранг; Наримори и бывшего губернатора Этто Моритоси. Губернатор Тотоми Ёсисада захватил бывшего губернатора Тадзима Цунэмаса, губернатора Ното Норицунэ и губернатора Биттю Моромори.

Нападение Ёсицунэ на Итинотани, где силы Тайра перегруппировались и построили крепость, отличалось отчаянной дерзостью. Итинотани, на границе провинций Сэтцу и Харима (к западу от нынешнего Кобэ), было идеальным местом для обороны: перед крепостью расстилалось Внутреннее море, позади же возвышались холмы. Нориёри, ведя 50000 воинов, атаковал Тайра с востока вдоль прибрежной дороги; Ёсицунэ же во главе 10000 человек, пройдя через горную местность, обрушился на противника с севера.

Ёсицунэ шел очень быстро. За один день он преодолел расстояние, на которое обычно требуется два: от Киото до восточного склона горы Микаса, где встречаются три провинции: Тамба,

* О Таданори см. Вступление.

Сэтцу и Харима. Пятого числа, когда уже стемнело, ему доложили, что в восьми милях к юго-западу стоят лагерем около 3000 воинов Тайра. Он сразу же решил напасть на них, не дав своим войскам отдохнуть, и при свете факелов пошел вперед. Силы Тайра были разбиты моментально. За остальным обратимся к «Хэйкэ моногатари» («Сказание о Хэйкэ»).

Наутро шестого дня Куро Ондзоси* разделил 10000 своих всадников на две группы и послал к западному склону Итинотани Тои-но Дзиро Санэхира и 7000 воинов. Сам же он решил пройти с 3000 позади Итинотани, через проход, и обрушиться на Тайра с тыла со стороны Тамба.

Воины сказали: «Мы слышали, что это опасное место. Мы не боимся умереть, сражаясь с врагом, но мы не хотим погибать просто так. Неужели никто не знает этих гор?»

Хираяма-но Мусядокоро, родом из Мусаси, выступил вперед и сказал: «Господин, я, Суэсигэ, знаю, как провести вас».

Куро сказал: «Вы выросли на востоке и впервые увидели западные горы сегодня. При этом вы утверждаете, что сможете провести нас. Как я могу верить вам?»

Хираяма продолжил: «Не могу поверить, господин, что эти слова принадлежат вам. Поэт знает о цветах Ёсино и Хатсусэ, грубый воин знает, как провести людей в тыл крепости, в которой враги заперли себя»**.

Тогда вперед выступил юноша по имени Бэппу-но Котаро. Ему едва исполнилось восемнадцать, и он тоже был родом из Мусаси. Он сказал: «Господин, монах Ёсисигэ, мой покойный отец, говорил мне: “Напали ли на тебя враги или ты оказался в горах, но если ты заблудился, отпусти поводья старой лошади и пусть она идет сама. Ты обязательно выйдешь на дорогу”».

* Ондзоси означает «почетный сын». Применительно к Минамото термин означал сына по прямой наследственной линии. Речь идет о Ёсицунэ.

** «Поэт знает» — имеется в виду обычная в те дни практика, когда поэты, создавая стихи на «заданную тему», писали о том, чего они, быть может, никогда не видели. Ёсино и Хатсусэ, в пынешней Нара, славятся цветением вишни, что являлось одной из главных поэтических тем весны.

Куро произнес: «Хорошо сказано! Я помню и другие слова: “Снег может засыпать поле, но старая лошадь знает свою дорогу”»*.

И он бросил окаймленное золотом седло и белые удила на старую лошадь, перевязал поводья, перекинул их через ее спину и отпустил ее. Так он вступил в горы, где прежде никогда не бывал. Шел уже второй месяц, снег на вершинах гор почернел и стал пестрым. Иногда им попадались прилетевшие из долины певчие птицы. Когда воины карабкались вверх, белые облака сгущались и сверкали; когда спускались вниз, зеленые горы пересекали голые утесы. Снег на соснах уже потемнел; узкая, покрытая мхом тропа едва проглядывала. Когда порывом ветра сдувало с сосен снег, людям он порой казался цветами сливы. Они двигались то на восток, то на запад. Наконец солнце скрылось за верхушками гор, и все расположились на ночлег.

Мусасибо Бэнкэй** привел к Куро старого человека.

«Кто это?» — спросил Куро.

«Он охотится в этих горах».

«Что ж, тогда ты должен хорошо знать эти места, — сказал Куро. — Скажи-ка, как нам здесь пройти?»

«Я был бы последним дураком, если бы не знал этих мест, господин».

«Я хотел бы добраться до крепости Тайра в Итинотани. Что ты на это скажешь?»

«Это совершенно невозможно, господин, — ответил старик. — Здешние места, я уверен, не пройти и человеку, а тем более лошадям. Кроме того, в самой крепости они вырыли ямы и утыкали дно острыми рогатинами».

«Но олени могут пройти?»

«Да, господин, олени могут пройти, — сказал старик. — Когда теплеет, олени в поисках густой травы перебираются из Харима в Тамба. С наступлением же холодов олени возвра-

* Происхождение этой поговорки связано с историей об одном китайском полководце, отправившемся как-то весной в поход. Когда он вернулся, наступила зима, и под снегом он не смог найти дорогу. Тогда он пустил вперед старую лошадь, пошел за ней следом и так смог добраться до крепости.

** Легендарный воин-монах, сохранивший верность Ёсицунэ до самого конца.

цаются из Тамба в Инамино, что в Харима, туда, где снежный покров тонок и можно добраться до пищи».

«Значит, там должна быть тропа!» — сказал Куро. — «Если есть путь для оленей, то почему не смогут пробраться лошади? Немедленно отведи нас туда».

«Я слишком стар для этого, господин», — ответил старик.

«Разве у тебя нет сына?»

«Есть, господин». И охотник привел к Куро молодого юношу по имени Кумао, которому было восемнадцать лет. Совершили обряд посвящения в мужчины, и так как отца звали Васио-но Сёдзи Такэхиса, юноша получил имя Васио-но Сабуро Ёсихиса. Он поехал впереди как проводник.

На рассвете седьмого дня Куро, зайдя в тыл врагу, добрался до прохода позади Итинотани и уже приготовился было ринуться вниз, когда два самца-олени и одна самка, напуганные его воинами, бросились к крепости Тайра. Воины в крепости заметили их и озабоченно сказали: «Даже около деревни олени боятся нас и не спускаются с гор. Эти же бегут прямо сюда — верный знак того, что с вершины горы на нас идут воины Минamoto!»

Такэтино Мусядокоро Киёнори из провинции Иё выступил вперед и сказал: «Какая разница! Эти олени бегут к нам от врага и незачем пропускать их». После чего он убил двух оленей, позволив самке убежать. Бывший губернатор Эттю* осудил его, сказав: «Зачем же стрелять в оленей, господин! Каждая из этих стрел могла бы защитить нас от десяти врагов! Вы согрешили, да еще и потратили стрелы»**.

Куро понаблюдал какое-то время за крепостью внизу и произнес: «Пустим вперед лошадей и посмотрим, что будет». Оседланных лошадей пустили вниз. Некоторые переломали ноги и упали, другие же без помех мчались вниз. Три лошади остановились у хижины Эттю Сэндзи***.

* Тайра-но Моритоси, один из «генералов над воинами», поставленный для защиты прохода со стороны Итинотани. Сильный воин, он будет убит в схватке одним из солдат Минamoto.

** Буддийское учение запрещает убивать живых существ.

*** Крепость у Итинотани построили за короткий срок. По всей видимости, она состояла из временных, наподобие хижин, строений.

И тогда Куро сказал: «Спускайтесь вниз осторожно, и вы не потеряете лошадей. Поехали! Следуйте за мной!»

И он поехал первым во главе тридцати всадников. За ним последовали остальные. Склон был такой крутой, что стремна ехавших сзади ударяли по шлемам и доспехам ехавших впереди. По песку, вперемешку с галькой, люди быстро скользили вниз. Наконец, ярдов через двести, они остановились. Перед ними лежал огромный, размером ярдов в сорок пять, валун, покрытый мхом. Воины не могли ни повернуть назад, ни двигаться дальше. Видя, что спускаться более некуда, они смущенно говорили друг другу: «Все, это конец!»

Тут вперед выступил Сахара-но Дзюро Ёсидура и сказал: «В Миура, преследуя птицу, мы днем и ночью носились по таким же, как это, местам. Пусть будет, как в Миура!» Он бросился вперед, и воины последовали за ним.

Спускаясь, они подбадривали лошадей глухими словами: «Иди же, иди!» Было так страшно, что они закрывали глаза. Казалось, что все это совершают не люди, а какие-то демоны или божества.

Еще до того, как спустились все воины, раздался боевой клич. Кричало всего три тысячи человек, но горное эхо отзывалось так, будто кричали все сто тысяч.

Воины командира Мураками-но Мотокуни сожгли все хижины и временные дома Тайра. Налетел сильный ветер, который понес вниз черный дым, и солдаты Тайра запаниковали. Многие кинулись к морю в надежде спастись. На берегу стояло несколько кораблей, люди наперегонки прыгали в них, так что в каждый набилось четыреста, пятьсот, даже тысяча воинов в доспехах. Их невозможно было сдвинуть с места. Наконец корабли все-таки отплыли от берега, но не прошли они и трехсот ярдов, как три самых больших из них пошли ко дну.

Затем раздался крик: «На корабли садятся только знатные!» Тех же людей низкого звания, которые тоже пытались забраться на корабли, рубили мечами и алебардами. Зная, что их ждет, они все равно цеплялись и карабкались. Некоторым отрубили руки, другим вывернули локти, и они лежали, залитые кровью, на берегу Итинотани.

Губернатор Ното, Норицунэ, не проигравший ни одной битвы, вскочил на лошадь по кличке «Черные сумерки» и

поскакал на запад. Там, в бухте Акаси в Харима он сел на лодку и отправился в Ясима, что в Сануки.

Быстрое наступление Ёсицунэ привело к полному разгрому Тайра в сражении у Итинотани: было убито более тысячи воинов, в том числе девять генералов. Избегавшие смерти или плена бежали через Внутреннее море в Ясима на острове Сикоку, чтобы там собрать новые силы.

Гонцы, посланные Ёсицунэ и Нориёри с вестями о победе, прибыли в Киото на следующий день, восьмого, а в Камакура — пятнадцатого. Сами Ёсицунэ и Нориёри приехали в Киото девятого дня в сопровождении лишь небольшого отряда. Остальная армия шла следом. Они объяснили свою спешку желанием поскорее узнать, разрешит ли им императорский двор пройти по главной улице Киото, неся на копьях головы убитых генералов Тайра. Император Госиракава попросил высказать свое мнение высоких сановников, Левого, Центрального и Правого министров, а также Главного советника. Все они рекомендовали не разрешать шествия. Они сказали, что члены клана Тайра долгие годы служили двору, занимали высокие посты и даже являлись родственниками императорского дома. На это Нориёри и Ёсицунэ заявили, что те были врагами их отца и деда и что если не будет разрешено пронести головы врагов, у Минамото исчезнет стимул для преследования и уничтожения оставшихся «врагов двора». В конце концов Госиракава был вынужден уступить требованиям военачальников.

Тринадцатый день, второй месяц. Головы людей Тайра принесли в дом господина Куро в Рокудзё Муромати. Там были головы Митимори, Таданори, Цунэмаса, Норицунэ, Адумори, Моромори, Томоакира, Цунэтоси и Моритоси. Затем их понесли к Хатидаё Кавара. Офицер императорской полиции [Минамото-но] Накаёри и его воины подняли головы на алебарды, прикрепили к каждой красный ярлык [на котором было написано, что это голова Тайра] и повесили на дереве перед виселицами. Говорили, что людей, пришедших посмотреть на них, было много, как на рынке.

Пятнадцатый день. Около восьми утра в Камакура прибыли гонцы от Нориёри и Ёсицунэ из Сэтцу и доложили его превосходительству об итогах сражения. В докладах говорилось: «Седьмого дня произошла битва при Итинотани. Многие члены Тайра потеряли жизни. Бывший Центральный министр [Мунэмори] и некоторые другие бежали морем на Сикоку. Был взят в плен Средний капитан стражи Внутреннего дворца, третьего ранга. Также были обезглавлены Митимори, Таданори, Цунэтоси [этих троих убил Нориёри], Цунэмаса, Моромори, Норицунэ [пали от руки губернатора Тотоми Ёсисада], Адумори, Томоакира, Наримори, Моритоси [убиты Ёсицунэ] и тысячи других. В целом, каждый воин из провинций Мусаси, Сагами и Симоцукэ сделал великое дело. Подробности будут устно переданы позднее».

Десятый день, четвертый месяц. Из Киото прибыл гонец от Куро и сказал: «Двадцать седьмого дня предыдущего месяца состоялся совет, на котором были розданы посты*. Командующий получил старший четвертый ранг. Это награда за разгром Ёсинака».

Двенадцатый день, шестой месяц. Пятого дня созвали срочный совет по назначениям. Сегодня прибыл список назначений. Все предложенные командующим люди были приняты, без исключения. Это Действующий Главный советник Тайра-но Ёримори, управляющий двора Тайра-но Мицумори, губернатор Кавати Тайра-но Ясунари, губернатор Санука То-но Ёсиясу, губернатор Микава Минамото-но Нориёри, губернатор Суруга Минамото-но Хироцуна и губернатор Мусаси Минамото-но Ёсинобу.

Двадцать первый день. Командующий собрал вместе Нориёри, Ёсинобу и Хироцуна и чествовал их. Затем он коснулся их назначений двором. Каждый должен был быть доволен. Господин Куро особенно желал получить рекомендацию на государственный пост, но командующий почему-то отказал в ней. Вместо этого он сказал, что первым рекомендовал Нориёри. Таким особым почтением он очень польстил последнему.

* *Дзимоку*. Подобные советы регулярно созывались дважды в год: весной, как правило, назначали губернаторов и других местных чиновников, а осенью — чиновников при дворе. Иногда созывались и срочные советы, которые назывались *сэдзимоку*.

Третий день, седьмой месяц. Командующий посоветовал императорскому двору отправить господина Куро в Сайкай для подавления бывшего Центрального министра [Тайра-но Му-нэмори] и других людей Тайра*.

Пятый день. Прибыл гонец от Оути-но Кандзя Корэёси, который передал: «Седьмого дня [шестого месяца] в провинции Ига люди Тайра напали на Корэёси и убили много его воинов». После таких вестей в Камакура заволновались.

Второй день, восьмой месяц. Шел дождь. Прибыл еще один гонец от Оути Кандзя. Он сказал: «Девятнадцатого дня [седьмого месяца], около шести вечера Корэёси вступил в сражение с оставшимися воинами клана Тайра. Мятежники были разгромлены, но девяносто с лишним человек смогли бежать. Среди них... сыновья бывшего губернатора Дэва [Тайра-но] Нобуканэ... Корэёси подтвердил свое мужество. Может ли он ожидать особой награды?»

Третий день. Шел дождь. Командующий вызвал гонца Оути Кандзя и передал ему письмо с ответом. Там говорилось следующее: «Весьма похвально, что вы напали на мятежников и разгромили их. Однако ваш вопрос, не заслуживаете ли вы особой награды, вряд ли можно назвать разумным. Ибо если кого-то и назначают наместником провинции (*сюго*), как вас, то для того, чтобы он усмирлял преступников. Тем не менее, вы позволили разбойникам напасть на себя, и ваши воины были убиты. Это случилось потому, что вы недостаточно подготовились. Это целиком ваша вина...»

Командующий также отправил гонца в Киото. «Недавние столкновения в провинции Ига замышляли сыновья губернатора Дэва [Тайра-но] Нобуканэ. Они прорвали окружение, и сейчас их местонахождение неизвестно. Мы убеждены, что они прячутся в Киото. Разыщите их и без колебаний убейте». Послание следовало вручить господину Куро. Гонцом был отправлен Адати Синдзабуро.

* По всей видимости, из этого предложения ничего не вышло. Если учесть ту пышность и помпезность, с которой Ёритомо отправлял из Камакура Нориёри с той же целью, о чем мы можем судить по более поздним записям, он внес это предложение, не дав Ёсицунэ достаточно войск. Сайкай, «Западное море» — называли остров Кюсю, где у Тайра было много сторонников.

Шестой день. Командующий вызвал губернатора Микава [Нориёри], Асикага Куродо и офицера стражи Среднего дворца Такэда. Также прибыли Цунэтанэ и другие главные вассалы. Эти люди отправлялись в Сайкай для подавления Тайра и пришли на прощальный совет. Весь день длился пир. Среди врученных его превосходительством подарков самым ценным был конь, переданный губернатору [Нориёри]. На нем лежали великолепные доспехи.

Восьмой день. Ясно. Губернатор Микава Нориёри отбыл в Сайкай для подавления клана Тайра в качестве особого посланника командующего. Он выступил около полудня. Первыми ехали знаменосец и воин с луком. Затем — губернатор Микава; за ним — около тысячи всадников, подчинявшихся ему, на великолепных лошадях. За ними — Ходзэ Косиро, Асикага Куродо Ёсиканэ... * Командующий стоял на помосте у реки Инасэ и смотрел вслед уходящим.

Семнадцатый день. Прибыл гонец от Куро. Он передал, что шестого дня Куро был назначен офицером Левого крыла стражи Внешнего дворца. Ему также было приказано служить в императорской полиции. Он не просил об этих назначениях, но говорят, что двор не мог не обратить внимания на его подвиги и не воздать ему должные почести. Поэтому, сказал Куро, он не мог отказаться от них.

Командующий, услышав эти вести, пришел в ярость. Его превосходительство думали о том, чтобы рекомендовать двору Нориёри и Ёсинобу для назначения. Куро же по личным причинам он твердо решил не рекомендовать. Его превосходительство заподозрили, что Куро действовал сам и попросил о назначениях. Не в первый раз Куро шел против его воли. Его превосходительство сказали, что отложат назначение Ёсицунэ особым посланником для уничтожения Тайра.

Записи об этом важном моменте — хороший повод объяснить, почему титулы Ёсицунэ изменились. В следующих описаниях Ёсицунэ будут называть *тэни*, «капитан», как переведено ниже. *Тэни* — японское произношение китайского слова, обо-

* Перечень вассалов Ёритомо опущен.

значающего офицера императорской полиции второго или третьего ранга (*сукэ*, или *дзэ*). Поэтому можно считать, что авторам хроники служба Ёсицунэ в императорской полиции казалась более приемлемой*.

В любом случае, существуют расхождения относительно придворных рангов и государственных постов Ёсицунэ. После назначения Ёсицунэ офицером Левого крыла стражи Внешнего дворца и в императорскую полицию, его стали называть *тайфу* и *хоган*. *Тайфу* — это «знатный господин пятого ранга», а *хоган*, «судья» — еще одно обозначение *дзэ* императорской полиции, поста, на который назначались имевшие шестой ранг. Чтобы избежать путаницы, мы будем называть Ёсицунэ «капитаном» или *хоган*, хотя его звание как офицера стражи Внешнего дворца — *седзэ*.

Следует также помнить, что пространные военные титулы, даваемые тем, кто нес воинскую службу, такие как *со-дайсэ* и *сабурай-дайсэ*, отличались от титулов, даруемых двором тем, кто занимал особый пост.

Двадцать шестой день. Прибыл гонец от капитана [Ёсицунэ]. Десятого дня он пригласил в свой дом сыновей [Тайра-но] Нобуканэ, офицера Левого крыла стражи Внешнего дворца Канэхира, а также Дзиро Нобухира и Сабуро Канэтоки и убил их. Одиннадцатого двор отправил посланника к Нобуканэ с извещением о лишении его поста**.

Девятый день, девятый месяц. Командующий отправил письмо капитану с приказом передать ему земли в Киото, принадлежавшие бывшему губернатору Дэва Нобуканэ и его семье.

* Сам Ёсицунэ, подписываясь, предпочитал титул «офицер стражи Внешнего дворца».

** Эпизоды, касающиеся Оути-но Корэёси и Тайра-но Нобуканэ, приведены для того, чтобы показать двойственное отношение Ёритомо к Ёсицунэ. Хотя гражданская война в 1180–1185 гг. шла преимущественно между кланами Тайра и Минамото, далеко не всегда конкретные люди были верны именно своему клану. Даже после того, как большинство членов Тайра были названы «врагами императора», некоторых Тайра это не коснулось.

Двенадцатый день. Гонец от губернатора Микава Нориёри, посланный первого, прибыл сегодня и передал его превосходительству письмо. В нем говорилось, что Нориёри был в Киото двадцать седьмого дня предыдущего месяца, что двадцать девятого он получил императорский приказ возглавить карательный поход и что сегодня [первого дня девятого месяца] он направляется в Сайкай.

Четырнадцатый день. Дочь Кавагоси Таро Сигэёри отбыла в Киото, чтобы стать женой капитана. По этому поводу, по предложению командующего, была достигнута договоренность, и получено согласие. Ее сопровождали двое сыновей Сигэёри и около тридцати воинов.

Двенадцатый день, десятый месяц. Губернатор Микава провинции Аки вознаграждал воинов, имеющих заслуги. Это было сделано по приказу командующего. Особую награду получил Ямагата-но Сукэ Тамэцуна из Аки. Его преданность сочли выдающейся.

Двадцать четвертый день. Губернатор Инаба [Оэ-но] Хиромото [назначенный восемнадцатого дня девятого месяца] сказал, что восемнадцатого же капитан получил более высокий ранг, оставшись при этом на своем посту. Пятнадцатого дня этого месяца он был допущен ко двору. По такому случаю он ехал в повозке, украшенной восьмью листьями, в сопровождении трех человек из дворцовой стражи и двадцати самураев [на лошадях]. Он танцевал в саду, затем оставил свой меч и церемониальный скипетр и вошел во дворец.

Шестой день, первый месяц [1185]. Какое-то время поступали вести, что воины Востока, отправившиеся в Сайкай на подавление Тайра, не могут вступить в битву, ибо у них нет кораблей и не хватает провианта. Поэтому недавно его превосходительство приказали строить корабли и послать рис в западные провинции. Когда он собирался отправить в Сайкай гонца, чтобы сообщить об этом, прибыл посланник от Нориёри [который покинул Киото второго дня девятого месяца предыдущего года], отправленный четырнадцатого дня одиннадцатого месяца предыдущего года. В письме говорилось, что из-за недостатка провианта воины не горят желанием сражаться, каждый думает о своей земле, более всего желая все бросить и отправиться домой. Кроме этого, губернатор описал детали обстановки на Кюсю. Он также просил еще лошадей.

Письмо возбудило некоторые подозрения у его превосходительства, но он все-таки отправил посланцев: Садато, Нобуката и Мунэмицу. Садато и Нобуката находились в Киото, поэтому Мунэмицу было приказано забрать их по пути. Он вез с собой подробные письма от его превосходительства*.

Было также отправлено письмо вассалам его превосходительства на Кюсю [им приказывалось исполнить приказание губернатора Микава и сообщалось о] намерении послать на Сикоку капитана Куро.

Двенадцатый день. Губернатор Микава отправился из провинции Суо в Акамагасэки**, намереваясь пересечь море и напасть на клан Тайра, но, испытывая недостаток провианта и не имея кораблей, вынужден был задержаться там на несколько дней против своей воли. Воины из восточных земель очень устали, многие думали о родных местах. Даже подобные Вада Котаро Ёсимори*** начали склоняться к тому, чтобы тайно вернуться в Камакура. Чего же можно было ожидать от других?

Но прошел слух, что Усуки Дзиро Корэтакэ из провинции Бунго и его брат Огата Сабуро Корэсака хотят выступить на стороне Минамото; поэтому было решено, что братья предоставят корабли, чтобы войска могли добраться до провинции Бунго и затем напасть на порт Хаката. Поэтому губернатор вернулся в провинцию Суо.

Двадцать шестой день. Корэтакэ и Корэсака, зная о намерениях губернатора Микава, предоставили 82 корабля. А Усанаги Камисити Тотакэ из провинции Суо дал провиант. Губернатор поднял якоря и отправился в провинцию Бунго.

* В двух письмах — написанном еще до прибытия гонца от Нориери и ответе на письмо Нориери — Ёритомо сообщает, что осведомлен насчет ситуации в войсках, и убедительно просит Нориери «позаботиться о воинах». Он советует «не перечить» воинам с Кюсю и «побуждать» воинов из восточных земель на «подвиги». Стратегия при нападении на Ясима должна быть следующей, говорит он: воины с востока должны составить ядро сил, а воины Кюсю — помогать им.

** Древнее название Симоносэки, порта на крайнем юго-западе острова Хонсю.

*** Ёсимори был одним из самых преданных вассалов Ёритомо. В ходе «западного похода» он находился под началом Нориери и занимал пост *сабуран дайсэ* («генерала над воинами»).

Первый день, второй месяц. Губернатор Микава достиг провинции Бунго.

Четырнадцатый день. Пока губернатор Микава еще находился в Суо, командующий послал ему письмо: «Пусть Тои Дзиро и Кадзивара Хэйдзо поговорят с воинами девяти провинций [на Кюсю] и убедят их присоединиться к нам. Если они встанут на нашу сторону, отправляйтесь на Кюсю. Если же нет, даже и не думайте сражаться на этой земле. Переправляйтесь сразу же на Сикоку и атакуйте Тайра».

Губернатор намеревался отправиться на Кюсю, но, не имея кораблей, был вынужден оставаться на месте. Потом он пошел в провинцию Нагато, но, не имея припасов, вернулся в Суо. Воины окончательно утратили боевой дух и не хотели сражаться. По крайней мере, на это жаловался губернатор. Гонец прибыл с этими вестями сегодня в провинцию Идзу.

Тогда его превосходительство послали письма губернатору и некоторым своим вассалам: «Если вы вернетесь в Киото, не победив врага до конца, чем же вы сможете гордиться? Мы посылаем провиант — ждите. Люди Тайра покинули родные земли и переходят из места в место, но не теряют готовности сражаться. Вы же — мои посланники, которым приказано уничтожить их. Почему же вы не можете найти в себе мужества?»

Шестнадцатый день. Воины из Канто отправились в провинцию Сануки, чтобы уничтожить Тайра. Капитан Ёсидунэ вел авангард. Сегодня, в шесть вечера, он поднял якоря.

Накануне же Главный казначей [Такахаси] Ясудунэ посетил капитана под предлогом того, чтобы осмотреть доспехи. Намерения же у него были другими, ибо он пытался удержать капитана, говоря: «Господин, я не слишком хорошо знаком с военным делом, но, насколько мне известно, генерал армии никогда не отправлялся в авангарде. Не следует ли послать вперед вашего помощника?»

Капитан ответил: «Я думал об этом. Я хочу погибнуть впереди своих воинов»*. И он отправился в авангарде отборных войск.

* Эти слова Ёсидунэ позволяют сделать предположение, что к тому времени он почувствовал ухудшение отношений между ним и Ёритомо.

Лагерь Тайра располагались в двух местах. Бывший Центральный министр [Мунэмори] превратил в крепость Ясима в провинции Сануки, а новый Средний советник Томонори укрепил заставу Модзи войнами девяти провинций. Штаб же его находился на острове Хико. Так они ждали карательные войска.

Восемнадцатый день. Вечера капитан попытался выйти в море из Ватанабэ, но внезапно начался шторм, и многие корабли были повреждены. Поэтому все без исключения корабли с войнами остались стоять на якорях. Тогда капитан сказал: «Мы посланы покарать врагов императора. Нам не избежать кары, если мы промедлим и задержимся здесь хоть на минуту. Не думайте о ветре и волнах!»

Около двух часов ночи он вышел в море с первой группой из пяти кораблей и около шести добрался до бухты Цубаки в провинции Ава [обычно этот путь занимает три дня]. Он высадился на берег вместе со ста пятьюдесятью всадниками, взял в проводники местного жителя Кондосити Тиканэ и отправился к Ясима. По пути, у бухты Кацура, он напал на Сакуранива-но Сукэ Ёсито [младший брат Сании Нарийеси]. Последний бежал из своего замка и исчез.

В «Хэйкэ моногатари» решимость, проявленная Ёсицунэ в Ватанабэ, описана с драматичностью и яркостью.

Собравшиеся в Ватанабэ большие и малые вассалы пытались оценить положение: «Мы никогда не сражались на море. Что нам делать?»

Кадзивара [Кагэтоки] сказал: «Что если, сделать на кораблях “обратные весла” для сражения?»

Капитан: «Что такое “обратные весла”?»

«Когда едешь на лошади, — сказал Кадзивара, — на ней легко можно повернуть обратно, направо или налево. Но корабль трудно быстро развернуть. Поэтому я предлагаю поставить весла на носу и корме корабля и добавить рулевых весел по бокам. Тогда мы сможем быстро развернуться в любом направлении».

«В сражении, — сказал капитан, — даже если не имеешь намерения отступить, часто приходится делать это, если положение безвыходное. Что же хорошего в том, чтобы с самого начала планировать отступление? Плохо думать об этом в тот момент, когда мы выступаем. “Обратные весла” или “перевернутые весла” — вы можете поставить их хоть сто, хоть тысячу на свои корабли. По мне же, вполне сгодятся такие, какие есть».

«Великий полководец, — настаивал Кадзивара, — тот, кто атакует, когда должен атаковать, и отступает, когда должен отступать. Тогда он сможет уберечь себя и уничтожить врага. Того же, кто идет одним путем, называют “диким кабаном”, и никто не считает его хорошим воином».

«Да пусть его зовут хоть “диким кабаном”, хоть “диким оленем”, — сказал капитан. — В сражении я на своем месте только тогда, когда атакую и побеждаю».

Воины боялись Кадзивара и только поэтому не рассмеялись в открытую, но, перемигиваясь, потихоньку хихикали. Капитан и Кадзивара, хоть и на одной стороне, будут воевать друг с другом, говорили они.

Наконец, когда солнце зашло и наступила ночь, капитан сказал: «Корабли починили, и теперь они совсем как новые. Поешьте и выпейте вина, господа».

Сделав вид, что сам он занимается тем же, капитан погрузил на корабли оружие, рис и лошадей. Потом сказал: «Поторопитесь, мы отправляемся».

Моряки и кормчие запротестовали: «Господин, сейчас хоть и попутный ветер, но он плох. В открытом море он слишком силен. Мы не можем поднять якоря сейчас».

Капитан пришел в ярость.

«Умрете ли вы в поле или на горе, утонете ли в море или в реке — вашу судьбу вершат предыдущие жизни. Чего же вы беспокоитесь о том, что ветер на море слишком силен?»

«Если бы я приказал вам выйти в море при встречном ветре, я был бы неправ. Но сейчас ветер попутный. Как вы смеее отказываться выйти в море, когда на нас возложено такое важное дело, а ветер лишь чуть сильнее обычного?»

Потом он приказал: «Убивайте каждого, кто откажется поднять якорь!»

Тогда Сато Сабуро Цугунобу из Осю, страж Среднего дворца*, и Исэ-но Сабуро Ёсимори выступили вперед со стрелами, вложенными в луки, и сказали: «Чего вы рассуждаете? Это приказ. Поторопитесь и выходите в море! Мы убьем каждого, кто ослушается!»

Услышав это, некоторые моряки и кормчие сказали: «Что же, если нам так и так погибать от стрел, то вверим же судьбу жестокому ветру!»

Так, пять из двухсот кораблей вышли в море. Остальные же не двинулись с места, ибо их команды боялись либо ветра, либо Кадзивара.

«Не следует оставаться только потому, что другие корабли не выходят, — сказал капитан. — Когда все хорошо, враг настороже. Разбить врага можно только неожиданно напад на него — например, при штормовом ветре».

На пяти кораблях отправились: капитан; Тасиро-но Кандзя; Гото из стражи Среднего дворца и его сын; братья Канэко и Гонай Тадатоси из Ёдо.

Капитан сказал: «Не зажигайте фонарей на кораблях. Мой корабль пойдет первым, следите за огнями на его корме и носу. Если враг увидит много огней, он насторожится».

Они плыли всю ночь и за несколько часов покрыли расстояние, на которое обычно уходит три дня. Шестнадцатого дня второго месяца около двух ночи они покинули Ватанабэ и Фукусима и достигли земли Ава около шести утра.

Девятнадцатый день. Всю ночь капитан шел через Накакаяма, на границе провинций Ава и Сануки. Сегодня около восьми утра он достиг бухты перед императорским дворцом в Ясима и сжег дома в Мурэ и Такамацу. Поэтому бывший император** покинул дворец. Бывший Центральный министр [Мунэмор] во главе своего клана вышел в море.

* Сато и его брата Таданобу дал Ёсицунэ Фудзивара-но Хидэхира, когда Ёсицунэ покидал Осю, чтобы присоединиться к Ёритомо.

** Ангоку. Назван «бывшим», ибо считалось, что он потерял трон, когда Тайра забрали его с собой из Киото.

Капитан в сопровождении Тасиро-но Кандзя Нобуцуна, Канэко-но Дзюро Иэтада, Канэко-но Ёити Тиканори и Исэ-но Сабуро Ёсимори помчался к берегу. Они стреляли из луков и бросали камни в воинов Тайра, лавировавших на своих кораблях. Те отстреливались. Тем временем офицер стражи Среднего дворца Сато Сабуро Цугунобу, офицер стражи Среднего дворца Сиро Таданобу, офицер стражи Среднего дворца Гото Санэмото и его приемный сын Мотокиё, тоже офицер стражи Среднего дворца, сожгли дворец, ставку Центрального министра и дома в округе. Черный дым поднимался в небо и затмевал солнце.

Офицер стражи Среднего дворца Морицунэ из Эттю и офицер стражи Среднего дворца Горо Тадамицу из Кадзуса [оба — вассалы Тайра] сошли с корабля и заняли позицию перед святилищем, намереваясь сразиться. В стычке погиб вассал капитана, Цугунобу*. Капитан был очень опечален. Он приказал обернуть его тело тканью и похоронить в роще Тысячи сосен. Он также подарил монаху, возносившему молитвы, великолепного коня [по кличке Таифукуро. Вначале конь находился в конюшнях императора. Когда Ёсицунэ сопровождал императора, тот подарил коня ему, и с тех пор Ёсицунэ неизменно сражался на этом коне.] Так он чтит своих воинов. Не было никого, кто не говорил бы об этом поступке как об удивительном**.

Двадцать первый день. Тайра укрылись в Сидо Додзё, в провинции Сануки. Капитан во главе восьмидесяти всадников настиг их. Вассал Тайра Дэннаи, офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца сдался ему. К нему также присоединились Кавано-но Сиро и Митинобу на тридцати кораблях. К тому времени господин Ёсицунэ уже пересек провинцию Ава.

* В «Хэйкэ моногатари» говорится, что его убил Тайра-но Норицунэ, великолепный лучник. Норицунэ целнался в Ёсицунэ, но Цугунобу и другие воины закрыли его собой. Сам Норицунэ бежал из Итинотани, практически не вступая в сражение.

** Как указывается в «Хэйкэ моногатари», военачальники Тайра упустили возможность перейти в контрнаступление — по крайней мере, в ночь девятнадцатого дня. Ёсицунэ и его воины устали после морского путешествия, изнурительного марша днем и ночью и последовавшего за ним стражения. К тому же, их было не так много.

Двадцать второй день. Кадзивара Хэйдзо Кагэтоки и другие воины из восточных земель на ста сорока кораблях достигли берега Ясима*.

Первый день, третий месяц. С наступлением ночи прибыл гонец из Сайгоку**. Люди часто говорили о возможном исходе сражения, поэтому многие поспешили узнать вести.

Второй день. Вчерашний гонец прибыл от Сибуя Сёдзи Сигэкуни. Он сообщил, что в первом месяце, когда губернатор Микава отправился из провинции Суо в провинцию Бунго, Сигэкуни во главе войск пересек море и убил [Харада] Танэнао.

Восьмой день. С Сайгоку прибыл гонец от капитана. Он сообщил, что семнадцатого дня предыдущего месяца капитан во главе ста пятидесяти всадников снялся с якоря в Ватанабэ, не испугавшись сильного ветра. Около шести утра следующего дня он добрался до провинции Ава и дал несколько сражений. Воины клана Тайра либо были убиты, либо бежали. Девятнадцатого капитан подошел к Ясима. Гонец был отправлен еще до окончания сражения. Однако, когда уже из провинции Харима [перебравшись через пролив] он посмотрел назад, то увидел, что над Ясима поднимается черный дым. Он не сомневается, что битва была выиграна, а дворец и прочие постройки — сожжены.

Девятый день. Губернатор Микава послал командующему письмо из Сайкаи: «Мы подошли к провинции Бунго в полной готовности, зная, что там есть цитадели Тайра. Все люди бежали, так что нам негде было раздобыть еду. Поэтому некоторые самураи, в том числе Вада Таро [Ёсимори], его брат Отава Дзиро и Кудо Итиро хотели вернуться домой. Своей волей я удержал их и пересек с ними море. Я хотел бы, чтобы вы им что-нибудь сказали. Я также слышал, что Тандзо, хранитель святилища Кумано***, уговоренный капитаном, согла-

сился присоединиться к карательным войскам и какое-то время назад прибыл в провинцию Сануки и теперь хочет вступить на землю девяти провинций. Я понимаю так, что вы послали Ёсицунэ главным на Сикоку, а меня, Нориёри, главным на Кюсю. Если вы и дальше будете таким же образом выбирать людей, то я потеряю лицо, и сложится впечатление, будто более нет отважных. Я в ужасе, когда размышляю, что об этом думают люди».

Одиннадцатый день. Командующий послал ответ губернатору Микава. Он написал, что слухи о том, что Тандзо пересек море, безосновательны...

Двадцать первый день. Шел сильный дождь. Капитан хотел отправиться к Данноура, чтобы напасть на Тайра, но из-за дождя отложил свои планы*. В это время Гору Масатоси, ведающий в провинции Суо кораблями, прислал ему пятьдесят-шестьдесят судов. В ответ Ёсицунэ послал ему письмо. В нем говорилось, что теперь Масатоси — прямой вассал господина Камакура.

Двадцать второй день. Капитан поднял якоря на кораблях и направился к Данноура. Накануне он собирал корабли и разрабатывал стратегию. Миура-но Сукэ Ёсидзуми прибыл, чтобы встретиться с ним в порту Осима той же провинции. Капитан сказал ему: «Вы уже видели заставу Модзи. Будьте нашим проводником».

Выполняя приказ, Ёсидзуми отправился вперед и достиг берега в Окицу, Данноура [3000 ярдов от лагеря Тайра]. Узнав об этом, войска Тайра покинули остров Хико, прошли Акамагасэки и прибыли в Данноура.

~~*

В «Хэйкэ моногатари» описывается еще одно столкновение между Ёсицунэ и Кадзивара-но Кагэтоки — на этот раз перед последним сражением этой гражданской войны.

* В «Хэйкэ» говорится, что люди насмеялись над Кадзивара и его людьми, сравнивая их с «увядшими цветами и булавами, принесенными после того, как сражение кончилось».

** Остров Сикоку, где находился с войсками Ёсицунэ.

*** Весьма влиятельное духовное лицо. Поначалу он выступил на стороне Тайра, но потерпел поражение в первом же сражении. Его женой была родная тетя Ёритомо.

Кадзивара сказал: «Господин, позвольте мне вступить сегодня в сражение первым».

Капитан: «Если бы меня здесь не было».

«Это несправедливо. Поймите, что вы командуете армией».

Капитан заявил: «Я не думал об этом. Господин Камакура командует армией. Мне всего лишь приказали быть его посланцем, и я ничем не отличаюсь от вас».

Кадзивара, поняв, что ему не суждено пойти в битву первым, пробормотал: «Этот человек не рожден быть вождем самураев».

Капитан услышал его слова. «Вы — глупейший человек во всей Японии», — сказал он и положил руку на рукоять меча.

«У меня нет хозяина, кроме господина Камакура», — выпалил Кадзивара и тоже положил руку на рукоять меча.

Помощники удержали обоих от поединка, говорится в «Хэйкэ». Тем не менее, данный эпизод, как и предыдущий, с «обратными веслами», несомненно, объясняет, почему впоследствии Кагэтоки оклеветал Ёсицунэ. В данном случае примечательно еще одно обстоятельство: Ёсицунэ прекрасно понимал, что он — всего лишь пешка на шахматной доске Ёритомо. Однако, по крайней мере, в глазах Кагэтоки, он становился весьма опасной пешкой.

Ёсицунэ представлял для Ёритомо опасность потому, что, в отличие от Нориери, был исключительно талантливым полководцем. Нориери не имел влияния, не знал, что он делает, и так и не смог добиться от своих подчиненных, на которых он постоянно жаловался, верности. Поэтому для Ёритомо он не был опасен. Ёсицунэ же был самым воплощением быстроты и действия. Стратег молниеносной войны, он прекрасно понимал, что «промедление смерти подобно». В любом сражении он всегда был впереди, и потому войны и даже другие полководцы шли за ним на смерть. Он вполне мог стать главой клана Минамото вместо Ёритомо.

Двадцать четвертый день. Минамото и Тайра сошлись в море у Данноура, Акамагасэки, провинция Нагато. Их лодки и корабли стояли на расстоянии трехсот ярдов друг от друга. Тайра разбил свои пятьсот судов на три группы. Их возглавлял Ямага-но Хёдодзи Хидэто. Они первыми начали сражение с полководцами и воинами Минамото. К полудню Тайра были разгромлены...

Четвертый день, четвертый месяц. В Киото спешно прибыл гонец от капитана с вестью, что все Тайра уничтожены.

Одиннадцатый день. Около двух пополудни состоялась церемония подъема колонн в Южном Священном Зале. Командующий присутствовал на ней. Тем временем прибыл гонец из Сайкай с вестью об уничтожении клана Тайра. Капитан послал список* [говорили, что его написал Накахара Нобуясу].

То-но Хоган-дай [Фудзивара-но Кунимити] преклонил перед командующим колени и громко зачитал список. Рядом стояли губернатор Инаба [Оэ-но Хиромото], а также [Фудзивара-но] Тосиканэ и Тикудзэн Сабуро [Корэмунэ Такахиса]. Командующий взял список, развернул его и повернулся лицом к Цуругаока**. Он не мог вымолвить и слова.

Двадцать первый день. С запада прибыл гонец от Кадзивара Хэйдзо Кагэтоки. Тот прислал с письмом своего родственника. В первой части письма он описывал сражение, а в конце обвинял капитана в нарушении преданности: «Господин капитан, будучи вашим посланником, с помощью ваших вассалов довел дело до конца. Тем не менее он, видимо, полагает, что заслуга в этом принадлежит ему одному, хотя, смею утверждать, победа стала возможной благодаря усилиям многих людей. Воины рвались в битву не потому, что думали о капитане, но потому, что испытывали благоговейный трепет перед вашим превосходительством. Однако после уничтожения клана Тайра поведение его стало еще более вызывающим. Все воины запуганы им, и он не проявляет ни малейшего признака уступчивости. Прежде всего я, Кагэтоки, будучи близким помощником вашего превосходительства и помня ваш строгий приказ, видя его ошибки, указывал ему на них, говоря, что все это может противоречить воле вашего превосходительства. Но мои слова поворачиваются против меня, так что мне даже грозит опасность понести наказание. Сейчас, когда сражения закончились и больше нет никаких дел, я не вижу причины продолжать служить ему. Я хотел бы снять с себя полномочия как можно скорее и вернуться домой».

* Погибшие и взятые в плен знатные члены клана Тайра.

** Где находился семейный храм.

Двадцать шестой день. Сегодня, когда бывший Центральный министр [Тайра-но Мунэтори] и прочие пленники вступили в Киото, удалившийся от дел император тайно выехал в своем экипаже в Рокуо Бодзё, чтобы посмотреть на них... Все они были отведены в дом капитана в Рокудзё Муромати.

Двадцать девятый день. Гонец Ёсиэда отправился в Сайкаи в качестве посланника командующего. Он должен был доставить письмо командующего к Тасиро-но Кандзя Нобуцуна. В письме говорилось: «Я послал капитана наместником в Сайкаи и дал ему в сопровождение своих вассалов. И вот я слышу, что он ведет себя так, будто облечен властью решать все ст50ны убеждены, что хотят служить мне, и обижены на него по самым разным причинам. Поэтому тайно дайте знать, что впредь те, кто хотят сохранить верность мне, пусть не повинуются ему».

Четвертый день, пятый месяц. Гонец Кадзивара Хэйдзю Кагэтоки вернулся на запад. Командующий отправил с ним письмо, в котором упрёкал капитана. Он приказал более не подчиняться ему...

Седьмой день. Из Киото прибыл гонец от капитана [по имени Камэн Рокуро]. Он привез командующему письмо от капитана, в котором тот клялся, что не имеет никаких тайных мыслей. Бывший губернатор Инаба [Оэ-но] Хиромото подменил его. Губернатор Микава [Нориёри] послал из Сайкаи нескольких гонцов с подробными докладами. Он никогда не действовал по своей воле, поэтому командующий хорошо думал о нем. Капитан же проявлял склонность поступать по своему усмотрению. Теперь, узнав о том, что командующий недоволен, он впервые поступил так. Этого командующий потерпеть не мог, и гнев его стал еще больше.

Одиннадцатый день. В награду за поимку и доставку в Киото бывшего Центрального министра [Мунэтори] командующий двадцать седьмого дня предыдущего месяца получил второй ранг. Указ о его назначении пришел сегодня...

Пятнадцатый день. Прибыл гонец от капитана [Хори Кагэмицу]. Он передал, что капитан везет с собой бывшего Центрального министра и его сына. Он выехал из Киото седьмого и сегодня должен добраться до станции Сакава. Завтра он планирует быть в Камакура. Господин второго ранга [Ёритомо] отправил к станции Сакава господина Ходзё

[Токимаса] для того, чтобы поприветствовать и встретить бывшего Центрального министра. С ним поехали также Мусядокоро [Маки] Мунэтика и Кудо Кодзиро Юкимидзу. Было велено передать следующее: капитан не должен приезжать в Камакура, ему следует оставаться на месте, пока его не вызовут. Это поручили сообщить Кояма Ситира Асатоми.

День двадцать четвертый. Капитан истребил врагов императора. Кроме того, для господина второго ранга он привез бывшего Центрального министра. Он не сомневался, что получит награду за свои подвиги, но поскольку возникли сомнения в его преданности, господин второго ранга вдруг разгневался на него, и капитану не разрешили прибыть в Камакура. Он оставался без дела у заставы Косигоэ и был так удручен и подавлен, что через бывшего губернатора Икаба [Оэ-но] Хиромото подал прошение. Хиромото показал его командующему, но тот сказал лишь, что в свое время будут даны соответствующие указания...

Девятый день, шестой месяц. Сегодня капитан, находившийся какое-то время около Сакава, вернулся в Киото вместе с бывшим Центральным министром. Господин второго ранга приказал Татибана Умаицу [Киминага], Асо Сёдзи [Мунэнобу], Усами Хэйдзи [Санэмаса] и другим отважным воинам сопровождать пленника. Капитан надеялся, что, если он придет в Канто, его будут подробно расспрашивать о разгроме Тайра. Он также полагал, что будет вознагражден за великие подвиги и исполнение долга. Так он считал, но ему вдруг дали понять, что он ошибается. Более того, он даже не смог получить аудиенции и был вынужден вернуться в Киото с пустыми руками...

Тринадцатый день. Его превосходительство лишили капитана всех двадцати четырех земель, отобранных у Тайра и пожалованных ему...

Двадцать девятый день, восьмой месяц. Ранее, шестнадцатого дня, был созван срочный совет. Сегодня был получен лист назначений. Многие члены клана Минамото получили от императора награды. Среди них: [Ямана] Ёсинори, губернатор Идзу; [Оути] Корэёси, губернатор Сагами; [Асикага] Ёсиканэ, губернатор Кодзукэ; [Кагами] Томидзу, губернатор Синано; [Ясуда] Ёсисукэ, губернатор Этиго и Ёсидзунэ, губернатор

Иё*. Что касается получения поста Ёсицунэ, то господин второго ранга упорно противился этому, однако относительно губернаторства в Иё он еще в четвертом месяце тайно отправил просьбу придворному Ясуцунэ. С того времени появились слухи о неверности Ёсицунэ, но просьбу уже нельзя было отозвать. Поэтому все оставили на усмотрение императора...

Второй день, девятый месяц. Офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца Кадзивара Гэнта Кагэсуэ и Ёсикацубо Дзэдзин отправились посланниками в Киото... В качестве гонцов его превосходительства они должны были посетить губернатора Иё Ёсицунэ в его доме и передать приказ отыскать местонахождение бывшего губернатора Бидзэн [Минамото-но] Юкиэ** и убить его. Им следовало посмотреть, как отреагирует губернатор Иё. Ранее, двадцатого дня пятого месяца, бывшему Главному советнику [Тайра-но] Токитада*** было приказано отправиться в ссылку. Тем не менее, Токитада все еще находился в Киото, что вызывало гнев его превосходительства. Однако губернатор Иё, как зять советника, хотел проявить деликатность и позволить ему остаться. Хуже того, появились слухи, что Ёсицунэ намеревается убедить бывшего губернатора Бидзэн Юкиэ восстать против Канто...

Двенадцатый день. Кагэсуэ и Дзэдзин прибыли в Киото. Они говорили о тех, кто должен был быть отправлен в ссылку.

Шестой день, десятый месяц. Офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца Кадзивара Гэнта Кагэсуэ вернулся из Киото. В присутствии его превосходительства он сказал: «Я посетил губернатора Иё в его доме и назвался посланником вашего превосходительства, но он отказался

* Ниже Ёсицунэ будет часто называться губернатором Иё.

** Юкиэ приходился родным дядей Ёритомо и Ёсицунэ. Он поднял армию вместе с Ёсинака, но удача не сопутствовала ему: он потерпел несколько поражений.

***Токитада (1130—1189) принадлежат уже цитировавшиеся выше слова: «Тот, кто не принадлежит нашему клану, — не человек». Он добился влияния благодаря тому, что одна из его сестер стала женой Госиракава, а другая — Киёмори. Он оказался одним из немногих членов Тайра, кого не обезглавили, а отправили в ссылку.

встретиться со мной, сославшись на болезнь. Я не мог передать тайное послание, вверенное мне, через кого-нибудь другого, и потому вернулся на постоянный двор [в Рокудзэ Абуранокодзи]. Два дня спустя я вновь отправился к нему. Он встретил меня, не вставая с ложа. Выглядел он крайне изможденным. Я сказал ему о планах найти и убить Юкиэ. Он ответил: «Я не прикидываюсь больным. Я, Ёсицунэ, немедленно приведу к покорности любого, даже простого грабителя. Что можно сказать о Юкиэ? Он не принадлежит к другому клану, но, как и я, является потомком Рокусон-о [Минамото-но Цунэмото]*, вручающего лук и боевого коня. С ним нельзя обходиться, как с простолюдином. Я не могу просто послать своих воинов и заставить его сдаться. Я постараюсь как можно быстрее справиться с болезнью и, как только поправлюсь, что-нибудь придумаю. Передайте это его превосходительству».

Ёритомо сказал: «Он сочувствует Юкиэ и потому решил притвориться больным. Это очевидно».

На это Кагэтоки сказал: «В первый день мой сын не смог встретиться с ним, однако два дня спустя Ёсицунэ принял его. Если не есть целый день и не спать целую ночь, то волей-неволей будешь выглядеть изможденным. Я полагаю, что все это он придумал за два дня. Можете не сомневаться, господин, что оба вынашивают одни и те же планы и готовятся».

Девятый день. Его превосходительство несколько дней держали совет: как убить губернатора Иё Ёсицунэ. Наконец, было решено послать Тосанобо Масатоси. Многие предпочли бы отказаться от такого поручения, но Масатоси сам вызвался, желая заслужить тем самым особую благодарность его превосходительства. Перед отбытием он пришел к его превосходительству, сказал, что в провинции Симоцукэ у него престарелая мать и дети, и попросил позаботиться о них. Господин второго ранга согласился и пожаловал ему деревню Накандзуми в провинции Симоцукэ. Масатоси сопровождали восемьдесят три всадника: Миками Яроку Иэсуэ [младший брат Масатоси], Нисигори Сабуро, Кадома Таро,

* Цунэмото (ум. 961) — внук императора Сэйва (850—880), получивший фамилию Минамото и считающийся родоначальником клана.

Айсава Дзиро и другие. Они должны были добраться до места за девять дней.

Тринадцатый день. Одиннадцатого дня и сегодня губернатор Иё, офицер пятого ранга Ёсицунэ тайно посещал императорский дворец и докладывал о своем деле: «Бывший губернатор Бидзэн Юкиэ поднялся против Канто и замышляет мятеж. Это произошло потому, что до него дошли сведения: господин второго ранга из Камакура намеревается убить его. Юкиэ затаил злобу, когда узнал, что господин второго ранга хочет убить своего ни в чем не повинного дядю — за какие ошибки и грехи? Я, Ёсицунэ, пытался удержать его, но безуспешно. В свое время я, Ёсицунэ, дал отпор ужасным злодеяниям клана Тайра и принес мир и спокойствие в Поднебесную. Любой счел бы это великим подвигом. Но господин второго ранга не только не вознаградил меня, но и лишил всех земель, ранее пожалованных мне. Более того, до меня дошли вести, что он хочет убить меня. Чтобы избежать затруднительного положения, я согласился соединиться с Юкиэ. При таких обстоятельствах я должен получить приказ властей на то, чтобы уничтожить Ёритомо. Если мы не получим императорское разрешение, то покончим с собой оба.

Императорский ответ гласил: «Приложите все силы, чтобы умиротворить гнев и злобу Юкиэ».

Семнадцатый день. Тосанобо Масатоси в соответствии со строгим приказанием, полученным им ранее, вместе с Мидзуотани Дзуро и шестьюдесятью воинами напал на дом губернатора Иё, офицера пятого ранга Ёсицунэ в Рокудзё Муромати. В это время большинство лучших воинов губернатора находились около Нисикава, в доме же осталось лишь несколько самураев. В сопровождении офицера стражи Среднего дворца Сато Сиро Таданобу и других воинов губернатор сам открыл ворота и сражался. Юкиэ, услышав об этом, подошел с тыла и присоединился к губернатору. Вскоре Масатоси бежал. Воины губернатора бросились в погоню за ним. Губернатор поспешил в императорский дворец доложить, что он в безопасности.

Восемнадцатый день. Вчера в императорском дворце состоялся совет, который должен был решить, как быть с просьбой Ёсицунэ и давать или нет императорское разрешение. Оказалось, что в то время командовать полицией кроме

Ёсицунэ было некому. Если он не получит императорского разрешения и прибегнет к силе, кому же тогда поручить защиту дворца?

Дабы выйти из столь щекотливого положения, было решено все-таки сперва выпустить императорский указ, а потом объяснить обстоятельства Канто. В таком случае господин второго ранга едва ли обидится.

Поэтому, в восемнадцатый день, десятый месяц, первый год Бундзи [1185] был издан указ. Вел совет Левый министр [Фудзивара-но Мунэцунэ].

Император повелевал:

Господин Минамото-но Ёритомо, старшего второго ранга, проявил военную доблесть, но забыл императорский закон. Поэтому, сим приказываем бывшему губернатору Бидзэн Минамото-но Юкиэ и Начальнику Левого крыла дворцовой стражи Минамото-но Ёсицунэ напасть и уничтожить его.

*Представлено Главным казначеем
Главным надзирателем
Помощником управления делами императрицы
Фудзивара-но Мицумаса.*

Двадцать третий день. Слуга Яманоути Такигути Сабу-ро Цунэтоси спешно прибыл из провинции Исэ и доложил: «Под предлогом приказа со стороны губернатора Иё люди набирают солдат. Ранее, девятнадцатого дня, они окружили управу местного начальника полиции, намереваясь убить его. По всей видимости, ему не удалось спастись...»

Двадцать четвертый день. Его превосходительство, вернувшись к себе*, вызвали [Вада] Ёсимори и [Кадзивара] Кагэтоки и приказали им: «Завтра же отправляйтесь в Киото. Соберите воинов и запишите их имена. Отдельно представьте список тех, кто выступит завтра на рассвете». К полуночи собралось 2096 вассалов, среди них [Тибя] Цунэтанэ и еще несколько важных персон. В Киото должно было оставаться

* После грандиозной и величественной службы в Священном Южном Зале, описание которой составляет большую часть записей об этом дне. О Священном Южном Зале см. записи об одиннадцатом дне, четвертый месяц, 1185 г.

58 человек, в том числе [Кояма] Томомаса и [Юки] Томомицу.

Двадцать пятый день. Сегодня на рассвете были названы имена отважных воинов, согласившихся отправиться в Киото. Его превосходительство сказали им: «Во-первых, когда будете в Овари и Мино, скажите жителям этих провинций, чтобы они укрепили паромные переправы в Адзика, Суномата и других местах. Затем, как только доберетесь до Киото, убейте Юкииэ и Ёсицунэ. Не щадите никого. Если же их не окажется в столице, ждите моего прибытия».

Двадцать шестой день. Воины губернатора Иё выследили Тосанобо Масатоси и троих его людей в ущельях на горе Курама. Сегодня они были обезглавлены в Рокудзэ Кавара.

Двадцать девятый день. Сегодня господин второго ранга отбыл в Киото, чтобы подавить мятеж губернатора Иё и губернатора Бидзэн...

Второй день, одиннадцатый месяц. Губернатор Иё запланировал двигаться на запад. Чтобы завладеть кораблями, он отправил офицера императорской полиции [Фудзивара-но] Томодзанэ...

Третий день. Бывший губернатор Бидзэн Юкииэ и губернатор Иё Ёсицунэ отбыли в Сайкай. Перед этим они отправили гонца в императорский дворец, чтобы передать: «Дабы избежать осуждения со стороны Камакура, мы отправляемся на Кюсю. Мы понимаем, что должны были прежде прийти и поклониться вашему величеству, но мы не в соответствующем облачении. Поэтому мы уехали».

Вместе с ними отбыли бывший Средний капитан [Тайрано] Токисанэ; господин [Итидзэ] Ёсинари [сводный брат Ёсицунэ, сын казначея Итидзэ Наганари]; офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца [Минамото-но] Идзу Арицуна; Хори Ятаро Кагэмицу; офицер стражи Среднего дворца Сато Сиро Таданобу; Исэ-но Сабуро Ёсимори; Катаока Хатиро Хироцунэ; монах Бэнкэй и другие, всего около двухсот всадников.

Пятый день. Посланные из Канто вассалы вошли в Киото. Первым делом они передали Левому министру [Фудзивара-но Цунэмуэ], что его превосходительство в ярости.

Сегодня, когда губернатор Иё достиг Кавадзири, члены клана Минамото из провинции Сэтцу управляющий Тада

Юкицуна и Тоёсима Кандзя преградили ему путь и выпустили в его сторону несколько стрел и камней. Губернатор обрушился на них, и они не смогли выстоять. Тем не менее, силы губернатора рассыпались, и с ним осталось немного воинов.

Шестой день. Юкииэ и Ёсицунэ на берегу Даймоцу сели на корабли, но внезапно поднялся ветер и огромные волны перевернули их суда, так что им пришлось отказаться от мысли пересечь море. Многие воины покинули их, так что с губернатором Иё осталось лишь четверо: офицер стражи Среднего дворца Идзу, Хори Ятаро, Мусасибо Бэнкэй и возлюбленная губернатора [по имени Сидзука]. Они провели ночь около храма Тэнно и затем отбыли в неизвестном направлении.

В этот день в провинции был послан приказ о поимке и возвращении Юкииэ и Ёсицунэ.

Седьмой день. Его превосходительство остановились на постоялом дворе в Кисэгава, чтобы собрать воинов и узнать, что происходит в Киото. Третьего дня ему сообщили, что Юкииэ и Ёсицунэ бежали из Тюгоку в Сайкай. Единственная трудность заключалась в том, что у этих двоих был приказ удалившегося от дел императора [Госиракава], повелевающий жителям Сикоку и Кюсю подчиняться им... Его превосходительство были чрезвычайно удручены, что император тем самым свел на нет его успехи. Тем не менее, он очень обрадовался, когда узнал, что Правый министр [Кудзэ Канэдзанэ] выступил на его стороне, когда обсуждался вопрос о том, издавать или нет вышеназванный указ.

Сегодня Ёсицунэ был лишен своих постов [губернатора Иё и офицера императорской полиции].

Кудзэ Канэдзанэ (1149–1207) — хитрый придворный, установивший связь с Ёритомо. Когда в тот же день он услышал, что Юкииэ и Ёсицунэ погибли, он записал в своем дневнике «Гёкуё»:

Если это правда, их болес невозможно будет вознаградить за заслуги. Жаль, конечно, но это радость для всех. Если бы они укрепились на Кюсю, провинции на пути к острову пострадали бы и опустели из-за того, что пришлось бы посылать войска, чтобы уничтожить их. Да и в провинци-

ях Канто Ёритомо не смог бы осуществить свои намерения из-за возникших бы в таком случае волнений. А тогда и верхи, и низы в Киото едва ли смогли бы уцелеть*. Поэтому то, что они погибли до того, как смогли добиться своей цели, безусловно является благом для всех.

Ёсицунэ имеет огромные заслуги — об этом нечего и говорить. Его храбрость, гуманность и справедливость останутся в памяти потомков. За это им можно только восхищаться. Но он решил восстать против Ёритомо. Это — величайшее предательство. Должно быть, поэтому Небо покарало его.

Восьмой день. Так как они [Юкииэ и Ёсицунэ] уже покинули Киото, его превосходительство [Ёритомо] отказались от своего плана идти на столицу и сегодня отбыли в Камакура.

Семнадцатый день. Появился слух, что губернатор Иё^{**} прячется на горе Ёсино в провинции Ямато. Настоятель храма вместе с вооруженными монахами искал его среди холмов и лесов, но безуспешно. Однако сегодня, около восьми вечера, возлюбленная губернатора Сидзука спустилась по склону Фудзико с горы и пришла в Зал Гио. Выглядела она очень странно. Монахи заметили ее и привели к настоятелю.

Когда ее стали спрашивать, Сидзука сказала: «Я — возлюбленная капитана Куро, офицера пятого ранга. Он покинул берег Даймоцу и добрался сюда, где и пробыл пять дней, но, услышав, что монахи ищут его, он переоделся странствующим монахом и исчез. Он дал мне много золота и серебра и

* В это время в Японии свирепствовал голод, обрушивались на страну и природные бедствия. Ситуацию усугубляли войска, проходившие по стране, мародерствовавшие, убивавшие и сжигавшие деревни. Поведение воинов было настолько вопиющим, что сам Ёритомо был вынужден отдать ряд приказаний, затрагивающих даже высших чинов и его ближайших помощников, таких как Кадзивара-но Кагэтоки.

** Авторы «Адаума кагами» обычно очень строго относились к рангам и титулам. В данном же случае они не учли, что Ёсицунэ более не являлся ни губернатором Иё, ни офицером императорской полиции.

отослал меня в Киото вместе с несколькими слугами. Но слуги обокрали меня и бросили среди снегов. Потом я добралась сюда».

Восемнадцатый день. После того, что сказала Сидзука, монахи из Ёсино опять отправились по холмам и долинам, чтобы поймать губернатора Иё. Настоятель храма пожалел Сидзуку и сказал, что позаботится о ней, а потом отошлет в Камакура.

Двадцать второй день. Губернатор Иё выбрался из глубоких снегов Ёсино и добрался до пика Тафу. Он говорил, что сделал это, чтобы вознести молитвы душе Тайсёккана*. Затем он добрался до Южного Зала святилища, хранитель которого, монах, называвший себя Дзюдзибо, восхищался губернатором.

Двадцать пятый день. Сегодня господин Ходзё [Токи-маса]^{**} вошел в Киото. Через генерал-губернатора Дадзайфу и Среднего советника [Ёсида Цунэфуса] он передал его величеству сожаления господина второго ранга по поводу мятежа Юкииэ и Ёсицунэ. Поэтому сегодня его величество приняли рекомендации и издали указ о немедленной поимке обоих^{***}.

Двадцать девятый день. Дзюдзибо с пика Тафу сказал губернатору Иё: «Этот храм небольшой, да и монахов здесь мало, так что вам трудно будет надолго спрятаться здесь. Поэтому я хочу отправить вас в одно местечко у реки Тоцу. Оно затеряно в горах, и люди и лошади не скоро доберутся туда».

Губернатор согласился, что очень обрадовало монаха. Он отослал Ёсицунэ вместе с восемью вооруженными монахами.

Пятнадцатый день, двенадцатый месяц. Из Киото прибыл гонец от господина Ходзё. Он привез подробный рассказ о том, что происходит в столице. Первым делом господин Ходзё конфисковал дома мятежников. Он отдал особые указания, чтобы все, кто сочувствует мятежникам, и особенно те, о чьих замыслах станет известно, не могли бежать... Затем к нему

* Фудзивара-но Каматари (614–669), которому поклоняются в святилище Дандзан. Тайсёккан — высший придворный ранг, учрежденный после реформ Тайка. Каматари был первым, кто получил его.

** Токимаса (1138–1215) — отец жены Ёритомо Масако. После смерти Ёритомо он стал регентом и заложил основы последующего захвата кланом Ходзё правительства Камакура.

*** Приказ был отдан Ёритомо.

доставили возлюбленную губернатора Иё. Она сказала, что, когда губернатор Иё покидал столицу, намереваясь отправиться в Сайкаи, он взял ее с собой. Она следовала за ним до берега Даймоцу...

Восемнадцатый день, второй месяц [1186]. Прошел слух, что губернатор Иё скрывается на пике Тафу. Это значит, подозревал Ёритомо, что учителя губернатора Токобо Адзари из Курама и Суо Токуго [Сёко] из Нара сочувствовали ему. Он приказал доставить их в Камакура.

Первый день, третий месяц. Сегодня из Киото в Камакура прибыла Сидзука, возлюбленная губернатора Иё, в сопровождении своей матери, Исо-но Дзэндзи.

Шестой день. Тосиканэ и [Тайра-но] Моритока вызвали Сидзуку и спрашивали ее о губернаторе Иё. Она рассказала, что провела несколько дней на горе Ёсино. Когда ей сказали, что ее словам трудно поверить, она уточнила: «На горе есть монастырь. Узнав, что монахи ищут его, губернатор перелез через стену монастыря и ушел, сказав, что хочет вступить на Большой Пик*. Его сопровождал монах из монастыря. Я любила его, и дошла с ним до первого Тории, но тут монах начал бранить меня: “Женщинам запрещено вступать на Пик”. Тогда я отправилась в Киото. Но слуги, что были со мной, ограбили меня и бросили. Так я оказалась в зале Гио».

На вопрос об имени монаха она сказала, что забыла его. В целом, то, что она говорила в Киото, очень отличалось от того, что она рассказывала здесь...

Пятнадцатый день. Бывший губернатор Иё Ёсидзунэ, опрометчиво появившийся в нескольких местах, вознес молитвы в Большом Святилище [в Исэ]. Он пожертвовал украшенный золотом меч, дабы его чаяния исполнились. Этот меч служил ему во многих сражениях.

Восьмой день, четвертый месяц. Господин второго ранга и его супруга** приехали поклониться в святилище Цуругаока. Затем они вызвали на колоннаду Сидзуку, чтобы она

* Омина, горный хребет в Ёсино, считающийся священным местом медитации. «Вступить на Большой Пик» означает «начало духовного совершенствования».

** Масако (1156–1225), жена Ёритомо. Как показывает этот эпизод, Масако была волевой женщиной. После смерти Ёритомо она держала в руках правительство Камакура: вначале вместе с отцом, а потом самостоятельно.

исполнила танец для святилища. Соответствующее приказание было дано раньше, но она не явилась, сославшись на болезнь.

Супруга Ёритомо сказала: «Ее участи не позавидуешь, и у нее нет оснований отказываться. Однако она была возлюбленной губернатора Иё, и ей стыдно так скоро появляться на людях. Поэтому-то она неохотно [повинуется вашему приказанию]. Но она — великолепная танцовщица, известная повсюду. Мы приехали в святилище, и она живет неподалеку. Нам будет очень жаль, если мы не увидим ее представления».

В конце концов Ёритомо вновь вызвал Сидзуку, дабы она исполнила танец, восхваляющий милосердие Великого Будхисаттвы.

Уже перед сценой Сидзука продолжала отказываться, ссылаясь на то, что в последние дни чувствовала себя очень утнетенной, и к тому же не знает, как танцевать. Тем не менее, когда приказ повторили несколько раз, она робко обхватила свое тело белоснежными рукавами и запела Песню Желтого Бамбука. На барабане играл офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца [Кудо] Сукэцунэ. Хотя он родился в семье, которая несколько поколений давала миру великих воинов, и жил в пыли, поднимаемой щитами и алебардами, он пел и играл на музыкальных инструментах. Поэтому его и выбрали для этой роли.

Сидзука начала песней:

Ступая по белому снегу пика горы Ёсино
Он ушел прочь. Я потеряла его!

Затем она спела «прощальную» мелодию, и вновь зазвучала песня:

Сидзу, о, сидзу! Если бы я только могла
Повторить прошлое и вернуть его, как
катушку сидзу!*

* Вариация танка из «Исэ Моногатари»: «Катушка сидзу все вертится и вертится, Если бы я только могла повторить прошлое и вернуть его». Сидзу — древняя ткань, метафора, обозначающая прошлое.

Это было такое великолепное представление перед святылицем, что, наверно, даже пыль дрожала на балках!* И верхи, и низы были глубоко растроганы.

Однако господин второго ранга сказал: «Любой, кто показывает свое искусство перед сокровищницей святыни Хатимана, должен прежде всего восхвалять славное будущее Канто. Она же, пренебрегая тем, что я приказал, выразила свою тоску по предателю Ёсицунэ и пела прощальные песни. Это возмутительно!»

Его супруга ответила:

«Вы, когда находились в ссылке в провинции Идзу, клялись мне в любви. Но мой отец, господин Ходзэ, учитывая время и обстоятельства, запретил мне откликаться на нее. Тем не менее, я пошла на ваш зов, бросилась в темноту ночи и, несмотря на страшный ливень, добралась до вас. Потом, когда вы участвовали в сражении при Исибаси, я, оставшись одна на горе Идзу, не зная, живы вы или мертвы, проводила в тревоге дни и ночи и почти лишилась чувств. Моя печаль в те дни схожа с той, что теперь испытывает Сидзука. Если бы она забыла долгую любовь к губернатору, не вспоминала бы его и не тосковала по нему, ее едва ли можно было бы назвать преданной женщиной. Она просто воспользовалась предоставленной возможностью, чтобы выразить свои сокровенные чувства. Это чудесно. Вам следует вернуться и поблагодарить ее».

После этих слов его превосходительство сменили гнев на милость и в качестве подарка за представление положили перед занавеской великолепное кимоно**.

Двадцатый день. Сегодня появился слух, что Юкиэ и Ёсицунэ находятся в Киото и договариваются о чем-то с монахами с горы Хиэй. [Ёритомо] спросили, какие последуют указания. Тогда он отправил генерал-губернатору Дадзайфу и Среднему советнику [Ёсида Цунэфуса] послание, в котором

* Парафраз пассажа из классического китайского текста: «двигая пыль на балках». Метафора, обозначающая великолепное пение или иное музыкальное представление.

** Наградой за представление часто служила красивая одежда. Ёритомо, будучи аристократом, наблюдал за представлением из-за прозрачной занавески.

просил поручить оставшимся воинам* вскарабкаться на гору и отыскать монахов.

Двадцать пятый день, пятый месяц. Прибыли гонцы от [Итидзэ] Нориясу, Военного помощника Хэйроку Токисада и Хитатибо Масааки. Они привезли голову бывшего губернатора Бидзэн Юкиэ...

Двадцать второй день, шестой месяц. Из Киото прибыл гонец от Начальника Левых императорских конюшен [Итидзэ Нориясу]. Он привез письмо, в котором говорилось, что появились сведения о губернаторе Иё. Якобы он скрывается около храма Нинна и Ивакура. Были посланы секретарь Ведомства борьбы с разбойниками [Кадзивара] Томокагэ, офицер стражи Среднего дворца [Гото] Мотокиё и другие воины, однако они никого не нашли. В то же время прошел слух, что он находится у монахов на горе Хиэй.

Десятый день, прибавленный седьмой месяц. Прибыл гонец от Начальника Левых императорских конюшен. В письме от него говорилось, что пойман и допрошен мальчик-слуга бывшего губернатора Иё по имени Горомару. Он сказал, что его хозяин скрывался на горе приблизительно до двадцатого дня шестого месяца. Если он говорит правду, это значит, что Сюнсо, Сёи и Тюкё, все монахи с горы Хиэй, сочувствовали и помогали ему. Поэтому о данном деле доложили главе [храма Энряку, Дзэнгэну] и Советнику по духовным делам его величества**. Факты довели до сведения и самого императора.

Так как его светлость Средний капитан третьего ранга тоже носил имя Ёсицунэ, Минамото-но Ёсицунэ стали называть Ёсиюки.

«Его светлость» — Фудзивара-но Ёсицунэ (1169–1206), второй сын Кудзэ Канэданэ. Ёсицунэ писали имена разными

* Тех, которых Ходзэ Токимаса оставил для поддержания порядка в Киото, когда двадцать седьмого дня третьего месяца поехал в Камакура.

** Дзэн (1155–1225), позднее получивший высокий сан. Он свел своего брата Канэданэ с Ёритомо. Великолепный поэт и писатель, Дзэн создал историю Японии «Гукансё».

иероглифами, но один был аристократом, а другой — преступником, поэтому нашли компромиссное решение.

Кто предложил это сделать — неизвестно, но вполне может быть, что Ёритомо. Без сомнения, он хотел добиться расположения Канэдзанэ, влиятельного в те дни аристократа. Четырьмя месяцами раньше по его рекомендации Канэдзанэ стал регентом. Предложение изменить имя собственного брата, потому что оно звучало точно так же, как и имя сына его друга, явилось бы еще одним весьма благосклонным жестом.

Ёритомо постоянно приходил в ярость, когда ему сообщали, что неуловимому брату вновь удалось ускользнуть. Росли и его подозрения в отношении людей Киото. В этот момент некто Миёси Ёсинобу указал — как свидетельствуют записи под пятым днем одиннадцатого месяца — что новое имя Ёсицунэ — Ёсиюки — можно интерпретировать как «скрываться без вреда», «уметь хорошо спрятаться». Поэтому, заявил он, Ёсицунэ и не удастся поймать. Затем он доложил об этом регенту Канэдзанэ, и Ёсицунэ вернули его первоначальное имя — замечательно, что все это происходило в его отсутствие*.

Двадцать шестой день, добавленный седьмой месяц. Пришло письмо от Начальника Левых императорских конюшен. На основании показаний Горомару, наставнику была отправлена просьба отыскать и передать властям монахов, сочувствующих губернатору Иё, на что наставник ответил, что подозреваемый сбежал... Тем не менее, троих человек, так или иначе связанных с беглецом, нашли и препроводили в императорскую полицию...

Двадцать второй день, девятый месяц. В Киото Касуя Тота Арисуэ схватил вассала губернатора Иё Хори Ятаро Кагэмицу [скрывавшегося в столице]. Также у Накамикадо Хигаси-но Тоина он убил его вассала [Сато] Таданобу. Когда Арисуэ напал на Таданобу, тот, будучи храбрым воином, отчаянно сражался, и его нелегко было одолеть. Однако Таданобу и двух его слуг атаковало очень много человек, так что, в конце концов, они убили себя.

* Двадцать девятого дня одиннадцатого месяца того же года двор вновь изменил его имя — теперь Ёсицунэ стали называть Ёсиюки.

Говорили, что Таданобу, служивший губернатору Иё много лет, расстался с ним около Удзи, вернулся в Киото, пришел к замужней женщине, с которой он тайно встречался, и передал ей письмо. Женщина сказала о письме своему мужу, а муж — Арисуэ, который и ринулся за Таданобу.

Таданобу был близким помощником Командующего Войсками, Усмиряющими Восток, [Фудзивара-но] Хидэхира. В четвертый год Дзисё [1180], когда губернатор Иё отправился в Канто, Хидэхира выбрал среди воинов, известных своей отвагой, его и Цугунобу, и предложил их губернатору.

Десятый день, второй месяц [1187]. Бывшему губернатору Иё Ёсицунэ долго удавалось скрываться в разных местах и избегать карающей руки преследователей. Наконец, пройдя через провинции Исэ и Мино, он добрался до Осю. Он рассчитывал на силу и влияние губернатора Муцу [Фудзивара-но] Хидэхира. Говорят, что, когда он пробирался туда вместе с женой, сыном и дочерью, он по-прежнему был в одеянии странствующего монаха.

Пятый день, третий месяц. Разные люди докладывали, что губернатор Иё находится в провинции Муцу и что это устроил губернатор Хидэхира. Поэтому его превосходительство попросили Киото решить дело. Командующий Правым крылом стражи Внешнего дворца [Нориясу] сказал, что его величество предприняли соответствующие шаги.

Восьмой день. Преподобный Суо Сёко из Нара прибыл на вызов его превосходительства. Он был учителем губернатора Иё. Несколько дней он находился под охраной Кояма Ситиро Томомицу. Сегодня Ёритомо пригласил его и сказал: «Губернатор Иё — разбойник, который желает тревожить наши земли. Поэтому, когда он исчез, его величество несколько раз приказывали преследовать его по горам и долинам всех провинций и убить. Каждый человек в Поднебесной, знатный или низкий, против него. Тем не менее, я слышал, что вы, достопочтенный, не только молитесь за него, но и замыщляете какие-то планы. Не объясните ли, для чего вы это делаете?»

Сёко ответил: «Когда губернатор отправился на подавление клана Тайра в качестве посланника вашего превосходительства, я согласился молиться за то, чтобы все сражения закончились без потерь. С особым усердием делал я это последние годы, ведь это было для блага страны, не так ли?»

Когда губернатор был вынужден скрываться, по его словам, спасаясь от преследования Канто, он пришел в Нара, памятуя о наших отношениях учителя и ученика. Я мягко посоветовал ему быть осторожным и избежать дурного пути, так, чтобы иметь возможность извиниться перед вами. Я дал ему в сопровождение несколько монахов и отослал в провинцию Ига. Более я о нем ничего не слышал. Да, я возносил молитвы, но не за мятеж; да, я советовал, но желая умиротворить мятущееся сердце. Разве это можно называть заговором?

Ваше превосходительство, разве мир в Канто — не следствие военных подвигов губернатора? Но вы поверили клевете, сразу же забыли оказанные им услуги и отобрали земли, дарованные ему в награду. Разве не естественно, что он противится этому?

Могу ли я посоветовать вам, господин, чтобы вы изменили свое отношение, помирились с ним и позвали его, чтобы вы оба жили, как рыбы в воде? Вот должный путь управления народом. Я говорю все это не для того, чтобы защитить себя, но потому, что желаю мира и спокойствия в стране».

Выслушав достопочтенного, господин второго ранга понял его подлинные чувства и попросил стать монахом в Сё-тёдзю-ин* и усердно молиться за процветание Канто.

Четвертый день, девятый месяц. Ранее господин второго ранга пожаловался двору, что губернатор Хидэхиро взял под свою защиту бывшего губернатора Иё и замышляет мятеж. В ответ из ведомства удалившегося от дел императора в провинцию Муцу был послан запрос. Одновременно с этим из Канто был отправлен гонец, он вернулся сегодня. Из Киото сообщили, что Хидэхиро не собирается восстать. Но гонец сказал, что, судя по всему, он делает приготовления. Поэтому того же гонца послали в Киото. Ему приказали доложить, что происходит в Осю.

Двадцать девятый день, десятый месяц. Сегодня в провинции Муцу, в своем доме в Хираидзуми умер Хидэхиро. Последние дни он страдал от тяжелой болезни. Перед смертью он написал письмо, в котором говорил Ясухира и другим

* Священный Южный Зал.

своим сыновьям: бывший губернатор Иё должен наследовать ему в качестве командующего и управлять провинцией*.

Двадцать девятый день, второй месяц [1188]. Командующий стражей Внешнего дворца сообщил, что двор собирается отправить в Осю к Ясухира императорских посланников Сисё Кунимицу и чиновника из ведомства удалившегося от дел императора Кагэхиро касательно вопроса о бывшем губернаторе Иё.

Девятый день, четвертый месяц. Сисё Кунимицу и чиновник Кагэхиро двадцать второго дня предыдущего месяца покинули Киото. Им велели приказать Ясухира арестовать губернатора Иё. Сегодня они прибыли в Камакура с императорским приказом и другими документами из ведомства удалившегося от дел императора.

Двадцать второй день, второй месяц [1189]. Его превосходительство отправили гонца в Киото [Токидзава]. Так как губернатор Иё исчез, разрешение данного дела императором затянулось, и губернатор вновь стал замышлять преступление. Его превосходительство просили, чтобы о деле позаботились.

Двадцать пятый день. Его превосходительство отправили посланника [Сатонага] в Осю, чтобы проследить за действиями Ясухира.

Двадцать второй день, третий месяц. Настоятель храма Сэисё-дзи Хокё Сёкан отбыл в качестве посланника в Киото. Он передал генерал-губернатору Дадзайфу и Среднему советнику письмо от его превосходительства. В письме его превосходительство повторяли свою прежнюю просьбу о том, чтобы оправдания Ясухира были приняты, но немедленно был отдан императорский приказ о поимке Ёсицуна.

Двадцать второй день, четвертый месяц. Ранее, девятого дня, в императорском дворце под председательством помощника казначея было решено отдать приказ о преследовании и уничтожении врагов в Осю. Император в это время находился в храме Тэнно.

* Его воля не была выполнена. Главой семьи стал Ясухира, второй из трех сыновей Хидэхиро, и сразу же поссорился со своим младшим братом Тадахиро, который хотел поступить так, как велел отец. В конце концов Ясухира убил Тадахиро прежде, чем сам был убит Ёритомо.

Тридцатый день, добавочный четвертый месяц. Сегодня в провинции Муцу Ясухира напал на губернатора Иё. Он сделал это в соответствии с решением императора и приказом господина второго ранга. Губернатор находился в доме Секретаря ведомства по делам народа [Фудзивара-но] Мотонари в Коромогава. Ясухира атаковал его вместе с несколькими сотнями всадников. Воины губернатора сопротивлялись, но были убиты все до единого. Губернатор бросился к Алтарю Будды, убил свою жену [ей было 22 года] и ребенка [девочку четырех лет], а затем покончил с собой.

Тринадцатый день, шестой месяц. Гонец Ясухира Нитта Кандзя Такахира привез к бухте Косигэ голову губернатора Иё и послал доклад. Его превосходительство послали Вада Торо Ёсимори и Кадзивара Хэйдзо Кагэтоки лично убедиться в этом. Каждый из них был облачен в плащ и доспехи и ехал в сопровождении двадцати закованных в латы всадников. Голова губернатора была положена в черную лакированную кадку, наполненную великолепным сакэ. Ее несли на плечах двое слуг Такахира. Давным-давно князь Су сам нес провиант; теперь же Такахира приказал своим слугам нести голову губернатора. Говорят, что все, кто видел это, рыдали и вытирали слезы рукавами.

Кусуноки Масасигэ: Воин, верный долгу до конца

При Камакура Бакуфу (1185–1333), созданном Минамото Ёритомо, не было той стабильности, что характеризует годы Токугава (1603–1868). Обычную для Ёритомо практику убийства всех потенциальных политических соперников* с успехом переняла семья Ходзё, регентствовавшая над военным правительством. Все это отнюдь не способствовало единству. Саму семью Ходзё точно так же раздирали междоусобицы.

В то же время императорский двор, номинально считавшийся единственной легитимной властью, сотрясали собственные противоречия, которые всегда охотно использовало правительство Камакура. Однако, хотя в целом двор оставался почтительным к Камакура и, пусть неохотно, но подчинялся его воле, среди аристократии появлялись люди, которых возмущало их подчиненное по отношению к Камакура положение. Одним из них был Готоба (1180–1239), ставший императором в 1183 г. после того, как Тайра увезли с собой во время бегства из Киото его брата, императора Антоку. В 1221 г. он, к тому времени уже давно «удалившийся от дел», поднял армию против Ходзё. Но его легко разгромили и отправили в ссылку.

В 1331 г. тем же путем пошел император Годайго (1288–1339). Его военное предприятие тоже закончилось провалом, он был сослан, хотя и ненадолго, но, так или иначе, его императорская гегемония продолжалась недолго. Но в ходе начатой им борьбы появился один человек — гений «партизанской» войны Кусуноки Масасигэ (1294–1336). Приводимое ниже описание Масасигэ — величайшего национального героя Японии вплоть до ее

* В 1193 г., спустя четыре года после смерти Ёсицуны, Ёритомо убил Норнэри. Он начал убивать влиятельных людей в своем лагере еще в ходе войны с Тайра.

поражения во второй мировой войне — взято из «Тайхэики» («Хроника Великого мира»), истории Японии с 1318 по 1367 гг.*

Приводимая в начале генеалогия Масасигэ так и не была выверена, несмотря на то, что столетиями им восхищались все и детально интересовались ученые. Действительно, о Масасигэ, до того как он появился на исторической сцене, известно очень мало. Согласно одной версии, он смог вести подобную «партизанскую» войну потому, что был не только «свободным» воином, каких в те времена насчитывалось немало, но и контролировал местных торговцев, что позволяло ему не нуждаться в средствах и покупать преданность самых разных людей.

Описание начинается с того момента, когда Годайго предпринял необычный шаг — перенес двор из Киото в один из храмов в южных горах.

Двадцать седьмого дня восьмого месяца первого года Гэнко [1331] император отправился вместе со двором в храм Касаги и расположился в Главном зале. В первые дни никто не приходил на аудиенцию, опасаясь прогневить Камакура. Но, услышав о поражении войск Рокухара** в битве при Хигаси-Сакамото на горе Хиэй, воины из близлежащих провинций, и первыми среди них — монахи храма Касаги, начали спешно собираться. Но, не появилось ни одного знатного воина или могущественного господина во главе ста-двухсот всадников.

Император беспокоился, что со столь малыми силами он даже не сможет защитить двор. Как-то он задремал в горестных раздумьях, и ему привиделся сон [что удачу ему может принести нечто, связанное с камфарным деревом, *кусуноки*]. Когда рассвело, он вызвал достопочтенного монаха из храма

* «Тайхэики», в которую включены китайские легенды, изобилует риторическими арабесками в китайском стиле. Но датировка и приводимые факты достоверны. Книга начинается с того момента, когда Годайго взойшел на трон, и заканчивается временем, когда Хосокава Юриюки становится регентом третьего сёгуна Асикага Ёсимичи.

** В Рокухара, к востоку от Киото, находился аванпост Камакура — административный, судебный и прежде всего военный. В одной из стычек воинов, поддерживавшие императора Годайго, разбили отряд Рокухара.

Дзэйдзю-бо и спросил: «Есть здесь где-нибудь воин по имени Кусуноки?»

«Я слышал об одном человеке, который носит такую фамилию, ваше величество, — ответил монах. — К западу от горы Конго, в провинции Кавати, есть человек по имени Кусуноки Тамон Масасигэ, из стражи Среднего дворца. Он славится искусством стрельбы из лука. Он является потомком Левого министра из Идэ Татибана-но Морозэ, четвертого внука императора Битацу, но вот уже много лет, как он не живет в Киото. Его мать в юности в течение ста дней подряд приходила поклониться в храм Бисямон на горе Сиги. Она видела вещий сон и уверовала в него. Поэтому в детстве мальчика звали Тамон».

Император решил, что во сне ему явился именно этот человек, и приказал: «Немедленно вызовите его». С приказом был послан императорский гонец, господин Фудзифуса.

Когда Фудзифуса добрался до крепости Кусуноки и рассказал подробно, что произошло, Масасигэ решил, что для воина не может быть чести более высокой, чем подобный вызов, и, без малейших колебаний, сразу же тайно отправился в Касаги. Император сказал через Фудзифуса*: «Его величество имели причины обратиться к вам, Масасигэ, относительно наказания и усмирения восточных варваров**, и отправил к вам посланника. Его величество удовлетворены тем, что вы, не теряя времени, сразу же поспешили сюда. Сообщите нам ваши искренние мысли о том, как нам объединить страну: какие планы нужно использовать, чтобы одержать быструю победу и установить мир в пределах четырех морей».

Масасигэ почтительно ответил:

«Сейчас, когда предательские действия восточных варваров вызвали гнев императора, можно воспользоваться подавленностью и хаосом, что царят в их лагере, и покарать их от имени его величества».

Главное — для объединения наших земель мы должны опираться на военную мощь и стратегическую хитрость. Если мы начнем сражаться с ними только силой, победить будет

* Император обычно говорил на аудиенции через своих сановников.

** Ходзэ, ибо их ставка находилась на востоке страны.

трудно, даже если у нас окажутся провинции Мусаси и Сагами и все воины шестидесяти царств. Если же бороться с ними стратегией, то их сила будет не больше той, что может сломать острый меч или пробить прочные доспехи. Их можно победить, и не стоит их бояться. Конечно, раз мы говорим о войне, нельзя надеяться на победу в одном сражении. Пока вы знаете, что Масасигэ еще жив, можете быть уверены, что удача в конце концов будет на стороне императора».

Так, заверив его величество, Масасигэ вернулся в Кавати.

Храм Касаги стоял на горе с крутыми склонами. Армия Рокухара ничего не могла поделаться и в течение почти месяца держала осаду. Наконец, ночью двадцать восьмого дня девятого месяца несколько воинов смогли взобраться вверх по скалам и поджечь храм. Несколько дней спустя император Годайго был схвачен вместе с несколькими спутниками недалеко от горы Касаги.

Ранее, в середине девятого месяца, до Рокухара дошли сведения о том, что Кусуноки Масасигэ восстал и укрепился на горе Акасака вместе с пятьюстами воинов. Заметив маневр Годайго, правительство Камакура начало посылать на запад большие армии, начиная с пятого дня девятого месяца.

Огромное войско, шедшее на запад из далеких восточных провинций, было очень разочаровано, узнав, что замок Касаги пал до того, как они прибыли в провинцию Оми. Никто не захотел входить в Киото. Все воины направились к замку Акасака — кто-то через горы Ига и Исэ, кто-то через Удзи и Дайго — туда, где жил Кусуноки Масасигэ из стражи Среднего двора.

Когда они переходили реку Иси и посмотрели вверх, то увидели, что замок явно построен в большой спешке и не такой уж неприступный: ров был выкопан кое-как, деревянный забор шел в один ряд, а на огороженном месте площадью всего в сто-двести ярдов было установлено двадцать-тридцать смотровых башен. Каждый смотревший на крепость ду-

мал: «Какой же ничтожный противник нам достался! Если захочу, я смогу схватить этот несчастный замок одной рукой и выбросить. Это «чудо» Кусуноки не продержится и дня, и я смогу получить награду за добычу и подвиги!»

Так, 300000 воинов, когда подошли достаточно близко, соскочили с коней. Они бросились в ров, затем собрались под башнями и, соперничая за право оказаться первым, побежали вперед.

Но Масасигэ был тем, кто мог «придумать стратегию в своем шатре и обеспечить победу за тысячу миль» подобно Чэнь-пину и Чжан-ляну*. В замке у него было двести великодушных лучников, а на горе рядом находились его брат Ситиро**, Вада Горо Масато и триста всадников. Нападавшие об этом и не подозревали. Желая взять замок одним броском, все они сгрудились у подножия вздымающихся скал. В этот момент с башен и из бойниц в них полетели стрелы. Стреляли быстро и часто. Вскоре убитых и раненых было не менее тысячи.

Обескураженные, воины восточной армии отступили, говоря себе: «Нет, нам не удастся взять этот замок за день или два. Нужно перестроить силы, разбить лагерь и сражаться в зависимости от ситуации». Они расседлали лошадей, сняли доспехи, установили палатки и расположились на отдых.

Кусуноки Ситиро и Вада Горо, увидевшие все это с горы, решили, что час пробил. Они разбили триста всадников на два отряда и тихо пошли вперед. Они спустились с гор и пробрались через лес, прячась в клубах черного тумана. Два знамени с изображением хризантемы на воде неслышно колыхались на ветру. Воины из восточных провинций увидели их. Но пока они обсуждали, враг это или друг, триста всадников подняли боевой клич и с двух сторон клином врезались в трехсоттысячную массу воинов, собравшихся в кучу, подобно облакам. Они мчались на восток, запад, юг и север, размахивая мечами. Многие были в таком ужасе, что не могли построиться в боевой порядок.

* Фраза из «Цянь Хань шу» («История Ранней Хань»). Чэнь-пин и Чжан-лян — два стратега, служившие Гао-цзу, основателю династии Хань.

** Масаудзи, позднее Масасуэ.

В этот момент деревянные ворота замка вдруг распахнулись, и из них выскочили двести всадников, на ходу стреляя из лука так быстро, как только можно. Осаждавших было очень много, но они были настолько потрясены, что одни вскочили на привязанных лошадей, кололи им бока шпорами и нещадно хлестали, другие пытались стрелять из луков без тетивы. Несколько человек вырывали друг у друга доспехи и кричали: «Это мое!»

Постепенно осаждавшие отступали к реке Иси, расползаясь во все стороны как маленькие пауки. Некоторые воины не знали, что их командиры убиты, другие не ведали, что потеряли отцов. Дорога к реке была просто забита лошадьми и брошенными доспехами, так что по ней невозможно было проехать, не наткнувшись на что-нибудь. Все это богатство как с неба свалилось на людей страны Тодзэ.

Славные воины восточных провинций совершили страшную ошибку и были разгромлены в первой же битве. Возможно, они решили, что стратегическая хитрость Кусуноки поистине непостижима, ибо главные силы, добравшись до Ханда и Нарабана*, так и не смогли быстро начать новое наступление. На военном совете некоторые предлагали оставаться на месте, срубить деревья в горах и сжечь дома, чтобы предотвратить внезапное нападение с тыла, а затем с помощью местных проводников без помех взять замок. Но воины из Хонма и Сибуя**, потерявшие своих отцов или сыновей, кипели от ярости: «Какой прок ждать здесь! Мы сами пойдем на них и умрем!» Многих убедили эти слова, и они помчались вперед.

С востока над замком Акасака террасами поднимались рисовые поля, и атаковать замок с этого направления казалось невозможным. С трех же других сторон местность была ровной и защищенной, казалось, только ровом и частоколом в один ряд. Воины, шедшие в атаку и оценивавшие положение, думали так: «Даже демоны или боги не смогли бы долго продержаться в этом замке». Они подошли к замку, спустились в ров, выбрались на другую сторону и, преодолев все препятствия, уже

* Деревни к востоку от Акасака.

** Земли в провинции Сагами.

готовы были карабкаться вверх. Но из замка не раздавалось ни звука.

«Это означает, — решили воины, — что они замышляют, как вчера, стрелять в нас, а когда мы побежим, они нападут на нас с тыла, чтобы создать хаос в наших рядах».

Тогда атакующие разделились на две армии. Одна, численностью в 100000 человек, пошла к горе, возвышавшейся сзади, а остальные 200000 окружили замок. Но и теперь из замка не было выпущено ни одной стрелы, и ни одного человека не было видно. Ободренные этим, воины начали карабкаться по частоколу. На самом же деле частокол оказался двухрядным, и внешний ряд был подрублен и обрушен. Защитники замка одновременно перерезали веревки, державшие частокол, и все 1000 атакующих, уже забравшихся на него, рухнули вниз. Придавленные частоколом, они ничего не могли поделать. Обороняющиеся же бросали на них огромные бревна и камни. В итоге в этот день погибло 700 нападавших.

Воины восточных провинций, после того как два дня подряд терпели поражение, более не хотели штурмовать замок. Они осадили крепость и лишь на довольно большом расстоянии от нее разбили лагерь. Так они провели четыре или пять дней, а потом задумались: «Держать пассивную осаду недостойно воина. Замок стоит на равнине, в окружности он меньше четырехсот ярдов, а защищают его всего четыреста-пятьсот человек. Если мы, воины восьми восточных провинций, не сможем атаковать его и закончим дело простой осадой, это станет позором для нас, за что люди потом будут насмехаться над нами. Нельзя допустить такого. Если правильно рассудить, то мы были столь безрассудны, что шли в атаку без щитов и без всяких вспомогательных приспособлений. Поэтому мы сами создавали себе трудности. Теперь же мы поступим по-другому».

В следующий раз воины пошли на штурм, держа над головой щиты, обитые прочной кожей, чтобы их нельзя было проломить. И хотя залезть на частокол не составляло труда, ибо ров был неглубоким, а берег — низким, они не стали безрассудно карабкаться на него, опасаясь, что он опять обрушится. Вместо этого они попытались снести его длинными крючьями, стоя на дне рва. Когда, казалось, частокол вот-вот упадет, защитники замка стали лить на них кипящую воду ковшами в три-шесть ярдов длиной. Кипящая вода проникала

в отверстия шлемов атакующих, под их плечевые доспехи и обжигала их. Не в силах вынести это, они побросали крючья и щиты и бежали, всем на посмеище. Хотя никто из нападавших не умер, у одних были так обожжены руки и ноги, что они не могли стоять, у других тело покрылось волдырями. Всего таких оказалось около двухсот человек.

Атакующие каждый раз штурмовали по-новому, а защитники замка придумывали новую стратегию. Совет решил, что не остается ничего, как ждать, когда у противника закончатся припасы. Приняв такое решение, воины восточных провинций отказались от мысли о сражении, поставили в каждом лагере наблюдательную башню, построили укрепления и стали держать осаду. Таким образом, защитников замка более никто не беспокоил, и они постепенно теряли боевой пыл.

Кусуноки строил замок в большой спешке, и не имея времени на то, чтобы запастись достаточно провианта. Через двадцать дней после начала осады в замке осталась запас продовольствия лишь на четыре-пять дней. Тогда Масасигэ сказал своим людям:

«Мы выиграли несколько сражений. Но врагов так много, что это не имеет никакого значения. Тем временем, у нас кончаются припасы, и нам неоткуда ждать подмоги. Я был первым воином в этой стране, решившим поднять армию и помочь его величеству объединить земли, поэтому в должное время и в должном месте я без колебаний отдам свою жизнь. Но храбрый воин — это тот, кто предусмотрителен и рассудителен. Поэтому я, Масасигэ, предпочел бы, чтобы враги захватили этот замок и решили бы, что я покончил с собой. Объясню почему.

Если воины восточных провинций узнают, что я мертв, они обрадуются и вернутся в родные земли. Когда они сделают это, я появлюсь снова и буду сражаться. Если они опять появятся здесь, я скроюсь в горах. Если я проделаю это четыре-пять раз, воины обязательно истощат свои силы. Вот как, сохранив себя, я планирую уничтожить врага. Что вы думаете об этом?»

Воины полностью согласились с ним. Сразу же они вырыли в замке большую яму глубиной в десять футов, вытащили из рва несколько десятков трупов и бросили их в яму. Затем набросали сверху древесного угля и хвороста и стали

ждать ветреной и дождливой ночи. Наверное, само Небо благоволило Масасигэ. Внезапно налетевший ветер вздымал тучи песка, а с неба, как подрубленный бамбук, хлынули потоки дождя. Ночь стояла очень темная, и все закрылись в своих шатрах.

Лучшего нельзя было и желать. Масасигэ оставил в замке одного из воинов и приказал ему: «Когда увидишь, что мы ушли на пятьсот ярдов отсюда, поджигай замок». Затем воины сняли доспехи и тихо пошли мимо шатров командиров врага и спящих воинов.

Когда Масасигэ проходил перед конюшной офицера императорской полиции Нагасаки Такасада, кто-то из воинов заметил его и спросил: «Господин, почему вы тайно крадетесь мимо покоев нашего господина и не называете своего имени?»

«Я — вассал командующего, и я заблудился», — сказал Масасигэ и быстро пошел прочь. Воин, который пытался остановить его, закричал: «Разбойник! Это конокрад, я уверен. Убейте его!» Он бросился за Масасигэ и выстрелил в него. Стрела попала Масасигэ в локоть и, казалось бы, должна была войти глубоко. Но этого не произошло — стрела отскочила. Потом Масасигэ обнаружил, что стрела попала в то место, где он носил талисман с сутрой бодхисаттвы Авалокитешвары, в которую он верил и которую читал много лет. Действительно, каким бы это ни показалось удивительным, но молитва из двух строк, восхваляющая бодхисаттву, преградила путь стреле.

Чудесным образом избежав смерти, Масасигэ прошел еще 2000 ярдов и обернулся. Как и было договорено, человек, оставленный им, поджег замок. Осаждавшие увидели огонь и закричали: «Замок пал! Не дайте никому ускользнуть!» Поднялась страшная суматоха. Наконец огонь затих, они вошли в замок и увидели в огромной яме сожженные тела, перемешанные с древесным углем. Не было никого, кто бы не восхвалял Масасигэ и не говорил: «Несчастный! Он покончил с собой. Хотя он и враг, но он встретил смерть достойно, как и подобает самураю».

Пятого дня третьего месяца второго года Гэнко [1332] офицер Левого крыла стражи Внутреннего дворца Токимасу и губернатор Этиго Накатоки получили назначение в Рокухара и прибыли из Канто к месту службы. До этого, в течение

трех-четырех лет оба поста в Рокухара занимал губернатор Токива Норисада, но он твердо решил подать в отставку.

В предыдущий год Кусуноки Масасигэ из стражи Среднего дворца инсценировал свою гибель. Его сожженное тело было якобы найдено в замке Акасака. Камакура Бакуфу приняло это как свершившийся факт, назначило на его место Юаса Магороку и пребывало в уверенности, что впредь в провинции Кавати не случится никаких волнений. Однако третьего дня четвертого месяца Кусуноки вдруг воскрес из мертвых и с отрядом в 500 всадников атаковал замок Юаса.

У Юаса оказалось мало провианта. Поэтому он приказал доставить припасы из Адзэгава, своего поместья в провинции Кии, намереваясь ночью тайно впустить несколько сот носильщиков в замок. Кусуноки разгадал его хитрость, расставил в стратегических местах своих воинов, забрал весь провиант и наполнил мешки из-под риса оружием и доспехами. Затем двести его воинов погрузили оружие на носильщиков и лошадей и, якобы охраняя их, пошли следом. Уже перед самым замком Кусуноки вдруг бросился на них и стал изображать погоню.

Юаса увидел это и решил, что воины, несущие провиант, сражаются с Кусуноки. Он приказал открыть ворота и впустить их. Люди Кусуноки, оказавшись, как и планировалось, в замке, потихоньку достали из мешков доспехи и оружие и подняли боевой клич. В ответ воины Кусуноки обрушились на замок извне, атакуя ворота и стены. Юаса, окруженный врагом и внутри, и снаружи, понял, что сражаться бесполезно, и быстро сдался.

Кусуноки взял в свой отряд людей Юаса. Теперь у него было около семисот всадников. С ними он пронесся по провинциям Идзуми и Кавати и набрал еще воинов. Семнадцатого дня пятого месяца он подошел к храмам Сумиёси и Тэнно и занял позиции к югу от моста в Ватанабэ.

Тем временем из Идзуми и Кавати один за другим мчались гонцы, сообщая, что Кусуноки собирается идти на Киото. В столице началась паника. Воины скакали на запад и на восток: и верхи, и низы были в замешательстве. Несмотря на это, около Рокухара собралось огромное множество воинов из области Кинаи и других мест. Все они ожидали, что Кусуноки вот-вот нападет на Киото. Но ничего не произошло. Тогда воины в Рокухара решили, что слухи о силе войска Кусуноки преувели-

чены и что они сами могут идти вперед, атаковать и сокрушить мятежника. Двое командующих Рокухара поставили во главе армии Суда и Такахаси и, объединив гарнизоны сорока восьми «сигнальных постов», воинов, находившихся в Киото, и воинов из области Кинаи, отправили их к храму Тэнно. Всего выступило около 5000 человек. Двадцатого дня того же месяца они покинули Киото и заняли позиции в Амагасаки, Кандзаки и Хасиромото. Ночью они разожгли сигнальные костры и с нетерпением стали ждать рассвета.

Узнав об этом, Кусуноки разбил 2000 своих всадников на три отряда. Главные силы он спрятал в храмах Сумиёси и Тэнно, а к югу от моста Ватанабэ он оставил лишь 300 воинов, приказав им зажечь два больших сигнальных костра. Он заявил, что намеревается заманить врага на мост и решить исход битвы одним броском.

Начался двадцать первый день пятого месяца. Все 5000 всадников Рокухара собрались в один отряд, подошли к мосту у Ватанабэ и стали наблюдать за противником, стоящим на другом берегу реки. Они увидели лишь около двухсот воинов на тощих лошадях, у которых к тому же вместо поводьев были веревки, свитые из соломы. Тогда Суда и Такахаси сказали друг другу: «Этого мы и ожидали. Негодяи из Идзуми и Кавати — полные ничтожества. Среди них нет ни одного достойного воина. Мы захватим их всех и повесим их на виселицах в Рокудзэ Кавара*. Тем самым мы заслужим благодарность командующих Рокухара!»

Еще не закончив говорить, они помчались по мосту одни, без сопровождения. Увидев это, за ними бросились все 5000 воинов. Одни поехали по мосту, другие стали переходить вброд реку. Все они наперегонки старались как можно быстрее добраться до противоположного берега. Воины Кусуноки выпустили в их сторону несколько стрел, а потом, не вступая в сражение, начали отступать к храму Тэнно. Войска Рокухара, решив, что час победы настал, бросились в погоню. Они потеряли строй и скакали без передышки, пока не добрались до крестьянских домов к северу от храма Тэнно.

Кусуноки, увидев, что воины и лошади противника уже устали, чего он и добивался, послал один из своих отрядов

* Традиционное место казни.

ударить по левому флангу врага с восточной стороны храма Тэнно. Другой отряд построился клином и атаковал со стороны Западных ворот. Третий отряд выскочил из сосновой рощи около Сумиёси и построился в форме «журавлиного крыла».

Воинов Рокухара было намного больше, и казалось, им невозможно противостоять. Но их боевой порядок оказался настолько плох, что все выглядело так, будто их окружили намного превосходящие силы. Суда и Такахаси отдали приказ: «Враг заманил нас в ловушку и атаковал с тыла большими силами. Эта местность неудобна для лошадей, и мы не сможем сражаться. Выманите врага на открытое место, определите его численность и сражайтесь до победы!»

Но все 5000 воинов, опасаясь, что обратный путь будет перерезан, попятнулись по направлению к мосту. Всадники Кусуноки воспользовались этим и с боевыми криками начали давить их с трех сторон. Уже около моста Суда и Такахаси, наконец, увидели, сколько на самом деле воинов у Кусуноки. Они скакали туда и сюда, туда и сюда, призывая своих воинов: «У врага мало людей! Поворачивайте назад и сражайтесь! Не переходите через реку! Назад! Назад!»

Но никто из отступавших воинов не повернул. Наоборот, все они бросились к мосту, не обращая внимания на опасность. В итоге множество воинов и лошадей упало с моста и утонуло. Среди же тех, кто пытался перейти реку вброд, не зная русла, также погибло немало. Кто-то упал с лошади, пытаясь спуститься к реке, и был сразу же застрелен. Многие бросили и доспехи, и лошадей, и бежали прочь, но ни один не попытался оказать сопротивления. Так, из 5000 всадников лишь малая часть добралась до Киото. На следующий день в Рокудзё Кавара кто-то установил высокую доску с написанной на ней танка:

Была ли вода слишком быстра при
переходе?²
Высокий мост упал, а крайнее поле
размыло*.

* В стихотворении (5-7-5-7-7) тонко обыгрываются три имени: Ватанабэ (переход), Такахаси (высокий мост) и Суда (крайнее поле). Суда также может быть намеком на *судаку*, «собираться в большом количестве».

Это язвительное стихотворение стало песней, и ребятишки Киото, смеясь, распевали его на всех углах. Суда и Такахаси потеряли лицо и, сославшись на болезнь, не вернулись на службу.

Двое командующих Рокухара были вне себя от гнева и созвали совет, чтобы обсудить возможность нового наступления. Они пригласили на совет Уцунумия, помощника министра Ведомства гражданского управления, посланного из Канто в Киото для защиты столицы, и сказали ему: «Мы знаем, что с древности победа или поражение в битве порой зависят от удачи. Однако в недавнем сражении на юге мы были разбиты из-за тактической глупости командиров и трусости наших воинов. Над нами смеются так много людей, что невозможно заткнуть им всем рты. Ныне Канто послало вас, господин, в надежде, что вы усмирите всех мятежников. Видя, как обстоит дело, мы не верим, что сможем дать решающее сражение, сколько бы раз мы ни собирали потерпевших поражение воинов и ни посылали их вперед. Ныне время великих бедствий для страны. Мы просим вас выступить и покарать разбойника!»

Уцунумия и не собиравшись отказываться. Он сказал: «Может быть, разумнее пойти с маленьким войском, раз большое было разбито. С тех пор как я покинул Канто, я не имею права беспокоиться о своей жизни во время таких бедствий в стране. Сейчас я не могу сказать вам, одержу ли я победу или буду разбит. Я просто вступаю в битву, пусть даже один. Если у меня возникнут трудности, я попрошу у вас помощи».

После чего Уцунумия вышел со спокойным и решительным видом. По приказу Камакура он должен был идти на превосходящего врага. Он и не думал беречь собственную жизнь, поэтому, покинув Рокухара, он не вернулся к себе, а немедленно, девятнадцатого дня седьмого месяца, вышел из Киото и направился к храму Тэнно.

Около храма Тоо его сопровождало лишь четырнадцать-пятнадцать слуг. Но потом к нему присоединились его воины, находившиеся в столице, так что к тому времени, как он достиг Ёдзудзука и Цукуримити, у него насчитывалось около пятисот человек. По пути они отнимали у попадавшихся им людей лошадей и забирали у них носильщиков, невзирая на то, что некоторые были из влиятельных и могущественных семей. Поэтому путешественники шли иными дорогами, а крестьяне в деревнях запирали свои дома.

Ночью они заняли позиции в Хасирамото и ждали рас-света. Никто не надеялся вернуться живым.

Когда Вада Магодзабуро, житель провинции Кавати, услышал об этом, он пришел к Кусуноки и сказал: «Господин, я знаю, что в Киото были разгневаны поражением и теперь послали Уцунюмия. Сегодня он прибыл в Хасирамото, но я слышал, что у него не более шестисот-семисот всадников. Даже когда мы сражались с Суда и Такахаси, у которых было 5000 воинов, мы обратили их в бегство малыми силами. Теперь же мы в выгодном положении и сил у нас больше, в то время как враг потерял свой шанс, да и воинов у него меньше. Каким бы отважным ни был Уцунюмия, он не сможет сделать многого. Что вы скажете, господин, насчет того, чтобы напасть на них этой ночью и обратить в бегство?»

Кусуноки немного поразмыслил и сказал: «Победа или поражение в битве не обязательно зависят от количества воинов. Вопрос в том, едины ли сердца командиров и солдат. Поэтому говорят: «Относись легко к большому врагу, опасайся маленького врага». Ныне Уцунюмия пришел встретиться со мной с малыми силами после того, как куда большее войско было разгромлено в предыдущем сражении. Это значит, что каждый его воин готов умереть. Кроме того, Уцунюмия — лучший лучник в Канто. Воины кланов Ки и Киёхара* относятся в битве к своим жизням, как к пыли. Если семь сотен таких воинов будут биться в едином порыве, большинство наших воинов погибнет, даже если у них и в мыслях не будет отступить.

Судьба нашей земли не должна зависеть от одной битвы. Нам придется сражаться и в будущем. Если мы не будем ценить наших воинов и они погибнут в первых схватках, кто придет к нам на помощь в последующем? Говорят, что хороший полководец побеждает, не сражаясь. Сейчас я хочу последовать этому правилу. Завтра мы снимем лагерь и отступим. Так мы сможем заставить врага поверить в то, что он победил. Потом, спустя четыре-пять дней, мы зажжем на холмах сигнальные костры и «поджарим» их. Тогда воины Канто устанут и начнут говорить: «Нет, нет, не стоит оставаться здесь так долго. Лучше уйдем, пока победа за нами». Правило: «На-

* Клань, служившие семье Уцунюмия.

ступление или отступление зависят от обстановки» говорит именно об этом. О, уже скоро рассвет. Я уверен, что противник совсем рядом с нами. Пойдем со мной».

Так Кусуноки покинул храм Тэнно. Вада и Юаса тоже отошли вместе со своими воинами.

На рассвете Уцунюмия ринулся с семьюстами всадниками на храм Тэнно, поджег дома в Кодзу и поднял боевой клич. Но ни один враг не вышел. Его там просто не было.

«Должно быть, они заманивают нас в ловушку», — сказал Уцунюмия и отдал приказ: «Эта местность неудобна для лошадей, дороги здесь узкие. Не давайте врагу прорвать ваши ряды и раздробить вас, не позволяйте ему отрезать вас с тыла!»

Воины Ки и Киёхара рядами ворвались в храм с запада и востока. Они пару раз повторили маневр, но ни единого врага не было видно, лишь тлевшие в кострах угольки поблескивали в уже начинавшей светлеть ночи.

Уцунюмия решил, что он одержал победу еще до сражения. Он спешил перед главным залом, пал ниц и вознес молитвы принцу Дзёгю*. «Это случилось не благодаря моей отваге и силе, но благодаря покровительству богов», — так подумал он и преисполнился счастья.

Он сразу же отправил в Киото гонца, чтобы сообщить: «Мы быстро выбили врага из храма Тэнно». Среди тех, кто узнал об этом, не было ни одного — от двух начальников Рокухара до простых солдат наследных и ненаследных вассалов, — кто не восхвалял бы его великую доблесть.

Однако Уцунюмия, обратив врага в бегство у храма Тэнно и тем самым добившись славы, понимал, что со своими малыми силами он не может ни идти вперед и преследовать Кусуноки, ни возвращаться назад, так и не вступив в настоящее сражение.

Пока он решал, как быть, прошло четыре или пять дней. Вада и Кусуноки, набрав в Идзуми и Кавати разбойников**

* Принц Сётоку (574—622), автор первого японского «кодекса законов». Ревностный буддист, он построил храм Тэнно и другие святилища.

** *Нобуси* — крестьяне и самураи, ставшие разбойниками. Во времена великих социальных потрясений грань между самураем и разбойником нередко стиралась. Отца Масасигэ тоже в какой-то степени можно назвать «бандитом».

числом в четыре-пять тысяч, послали их с двумястами воинов к храму Тэнно, приказав им зажечь сигнальные костры. Воины Уцунумия метались в панике, восклицая: «Смотрите, враг появился!»

Казалось, что огней, вспыхнувших в сгущающейся темноте в деревнях Акисино и Тояма и на холмах Икома, больше, чем звезд в ясную ночь, а костры в бухте Сигидзу, знаменитой морскими водорослями, и в деревнях Сумиёси и Намба как будто зажгли волны, подобно факелам на рыбачьих лодках. На холмах и в бухтах провинций Ямато, Кавати и Кии не было ни одного местечка, в котором бы не горел огонь. Их оказалось так много, что численность войска врага не могла быть меньше нескольких десятков тысяч человек.

Это продолжалось три ночи кряду. Сигнальные костры постепенно приближались. Создавалось впечатление, что они начали заполнять всю вселенную — с востока и запада на юг и север, с северо-запада и юго-запада на северо-восток и юго-восток — как если бы на смену темной ночи в одночасье пришел день.

Наблюдая за происходящим, Уцунумия принял решение быстро покончить с этим, как только враг пойдет вперед, — кто победит, тот победит. Он ждал, не расседывая коня и не развязывая ремней на доспехах. Кольцо сжималось, а сражения все не было. Уцунумия начал терять мужество, он лишился присутствия духа и подумывал о том, чтобы бросить все и отступить.

Тогда воины кланов Ки и Киёхара сказали: «Мы сомневаемся, стоит ли сражаться с многочисленным врагом нашими малыми силами. Скажем, что мы совершили подвиг, когда выбили врага с его позиций, и вернемся в Киото».

Остальные согласились с ними. Двадцать седьмого дня седьмого месяца около полуночи Уцунумия покинул храм Тэнно и направился в Киото, а Кусуноки утром следующего же дня вновь занял старые позиции. Конечно, если бы Кусуноки и Уцунумия вступили в схватку с тем, чтобы решить исход сражения, это была бы битва двух тигров, или двух драконов, закончившаяся бы смертью обоих. Поскольку оба они знали об этом, Кусуноки отступил, чтобы «придумать стратегию за 1000 миль», а Уцунумия отступил, не потеряв чести. В Поднебесной не было никого, кто бы не восхищал-

ся ими как великими полководцами, обладающими глубокой проницательностью и умеющими прекрасно составлять стратегию.

Шло время, и до состоятельных людей не только близлежащих провинций, но и отдаленных земель стали доходить слухи, что Кусуноки Масасигэ, из стражи Среднего дворца, собрал в храме Тэнно большое войско и что он не причиняет вреда простым людям, оставаясь почтительным и внимательным к своим воинам и командирам. Поэтому многие желали присоединиться к нему. Его армия стала такой сильной и многочисленной, что Киото уже не могло с легкостью послать против него карательные войска.

В течение года не происходило сколько-нибудь значительных сражений, но в девятом и десятом месяце 1332 г. восстания вокруг Киото вспыхивали столь часто, что Камакура вновь двинуло большие армии. В начале 1333 г. они пошли к трем целям: замку Акасака, защищаемому Хирано Сёгэном, замку Ёсино, защищаемому принцем Моринага*, и замку Тихая, в котором укрепился Масасигэ.

Акасака пал двадцать седьмого дня второго месяца. Ёсино — первого дня добавленного второго месяца. Слова Хирано, сказанные им при сдаче командующему врага — а он предпочел смерти плен, — свидетельствуют об отсутствии у сражавшихся чувства личной преданности: «Кусуноки покорила провинции Идзуми и Кавати и сосредоточил в своих руках огромную власть, поэтому я против своей воли присоединился к вашему врагу, не видя в то время иного выхода из положения. Я намеревался прибыть в Киото и все подробно объяснить, но прежде чем это мне удалось, вы с огромным войском окружили меня».

Но Хирано просчитался. Несмотря на то, что командующий врага обещал прощение и награды, все двести защитников замка

* Сын Годайго (1308–1335), оставивший монашество, чтобы бороться против Камакура Бакуфу. Ему удалось на какое-то время собрать немало сторонников, он стал сёгуном, но в конце концов был пленен и убит. Его также называют принцем Ото.

Акасака после сдачи в плен были связаны, как преступники, отправлены в Киото и обезглавлены в Рокудзэ Кавара.

Затем настал черед замка Тихая.

Осаждавших замок Тихая насчитывалось около миллиона, ибо к тем 800000 воинов, что выступили с самого начала, присоединились воины, сражавшиеся у Акасака и Ёсино*. Они заполнили собой все вокруг замка на пять-семь миль, подобно наблюдающим за борцами сумо, которые сидят так плотно, что не остается и пяди свободной земли. Развевающихся на ветру знамен и флагов было больше, чем стеблей травы на осеннем поле, а блестящие на солнце мечи казались инеем, покрывшим на рассвете увядшую траву. Каждый раз, когда великая армия поднимала боевой клич, сотрясалась земля. Однако Кусуноки отнюдь не испугался такого большого войска. Он защищал замок менее чем с тысячей воинов, ему не на кого было рассчитывать и неоткуда было ждать помощи. Но дух его оставался невозмутимым.

К востоку и западу от замка лежали глубокие долины. Их склоны были настолько крутыми, что вскарабкаться по ним не мог никто. С севера и юга высоко вздымались пики горы Кото. Тем не менее, замок был маленьким, высотой в двести ярдов и окружностью в две мили. Осаждавшие полагали, что взять его ничего не стоит. Первые два дня они даже не пытались разбить лагерь и приготовить штурмовые орудия.

Действительно, многие соперничали друг с другом, пытаясь вскарабкаться по деревянным воротам замка. Но защитники ничуть этим не обеспокоились и сохраняли невозмутимость. Они бросали с башен большие камни, проламывая щиты, и пока атакующие бесцельно металась вниз, осыпали их стрелами. Люди, раненые и умирающие, падали на склоны со всех четырех сторон, давя друг друга. Каждый день осажда-

вшие теряли по пять-шесть тысяч воинов. Офицер стражи Левого крыла Внешнего дворца, Нагасаки Сиро, которому поручили записывать потери, вынужден был прибегнуть к помощи двенадцати писцов, которые три дня и три ночи без отдыха работали кистями. Наконец, отдали приказ: «Отныне каждый, кто вступит в сражение без разрешения командующего, будет наказан». Тогда осаждавшие временно отложили штурм и принялись за постройку лагерей.

Канадзава Уманосукэ, командующий войсками в битве при Акасака, повернулся к Осараги и Осю и сказал: «В свое время мы взяли замок Акасака, но не благодаря подвигам наших воинов. Мы разгадали внутреннее расположение замка и перекрыли воду. Вот что заставило врага сдаться.

Посмотрите на замок — он находится на вершине холма и в нем точно нет источника воды. Также нет и никаких приспособлений, которые позволили бы подавать воду с другой горы. Однако воды у них явно хватает. Я полагаю, что каждую ночь они спускаются за ней в долину, что лежит у подножия горы к востоку. Я предлагаю, чтобы вы приказали двум способным командирам лишить их возможности получать воду».

«Мы полностью согласны с вами», — сказали оба полководца. Они велели губернатору Эгидзэна Нагоя взять 3000 воинов, расположиться около воды и перекрыть пути, которыми могут воспользоваться защитники замка.

Кусуноки, человек, наделенный не только отвагой, но и хитростью, проверил, когда начинал строить замок, есть ли поблизости источник воды. Он обнаружил на вершине холма пять спрятанных колодцев, которыми пользовались странствующие монахи и которые давали за ночь около двухсот пятидесяти галлонов воды. Колодцы не пересыхали даже во время жесточайшей засухи. В обычных же условиях воды в них было достаточно, чтобы утолить жажду его воинов.

Но в ходе сражения воины хотели пить гораздо чаще, чем обычно. Кусуноки понял, что только этого источника воды будет недостаточно. Он приказал вырезать из дерева триста больших сосудов, формой напоминающих лодки, и наполнил их водой. Кроме того, водостоки всех нескольких сотен хижин были сделаны так, чтобы вся дождевая вода до последней капли попадала в сосуды. Дно каждого сосуда выложили глиной, чтобы вода не портилась. С такими

* Эти цифры — явно огромное преувеличение, в чисто китайском стиле. Однако следует помнить, что в то время любое крупное военное формирование представляло собой соединение самых разных мелких отрядов, численность которых нередко менялась.

запасами можно было продержаться пятьдесят-шестьдесят дней без дождя. Через столь долгое время дождь будет обязательно.

Вот как тщательно Кусуноки все продумывал. Поэтому защитники замка не имели нужды брать воду из долины.

Тем временем воины, которых послали караулить воду, не смыкали глаз по ночам, оставаясь готовыми в любой момент встретить врага. Но так было только поначалу. Потом они постепенно утратили бдительность и, решив в конце концов, что все равно никто не придет, утратили всякую предосторожность.

Заметив это, Кусуноки собрал пару сотен надежных воинов и в одну из ночей отправил их вниз. Прячась в предрасветном тумане, они зарубили около двадцати воинов, стоявших у воды, а затем с мечами в руках бросились в атаку. Губернатор Этидзэна Нагоя, не в силах сдержать их натиск, отступил в свой лагерь. Несколько десятков тысяч осаждавших, узнав об этом, хотели ринуться в бой. Но дорога пролегла по другой стороне долины и петляла у подножия холма. Поэтому добраться туда удалось немногим. Тем временем воины Кусуноки собрали брошенные флаги и большие шатры и спокойно вернулись обратно в замок.

На следующий день над главными воротами замка появились флаги и шатры со знакомыми гербами. Защитники замка кричали и смеялись:

«Эти флаги господин Нагоя любезно подарил нам, но на них — его семейный герб, поэтому они не нужны нам. Может быть, кто-нибудь из его вассалов придет и заберет их?»

Знатные воины, увидев это, сказали: «О, Небо, какой позор для господина Нагоя!»

Члены семьи Нагоя, вне себя от гнева, приказали: «Все наши воины до одного должны умереть под деревянными воротами замка!»

Тогда все воины Нагоя, около пяти тысяч, пошли на штурм. Исполненные зловецей решимости, не обращая внимания на раненых и убитых, они накатывались волна за волной, перешагивая через мертвые тела. Они прорвали первый ряд укреплений, и многим наконец удалось добраться до подножия противоположного края рва. Но обрыв был крутым и высоким, так что, несмотря на отчаянные попытки, они так

и не смогли подняться по нему. Они лишь смотрели вверх на замок, часто и тяжело дыша и пытаясь сдержать свою ярость.

В этот момент защитники замка перерезали веревки, державшие десять больших деревьев, лежавших на вершине скалы. Деревья полетели вниз и убили и переломали несколько сотен штурмующих. Оставшиеся в живых воины метались, пытаясь избежать страшной участи, но воины со стен замка расстреливали их из луков как хотели. Лишь немногие из пяти тысяч уцелели.

Сражение закончилось. Воины, несмотря на всю свою отчаянную храбрость, так и не смогли ничего добиться. Более того, многие погибли, поэтому люди говорили: «Несчастные! Позор, да еще и такие потери!»

Осознав бесполезность подобных боев, атакующие решили, что взять замок сразу не удастся. Теперь никто более не хотел возглавить атаку.

Офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца, Нагасаки Сиро, оценил положение и издал приказ: «Атаковать замок только числом означает лишь потерять людей и ничего не добиться. Надо просто осадить его и ждать, пока у них кончатся припасы».

Штурм прекратился полностью, так что воины вскоре вынуждены были бороться уже со скукой. Из Кноты вызвали учителей классической школы рэнга, и началось состязание в составлении 10000 стихов.

В первый день начальную строку составил Нагасаки Куро Моромунэ из стражи Внешнего дворца.

Будь первой и покажи нам свой победный
цвет, о горная вишня*.

Офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца, Кудо Дзиро откликнулся второй строкой.

* *Сакигаэ* — «быть первым» — на военном жаргоне тех дней означало «мчаться на врага впереди всех». Подобный поступок традиционно считался в высшей степени достойным и почетным, хотя, как свидетельствует источник, об этом в описываемый период уже стали забывать. Слово *кацу*, «побеждать», также явно ассоциируется с военной тематикой.

Буря — ваш враг, вот что я должен сказать.

Поистине, в обеих строках была искусно использована игра слов, да и звучали они красиво. Однако позднее решили, что сравнивать врага с бурей, если в первой строке дружественные силы представлены в образе цветущей вишни, равно как и использовать слова, которыми заканчивается вторая строка, вряд ли уместно: этого следует избегать*.

Вся армия выполнила приказ главнокомандующего и прекратила сражаться, а потому достойных способов развлечения нашлось не так уж много: кто-то проводил все дни за игрой в го и трик-трак, другие ночи напролет соревновались в «пробовании ста чаев» и составлении стихов. Защитников замка все это очень раздражало, ибо им самим нечем было заняться.

Так прошло какое-то время, и однажды Масасигэ сказал: «Что ж, друзья, давайте еще раз разыграем осаждающих и разбудим их от спячки».

Они сделали несколько десятков кукол ростом с человека, набили их отбросами, одели в доспехи и вложили им в руки оружие. Ночью кукол поставили у подножия замка, перед ними укрепили щиты, а позади них встали 500 тщательно отобранных воинов.

Когда ночная мгла начала рассеваться, воины в один голос подняли боевой клич. Когда осаждавшие услышали его, они бросились в атаку с криками: «Они вышли из замка! Они потеряли последнюю надежду! Им конец!»

Воины Кусуноки, как и было условлено, поначалу показывали, что собираются стрелять из луков и сражаться. Тем самым они вызывали на себя все больше и больше атакующих. Но постепенно они маленькими группами вернулись обратно в замок, оставив под деревьями одних кукол. Нападавшие, принявшие кукол за людей, собрались, чтобы убить их. Воины Масасигэ, подпустив их как можно ближе, вдруг одновременно выпустили сорок-пятьдесят больших камней. Сразу

* Вторая строка следует условным поэтическим канонам, что буря — враг цветущей вишни. Тем самым благоприятный знак, выраженный в первом стихе, неумышленно обращается в собственную противоположность.

же было убито около трехсот человек, а число раненых достигало пятисот.

После сражения выяснилось, что самые отважные защитники, не отступившие ни на шаг, оказались не людьми, а соломенными чучелами. Воины, что собрались убить их, но вместо этого сами погибли от камней и стрел, не смогли бы похвалиться достойной смертью. Те же, что побоялись подойти близко и потому остались живы, показали свою трусость. В любом случае и те, и другие стали посмешищем для всех.

Четвертого дня третьего месяца того же года из Канто прибыл гонец с приказом: «Не уклоняйтесь от сражения и не теряйте времени даром». Тогда командующие собрались на совет и разработали план: нужно перекинуть мост через ров с крутыми берегами, окружающий замок, и по нему ворваться в крепость. Для этого из Киото вызвали 500 плотников. Им приказали выбрать деревья толщиной в пять-шесть и восемь-девять дюймов и построить подвесной мост шириной в пять ярдов и длиной в шестьдесят.

Когда мост был готов, к нему привязали две-три тысячи веревок, поставили с помощью ворота вертикально, а затем спустили на вершину скалы, что на противоположном краю рва. Мост сделали настолько хорошо, что кто-то сказал: наверное, «мост в небеса» Лу Баня* был точно таким же. Сразу же несколько тысяч воинов прыгнули на мост и побежали вперед. Падение замка казалось неминуемым.

Но Кусуноки приготовился и к этому. Его воины зажгли факелы, затем побросали их на мост и с помощью помпы стали поливать их нефтью. Ветер из долины разнес языки пламени, и мост вспыхнул. Воины, которые побежали по мосту первыми, замерли перед пламенем. Двигаться вперед они не могли, как не могли и повернуть назад, даже если бы и захотели: на них напирала сзади все новые и новые ряды воинов, не понимавших, в чем дело. Спрыгнуть с моста оказалось некуда: ров был слишком глубоким, а внизу вздымались скалы. Не успели они, толкаясь и пихаясь, решить, что же делать, как горящий мост вдруг переломился посередине и рухнул вниз. Вместе с ним в ров полетели и тысячи воинов. Они попали в

* Лу Баня — плотник из царства Лу, по преданию, построивший для правителя лестницу, «достигающую небес», когда правитель пошел войной на Сун.

огромный костер и все до одного сгорели. Зрелище было настолько ужасным, что видевшие его задумались: наверное, таков и есть ад — где преступников бросают на острые утесы и деревья, поджаривают на огне и варят в расплавленном металле.

Тем временем 7000 разбойников из Ёсино, Тоцугава, Уда и Утинокори, собравшиеся по приказу принца Ото [Моринага, сын Годайго], спрятались на холмах и долинах вокруг и перекрыли дороги, которыми пользовались осаждавшие замок Тихая. Вскоре у воинов различных провинций кончились запасы, люди и лошади были истощены. Не в силах более ждать обозов, они начали разбегаться отрядами по двести-триста человек.

Разбойники, прекрасно знавшие местность и караулившие в проходах, всех их убивали. О том, сколько так погибло воинов, можно только гадать. Те же, кому удалось спастись от засады, побросали и лошадей, и доспехи, а порой даже оказывались без одежды. Некоторые одевали рваные соломенные плащи, только чтобы прикрыть наготу, другие привязывали вокруг бедер пучки травы. Они брели во всех направлениях каждый день, отстав от своих товарищей. Это был невиданный позор...

Во время осады замка Тихая, во втором добавленном месяце, император Годайго, сосланный в предыдущем году на остров Оки, бежал, и в шестом месяце вернулся в Киото. Еще до возвращения Годайго, в четвертом месяце, поднял мятеж Асикага Такаудзи (1305—1358), один из главных полководцев Камакура. Двадцать второго числа девятого месяца правление Камакура Бакуфу закончилось, Ходзё Такатоки и многие другие покончили с собой. Хотя Масасигэ и не одержал решающей победы, успешная оборона замка Тихая помогла свергнуть власть Камакура.

Но падение Камакура означало лишь начало нового этапа гражданской войны. Такаудзи, поначалу назначенный Годайго Главкомандующим Армии Усмирения Эдзо, вскоре перестал ему подчиняться и, поскольку реформы Годайго провалились, вновь поднял восстание — на этот раз против императорского двора. В конце 1335 г. Годайго уже отдавал приказы «преследовать и уничтожить» Такаудзи.

В первом месяце 1336 г. Такаудзи вернулся в Киото из Камакура, где он, по распоряжению Годайго, «преследовал и подавлял» другого мятежника. Но его армия была разгромлена Масасигэ и другими полководцами, и он бежал на Кюсю. Однако уже в четвертом месяце он, собрав более чем достаточные силы, выступил на Киото с огромной армией вместе со своим братом Тадаёси.

Придворный Ёсисада* отправил в императорский дворец гонца доложить, что Такаудзи и Тадаёси идут с большим войском на Киото и что он отходит к Хёго, чтобы попытаться преградить им путь в стратегическом месте. Встревоженный такими вестями, император вызвал офицера императорской полиции Кусуноки Масасигэ** и сказал ему: «Поспешите к Хёго на соединение с войсками Ёсисада».

Масасигэ почтительно изложил свое мнение: «Раз господин Такаудзи возвращается в Киото во главе воинов девяти провинций Кюсю, ясно, что силы его огромны. Наши войска утомлены и малочисленны. Если в таком положении сражаться с превосходящим врагом, который исполнен мощи, неизбежно потерпишь поражение. Поэтому могу ли я предложить отозвать господина Нитта обратно в Киото и просить ваше величество отправиться на гору Хиэй, как это было прежде?***. Я же, в свою очередь, вернусь в Кавати и попытаюсь закрыть Кавадзири**** войсками из Кинаи. Если потом мы нападём на врага, находящегося в Киото, с обеих сторон и

* Нитта Ёсисада (1301—1338) был в 1333 г. назначен Годайго командующим Левым крылом стражи Внешнего дворца. К тому времени, как Такаудзи двинулся на Киото, Ёсисада стал первым полководцем Годайго.

** Годайго назначил Масасигэ офицером императорской полиции и офицером Левого крыла стражи Внешнего дворца — те же посты получил и Ёсидунэ. По сути, занимавшие эти посты были главными телохранителями императора.

*** Годайго, возвращаясь в первом месяце в Киото, «посетил» гору Хиэй, чтобы не столкнуться с армией Такаудзи. Энрякудзи, большой храм, построенный на горе, обладал собственной сферой влияния и мог предоставить защиту.

**** Порт в устье реки Ёдо, на важном транспортном пути из Киото в Осака.

перекроек подвоз продовольствия, он постепенно станет утомленным и слабым, в то время как наши силы будут пополняться. В удобный момент господин Нитта ударит со стороны горы, а я нападу на врага с тыла. Так мы сможем в одном сражении уничтожить врага императора.

Я уверен, что господин Нитта думает то же самое. Но, должно быть, он считает постыдным вернуться, не дав ни единого сражения, подобно какому-нибудь разбойнику с дороги. Он опасается, что люди будут осуждать его за бездействие. Вот почему он решил остаться в Хёго и сражаться. В битве всякое может случиться, но главное — это окончательная победа. Позвольте выразить надежду, что его величество подумает над этим в будущем и двор придет к правильному решению».

Император сказал: «Поистине, оставим военные дела воинам». Но на совете знатных сановников императорский советник Киётада повторил свое предложение: «Слова Масасигэ не лишены оснований. Но он просит его величество покинуть столицу и второй раз за год посетить гору Хиэй еще до того, как Ёсисада, посланник императора для подавления Такаудзи, даст первое сражение. Мы считаем это пренебрежением к трону. К тому же такой поступок унижил бы императорскую армию. Такаудзи действительно может вернуться в Киото во главе воинов Кюсю, но едва ли его войско превосходит по численности ту армию восьми провинций Канто, что он вел на столицу в этом году.

С самого начала войны и вплоть до поражения врага наши войска, хоть и немногочисленные, всегда громили противника. Это было возможно не в силу превосходства нашей военной стратегии, но только потому, что судьба нашего императора утверждена Волей Неба. Все это убеждает нас, что решить исход битвы и уничтожить врага за пределами столицы не может быть трудным делом. Масасигэ должен отправиться немедленно, а не когда-нибудь потом».

Масасигэ сказал: «Что же, раз решили так, я не вижу смысла выражать свое несогласие». Шестнадцатого дня пятого месяца он покинул столицу с пятьюстами всадников и направился к Хёго.

В «Байсё рон» («Сливы и сосны»), истории, составленной по указанию сёгуната Асикага около 1349 г., дается несколько иное описание аргументов Масасигэ:

...Весной того же года, когда до Киото дошли вести, что сёгун [Такаудзи] и его брат [Тадаёси] отправились из Хёго на Кюсю, император почувствовал облегчение и поделился своей радостью с придворными: он счел, что более не о чем беспокоиться. Именно тогда Масасигэ изложил свое мнение: «Его величество должны убить Ёсисада и призвать господина Такаудзи обратно, дабы установить мир между правителем и подданным. Я лично готов отправиться посланником».

Люди говорили, что это безнадежное дело, и высмеивали Масасигэ. Потом он вновь изложил свое мнение: «Уничтожение всех прежних врагов его величества следует приписать верности Такаудзи. Несомненно, что Ёсисада покончил с Канто, но все войны в Поднебесной подчинились генералу [Такаудзи]. Это очевидно, ибо его армия, даже потерпев поражение, смогла пройти большой путь. В Киото люди с радостью покорились ему и следовали за ним, оставив победоносную армию его величества, что доказывает его величеству, что у Ёсисада нет личного влияния.

Размышляя над происходящим, я прихожу к убеждению, что оба полководца легко поведут за собой западные провинции и нападут снова в третьем месяце. Когда они сделают это, у нас не будет возможности защищаться и сражаться.

Мысли его величества простираются на тысячу дел, но когда речь идет о войне, ничтожный Масасигэ не может ошибаться. Я надеюсь, что его величество пересмотрят свое решение».

Когда Масасигэ говорил так, по щекам его текли слезы. Мы полагаем, что он был отважным вонном, наделенным глубокой проницательностью.

Некоторые историки считают, что подобному предложению Масасигэ способствовали как популярность Такаудзи среди самураев, так и слабость Ёсисада-полководца. Далее в «Байсё рон» отмечается, что когда двор отверг стратегию Масасигэ, он решил «умереть первым» в битве.

Вернемся к «Тайхэки».

Масасигэ не сомневался, что это будет его последняя битва. Поразмыслив, он отослал из своего дома в Сакураи обратно в Кавати своего одиннадцатилетнего сына Масацура, которого возил с собой. Он сказал ему следующее:

«Говорят, что лев через три дня после рождения детеныша бросает его с каменной скалы высотой в несколько тысяч ярдов. Если у детеныша сердце льва, он без подсказки подпрыгивает на половине пути и не разбивается. Тебе уже одиннадцать лет. Если ты сохранишь в себе хоть одно мое слово, пожалуйста, не иди против того, что я сейчас скажу. Приближающаяся битва, я уверен, решит судьбу нашей земли. Я в последний раз вижу твое лицо в этой жизни.

Когда люди узнают, что Масасигэ погиб в сражении, будь уверен, нашей страной станет править генерал Такаудзи. Но даже если это произойдет, не уничтожай той верности, которую твои предки хранили долгие годы, и не сдавайся в плен раду того, чтобы спасти свою жизнь. Пока в нашем клане будет жив хоть один юноша, прячься у горы Конго и сражайся с врагом, если он придет. С решимостью, как если бы в тебя прицелился Ян Юй*, сравнивая собственную справедливость с верностью Цзи Синя**. Таков твой главный сыновний долг».

Занялся день двадцать пятый, пятого месяца. Около восьми в тумане над морем показались какие-то корабли. Пока люди, наслаждаясь видом моря, гадали, возвращаются ли это рыбацьи лодки или же лодки пересекают пролив Авадзи, на огромном пространстве моря вдруг возникли десятки тысяч кораблей, весла которых вспенивали воду справа и слева. На носу и корме каждого корабля развевались знамена, попутный ветер надувал их паруса. Они заволокли простирающуюся туманную гладь моря на сорок миль, нос упирался в корму. Казалось, что море вдруг превратилось в сушу, а их паруса скрыли из вида горы.

* Легендарный китайский стрелок периода «Весны и Осени» (770–403 гг. до н.э.). По преданию, он мог с расстояния в сто шагов попасть в лист ивы.

** Слуга первого императора династии Хань Гао-цзу, знаменитый своей непоколебимой верностью.

Кораблей было так много, что в восхищении глядевшие на них люди гадали, больше ли воинов участвовало в битве у Красной скалы, когда У и Вэй* боролись за гегемонию, или в сражении у Желтой реки, когда Великая Юань разбила Сун**. В этот момент со стороны Уэно и холма Сикамацу в Сума, а также со стороны прохода Итинотани показались сотни знамен с гербами Футацухикирё, Ёцумэюи, Судзикаи, Хидаритомоэ и Ёсэкакари-но Ватигаи. Воины шли вперед сплошным потоком, подобно облакам.

И кораблей в море, и воинов на суше было гораздо больше, чем ожидали, гораздо больше, чем даже догадывались. Воины императорской армии поражались своей численности. И Ёсисада, и Масасигэ были отважными воинами, обладавшие сердцем Гуан-у, который легко относился к многочисленному врагу, но никогда не пренебрегал малым. Они не показали ни малейшего признака слабости, лишь спокойно повели своих воинов к маленькой сосновой роще на мысе Вада и начали строить их в боевой порядок.

В одном отряде, который возглавил Вакия Уэмон-но Сагисукэ и командирами в котором были двадцать три его родственника, близких и дальних, насчитывалось 5000 всадников. Они расположились у Кёгасима. В другом отряде под командованием Отати Саманосукэ Удзиакира и шестнадцати его родственников насчитывалось 3000 всадников. Они ждали на берегу к югу от Тородо. В отряде офицера императорской полиции Кусуноки Масасигэ было 700 всадников. Он намеренно не стал смешивать собственных воинов с другими и занял позиции к югу от реки Минато, с тем чтобы встретить надвигающегося по суше врага.

Ёсисада, офицер Левого крыла стражи Среднего дворца, считался главнокомандующим. В его обязанности входило отдавать приказания всем остальным командирам. Он поставил шатер на мысе Вада и стал ждать с 25000 всадников.

* У и Вэй — китайские царства (период «Весны и Осени»).

** Юань — монгольская династия, окончательно победившая китайскую династию Сун и захватившая весь Китай в 1279 г.

Когда началось сражение, Ёсисада повел свои войска вперед, пытаясь воспрепятствовать высадке врага. Расстояние между ним и Масасигэ стало весьма значительным.

Офицер императорской полиции Кусуноки Масасигэ повернулся к своему брату, «носителю меча» Масасуэ, и сказал: «Враг перекрыл нам путь вперед и назад, теперь мы отрезаны от главнокомандующего. Нам не выбраться отсюда. Вначале ударим по тем, кто впереди нас, и разгромим их, а потом возьмемся за тех, кто в тылу!»

«Хорошая мысль», — согласился Масасуэ.

Во главе семисот всадников они помчались в самую гущу врагов. Воины Начальника Левых Императорских конюшен Тадаёси** увидели знамена с изображением хризантем и воды и поняли, что перед ними достойный противник. Они попытались отсечь Масасигэ и Масасуэ от остальных и убить их. Но оба брата прорывались сквозь их ряды с востока на запад и атаковали их с севера на юг. Каждый, видя достойного врага, скакал рядом с ним, сваливал его на землю и отсекал голову. Если же враг не был достойным, каждый наносил удар со всего размаха и убивал его. Масасуэ и Масасигэ встречались семь раз, и семь раз их отрезали друг от друга. Каждый из них хотел первым делом добраться до Тадаёси, свалить его с лошади и убить.

700 всадников Кусуноки смяли 500000 воинов Тадаёси, и те стали отходить к Уэно, что в Сума. В этот момент конь Тадаёси наступил правой передней ногой на наконечник стрелы и захромал. Воины Кусуноки сразу же заметили это и уже собирались напасть на Тадаёси, но тут Якусидзи Дзюро Дзиро повернул назад, на берегу Лotosового пруда встретился с Тадаёси, спрыгнул с коня и, размахивая алебардой с железной рукоятью и лезвием в тридцать дюймов, перерубал ремни, стягивавшие шею и грудь лошадей приближавшихся врагов. Ему уда-

* *Татэхаки* — этот ранг давался тем, кто охранял покой наследного принца. Всего «носителей меча» было тридцать.

** Как уже отмечалось, Тадаёси (1306–1352) — брат Такаудзи. Позднее их отношения испортились, и в конце концов Такаудзи убил Тадаёси.

лось повалить семь или восемь из них. Тем временем Тадаёси вскачил на коня Дзюро Дзиро и спасся.

Когда главнокомандующий Такаудзи увидел, что Кусуноки теснит Тадаёси и тот отходит, он приказал: «Пошлите подкрепление! Не дайте Тадаёси погибнуть».

В мгновение ока 6000 всадников из Кира, Исито, Ко и Уэсуги помчались к восточному берегу реки Минато и окружили воинов Кусуноки. Масасигэ и Масасуэ повернули назад и атаковали их, врываясь в их ряды, убивая их или сбивая наземь. За шесть часов они вступали в поединок шестнадцать раз. Ряды их таяли, пока с ними не осталось лишь 73 воина.

Даже с таким маленьким отрядом они смогли бы прорвать окружение и спастись, но Кусуноки, покидая Киото, твердо решил проститься в этом сражении с жизнью и потому не отступал ни на шаг. Но силы их истощились. В сопровождении оставшихся воинов он поспешил в дом, стоявший к северу от реки Минато. Он снял доспехи, готовясь к смерти, и обнаружил у себя на теле одиннадцать ран. У каждого из семидесяти двух воинов также было от пяти до десяти ран. Тринадцать членов клана Кусуноки и шестьдесят их вассалов сели двумя рядами в зале для гостей с шестью колоннами и перед смертью хором десять раз пропели буддийскую молитву.

Масасигэ, сидя во главе, повернулся к брату Масасуэ и спросил: «Говорят, что последняя мысль определяет, будет следующая жизнь хорошей или плохой. Скажи мне, брат, в какой из девяти сфер* ты хочешь возродиться?»

Масасуэ весело рассмеялся и сказал: «Я хочу возродиться человеком еще семь раз, чтобы расправиться с врагами императора».

Масасигэ обрадовался его словам и произнес: «Это наверняка грешная и злая мысль, но я думаю точно так же. Что ж, пусть мы возродимся в том же обличии и исполним наши мечты».

С этой клятвой на устах братья пронзили друг друга мечами и умерли рядом. Одиннадцать остальных членов клана, в том числе губернатор Кавати Усами Масаясу, Дзингудзино Таро Масаморо из стражи Среднего дворца, Вада Горо

* Девять сфер: ад, голодные демоны, звери, асуры, люди, небеса, шраваки, пратьекабудды, бодхисаттвы.

Масатака и шестьдесят вассалов тоже покончили с собой, сидя на избранных местах.

Кикүти Ситиро Такэсси, в качестве посланника своего старшего брата, губернатора Хиго, наблюдавший за битвой в Сума, случайно стал свидетелем смерти Масасигэ. Возможно, он решил, что смотреть подобное постыдно, и потому ушел. Он тоже покончил с собой, бросившись в огонь.

Ко-но Моронао: Когда самурай влюбляется

В «Тайхэнки» («Хроника Великого мира»), из которой взят предыдущий рассказ о полковнике Кусуноки Масасигэ, также содержатся довольно длинные истории, напрямую не связанные с главной сюжетной линией. Повествование о любви Ко-но Моронао — который, не сумев соблазнить замужнюю женщину, прибег к грубой силе — составляет вторую часть главы 21.

Семья Ко служила у Асикага наследными регентами, в то время как сами Асикага были местными даймё. Моронао занимал этот же пост, когда в 1338 г. Асикага Такаудзи (1305—1358) стал сёгуном. Являясь регентом сёгуната, Моронао стал, по сути, главнокомандующим всех верных Асикага войск и пользовался огромным влиянием.

Акаси-но Какуити (ум. 1371), который в начале истории вместе с Синъити исполняет для Моронао сцену из «Хэйкэ моногатари», возможно, придал окончательную форму этой военной летописи, которая, как указывал один из ученых, «подобна оратории из 182-х кантат для баса и *бива* (лютня), каждая из которых длится 30—40 минут».

Однажды, когда Ко-но Моронао, регент сёгуната и губернатор Мусаси, находился в своем доме, не имея особого желания идти на службу, произошло следующее. Знатные вассалы всеми силами старались порадовать своего хозяина: каждый день они готовили сакэ и разные лакомства и приглашали самых искусных актеров показать свое искусство перед ним.

В одну из лунных ночей, когда все вокруг затихло и лишь холодный ветер чуть шевелил густой клевер, два слепых му-

зыканта, Синьити и Какуити, под звуки лютни рассказали историю из «Хэйкэ моногатари».

«Однажды, в правление Коноэ-ина, огромная птица нуэ спустилась на крышу дворца Сисин и кричала ночь за ночью. По приказу императора Минамото-но Ёримаса* убил ее. Его подвиг привел императора в восхищение, и он тут же накинул на плечи Ёримаса свой алый плащ.

Потом император поразмыслил так: «В награду за это недостаточно дать ему новый ранг или пожаловать ему еще не занятый пост губернатора какой-нибудь провинции. Я знаю, что Ёримаса воспылал неутолимой страстью к Аямэ (“Ирис”) из Фудзицубо. Последнее время он ходит подавленный. В награду я дам ее ему. Но, насколько известно, он лишь слышал о ней и никогда ее не видел. Соберем же всех женщин, которые похожи на нее, и если он не сможет узнать Аямэ, скажем ему: “Любовь твоя так же умопомрачительна, как и великолепие ириса”***, и посмеемся над ним”.

Из трех тысяч своих женщин император выбрал двенадцать девушек, которым позавидовали бы цветы и к которым воспылала бы ревностью луна, приказал им всем одеться одинаково и поместил их за тонкой занавеской из золотой ткани, не приглушив света.

Потом он вызвал к внешним покоям дворца Сэйрё Ёримаса и передал ему через одну из придворных дам: «Сегодня в награду за вашу доблесть я подарю вам ирис из болот Асака. Даже если руки ваши устанут, протяните правую и возьмите ее себе в жены”****.

Ёримаса, стоявший с краю большого зала дворца Сэйрё, явно смутился, переводя взгляд с одной женщины на другую и будучи не в силах указать на тот ирис, о котором он мечтал.

* Поэт и воин (1104–1180), о котором говорится во вступлении. Он был убит в начале войны между Минамото и Тайра.

** Намек на стихотворение неизвестного автора, открывающее раздел любовной лирики в «Кокинсю» (№ 469): «Полет кукушки — это пятый месяц с ирисами. Так же прекрасна, как те ирисы, моя любовь!»

*** Намек на стихотворение Фудзивара-но Такаёси («Киньёсю», № 138): «Длинные корни ирисов утомляют протянутые руки: как же они растут на болотах Асака?» Такаёси обыгрывает тот факт, что *аса* в «Асака» означает «мелкий».

Всем девушкам было по шестнадцать лет. Черты их лиц отличались такой красотой, что кисть художника не смогла бы создать что-либо подобное. На всех были ожерелья из золота и изумрудов, они манили глаз, как спелые персики.

Придворная дама рассмеялась и сказала: “Когда поднимаются воды, даже болота Асака могут смутить вас!” Тогда Ёримаса ответил стихами:

Дожди в пятом месяце заливают
прибрежную траву.
Нелегко отличить друг от друга ирисы
и выбрать любимый.

Император вновь восхитился Ёримаса. Он встал, взял за рукав госпожу Аямэ и подвел ее к Ёримаса со словами: “Берите ее себе в жены”.

Так Ёримаса не только подтвердил свою славу великого лучника, убив птицу нуэ, но и показал себя великолепным поэтом, одним-единственным стихотворением завоевав госпожу Аямэ, которой он поклонялся годы и месяцы».

Синьити и Какуити закончили свою историю. Моронао слушал, погруженный в свои думы, отодвинув в сторону подушки. Все, кто находился за ширмой и в саду, разом воскликнули, глубоко тронутые, когда музыканты взяли последний аккорд. После того как рассказчики ушли, молодые люди и отшельники, собравшиеся позади, говорили друг другу: «Хорошо, что в награду за свой подвиг Ёримаса получил прекрасную девушку. Но ему не даровали ни пяди земли, ни еще чего-нибудь. Это очень, очень плохо!»

Моронао возразил: «То, что вы здесь говорите, удивляет меня. За такую красоту, как Аямэ, я бы с радостью отдал десять провинций или двадцать, а то и тридцать земель». Все пристыженно замолчали.

Случилось так, что этот разговор услышала Дзидзю, стоявшая за ширмой. Прежде она принадлежала знатному господину, хотя и выскочке. Ей удалось насладиться славными днями правления императора. Но времена переменились, и счастье оставило ее, так что теперь она была частой гостьей в доме Моронао. Дзидзю открыла дверь позади Моронао и смеялась, смеялась безостановочно.

«Все вы ошибаетесь, — сказала она. — Я не думаю, что госпожа Аямэ была так уж красива. О Ян Гуй-фэй говорили, что “когда она улыбалась, все красотки шести дворцов исчезали”^{*}. Даже если бы собрали тысячи, десятки тысяч женщин, разве Ёримаса не смог бы указать на нее, будь она действительно красива?»

«Вы, господин, — Дзидзю повернулась к Моронао, — сказали, что отдали бы десять провинций за такую женщину. Что ж, если бы вы увидели женщину, похожую на Ниси-но Таи из дворца Коки, дочь принца Хаята и родственницу прежнего императора по материнской линии, я готова поклясться, что вы бы отдали за нее Японию, Китай и Индию».

И она начала шутливо описывать красоту Ниси-но Таи, рассказывая при этом китайские легенды и японские стихи. Закончив, она собралась уходить и уже хотела закрыть дверь, но тут обрадованный Моронао поймал ее за рукав и спросил: «Где эта принцесса? Сколько ей лет?»

«Она — жена одного провинциального господина, — сказала Дзидзю. — Она уже не так красива, как в те годы, когда была при дворе — ее лучшее время прошло, так я думала. Но не так давно, возвращаясь как-то из святилища домой, я навестила ее, и оказалось, что она лучезарнее весенних цветов молодой вишни. Комнату заливал лунный свет, она свернула южную занавеску и перебирала струны лютни. Локони чудных волос падали ей на лицо, но я могла видеть ее удивительные брови, ее глаза, напоминавшие формой листья лотоса, и невыразимо алые губы. От всего этого — осмелюсь сказать — придет в замешательство сердце святейшего из святых затворников, погруженного в медитацию в скалистой пещере. Так она была великолепна!»

«О, судьба, уготовленная божеством свадеб, порой так печальна, — продолжала она. — Ее ожидали видеть супругой императора или императрицей, а она даже не стала женой сёгуна, ныне правящего страной. Вместо этого прежний император отдал ее Энъя Такасада, офицеру императорской полиции, командный голос которого столь же силен, как и воркова-

ние голубя на вершине башни, а живет он в Идзумо, где даже постель слишком груба для ее нежного тела»^{*}.

Моронао был очень доволен. «Вы поведали столь восхитительную историю, что я не могу отпустить вас без подарков», — сказал он и положил перед Дзидзю десять верхних платьев и подушечку из дерева алоэ. Дзидзю, покрасневшая от смущения при виде столь неожиданно полученных дорогих подарков, колебалась, уходить ей или нет, но тут Моронао наклонился к ней и сказал: «Ваш невероятный рассказ расстрогал меня так, что, я чувствую, моя болезнь вот-вот пройдет, но в то же время меня как будто одолела новая слабость. Покорнейше прошу вас: не будете ли вы посредницей между мной и этой госпожой? Если вы справитесь, я подарю вам землю или любые сокровища из моего дома, какие вы только пожелаете».

Такой поворот событий удивил Дзидзю. В конце концов, речь шла не об одинокой женщине. Она хотела было сказать, что это невозможно, но побоялась, что тогда она потеряет жизнь или с ней случится еще что-нибудь ужасное. Поэтому она заявила, что попытается поговорить с женщиной, и отправилась домой.

Пока Дзидзю гадала, стоит ли ей начинать подобный разговор, произошло нечто неслыханное. Моронао, регент сёгуната, послал ей сакэ и яства с письмом, в котором явно давил на нее. Решив, что делать нечего, она отправилась к жене Такасада и, в некоторой растерянности, попыталась уговорить ее.

«Мои слова, госпожа, вероятно очень оскорбят вас, — начала Дзидзю. — Об этом следовало бы, услышав, сразу же забыть, но случилось то, что случилось, и я хотела бы узнать, что вы думаете.

Если вы сможете утешить его ненадолго, я думаю, будущее ваших детей будет обеспечено и, осмелюсь сказать, даже у тех из нас, у кого нет средств к существованию, будет на кого опереться. Если вы не станете встречаться с ним слишком часто, можно не бояться, что люди заметят это, как они склонны замечать сети, которые выпаскивают в бухте Аюги. Если все

* Строка из поэмы Бо Цзюй-и «Вечная печаль». Император Сюань-цзун (685–762) из-за любви к Ян Гуй-фэй потерял трон.

* Дзидзю несколько преувеличивает. В 1341 г., во время описываемых событий, Такасада был назначен одним из четырех полководцев, которым поручили собрать войска для защиты Киото от императорской армии.

сделать незаметно, подобно тому, как капля росы падает на лист бамбука, у кого могут возникнуть подозрения?»

«Что же вы такое говорите!» — жена Такасада зарыдала, и было ясно, что впредь с ней заводить подобные разговоры бессмысленно.

Тем не менее, помня об обычае северных варваров, которые, говорят, складывают перед домом женщины, чьей любви добиваются, до тысячи палочек, Дзидзю продолжала приходить к жене Такасада каждый день и утешать ее.

«Из-за вас я попала в беду, — говорила она с обидой, — из-за вас я оказалась в таком ужасном положении. Вы ничем не сможете помочь мне, даже если сжалитесь надо мной и будете раскаиваться в том, что сделали. Но что если предположить, будто господин Моронао — последний, кому вы служили, и послать ему в ответ хоть одно слово?»

Но все утешения лишь еще больше угнетали жену Такасада. «Пожалуйста, не мучайте меня, ничего больше не говорите об этом, — говорила она в отчаянии. — Если я понравилась этому несчастному человеку, моя репутация уподобится “переменчивым волнам на берегу Такаси”».

Дзидзю ничего не оставалось делать, как отправиться к Моронао и все рассказать. Но Моронао лишь вспыхнул еще более. Он решил написать ей, в надежде, что жена Такасада смягчится, если он будет настойчиво говорить о своих чувствах. Моронао вызвал известного каллиграфа, отшельника по имени Кэнко**, и приказал ему описать чувства на тонкой, ярко-красной бумаге, столь сильно пропитанной фимиамом, что, казалось, прикоснись к ней рукой, и она затеплится. С нетерпением стал он ждать ответа. Гонец вернулся и доложил: «Господин, женщина взяла ваше письмо, но даже не открыла его и бросила в саду. Я не хотел, чтобы кто-нибудь увидел это, и потому привез его обратно».

* Намек на любовное стихотворение Кии (даты жизни неизвестны), включенное в «Киньёсю» (№ 501): «Переменчивые волны бухты Такаси не забрызжут меня, и рукава мои не намокнут». Смысл: «Я знаю, вам нельзя верить, поэтому не поддаюсь на вашу лесть, чтобы потом не проклинать себя в слезах».

** Ёсида Кэнко (1284–1350) — автор знаменитых «Дзурэдзургуса» («Записки от скуки»).

Моронао был потрясен.

«Что ж, — сказал он, — оказывается, мастера кисти бесполезны. Впредь не пускайте монаха Кэнко на порог моего дома!»

Тут по каким-то делам случилось проезжать Якусидзи Дзиродзаэмону Киньёси*. Моронао позвал его к себе и сказал с горькой усмешкой: «Эта женщина даже не удосужилась прочитать письмо, которое я послал ей. Она так возмутительно безразлична ко мне. Что бы вы предложили сделать?»

«Ни одно человеческое существо нельзя уподобить ни скале, ни дереву, — сказал Киньёси. — Какова бы ни была эта женщина, я не могу представить, чтобы она не покорилась, если вы так жаждете ее. Почему бы не послать ей еще одно письмо и не посмотреть, что будет?»

Потом он написал письмо от имени Моронао, в котором было только стихотворение:

Вы возвратили письмо, но помня,
что его касалась ваша рука,
Я не могу остановиться на одном.

Гонец немедленно повез письмо. Жена Такасада очень удивилась, покраснела и какое-то время стояла молча, держа письмо в рукаве. Посланник решил, что она смягчилась, и, подворачивая рукава, спросил: «Что же вы хотите ответить?»

Но жена Такасада, перед тем как войти в дом, сказала лишь: «Ночная рубашка, лежащая поверх одеяла».

Гонец спешно вернулся и рассказал, как было дело. Моронао выглядел довольным и раздумывал. Вскоре он вызвал Киньёси.

«Гонец передал мне, что женщина сказала в ответ: “Ночная рубашка, лежащая поверх одеяла”. Что же она хотела этим подчеркнуть: чтобы я послал ей шелковое кимоно? Если так, то я велю послать ей любую одежду. Как вы думаете, она это имела в виду?»

«Нет, господин, — сказал Киньёси. — Она не подразумевала ничего подобного. В “Син-кокин”, среди стихотворений о десяти заповедях, есть такое:

* Поэт, известный также как Гэнка (1308?–1381), член дома Моронао.

Ночная рубашка, лежащая поверх одеяла,
слишком тяжела
Не добавляй к своей жене чужую жену*.

Я думаю, она намекала на это, говоря тем самым, что вы просите ее о том, чего она должна избегать».

Моронао был потрясен.

«О, почтенный, — сказал он, — вы — несравненный знаток не только пути лука и стрелы, но и пути поэзии. Позвольте преподнести вам подарок».

Затем он сам вынул меч, украшенный золотом, и подарил его Кингёси. Счастье сопутствовало не Кэнко, а Кингёси; колесо удачи повернулось, они поменялись местами.

Получив такой ответ, Моронао время от времени вызывал Дзидзю, порой угрожая ей с перекошенным от гнева лицом, порой уговаривая ее, наклонив голову: «Я всегда считал, что в нужный момент не колеблясь отдам жизнь за своего господина. Но сейчас я теряю ее из-за какой-то женщины, и очень сожалею об этом. Когда дни мои будут сочтены, уверяю вас, я возьму вас с собой, и мы вместе пересечем гору Смерти и реку Сандзю».

Дзидзю не знала, как с ним быть. Но потом ей вдруг пришло в голову, что, возможно, Моронао разочаруется в жене Такасада, если увидит ее лицо после купания и без грима. И тогда она сказала, утешая его: «Господин, потерпите еще немного. Пока “я не то чтобы не видел ее и не то чтобы видел”***, все мои слова будут бесполезны. Я собираюсь устроить так, чтобы вы взглянули на нее, хотя бы издалека».

Моронао улыбнулся про себя и стал ждать удобного случая, как будто это должно было вот-вот случиться. Как-то Дзидзю принесла новости: служанка жены Такасада пришла к ней, как было велено, и доложила: «Сегодня мой хозяин уедет, а госпожа будет принимать горячую ванну». Вечером, вслед за Дзидзю, Моронао прокрался в дом Такасада.

* Стихотворение принадлежит монаху Дзякунэну (даты неизвестны). Речь идет о десяти заповедях против супружеской неверности.

** Намек на стихотворение из главы 99 «Иса моногатари»: «Не то чтобы я не видел тебя, не то чтобы видел, но, вспоминая тебя, я грущу целый день».

Он оказался в зале с двумя колоннами и стал вглядываться в просвет между перегородками. Женщина, казалось, только что вышла из горячей ванны. Раскрасневшаяся, подобно цветку, она играла краем прозрачной, как лед, рубашки с короткими рукавами, мягко облегавшей ее тело. Длинные влажные волосы красиво ниспадали на плечи. Чувствовался сильный запах ладана, который она зажгла, чтобы одежда пропиталась ароматом. Где же еще можно увидеть такое, в смущении спрашивал себя Моронао. Думая о сказочных цветах святилища богини и ивах под дождем в деревне Чжао-цзюнь, он начинал сильно дрожать*.

Прошло немало времени. Дзидзю боялась, что хозяин может вернуться, и потянула Моронао за рукав. Но когда они вышли из дверей Хадзитомы, Моронао упал ниц на крыльце и ни за что не хотел подниматься, как она его ни дергала. Дзидзю опасалась, что он даже может умереть здесь. В конце концов ей удалось доставить его домой, но с этого времени он окончательно заболел болезнью, которая зовется любовью, и во сне и наяву лепетал бессвязные слова. Боясь за свою жизнь, Дзидзю укрылась в деревне, где ее никто не смог бы найти.

Теперь у Моронао не было сводни. Не зная, что делать, он пребывал в печали, пока не придумал следующий план: разными способами он стал распускать слухи, что Энтя Такасада замышляет мятеж против властей, и довел это до сведения сёгуна и командующего Левого крыла стражи Внешнего дворца**.

Такасада, узнав об этом, понял, что ему не спастись. Он решил бежать на время в свою родную провинцию, собрать армию из членов своего клана и погибнуть в борьбе с Моронао.

На рассвете двадцать седьмого дня третьего месяца [1341] Такасада вместе с тридцатью воинами, в которых был уверен, как в себе, одетыми в охотничьи костюмы и с соколами на

* Намек на легендарное китайское женское божество, в святилище которой росли цветы необычайной красоты, и на Ван Чжао-цзюнь, красавицу при дворе императора династии Юань, которую продали варварам, ибо она отказалась подкупить придворного портретиста.

** Асикага Такаудзи и его брат Тадаёси.

плечах, направился к Рэндайно и Нисияма якобы для того, чтобы поучаствовать в ставках на соколиные бои. Однако около Тэрадо он повернул назад, к Ямадзаки, и поехал по дороге в Харима. Тем временем его жена и дети в сопровождении двадцати самых близких слуг тоже покинули дом под видом посещения святынь и храмов. Однако через час они тоже отклонились от первоначального пути и поехали по дороге в Тамба.

В те дни дети охотно поднимали руку на собственных родителей, а младшие братья запросто предавали старших. Не исключением был и младший брат Такасада Сиродзаэмон: он поспешил к губернатору Мусаси и все рассказал ему о планах Такасада. Моронао, когда получил это известие, долго обсуждал его со своими людьми. В конце концов, обозленный тем, что не смог завладеть женой Такасада, он отправился к сёгуну и сказал: «Господин, я предупреждал вас о заговоре Такасада и просил срочно принять меры, но вы не послушались меня. Сегодня же на рассвете он бежал на запад. Если он доберется до Идзумо и Хоки и укрепитесь с членами своего клана в замке, дело станет очень серьезным».

Испугавшись, сёгун сразу же начал отбирать людей для погони за Такасада. Но все, кто находились рядом, выглядели нервными и напряженными и явно спрашивали себя: выберут меня или кого-то другого? Сёгун понял, что никто из них не годится для того, чтобы убить Такасада. Тогда он вызвал Ямана Токиудзи, губернатора Идзу, Момонои Тадацунэ, губернатора Харима, Охира, губернатора Идзумо, и сказал им: «Я узнал, что Такасада бежал на запад. Отправляйтесь в погоню и убейте его». Все трое не возразили и торжественно приняли приказ.

Токиудзи, который, не зная, зачем его вызвали, явился в гражданском облачении, по-видимому решил, что если он отправится домой, чтобы облачиться в доспехи и собрать воинов, он потеряет много времени, и тогда настичь Такасада будет намного труднее. Поэтому он взял доспехи у одного из молодых воинов Моронао, надел их на плечи, а затем, уже взобравшись на коня, завязал веревки. Семь человек: отец, один из его сыновей и вассалы вскоре добрались до дороги в Харима и продолжили погоню. Вскоре за ними последовали в большой спешке еще 250 человек, в том числе старший сын Токиудзи,

офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца и двое его старших вассалов Кобаяси Минбунодзэ и Сакёносукэ, все легко вооруженные.

Момонои и Охира также не поехали домой: оба отправили слуг с приказом своим воинам сесть на лучших коней, взять оружие и следовать за ними. Сами же они поскакали по дороге в Тамба. Каждый раз, когда они встречали кого-нибудь, они спрашивали, не проезжал ли на запад кто-нибудь подозрительный. Все отвечали одинаково: «Спешно проезжала дама в паланкине в сопровождении двадцати воинов. Они, должно быть, опережают вас на несколько миль».

«Что ж, значит они не ушли далеко. Подождем наших воинов».

Ночь они провели на постоялом дворе в Хокабэ.

Молодые вассалы Такасада знали, что преследователи могут настичь их в любой момент, и спешили изо всех сил. Но женщина и дети, которых они должны были защищать, задерживали их, и уже в Кагэяма, провинция Харима, первые из преследователей заметили их. Увидев, что оторваться невозможно, они перенесли паланкин в маленький домик у дороги и повернулись лицом к врагу. Затем они сняли плащи, чтобы крепче держать в руках луки, и начали отчаянно стрелять в нападающих. Многие из преследователей были плохо вооружены. Пока они подъезжали и бежали вперед с обнаженными мечами, одиннадцать человек было убито и еще множество — ранено. Но преследователи все прибывали, в то время как у защитников заканчивались стрелы.

Тогда воины Такасада, решив сначала убить женщину и детей, а потом покончить с собой, ворвались в дом. Картина, которую они увидели, была столь душераздирающей, что даже грубые воины не могли сдержать слез. Женщина, красивая, как и прежде, но обезумевшая от горя, казалось, была готова проститься с жизнью и умереть. Рядом с ней сидели ее дети, на лице ее читались волнение и тревога за их судьбу.

Преследователи сразу же приблизились к домику, и один из них отдал приказ: «Помните, зачем мы здесь. Даже если мы убьем Энъя, но не схватим женщину живой, мы не выполним воли господина регента. Не забывайте об этом!»

Хатиман Рокуро решил спасти второго сына Энъя, который жался к матери. Ему было лишь три года. Он взял его

на руки, выскочил из дома, по направлению к находившейся неподалеку кумирне, и передал мальчика оказавшемуся там странствующему монаху со словами: «Не возьмете ли этого маленького мальчика с собой в Идзумо, почтенный? Будьте его учителем и позаботьтесь о том, чтобы он, когда вырастет, стал владельцем земли». И Рокуро дал монаху в подарок два кимоно косодэ*.

«Конечно, господин», — ответил монах, без колебаний взяв мальчика и подарок.

Рокуро был очень доволен тем, что так быстро справился со своим делом. Он поспешил обратно в дом и сказал воинам: «Пока у меня есть стрелы, я буду защищать вас. Идите в дом, убейте женщину и ребенка и покончите с собой».

Тогда один из членов клана Энъя по имени Мунэмура, губернатор Ямаги, вошел в дом. Он поднес лезвие меча к груди женщины, которая была белее снега и изысканнее цветов, и заколол ее. Женщина со сдавленным стоном упала; алая кровь заливала ее шелковые одежды. Ее пятилетний сын, испугавшись меча, заплакал. С криками «Мама!» он прижился к лицу матери, которой больше не было. Губернатор Ямаги собрался с духом, посадил ребенка на руку, упер меч рукоятью в стену и вогнал его в себя и ребенка до самого основания.

Оставшиеся двадцать два воина вздохнули с облегчением. Они распустили волосы**, разделись до пояса и, как только враг приближался, бросались на него с мечами. Они знали, что в любом случае не смогут спастись. Они также знали, что продолжать убивать — значит лишь увеличивать карму греха, но надеялись, что, удерживая врагов, позволят Энъя уйти подальше. Так они сражались около четырех часов, время от времени кидаясь вперед с криками: «Я Энъя! Я Такасада! Убейте меня и покажите мою голову Моронао!» Наконец, когда кончились все стрелы и среди них не осталось ни одного, кто бы не был ранен, они подожгли дом, подождали, пока огонь разгорится, затем вошли внутрь и покончили с собой.

* *Косодэ* означает «короткий рукав». Получило название в отличие от кимоно с широкими и длинными рукавами, достигающими до кончиков пальцев.

** Показывая, что готовы умереть.

Когда дом сгорел, воины Момоно и Охира разбросали в стороны дымящиеся головешки. Под ними они нашли жену Энъя. Ее ребенок, убитый мечом во чреве, наполовину выпал из живота и был покрыт кровью и пеплом. Среди мертвецов, покончивших с собой и валявшихся друг на друге, лежал один, с мальчиком на руках — оба были пронзены мечом. Момоно и Охира решили, что это Энъя, но его лицо так изуродовало огонь, что они не стали брать голову с собой. Потом они вернулись в Киото.

Тем временем Ямана Токиудзи со своими вассалами ехал по дороге Сангё. Около храма Такара в Ямасаки они вдруг услышали позади себя крик: «Остановитесь! У меня письмо от господина регента! Оно послано вам!»

Они придержали коней, обернулись и увидели на расстоянии трехсот ярдов человека, который кричал: «Я загнал лошадь, и она не может идти дальше! Вернитесь, прошу вас!»

Токиудзи слез с лошади и приказал нескольким воинам: «Узнайте, в чем там дело, и возвращайтесь побыстрее».

Пять самураев поехали обратно и, приблизившись к гонцу, прыгнули с лошадей и спросили: «Что случилось, господин?»

Человек усмехнулся и сказал: «Сказать по правде, я не гонец господина регента. Я служу господину Такасада, но я не знал, что он решил бежать, и потому не смог сопровождать его. Я хочу отдать жизнь за своего хозяина и потом рассказать в аду, как я это сделал!»

С этими словами он выхватил меч и бросился на врагов. Поединок длился достаточно долго. Когда он ранил трех человек и сам получил две раны, он понял, что пришел конец. Тогда он пронзил себя мечом и умер.

«Негодяй одурачил нас, и мы потеряли время. Беглецы теперь ушли далеко вперед». Ругаясь, Токиудзи и его воины припустили лошадей еще быстрее.

За четыре часа они проехали расстояние в сорок пять миль от Киото до реки Минато. У реки Минато Токиудзи сказал: «Наши лошади слишком устали, чтобы догнать врага до конца дня. Дадим им отдохнуть, а потом продолжим погону».

Но сын Токиудзи, офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца, которому тогда было четырнадцать лет, отобрал несколько молодых нетерпеливых воинов, собрал их вместе и

сказал: «Бегущий враг боится нас, поэтому они будут идти и ночью. Мы не можем ждать рассвета только потому, что наши лошади устали. Если мы поступим так, то не сможем настичь врага и убить его. Тот из вас, кто хороший наездник, согласится со мной. Не будем ничего говорить губернатору, моему отцу. Догоним врага сегодня же и убьем его!»

С этими словами он вскочил на лошадь. За ним последовали и другие воины. Всего их оказалось двенадцать, самым младшим среди них был Кобаяси Минбунодзэ. Всадники ринулись в ночь и возобновили погоню.

За ночь они проехали около сорока миль. Когда они добрались до реки Каку, забрезжила заря. Они посмотрели на противоположный берег через просветы «тумана над рекой», сквозь которые, говорят стихи, «видно рукава людей вдалеке»*. Около тридцати человек, явно не похожих на обычных путешественников, погоняли своих лошадей, слышался беспорядочный топот копыт. Сразу же определив, что это Энья со своими воинами, офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца подъехал к кромке воды и закричал: «Господа, вы так спешите! Я вижу господина Такасака и его людей, не так ли? Сейчас, когда сам сёгун считает вас врагами, и мы преследуем вас, как далеко думаете, вы сможете убежать? Оставайтесь на месте и сражайтесь, как подобает воинам. Может быть, тогда вы сохраните свои имена в памяти потомков так же долго, как и эта река!»

Энья Рокуро, младший брат Такасада, повернулся к своим воинам и сказал: «Я готов сразиться и умереть здесь. Вы же ежайте вперед и отстреливайтесь из луков как можно дольше, чтобы брат мог спастись. Ни в коем случае не ввязывайтесь в бой все сразу!»

Рокуро обсудил со своими воинами план сражения и наказал им, как действовать после его смерти. Потом с шестью всадниками он повернул назад. Офицер Правого крыла стражи Внешнего дворца бросился в реку со своими двенадцатью спутниками. Когда они, выстроившись в ряд, начали выезжать из реки, Рокуро и его воины стали стрелять в них с берега из луков. Офицер, прежде чем выскочить на берег, получил три стрелы:

одна попала в перья шлема, а две других пронзили рукав. Энья Рокуро выхватил меч, и воины ринулись друг на друга.

Рокуро сбил с лошади Кобаяси Сакёносукэ и уже готовился отрубить ему голову, но тут подлетел сын Токиудзи, набросился на Рокуро и убил его. Остальные шестеро воинов также погибли. Потом сын Токиудзи и его самураи развесили головы поверженных врагов вдоль дороги и опять бросились в погоню, даже не отдохнув.

За это время Энья Такасада ускакал со своими людьми вперед миль на три. Но лошади устали и не могли двигаться дальше, поэтому они оставили их и пошли дальше пешими. Такасада решил, что оставаться на главной дороге нельзя. У станции Готяку они свернули и направились к горе Осю. Когда сын Токиудзи стал настичь их, трое воинов Такасада остановились и, спрятавшись за соснами, стреляли в преследователей из луков так быстро, как только могли. Шестеро ехавших впереди было убито. Когда стрелы закончились, они выхватили мечи и сражались до тех пор, пока не погибли. Это позволило Такасада спастись. Лошади преследователей тоже устали. Сын Токиудзи понял, что далее гнаться за Такасада невозможно, и повернул с оставшимися в живых воинами назад.

В последний день третьего месяца Такасада добрался до провинции Идзумо. В первый день четвертого месяца Ямана Токиудзи, губернатор Идзу и командующий отрядом, вместе с сыном и тремястами всадников прибыл в Ясуги в той же провинции. Токиудзи сразу же обнародовал по всей провинции приказ: «Мятеж Такасада провалился. Мы прибыли покарать его. Любой, кто убьет его и принесет его голову, даже если он не имеет ранга и не является самураем, получит награду».

Жадность обуяла не только тех, кто не знал Такасада, но и его дальних и близких родственников, когда они услышали об этом. Все позабыли о полученных от него милостях. И его воины, и воины из других провинций перекрыли дороги и ждали в засаде или металась туда и сюда, охотясь за ним.

Такасада, так и не найдя убежища хоть на один день, решил укрыться на горе в Сасау и сражаться. Он спешно направился туда, как вдруг увидел молодого слугу, спасшегося в сражении на дороге в Тамба. Слуга подбежал и сказал: «Господин, для кого вы спасаете свою жизнь? Зачем вы хотите строить крепость? Воины, сопровождавшие вашу жену,

* Намек на стихотворение об осени, написанное матерью Главного советника Минамото-но Цунэнобу, включенное в «Го-сюю сю» (№ 324): «Неужели рассвет? Через просветы в тумане над рекой видны рукава людей вдалеке».

были настигнуты врагами в местечке Кагэяма в Харима. Они убили вашу супругу и сыновей, а потом, все до единого, покончили с собой. Я, ничтожный, убежал только для того, чтобы передать вам это».

Едва закончив, слуга вспорол себе живот и упал перед лошадей Такасада. Разъяренный, Такасада произнес: «Я не мог даже короткое время прожить без дорогой жены и детей, а теперь их нет. Зачем же мне жить? Как это ужасно. Пусть я семь раз буду рожден врагом Моронао, пусть он узнает, что это значит для нас».

Он пронзил себя мечом, упал с лошади и умер. К тому времени с ним остался только один воин, Кимура Гэндзо, ибо Такасада отослал тридцать остальных воинов искать место, которое можно было бы превратить в крепость. Гэндзо спрыгнул с коня, отрубил Такасада голову, обернул ее плащом и зарыл на рисовом поле неподалеку. Потом он вспорол себе живот, вытащил свои внутренности, прикрыл ими шею Такасада, прислонился к мертвому телу и так умер.

Воины Токиудзи прошли по следам Гэндзо к рисовому полю, выкопали голову Такасада и послали ее Моронао.

Среди тех, кто стал свидетелем этих событий или слышал о них, не было ни одного, кто бы не говорил: «Господин Энъя слыл честным человеком, не совершившим ни одного преступления. Оклеветанный, он рано закончил жизнь. То же случилось и с Ши Цзи-лунем из царства Цзинь, который был убит из-за Лу-чжу, которая увяла, подобно цветку, в Цзинь-гу»*.

Моронао и впоследствии совершал злые деяния и, в конце концов, был убит. Мы полагаем, что справедливо говорят: «Тем, кто приносит пользу другим, Небо обязательно дарует счастье; тем, кто вредит другим, Небо обязательно принесет беду»**.

* Ши Цзи-лунь был казнен из-за того, что отказался отдать свою любимую наложницу Лу-чжу.

** Фраза из «Мэн-цзы»: «Тем, кто любит других и приносит пользу другим, Небо дарует счастье; тем, кто клеветает на других и вредит другим, Небо приносит беду».

Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин: Два полководца

В период «Сражающихся царств» в Японии прославилось несколько выдающихся полководцев. Имена двух из них, Такэда Сингэна Харунобу (1521–1573) из Каи и Уэсуги Кэнсина Тэруто-ра (1530–1578) зачастую упоминаются рядом друг с другом. Соседи, они отличались абсолютно противоположными характерами и пять раз сражались друг с другом в местечке Каванакадзима. Сингэн был великодушным администратором и заставил одного из своих вассалов подробнейшим образом записывать свои слова и деяния. Кэнсин же был воином, искренним и простым, чьим рыцарским духом восхищались даже его враги, в том числе и Сингэн.

Взгляд Сингэна на управление страной ярко представлен в следующем стихотворении:

Люди — это замок, каменные стены и ров.
Сострадай, получишь друга, мстя,
получишь врага.

Есть известная история о том, как ученый-конфуцианец Огю Сорай (1666–1728) посетил место, где прежде находилась резиденция Сингэна, и был удивлен ее малыми размерами:

О, господин Кидзан [Сингэн], исполненный несравненной военной доблести, вел войска из провинций Каи, Синано, Суруга, Хида и Кодзукэ. Его непоколебимость сокрушила военачальников восточных провинций; никто не мог противостоять ему. Но какая же его резиденция маленькая и простая в сравнении с его великими заслугами!»

Возможно, Сорай несколько преувеличивает, ибо сам Сингэн даст в высшей степени заслуживающую доверия оценку своего достойного противника, Кэнсина. Когда он понял, что дни его сочтены, он собрал своих лучших коман-

дилов и дал им наставления. Одно из них было обращено к его наследнику, Сиро Кацуёри (1546–1582):

Что касается Кацуёри, то он должен первым делом примириться с Тэрутора. Кэнсин настолько благородный воин, что не позволит себе пренебрежительного отношения к молодому Сиро. Особенно если он заговорит с ним и скажет: «Могу я положиться на вас?», значит, все в порядке. Я, Сингэн, болел ребячеством и так и не смог сказать Тэрутора: «Я полагаюсь на вас». И даже на исходе дней моих я не смог заключить с ним мир. Кацуёри должен отправиться к Кэнсину и произнести: «Я полагаюсь на вас». Кэнсину это можно сказать без всякого смущения*.

Мы берем описание этих выдающихся людей из двух источников: «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии»), написанной по-китайски историком и поэтом Раи Сантё (1780–1832), и «Коёгункан» («Военная история великих людей Кан»), приписываемой Обата Канбэ Кагэнори (1573–1663). Из последней книги взят рассказ о самой знаменитой битве между двумя полководцами. Оба сочинения обвиняли в исторической неаккуратности, но в то же время восхваляли за достижение поставленных целей. Ибо Сантё преуспел в создании ярких портретов многих знаменитых полководцев Японии, а Кагэнори умело воссоздает картину того, как военачальники пытались управлять во времена войны и мира.

Согласно повествованию, Сингэн перестал носить фамилию Кацутиё и стал Харунобу. То же произошло и с Кэнсином. Поначалу он носил фамилию Нагао. Фамилию же Уэсуги он получил лишь в 1561 г., когда Уэсуги Норимаса (1523–1579) даровал ему свой титул *Канто канрэй* («генерал-губернатор Канто»).

* Примерно то же писал и Ходзэ Удзиясу (1515–1571). Сравнивая некоторых своих современников-полководцев, он отмечал: «Кэнсин — это единственный, кто, согласившись однажды что-то сделать для вас, выполняет свои обязательства, невзирая на себя самого. Вот почему я мечтал бы получить его нижнюю рубашку, чтобы, разорвав ее, дать каждому из своих молодых командиров ее кусочек в качестве амулета. Если бы мне суждено было завтра умереть, Кэнсин был бы тем единственным человеком, кого бы я попросил позаботиться о моей семье».

Плохие отношения Сингэна с отцом

[Такэда] Нобутора победил в сражении [губернатора Кадзуса] Кусима, сильного воина из Суруга. В этот день у него родился сын, которого назвали Кацутиё*; позднее он получил имя Харунобу. Ребенок был спокойным и хитрым. Нобутора благоволил младшему сыну Нобусигэ и хотел освободиться от Харунобу. Харунобу намеренно прикидывался туповатым и глупым, чтобы скрыть свое подлинное начало. Если случалось так, что его сравнивали с Нобусигэ, всегда выходило, что Харунобу уступает брату. В конце концов Харунобу тайно вошел в заговор с Имагава Ёсимото, губернатором Суруга**. Ёсимото был женат на его сестре. В пятый год эпохи Тэнбун [1536] Ёсимото обратился к императорскому двору с просьбой об усыновлении Харунобу, затем посвятил его в мужчины и назначил исполнителем церемоний и губернатором Синаю.

В одиннадцатом месяце Нобутора вместе со своими воинами вошел в Синаю и напал на крепость Унинокути. Комендант крепости Хирага Гэнсин отразил нападение. Нобутора призвал 8000 воинов и снова атаковал замок, но в течение всего следующего месяца так и не смог взять его. Повеял снег. Командиры Нобутора собрались на совет и решили: «Двенадцатый месяц заканчивается. Нужно уходить. Враг не будет преследовать нас».

Нобутора решил так и поступить. Харунобу попросил разрешения отступить последним. Нобутора рассмеялся и сказал: «Ты хочешь идти последним, ибо знаешь, что враг не отправит за нами погоню. Нобусигэ никогда бы так не поступил». Но Харунобу настоял на своем и с тремястами воинами отступал последним. Когда основные силы ушли вперед на несколько миль, Харунобу остановился на отдых и сказал своим воинам: «Не снимайте доспехи. Не расседывайте ло-

* «Победа навсегда». Подобные имена были весьма распространены в то время.

** Ёсимото (1519–1560) пользовался большим влиянием. Позднее в битве Окэхадзама он будет убит Ода Нобунага (1534–1582). В данном сочинении Нобунага, начавший объединять Японию, изображается хитрым и трусливым человеком.

шадей. Покормите их, а потом поешьте сами. Мы уходим около четырех утра. Будете следовать за мной».

Воины про себя осудили его: «Ветер и снег просто ужасны. Зачем такая предосторожность?»

В четыре утра Харунобу быстро свернул лагерь. С тремястами всадников он помчался обратно к Унинокути и к рассвету добрался до замка.

Гэнсин уже отпустил своих воинов домой и остался в замке всего с сотней человек. Харунобу разделил воинов на три отряда. Во главе первого отряда он пошел на штурм, а остальным приказал ждать и быть наготове. Защитники замка не знали, сколько врагов идет на них, и сдались без сопротивления. Харунобу обезглавил Гэнсина и вернулся с его головой к Нобутора. Воины Нобутора были очень удивлены, но сам Нобутора не только не похвалил его, но и укорил: «С твоей стороны было трусостью оставить замок». Его командиры втайне восхищались Харунобу, но не осмеливались похвалить его. Сам же Харунобу продолжал прикидываться туповатым.

Нобутора отличался необузданным нравом и не был последователен в применении наград и наказаний. Люди в его провинции страдали от этого. Харунобу тайно договорился со старшими вассалами Обу Хёбу и Итагаки Нобутака укрепить узы дружбы с Имагава Ёсимото. Ёсимото, обеспокоенный отчаянным сопротивлением Нобутора, хотел, помогая Харунобу, прибрать к рукам провинцию Нобутора. Последний ничего не знал об этом.

В пятом месяце седьмого года [1538] Нобутора решил отправить Харунобу в Суруга. Он оставил сына под опекой Обу и сам направился в Суруга, чтобы посоветоваться насчет этого с Ёсимото. Однако Ёсимото задержал его и не позволил вернуться обратно. Так Харунобу стал полновластным хозяином Кан. Все самураи охотно подчинились ему и выполняли его приказания.

Но соседние провинции, узнав о беспорядках, решили воспользоваться положением. К тому же многие крестьяне Синано примкнули к Мураками Ёсикиё. В шестом месяце комендант замка Сува Ёрисигэ и комендант замка Фукаси Огасавара Нагатоки соединили свои силы и с 10000 воинов пошли в наступление. Харунобу оставил обороняться командующего конницей Хара, губернатора Кага, а сам с 6000

воинов пошел к Нирасаки навстречу противнику. Он собрал в Кага и Футю 5000 крестьян и торговцев, велел взять каждому бумажное знамя и под барабанный бой идти впереди с боевыми криками. Враг отступил и побежал.

Сингэн расширяет свои земли

Харунобу стал высокомерным и жестоким: он проводил время в пиршествах и прочих удовольствиях, писал китайские стихи и позабыл об управлении. Ни один из вассалов не осмелился предостеречь его. Итагаки Нобуката притворился больным и, тайно пригласив к себе в дом монаха, знатока китайской поэзии, два месяца изучал стихосложение. Потом он покинул свой дом и на одном из пиров предложил показать свое искусство. Харунобу не поверил ему. Но Нобуката настаивал, и наконец ему было позволено. Там же он составил стихи на пять данных тем. Харунобу был очень доволен и спросил: «Как вам удалось достичь такого мастерства?»

Нобуката воспользовался случаем и сказал: «Господин, ваш отец действовал настолько неразумно, что вы в конце концов прогнали его. Теперь же вы ведете себя так же, как и он. Разве не может случиться, что с вами поступят, как вы поступили с ним?»

Харунобу был потрясен сказанным и вновь стал уделять внимание управлению.

В третьем месяце одиннадцатого года [1542] Ёсикиё, Нагатоки, Ёрисигэ и Кисо Ёситака собрали в Синано воинов и напали на Харунобу. Его военачальники тряслись от страха. Но Харунобу сказал: «Их четверо, они вместе, но между ними наверняка нет согласия. Мы вступим в сражение и разобьем их».

Харунобу пошел на хитрость: он расширил ров и увеличил высоту земляных валов. Четверо полководцев восприняли это как проявление робости и без колебаний вторглись на земли Харунобу. Харунобу выступил ночью под прикрытием сильного дождя, напал на врагов и нанес им тяжелое поражение. Четверо военачальников перестроили войска и подошли к Хирасава. Харунобу снова бросился на них и опять победил. После этого они пытались нападать на него каждый год, но Харунобу всякий раз одерживал победу.

Харунобу принял на службу Ямамото Кансукэ. Тот был родом из Микава и страдал косоглазием. Одно время он изучал военную стратегию с неким Огата и искал должности у Имагава Ёсимото. Но старые вассалы с подозрением отнеслись к нему, да и сам Ёсимото не увидел в нем ничего особенного. Несколько лет Кансукэ жил нахлебником, пока Итагаки Нобуката не прослышал о его способностях и не порекомендовал его Харунобу. Харунобу вызвал его, побеседовал с ним и остался очень доволен. Тут же он назначил Кансукэ содержание в 200 кан* и дал ему имя Харуюки.

В одиннадцатом месяце Харунобу с помощью стратега Харуюки взял девять замков в Синано. В тринадцатом году [1544], используя талант Нобуката, он заманил в ловушку и убил Сува Ёрисигэ и взял в наложницы его дочь. На следующий год она родила Кацуёри: его назвали Сиро. У Харунобу уже был сын — Ёсинобу. Он назначил своим наследником Ёсинобу, а Кацуёри пожаловал дом Ёрисигэ. В пятый месяц четырнадцатого года [1545] Харунобу разгромил Огасавара Нагатоки и Ина.

В третьем месяце пятнадцатого года [1546] он напал на замок Тоиси. На помощь осажденным пришел Мураками Ёсикиё с 6000 воинов. Лучшие воины Харунобу, Амари Бидзэн и Ёкота Биттю, погибли, и, казалось, он вот-вот будет разгромлен. Но тут Харуюки сказал: «Господин, не пытайтесь остановить передовые силы врага. Передвиньте их вправо, и тогда мы победим». Харунобу удивился: «Даже мои воины не всегда выполняют мои приказания. Как же я могу по своей воле передвинуть врага?»

Харуюки попросил снять воинов с тыла и ударить по левому краю противника. Армия Ёсикиё ушла вправо. Тут воины Харунобу воспряли духом, пошли вперед и разгромили врага. За это содержание Харуюки было увеличено до 800 кан. Харуюки отправился с визитом в Суруга. Все те, кто смеялись над ним, теперь превозносили его. Ёсимото жалел о том, что не взял его к себе.

Узнав, что воины Каи устали в Тоиси, полководцы Уэсуги с 20000 человек двинулись через проход Усуи. Харунобу отправил обороняться Нобуката. Затем он сам принялся за

дело. В девятом месяце он напал на армию Уэсуги и разбил ее. Отличились Санада Юкитака и его сын Масаюки. Используя стратегию Юкитака, Харунобу заманил в ловушку и убил 500 отборных воинов под началом Мураками Ёсикиё.

В восьмом месяце шестнадцатого года [1547] Харунобу взял замок Сига. Ёсикиё послал армию в Уэдахара. Итагаки Нобуката, командовавший авангардом, только что одержал победу и не был готов к битве. Ёсикиё, воспользовавшись этим, напал на него со всей своей армией и убил его. Харунобу поспешил к нему с подкреплением. Ёсикиё ворвался в лагерь Харунобу и даже вступил с ним в поединок, но неожиданно упал с лошади и в конце концов потерпел поражение.

В восьмом месяце восемнадцатого года [1549] Харунобу вторгся в Кодзукэ. Он также сражался с Огасавара Нагатоки на поле Сува и обратил его в бегство. В третьем месяце девятнадцатого года он вновь вторгся в Кодзукэ. Нагатоки, услышав, что Харунобу пришел снова, тут же отступил.

В это время Имагава Ёсимото заключил родственный союз с Ходзэ Удзиясу, генерал-губернатором Сагами. Затем, от имени Удзиясу, он обратился к Харунобу с просьбой: «Удзиясу собирается сражаться с Уэсуги и взять Кодзукэ. Он хотел бы, чтобы вы не двинулись вперед него». Харунобу согласился и заключил договор с Удзиясу и Ёсимото.

В тот же год Харунобу побрил голову и взял имя Сингэн. Взглянув на себя в зеркало, он сказал: «Мое лицо напоминает облик Акала»*. Он вызвал художника и приказал написать свой портрет. Потом, добавив к нему меч и веревку, произнес: «Даже если кто-нибудь из четверых соседей вторгнется в наши земли после моей смерти, он не посмеет совершить жестокости, если увидит этот портрет».

Сингэн вновь напал на Мураками Ёсикиё. Он также атаковал Такакина, Суда и Симадзу. В двадцать втором году [1553] он вторгся во все земли вокруг Каванакадзима. Ни Ёсикиё, ни другие воины не могли противостоять ему. Они

* Акала — злое воплощение Вайрокана, центрального солнца. В Японии обычно изображался в виде демона, с обнаженными зубами и жестокими глазами, сидящего на скале в обрамлении языков пламени. В правой руке он держит меч, в левой — веревку.

* Эквивалентно 1000 коку (или 5000 бушелям риса).

посоветовались и решили, что усмирить Сингэна может только Уэсуги Кэнсин. Поэтому все они присоединились к нему.

Ссора Кэнсина с братом

У [Нагао] Тамэкагэ было четыре сына. Первого звали Харукагэ, второго — Кагэясу, третьего — Кагэфуса, а последнего — Кагэтора. В детстве Кагэтора звали Торатиё, он был рожден от второй жены Тамэкагэ. В возрасте восьми лет он был хитрым и молчаливым. Тамэкагэ не любил его и отправил в Тотю, чтобы отдать в монахи. Однако монашество не пришлось ему по душе. Когда Тамэкагэ умер, многие самураи изъявили верность Кагэтора.

Был один министр, по имени Тэрута Хитати, к которому благоволил Тамэкагэ. Увидев, что Харукагэ — посредственный человек, Хитати замыслил со своими сыновьями Куродо Хидэтада и Канацу и хозяином замка Сандзэ Нагао Тосикагэ сделать наследником Харукагэ и убить Кагэясу и остальных. Кагэфуса бежал. Они преследовали его и убили у внешних ворот. Кагэтора, которому тогда было тринадцать лет, тоже бежал. Стражник у ворот спрятал его под бамбуковым полом. Когда наступила ночь, стражник открыл подпол и увидел, что Кагэтора спит. Он разбудил его и выпустил. Кагэтора отправился в храм Касугасан. Монах взял его за руку, отвез в Тотю и спрятал там в доме мужа своей кормилицы Хондзё Ёсихидэ. Ёсихидэ и Усами Садаюки очень заботились о нем. Садаюки занимал пост командующего в клане Уэсуги. Он любил читать и хорошо знал астрономию и военную стратегию. Он решил помочь Кагэтора, и между ними установились близкие отношения.

Кагэтора узнал, что мятежник не оставит его в покое и будет преследовать, и тогда покинул свое пристанище. Он и его четырнадцать спутников надели соломенные сандалии и стали похожи на странствующих монахов. Взобравшись на гору Ёнэ, он взглянул на лежавший внизу город и сказал: «Когда-нибудь, когда я соберу армию, чтобы вернуть свои земли, я поставлю лагерь здесь». Они добрались до Сэнданно*. Кагэтора заплакал, помолился и произнес: «Я, ваш сын,

клянусь, что уничтожу вашего врага и успокою вашу мятущуюся душу». Потом он прошел по провинциям Хокуруки и Тосан, внимательно осматривая расположение гор, рек, замков и озер и нанося их на карту.

Кто-то донес мятежнику о местонахождении Кагэтора. Тот послал войска. Кагэтора вместе с Ёсихидэ и Садаюки собрал армию. Он взял замок Тотю, сделал его своей резиденцией и стал ждать приказаний Уэсуги Сададзанэ.

Весной тринадцатого года [1544] Тосикагэ и Хидэтада напали. Кагэтора не только смог защититься, но и покарал их: Тосикагэ был убит, а Хидэтада — обращен в бегство. В следующем году Кагэтора послал в Киото Дзингё Масацуна, чтобы просить императорского указа уничтожить мятежника. В пятнадцатом году мятежник напал несколько раз, но Кагэтора всякий раз одерживал победу.

В шестнадцатом году [1547] Харукагэ послал одного из членов клана Масакагэ с большим войском. Садаюки хотел выйти и сражаться. Кагэтора взобрался на башню, посмотрел на врага и сказал: «Враг пришел издалека и отрезан от снабжения. Он не останется здесь надолго. Если мы подождем, пока он начнет отступать, и нападём на него, то можем победить».

После полуночи Масакагэ, как и ожидалось, стал отходить. Кагэтора открыл ворота и во главе 3000 всадников бросился за ним. В Симохама он вступил в битву и обратил врагов в бегство. Когда противник достиг горы Ёнэ, Кагэтора остановился. Когда же враги уже собирались было войти в ущелье, Кагэтора со своими воинами вновь бросился в погоню и разбил их.

Садаюки повернулся к своим военачальникам и спросил: «Знаете ли вы, почему наш господин остановился на какое-то время?»

«Нет, не знаем», — ответили те.

Садаюки сказал: «Если преследовать врага, когда он карабкается по крутому склону, он повернется и нападет. Если же позволить ему вступить в ущелье и напасть сверху, он не сможет остановиться. Наш господин молод, но, как мы видели, он умеет и оценивать положение, и сдерживать себя. Он намного превзошел все то, что смог бы придумать я». Масакагэ сдался, а Харукагэ, загнанный в угол, покончил с собой.

* Где Энами Кадзусэри заманил в ловушку и убил его отца Тамэкагэ.

В восемнадцатом году [1549] люди земель Кагэтора стали просить его вернуться. Тэрута и другие, засев в Сандзё, все еще не сдавались. В следующем году Кагэтора напал на Сандзё, уничтожил замок и убил Тэрута. Мятежник с оставшимися воинами укрепился в двух замках в Нияма и Куротаки. Кагэтора хотел уже идти в последнее наступление, но тут умер Уэсуги Садазанэ, и он не смог исполнить своего намерения. В двадцатом году он послал с армией одного из своих военачальников, Таканаси Садаёри, который напал на замок Нияма, взял его и убил Курода Хидэтада. Усами Садаюки взял замок Куротаки и убил Канацу. В Этиго воцарился мир.

В двадцать первом году [1552] все командиры и воины пожелали иметь своим господином Кагэтора. Кагэтора сказал: «И знатные, и низкие вынудили меня пойти войной против собственного брата. Я не ожидал, что он покончит с собой. Теперь, если я стану правителем Этиго, весь мир скажет, что я отнял эти земли. Ныне здесь царит мир. Вы можете выбрать другого господина. Я уйду, стану монахом и тем самым покажу, каковы были мои сокровенные побуждения».

Он обрил голову и взял имя Кэнсин. Когда он уже был готов отправиться на гору Коя, все военачальники подписали прошение, в котором умоляли его остаться и управлять землями. Кэнсин сказал: «Вы хотите иметь господина, ибо намереваетесь следовать его приказанием. Если вы не намерены следовать приказанию, то господин вам не нужен. Если вы согласны не перечить приказанию, которые я впредь буду отдавать, я останусь».

Он произнес клятву перед воинами, а на следующий день собрал шестнадцать чиновников, пренебрегавших его приказаниями, и казнил их в храме Ринсэн. Военачальники трепетали от страха*.

* По всей видимости, казнь шестнадцати чиновников — преувеличение. Сохранилось длинное письмо Кэнсина к своему духовному наставнику, датированное двадцать восьмым числом шестого месяца 1556 г., в котором он говорит о своем желании стать отшельником. Но вскоре в Этиго вновь начались распри. Тогда Кэнсин изменил свое решение, собрал своих вассалов и вождей могущественных кланов, заставил их письменно поклясться в своей верности и, по обычаю тех дней, отдать ему в заложники своих ближайших родственников.

В пятом месяце Кэнсин был назначен помощником Главного Цензора и получил первую ступень пятого ранга. Он сказал: «Подданному императора не подобает получать посты и ранги, не выразив при этом благодарности». Во втором месяце двадцать второго года [1553] ему разрешили пройти с 2000 воинов через провинции и по дороге Хокурику прибыть в Киото. Первым делом он отправился во дворец, а потом имел аудиенцию у сёгуна Ёситэру*. В пятом месяце он вернулся обратно.

Битвы Кэнсина с Сингэном при Каванакадзима

Мураками Ёсикиё, Таканаси Масаёри, Суда Тикамицу, Симадзу Норихиса и другие прибыли из Сина, чтобы покориться. Они попросили аудиенции у Кэнсина и сказали: «Господин, на нас напал Такэда Сингэн, и мы не знаем, где спастись. Мы слышали о вашей великой славе. Мы будем благодарить вас, если вы протянете нам руку и спасете нас».

Кэнсин сказал: «Вы ничуть не хуже других. Тем не менее, вы пришли сюда и говорите, что вверяете себя мне. Вы знаете меня. Я положил конец раздорам в своих землях. Враги моего отца — Кага и Эттю. Я всегда хотел уничтожить эти провинции, моя конечная цель — поднять свой знамен в Киото. Это все, что я хочу. Я не смогу называться настоящим воином, если встречу кого-то, кто знает меня, и не сделаю для него того, что могу».

Затем он спросил Ёсикиё: «Скажите мне, как Сингэн использует своих воинов?»

«Когда он идет со своими войсками, — сказал Ёсикиё, — он не пребывает долго ни на марше, ни в каком-либо одном месте. В каждом сражении его цель — полная победа».

«Его цель — полная победа, — сказал Кэнсин, — ибо его подлинное желание — возделывать землю. Я не таков. Я

* Ёситэру (1536–1565) — тринадцатый сёгун Асикага. Сёгунат Асикага находился уже на грани краха. Ёситэру будет убит Мацунага Хисахидэ (1510–1577), одним из самых влиятельных узурпаторов.

встречаю врага и сражаюсь с ним. По сути, я хочу лишь затупить свой меч».

Он приказал всем воинам собраться двенадцатого дня десятого месяца в Одахама. Во главе 8000 всадников он вторгся в Синано и сжег несколько замков, принадлежавших клану Такэда. Продвинувшись вперед, в первый день одиннадцатого месяца он стал лагерем у Каванакадзима.

Узнав об этом, Сингэн попросил у Имагава подкрепления и с 20000 пехоты отправился к переправе Амэномия. Следить за врагом были посланы Ямамото Харуюки и еще трое воинов. Вернувшись, они доложили: «Армия Этиго бдительна, господин. Следует выставить караулы и одолеть врага без сражения».

Сингэн последовал совету. Обе армии расположились по берегам реки друг против друга. Кэнсин вызвал Сингэна на поединок. Сингэн не вышел на бой. Двадцать семь дней армии стояли лицом к лицу. Наконец, Кэнсин отправил гонца и передал через него: «Господин, я слышал, что ваш путь использования армии заключается в том, чтобы не оставаться долго на одном месте. Почему вы не сражаетесь? У меня нет на вас ни обиды, ни злобы. Я поступаю так только из-за Ёсикиё и других. Могу ли я спросить, почему вы отнимаете у них земли? Если вы не хотите сражаться со мной, верните им отнятое. Если же вы не хотите возвращать земли, тогда сражайтесь со мной».

Сингэн ответил так: «С вашей стороны в высшей степени справедливо защищать Ёсикиё. Однако пока я жив, повашему не бывать. Если хотите сражаться, начинайте первым».

«Согласен», — сказал Кэнсин.

Он созвал совет и пообещал начать сражение на следующее утро. Ночью он отдал приказания, построил семь отрядов в круговой порядок и на рассвете двинулся через мост. Сингэн, собрав в кулак четырнадцать отрядов, попытался отбить атаку. С шести утра до двух пополудни они сражались за мост, преследуя и оказываясь преследуемыми сами. Исход битвы так и не был решен. Кэнсин разделил свои силы, приказав одному из отрядов перейти реку выше по течению и зайти в тыл армии Каи. Были убиты Ёкота Гэнсукэ, Итагаки Сабуро и еще семь командиров из Суруга. Но и среди воинов Этиго

тоже было много убитых и раненых. Кэнсин собрал свою армию и отступил.

Четвертая битва при Каванакадзима*, согласно «Коёгункан»

В шестнадцатый день восьмого месяца четвертого года Эйроку [1561] из Каванакадзима, Синано, прибыл гонец и доложил: Тэрутора стоит лагерем на горе Саидзё перед замком Кайдзу и говорит, что уничтожит его. В его армии 13000 воинов.

Восемнадцатого дня того же месяца Сингэн покинул Кофу и двадцать четвертого подошел к Каванакадзима. Он стал лагерем на том же склоне горы Саидзё, что и Кэнсин, и занял переправу Амэномия. Воины Кэнсина испугались и сказали, что теперь обратный путь в Этиго отрезан и они оказались «в мешке». Но Тэрутора не проявлял никакого беспокойства.

Сингэн пять дней стоял на месте, а на шестой, двадцать девятого, перешел переправу Хиросэ и вступил в замок Кайдзу. Кэнсин же не послушался своего советника и остался на горе Саидзё. Обу Хёбу уговаривал Сингэна начать сражение. Но Сингэн вызвал младшего чиновника Ведомства по общественным делам Баба и спросил его мнение. Баба тоже посоветовал вступить в битву.

Сингэн сказал: «Двое моих способных полководцев не смогут участвовать в битве. Губернатор Ямаги Обата в июне умер, а губернатор Мино Хара получил в сражении за замок Варикадакэ тринадцать ран и еще не оправился от них». Потом он вызвал Ямамото Кансукэ и приказал ему разработать вместе с Баба план будущего сражения.

Кансукэ сказал: «Господин, из 20000 ваших воинов 12000 следует послать к лагерю Кэнсина на горе Саидзё и завтра в

* Историки полагают, что самое крупное столкновение между Сингэном и Кэнсином произошло в 1555 г., а не в 1561, как говорится в «Коёгункан». Описание пяти сражений двух полководцев Сангё тоже отличается датировкой и деталями от общепринятой концепции. Например, один из эпизодов, согласно Сангё, произошел во второй битве, в восьмом месяце 1554 г., в то время как обычно считается, что это случилось в ходе четвертой битвы в 1561 г.

шесть утра начать сражение. Войска Этиго вынуждены будут перейти через реку и отступить. Тогда отряд под началом вашего помощника и воины резерва нападут спереди и сзади и покончат с ними».

Было решено, что десять восначальников — цензор Косака, старший секретарь Военного ведомства Обу, Баба, губернатор Биттю Оямада, офицер Левого крыла стражи Внешнего дворца Амари, Санада Иттокусаи, Аики, губернатор Симодзукэ Асида, Оямада Ясабуру и губернатор Овари Обата — отправятся к горе Саидзэ и в шесть утра следующего дня начнут сражение.

Также было решено, что еще двенадцать командиров — Обу Сабуру из стражи Среднего дворца в середине, Тэнкию* и Анаяма слева, Нанто и губернатор Бунго Мородзуми справа при поддержке Хара из ведомства Хаято и Сёёкэна, двадцати-четырёхлетнего Таро Ёсинобу**, Мотидзуки, помощника начальника дворцовой кухни Атобэ, Имафуку Дзэнкуро и старшего секретаря Ведомства церемоний Асари — с 8000 воинов — выступят в четыре утра, перейдут переправу Хиросэ и займут свои позиции, чтобы напасть на врага, когда он будет отходить.

Когда Кэнсин заметил с горы Саидзэ костры, разведенные для приготовления пищи передовыми отрядами врага, он собрал своих командиров и сказал: «Мы начали сражаться пятнадцать лет назад, в год Овцы, когда Сингэну было двадцать семь, а мне, Кэнсину, восемнадцать. С тех пор мы вступали в битву несколько раз. Сингэн каждый раз старался не совершать ошибок в построении войск, и каждый раз казалось, что он победил на поле боя, а я — проиграл***».

Я вижу, что он готовится завтра начать сражение. Его намерения ясны мне, как отраженные в зеркале: он собирается разделить свою армию на две части. Одна подойдет завтра к

* Тэнкию обозначает «Ведомство лошадей» или главу этого ведомства. В данном случае имеется в виду Нобусигэ, брат Сингэна. Стоит указать, что их отец, Нобутора, благоволил не Сингэну, а именно Нобусигэ. Но после того, как Сингэн изгнал Нобутору, братья, по-видимому, ладили друг с другом.

** Сын Сингэна.

***Цель «Коегункан» — возвысить Сингэна, поэтому в уста Кэнсина вложены эти слова самоуничижения. На самом же деле чаще одерживал верх именно Кэнсин.

нашему лагерю и завяжет бой, а вторая будет ждать в засаде, чтобы напасть, когда мои помощники перейдут реку.

Но я перехитрю его. Мы сегодня перейдем реку и проведем ночь там. С восходом солнца мы нападём на резерв Сингэна и расправимся с ним прежде, чем основные силы доберутся до нас. Сингэн и я будем биться друг с другом. Мы можем или погибнуть оба, или заключить перемирие. В любом случае завтрашняя битва станет решающей!»

Тэрутора облачился в доспехи и около десяти вечера девятого дня девятого месяца свернул лагерь на горе Саидзэ и перешел через переправу Амэномия на другой берег. Он сделал это совершенно бесшумно, хотя у него было 13000 воинов, ибо, по его приказу, каждый воин Этиго приготовил утром трехразовый запас пищи, поэтому вечером не нужно было разжигать костров*.

На рассвете десятого дня девятого месяца Сингэн перешел переправу Хиросэ и, построив 8000 воинов, стал ждать сообщений от своих основных сил, посланных к лагерю врага. Но когда взошло солнце и туман окончательно рассеялся, он увидел прямо перед собой 13000 воинов Тэрутора. Кэнсин был сильным противником, и даже при равном количестве войск битва с ним таила опасность. Но у Сингэна было лишь 8000 человек, а у Кэнсина — 13000. Даже если мы победим, думали самураи Такэда, многие из нас погибнут.

Сингэн подозвал воина из Синано по имени Урано, прекрасно владевшего луком, и послал его на разведку. Вскоре Урано вернулся, преклонил колени и сказал: «Господин, Тэрутора уже ушел».

Сингэн был пронзительным полководцем. Он спросил: «Ты думаешь, что такой человек, как Кэнсин, может ночью перейти реку, а наутро просто так уйти? Как он это сделал?»

Урано сказал: «Он как будто обходил наши войска, а потом возвращался к переднему краю. Несколько раз он повторил маневр, а потом постепенно отступил к реке Саи».

* Столь успешная смена позиций такой большой армией не могла бы удалиться только благодаря тому, что не разводили костров. Скорее всего, Кэнсин оставил на горе небольшой отряд, чтобы имитировать присутствие там всех войск.

Тогда Сингэн сказал: «Я не могу в это поверить, Урано. Такое построение называется “оборот”^{*}. Его применяют, когда хотят, чтобы свои помощники столкнулись с помощниками врага. Значит, Кэнсин хочет сразиться со мной не на жизнь, а на смерть».

И Сингэн сразу же начал перестраивать свои войска. Кэнсин же оставил способного командира по имени Амакадзу, губернатора Оми, с тысячей воинов далеко позади переднего края. Командира по имени Наоэ, начальника снабжения, он поставил во главе отряда в две тысячи воинов. У самого Кэнсина осталось 10000. Затем, вместе с военачальником Какидзаки впереди Кэнсин со своими воинами яростно бросился на врага и завязал сражение.

Один из отрядов Кэнсина ринулся на правый фланг Сингэна, потеснил 400 воинов Ёсинобу с пятьюдесятью командирами и вклинился в основную массу войск Сингэна. Около 3700 человек, друзей и врагов, смешались в единую кучу, кололи, рубили друг друга, хватали друг друга за доспехи, сталкивались и падали. Кто-то вставал, держа в руке голову поверженного врага, другой кричал, что это его господин, и пронзал его копьем, а третий рубил второго мечом. Воины Каи были настолько заняты происходившим перед ними, что потеряли из виду своего полководца — Сингэна. Равно как и воины Этиго.

В этот момент какой-то воин, в бледно-зеленой безрукавке, с повязанной белым платком головой, помчался с обнаженным мечом прямо на Сингэна, сидевшего на стуле, и трижды нанес удар. Но Сингэн закрылся боевым веером. Позднее на веере обнаружили восемь отметин. Но первый помощник и телохранители, всего двадцать человек, каждый из которых отличался необыкновенной отвагой, яростно защищались, рубя всех, кто оказывался рядом — и своих, и чужих. Губернатор Осуми Хара, первый помощник, взял копье Сингэна, древко которого было инкрустировано голубыми ракушками, и бросил его в воина в бледно-зеленой безрукавке на светло-кремовой лошади, но промахнулся. Он целился в верхнюю часть туловища, но попал в переднюю часть крестца лошади.

* Построение в форме колеса, от которого непрерывно отделяются небольшие отряды и вступают в битву.

Лошадь встала на дыбы и понеслась прочь. Потом выяснилось, что это был не кто иной, как Тэрутора.

Один из адъютантов Сингэна, Обу Сабуро из стражи Среднего дворца, отразил первый натиск воинов Этиго и преследовал их около трехсот ярдов. Анаяма со своими воинами гнался за вассалом Кэнсина по имени Сибата четыреста ярдов. Все это время около Сингэна находились лишь первый помощник, двадцать телохранителей и семнадцать-восемнадцать слуг, среди них — Цутия Хэйхати и Наода Кихэй. Но Сингэн поднялся со стула и стоял недвижимо, не отступив ни на шаг.

Все девять отрядов армии Каи, и даже отряд Таро Ёсинобу, потерпели поражение и отступили к переправе Хиросэ через реку Тикума. Были убиты Тэнкю и губернатор Бунго Мородзуми, а из адъютантов и пехотных командиров — Ямамото Кансукэ, монах Доки и Хадзика Гэнгоро. Сам Сингэн получил два легких ранения руки, Таро Ёсинобу также был ранен дважды.

Казалось, что Сингэн проиграл битву, но тут подошли войска, посланные к лагерю. Десять командиров добрались до горы Саидзэ и поняли, что Кэнсин одурачил их. Услышав выстрелы и боевые крики, они изо всех сил помчались обратно, перешли реку Тикума, напали на войска Этиго с тыла и заставили их отступить.

Кэнсина сопровождал лишь один воин по имени Вада Кихэ. Кэнсин вынужден был расстаться со своим любимым конем Ходзэ Цукигэ и теперь ехал на лошади своего помощника. Он отступил к горе Таканаси.

Воин Сингэна по имени Ямадэра убил врага, везшего голову Тэнкю, отрубил ему голову и принес ее вместе с головой Тэнкю. Воин из отряда Мородзуми по имени Исигуро Горо из стражи Среднего дворца и ронин Нарусэ из Микава отбили голову Мородзуми и вернулись с головами нескольких воинов Этиго. На первом этапе этого сражения, начавшемся около шести утра, победу одержал Тэрутора из Этиго, а на втором, начавшемся около десяти, победу одержал Сингэн из Каи. Число всех убитых воинов Этиго достигло 3117. Пересчитав их, Сингэн в четыре пополудни объявил о победе. Младший чиновник Ведомства по общественным делам Баба держал меч своего господина, а Морога, воин из авангарда Синано, держал лук и стрелы.

События, последовавшие за сражениями при Каванакадзима

В восьмом месяце седьмого года Эйроку [1564] Кэнсин лично инспектировал границу с провинцией Синано. Сингэн встал прямо против него. Военачальники обоих домов пытались уговорить своих хозяев: «Господин, из-за четырех уездов вы воевали со своим могущественным врагом двенадцать лет и потеряли множество командиров и простых воинов. От этого выиграли только другие провинции. Умоляем вас, не начинайте все снова».

Кэнсин и Сингэн согласились с ними и решили решить судьбу Каванакадзима в поединке борцов. Победил борец Уэсуги. Сингэн взял только замок Кайдзу, а все остальное досталось Кэнсину. Кэнсин возвратил Мураками Ёсикиё и Таканаши Масаёри их деревни...

Ранее, Имагава Ёсимото вступил в сражение с [Ода] Нобунага, потерпел поражение и погиб. Его сын Удзидзанэ был глуп и слаб и передал управление своему фавориту Миура Ёсисигэ. Но население не подчинилось ему. Наш господин Токугава [Иэясу]* одно время служил Имагава. Теперь он стал служить Ода. Армия его росла с каждым днем. В то время [отец Сингэна] Нобутора еще был жив и скитался по Синано. Он отправил к Сингэну гонца, который передал: «Суруга в хаосе. Токугава вот-вот возьмет ее. Ты должен выступить и захватить земли». Сингэн ничего не ответил.

Провинция Сингэна не имела выхода к морю. Он получал соль из Токаи. Удзидзанэ договорился с Ходзэ Удзиясу и прекратил доставку соли. Каи серьезно пострадала. Когда Кэнсин узнал об этом, он послал Сингэну письмо: «Я слышал, что Удзиясу и Удзидзанэ причиняют вам неприятности и не дают соль. Это отвратительно и несправедливо. Я сражался с вами, но сражался луком и стрелами, а не рисом и солью. Прошу вас впредь получать соль из моих земель в таком

* Токугава Иэясу (1542–1616) основал сёгунат Токугава. Естественно, что для живших при сёгунате, в том числе и для Сангё, почтительное отношение к Иэясу было делом самым собой разумеющимся, поэтому и говорится «наш». Выходец из маленького местного клана в Микава, Иэясу большую часть первых двадцати лет жизни оставался в заложниках.

количестве, в каком вы захотите». И приказал купцам продавать Сингэну соль по справедливым ценам.

В первый год Гэнки [1570] клан, служивший Сано Масацуна, подошел к замку Иимори и восстал против Масацуна. Ходзэ Удзимаса[†] дал им 40000 воинов. Масацуна известил Кэнсина об опасности. В первом месяце Кэнсин выступил и шел непрерывно днем и ночью. Когда он узнал, что Удзимаса разделил свои войска и решил одну часть армии послать против него, а второй приказал взять замок, он сообщил своим военачальникам: «Даже если я разгромлю Удзимаса, это будет бесполезно, если мы не сможем предотвратить падение замка. Я сам проберусь в замок и буду защищать его. Вашим командиром я назначаю Ёсихару. Наступайте и сражайтесь».

Затем Кэнсин с восьмьюдесятью всадниками проехал прямо перед армией Удзимаса, в черном плаще и без доспехов, держа в руке копье. Враги указывали на него и говорили: «Это Кэнсин». Они были так напуганы, что не осмелились преградить ему путь и напасть на него. Потом подошли основные силы. Армия Удзимаса была разбита и бежала. Кэнсин спас замок Иимори, проехал по Симоцукэ и Кодзукэ и вступил в Умаябаси...

Во втором месяце второго года [1571] Сингэн повел своих воинов на восток^{**} и, добравшись до Тотоми, напал на замок Такатэндзин. В четвертом месяце он вступил в Микава и взял восемь замков. Токугава [Иэясу] пошел на помощь. Но, увидев непоколебимые и нерушимые ряды армии Каи, он не осмелился вступить в сражение. Нобунага, узнав, что Ёсияки^{***} призывает Кэнсина и Сингэна присоединиться к

* Старший сын Удзиясу (1538–1590). Он покончил с собой, когда огромная армия Тоётоми Хидэёси окружила его замок Одавара.

** Конечной целью любого полководца было «поднять флаг и ударить в барабаны в Киото», как говорит Сингэн у Сангё. Сингэн, наконец, предпринял такую попытку.

*** Ёсияки (1537–1597) — пятнадцатый сёгун Асикага. 1568 год, когда Нобунага вошел в Киото и подтвердил легитимность Ёсияки-сёгуна, традиционно считается годом окончания периода «Сражающихся царств» в Японии. Ёсияки считал Нобунага лишь помощником. Нобунага же считал Ёсияки своей маршпеткой. Их отношения сразу же стали натянутыми, и Ёсияки все время искал поддержки других полководцев, пытаясь поставить Нобунага на место.

нему, страшно перепугался. Он начал льстить Сингэну и послал ему письмо с извинениями, в котором говорилось: «Иэясу подошел к вашим землям слишком близко, что было ошибкой с его стороны. Я укажу ему на это. Я буду очень благодарен, если вы не станете наказывать его». Сингэн ответил так: «Я не понимаю, о чем вы говорите».

Токугава отправил к Кэнсину двух гонцов в надежде установить союз и, заверяя в своей преданности, предложил напасть на Сингэна с двух сторон. Сын Мураками Ёсикиё, Куникиё, находившийся в Этиго, поддержал его. В четвертом месяце третьего года [1572] Кэнсин с 10000 воинов отправился в Синано и сжег Наганума, тем самым заявив о своей поддержке. Кацуёри узнал об опасности в Ина и с восемьюстами воинов пошел ему навстречу. Кэнсин сказал: «Он хочет противостоять мне с таким малочисленным войском. Несомненно, он достойный сын Сингэна. Что ж, добавим ему славы отважного воина». Он отвел свою армию, вступил в Эттю и подчинил кланы Сиина и Дзинбо.

В десятом месяце Сингэн, воспользовавшись тем, что Кэнсин не может выступить из-за снегопада*, вновь пошел на Тотоми и взял замок Футамата. Нобунага тайно послал войска на помощь Токугава. В двенадцатом месяце Сингэн занял позиции на поле Миката, угрожая замку Хамамацу. Он бросил вызов и сжег город вокруг замка. Но защитники замка не вышли. Сингэн изобразил отступление. Обороняющиеся бросились в погоню. Губернатор Ното Уэхара сказал Оямада Масаюки: «Войска Токугава построены бесхитростно. Я вижу знамена Ода. Мы разобьем их».

Масаюки отправил послание Сингэну. Сингэн отвел свои войска обратно. Масаюки вместе с Кацуёри, Ямагата Масакагэ и Баба Нобумаса шел впереди. Вначале Масаюки и Масакагэ отступили. Кацуёри же и Нобуфуса ударили по основным силам врага. Тем временем Сингэн послал губернатора Танго, Ёнэкура на фланг. В итоге Токугава потерпел сокрушительное поражение.

Некоторые военачальники просили Сингэна напасть на Хамамацу. Косака Масанобу сказал: «Этого не стоит делать».

* Провинция Кэнсина Этиго (сегодняшняя Ниигата) находится на берегу Японского моря и знаменита сильными снегопадами.

Если мы нападём на замок и не сможем взять его в течение двадцати дней, Нобунага с большой армией придет на помощь. Если же мы будем противостоять ему несколько месяцев и Кэнсин, в конце концов, появится в Синано, мы вынуждены будем отступить. Тогда Нобунага скажет: «Я одолел Сингэна». Это повредит репутации нашего господина».

Сингэн отошел и стал лагерем в Осакабэ. В ходе битвы он захватил Хирадэ Хирохидэ, одного из командиров Ода, и послал его голову Нобунага вместе с гневным письмом, в котором говорил, что прерывает с ним всяческие отношения. Но даже после этого Нобунага не переставал извиняться.

В первом месяце первого года Тэнсё [1573] Сингэн взял замок Нода, но заболел и вернулся обратно. Нобунага просил сёгуна Ёсияки убедить Сингэна прекратить войну. Сингэн отказался, перечислив пять преступлений Нобунага. Во втором месяце его вассал Акияма Харутика принудил замок Ивамура к сдаче. Жена командующего обороной замка приходилась тетей Нобунага. Харутика взял ее себе в жены. Многие воины из Киото и окрестных земель прибыли, чтобы выразить поздравления.

Сингэн оправился от болезни и снова повел армию. Он сказал: «В этом походе я намерен дойти до Киото». С 30000 воинов он подошел к Мино. Нобунага вывел 10000 воинов. На него бросился Ямагата Масакагэ с восемьюстами всадников. Нобунага бежал без сражения и стал еще настойчивее просить мира. Но Сингэн не слушал его. Он отправился в Микава и стал лагерем в Хирая.

Смерть Сингэна

В четвертом месяце Сингэн вновь заболел. Он понял, что не выздоровеет, собрал командиров и объявил свою последнюю волю. Кацуёри он приказал возглавить клан, пока не вырастет Нобукацу*. Он предупредил его: «Вы должны избегать войны и не губить нашу страну. Если я умру, в Поднебесной останется только один достойный человек — Кэнсин. Попросите его помощи и отдайте ему наши земли. Если он

* Нобукацу — сын Кацуёри. Мы помним, что Кацуёри унаследовал семью Сува.

согласится, он никогда не объединится с соседями и не нападет на нас». Сказав это, Сингэн потерял сознание. Когда он ненадолго очнулся, он позвал Ямагата Масакагэ и сказал ему: «Завтра поднимите флаг в Сэта»*. И умер. Ему было пятьдесят три года.

Выполнив приказание Сингэна, командиры скрыли его смерть. Его брат Нобуцуна был очень похож на него, поэтому Нобуцуна посадили в паланкин и повезли обратно. Было объявлено: «Из-за болезни Сингэн возвращается домой»**. В ночь перед смертью он принял посланцев из различных земель. Он также подписал несколько сотен листов бумаги, чтобы помощники могли потом отвечать на письма. Благодаря этому никто не осмелился напасть на его земли.

Сингэн много читал. На его знамени были начертаны слова Сунь-цзы: «Недвижима, как гора; разрушительна, как огонь; спокойна, как лес; быстра, как ветер». Баба Нобуфуса как-то спросил: «Господин, ветер может быть быстрым, но разве он не затихает сразу же после того, как поднимется?» Сингэн ответил: «Ведя армию, я хочу быть быстрым, насколько возможно. Если меня не станет, мой помощник продолжит за меня». Нобуфуса сказал: «Значит, вы будете рассчитывать на вторую половину сражения, дабы достичь победы». Так господин и его вассалы относились к военному делу.

Наконец, все соседи узнали о смерти Сингэна. Ходзэ Удзимаса отправил к Кэнсину гонца с известием. В это время Кэнсин обедал. Он положил палочки и произнес: «Я потерял своего лучшего противника. Героя, подобного ему, более не будет!» После он втайне оплакивал его.

Четверо самых опытных военачальников Каи: Баба Нобуфуса, Ямагатэ Масакагэ, Нанто Масатоё и Косака Масанобу попытались убедить Кацуёри попросить у Кэнсина мира. Но Кацуёри не слушал их. Он был по природе самоуверенным и считался только с собой. Особенно он благоволил к Нагасака Тёкану и Атобэ Кацусукэ, которых считал самыми близкими еще тогда, когда был жив Сингэн. Кацуёри хотел послать

* Сэта, на левом берегу реки Сэта, в сегодняшнем городе Оцу в Сига. Традиционно считалась восточными воротами Киото.

** В «Коегункан» говорится, что это был другой брат, Нобуканэ. В фильме Куросава Акиро «Кагэмуса» представлена именно эта версия.

войска в Мино. Четверо полководцев отговаривали его, но Тёкан и Кацусукэ советовали выступить. Но случилось так, что армия Микава окружила Нагасино, и наступление сразу же прекратилось.

В пятом месяце Кацуёри послал Нобуфуса на помощь Нагасино. Воины Микава спрятались в засаде, подожгли хворост, показывая тем самым, что будто бы бежали, и стали ждать. Воины Каи хотели преследовать их. Но Нобуфуса сказал: «Дым белый. Они не сожгли лагерь». Он выслал несколько всадников на разведку. Они обнаружили в засаде воинов, подстерегавших их. Нобуфуса отступил и стал лагерем в Куросэ. Затем он сжег замок и пошел обратно. В это же время Масакагэ рвался к Хамамацу, но не достиг преимущества и вернулся.

Во втором месяце второго года [1574] Кацуёри напал на Мино и взял несколько крепостей. В пятом месяце он захватил Такатэндзин. По пути домой он устроил для своих воинов пир. Масанобу и Масатоё сказали друг другу: «Этот пир предвещает падение клана Такэда». Масанобу пытался убедить Кацуёри: «Господин, вы привыкли к победам и уже не сдерживаете себя. Возбуждать ненависть соседей — значит отказываться от долгосрочной стратегии. Вам следует вернуть земли обоим домам и заключить перемирие с тем, чтобы со временем вы смогли овладеть всей восточной областью и собрать большое войско».

Им удалось уговорить его. По их совету, Кацуёри отправился в Тотоми. Он перешел реку Тэнрю, но не встретил противника и повернул обратно. Возвращаясь, он встретил в Ино Нобутора, которому уже было под восемьдесят. Кацуёри хотел взять старика домой, но поняв, что Нобутора остался таким же вспыльчивым, как и прежде, отказался от своего намерения.

Нобунага, увидев, что соседи Сингэна и воины Каи перестали часто воевать, почувствовал, что, должно быть, Сингэн мертв, и пытался удостовериться в этом.

После смерти Сингэна все внимание Нобунага было обращено к Кэнсину. Он раболепствовал перед Кэнсином точно так же, как прежде перед Сингэном, превозносил его и осуждал себя. Свою сестру он отдал в жены Дзинбо Нагасуми, старшему брату Уэсути Ёсихару и союзнику Кэнсина. Так

внешне Нобунага породнился с Кэнсином, но втайне строил козни против него. Он пригласил к себе нескольких полководцев клана Уэсуги, которые присягнули ему на верность. Кэнсин написал гневное письмо, осуждающее его предательство. Нобунага послал ответ с извинениями, но Кэнсин не принял его.

Командиры Хатакэяма Ёситака, Юса Дандзё и другие отравили Ёситака и сдались Нобунага, передав ему в качестве трофея замок Нанао. В седьмом месяце Кэнсин с 30000 воинов отправился покорять запад. Он напал на Нагасуми у замка Кибунэ и разгромил его. Затем он двинулся к Нанао и по пути с большими усилиями взял Ното. Тогда его армией командовал Ёсихару. Юса попросил Нобунага о помощи. Но Нобунага в то время штурмовал Нагасино и не мог прийти на помощь. В девятом месяце замок пал, и Кэнсин убил Юса. Потом он дал своим воинам отдохнуть. Стояла ночь тринадцатого дня, ясная и чистая. Кэнсин роздал сакэ воинам и собрал командиров. В разгаре пира он сложил стихотворение:

В лагере холодно, осенний воздух свеж.
Чередой пролетают гуси, полночная светит
луна.

Горы Этиго, теперь вот взята Ното.
Все равно: возвращаясь домой, люди помнят
о походе.

Он отобрал воинов с хорошим слухом и велел им спеть эти стихи.

Наведя порядок в управлении землями, он пошел домой. Нобунага явился на выручку с большой армией, но узнал, что замок пал, и повернул обратно. Тем не менее, он послал к Кэнсину гонца с извинениями.

Битва при Нагасино

В этот год Нобунага склонил на свою сторону командующего Микава Окудайра Нобумаса и оставил его защищать Нагасино от Каи. В четвертом месяце третьего года [1575] некий офицер из Микава по имени Ога тайно послал в Каи письмо, заверяя, что поднимет мятеж, если Каи нападет. Кацу-

ёри занял позиции у замка Нирэ. Но узнав, что о планах Ога стало известно и что сам Ога убит, вернулся обратно.

В пятом месяце Кацуёри оставил Масанобу с 10000 воинов обороняться от Этиго, а сам с 15000 окружил Нагасино и стал лагерем в храме Доко. Своему дяде Нобудзанэ он велел защищать крепость в Тобиносу. Токугава попросил у Нобунага подкреплений. Но Нобунага не выступил. Три раза посылали гонцов, а он все не соглашался. Гонцы говорили: «Если вы не поможете нам, мы сдадим Тотоми Такэда, перейдем на их сторону и захватим Овари. К тому же Сингэн мертв. Господин, чего вы так боитесь?»

Тогда Нобунага сам повел войска. Под его началом было 70000 человек. Но даже при этом он так опасался сражения с конницей Каи, что построил три ряда частокола, за которым спрятал 10000 стрелков с аркебузами*.

Кацуёри рвался в бой. Нобуфуса, Масакагэ и Масатоеё отговаривали его: «Враг только что подошел, и дух его высок. Лучше какое-то время избегать сражения. Или же сразу напасть на замок. Мы потеряем много воинов, но уничтожим его перед тем, как идти назад».

Двое же фаворитов сказали: «В сегодняшней битве нам суждено победить двух заклятых врагов. Не слушайте этих старых и трусливых людей». На что Нобуфуса ответил: «В сегодняшней битве мы, старые и трусливые, умрем. Вы же просто побежите».

В конце концов Кацуёри приказал Мурога Юкитоси и Оямада Масаюки остаться и окружить замок, а сам двинулся вперед и перешел реку. На следующее утро враг напал на Тобиносу с фланга. Нобудзанэ был убит. В лагере стало тревожно.

Тем временем враг бросил вызов. Масакагэ находился в авангарде на левом фланге. Он бросился вперед, прорвался через частокол, но был сражен пулей. Нобуфуса находился в авангарде на правом фланге. Вместе с Санада Нориюки и

* На самом деле — 3000. В то время аркебузы стреляли менее чем на сто ярдов, и их требовалось долго перезаряжать. Чтобы компенсировать этот недостаток, Нобунага впервые разделил стрелков на три отряда и велел им стрелять по очереди. Частоколы были построены для того, чтобы как-то защититься от бешеной атаки знаменитой конницы Такэда.

Цутия Наомура он преодолел частокол. Нориюки и Наомура также погибли от пули. Муруга Юкитоси подбежал и спросил: «Господин, не лучше ли снять осаду?» «Хорошо», — сказал Кацуёри. Но к тому времени большая часть его армии погибла.

Нобуфуса отправил к Кацуёри гонца, который передал его слова: «Господин! Немедленно уходите отсюда. Умоляю вас. Я же останусь здесь и умру». Нобуфуса с восемьюдесятью всадниками продолжал сражаться. Когда все они погибли, он взобрался на холм и, увидев, что Кацуёри уже далеко, громко закричал, обращаясь к врагам: «Я Баба, губернатор Мино. Убейте меня, если сможете, и вы получите большую награду!» Враги нанесли ему множество ран, и он умер.

Двое фаворитов сбежали первыми. Масанобу уже знал о поражении армии Такэда. С 8000 воинов он подошел к границе и встретил Кацуёри, чтобы вместе вернуться домой. Он напомнил Кацуёри о своих прежних предостережениях и попросил жениться на женщине из клана Ходзэ, с тем чтобы противостоять двум врагам. Кацуёри внял его совету...

Смерть Кэнсина

В этот год Кацуёри послал гонца к Кэнсину и попросил мира, чтобы иметь возможность отомстить Ода. Кэнсин согласился, но потребовал в заложники сына Кацуёри. Кацуёри не пошел на это. Тем временем Токугава напал на замок Футамата. Командующий обороной Ёда Юкинари отчаянно защищался и не сдавался. Тогда Токугава взял Суванохара и под конец атаковал Ояма. Кацуёри сказал: «Он что же, думает, я уже не смогу сразиться снова?» Он собрал 20000 воинов и поспешил на выручку. Враг снял осаду и отошел.

В двенадцатом месяце Юкинари умер. Токугава появился вновь. Оборону возглавил сын Юкинари Нобусигэ. Кацуёри приказал ему оставить замок и отступить. Ивамура пал опять. Нобунага своими руками убил собственную тетю.

В этом месяце Кацуёри получил в жены дочь Ходзэ. Вернувшись с церемонии, Масанобу сказал: «Сегодня ночью я в первый раз посплю спокойно».

Весной четвертого года [1576] Кацуёри повел армию в Тотоми и встретился с Токугава в Ёкосука. Кацуёри хотел

сражаться, но Масанобу выступил против: «В битве при Нагасино вы потеряли много старых военачальников. Только я остался жив. Вы хотите, чтобы я тоже погиб?» Кацуёри отступил и, построив в Сагара крепость, вернулся домой.

Военачальники Этиго пытались убедить Кэнсина: «Господин, армия Каи вновь разгромлена. Этим нельзя не воспользоваться».

Кэнсин сказал: «Я пятнадцать или шестнадцать раз сражался с Сингэном, но так и не смог захватить его земли. Теперь он мертв. Если я пойду против его сына, воспользовавшись его поражением, и отниму его земли, как я смогу смотреть в глаза людям?»

В третьем месяце Кэнсин вступил в Эттю, взял Хасунума и убил Сиина Ясутанэ. Один из его полководцев вошел в Хида и покорила клан Эма.

Нобунага тайно пригласил Тё Сигэцура из Ното и Мацуто Хикоцугу из Кага в надежде убедить разбойников Икко* двинуться на север. В пятом году [1577] Сигэцура собрал воинов и превратил замок Анамидзу в свою базу. В ответ замки Комацу, Атака и Дайдо восстали. В этот момент Цудзу Дзюнкэй и Мацунага Хисахидэ, находившиеся в Ямато, послали Кэнсину письма, в которых клялись в своей верности, и просили его прибыть на запад. Одновременно они отправили письма Мори, еще дальше на запад, намереваясь напасть на Нобунага и с востока, и с запада.

В девятом месяце Кэнсин лично повел войска к Анамидзу, взял замок, убил Сигэцура и напал на Комацу и Атака. Нобунага послал им на помощь 48000 воинов с пятью полководцами во главе, среди них были Сибата Кацуиэ и Маэда Тосииэ, и сам тайно пошел на выручку. Кэнсин взял три замка. Он подошел к мосту Юсуруги, стал лагерем в двадцати пяти милях от армии Ода и, приняв от своих вассалов клятву, решил на следующее утро начать сражение. Но Нобунага ночью опять отступил. Кэнсин громко рассмеялся и сказал: «Нобунага неплохо бегаёт. Если бы он остался, я бы сбросил всю его армию в воду».

* Последователи секты Икко, поначалу находившей приверженцев в основном среди крестьян Кага, Ното, Эттю и Этидзэна. Они часто поднимали восстания и порой овладевали целыми провинциями.

Кэнсин продолжал наступление, напал на Канадзава и взял замок. Вступив в Этидзэн, он сметал крепости Ода, громил его войска и по пути сжигал все дотла. Дым и пыль закрыли небо. Нобунага отступил к Китаносё, затем вновь отступил и вошел в Нагаханама.

Наступила зима. Повалил снег. Кэнсин, узнав, что Хисахидэ и другие разгромлены и убиты, решил вернуться домой. Он послал Нобунага письмо, в котором говорилось: «Сингэн мертв. То, что вы бросили Сиро* на расправу Иэясу, а сами остались в Адзути, подтверждает, что вы что-то замышляете против меня. В области Киото вы одерживали легкие победы над врагом. Но вам еще предстоит увидеть искусство воинов севера. С вашего позволения, будущей весной я приду на запад с воинами восьми провинций** и встречу с вами пятнадцатого дня третьего месяца. Попытайтесь отнестись ко мне, Кэнсину, иначе, чем к городским бездельникам в кожаных сандалиях». В Киото в то время кожаные сандалии были в моде, вот почему Кэнсин сказал последнюю фразу. Вместе с письмом он отправил в качестве подарка 2000 кусков ткани из Этито.

Нобунага встретил гонца и сказал: «Возвращайтесь и передайте правителю Этито мои слова. У меня, Нобунага, нет причин бороться против него. Случись ему посетить меня, я оставлю свой меч и лишь с веером на бедре поеду встретить его и сопровожу его в Киото. Правитель Этито — человек справедливости. Я знаю, что он никогда не отнимет у меня земель, за которые я сражался».

Гонец вернулся и передал его слова. Кэнсин засмеялся и сказал: «Нобунага — вероломный воин. Он пытается обзоружить меня льстивыми словами. Я знаю, что в битве при Нагасино он с помощью аркебуз и частоколов одолел Сиро из Каи. В следующем году он обязательно попытается выкинуть что-нибудь подобное и со мной. Я не собираюсь сам ползти в расставленную западню».

В десятом месяце Кэнсин вернулся в Этито и каждый день писал письма, призывая под свои знамена армии восьми провинций и указывая срок прибытия — пятый день третьего

месяца. Воинов же из Кага и областей к западу от нее он планировал собрать по пути.

Известия об этом потрясли область Киото. Нобунага отправил к Кацуёри гонца и просил его забыть о том, что было между ними прежде, и восстановить добрые отношения. Он говорил: «Если Кэнсин пойдет на запад, Иэясу и я преградим ему путь на северный дороге. Я надеюсь, что тогда вы немедленно попадете на Этито. Если мы победим, земли, которые вы возьмете, останутся вам». Кацуёри не ответил.

В третьем месяце следующего года [1578] на призыв Кэнсина собрались воины провинций Хокурику. Их было несметное множество. Кэнсин лично провел смотр, принял клятвы и собирался выступить. Однако незадолго до назначенного срока выступления он вдруг заболел и через два дня умер. Ему было сорок девять лет. Он на пять лет пережил Сингэна.

* Такэда Кацуёри.

** Этито, Этто, Кага, Ното, Хида, Синано, Кодзукэ и Садо.

Ода Нобунага: Полководец и поэзия

Жизнь Ода Нобунага (1534–1582), который начал объединять раздираемую войнами Японию, но был убит, так и не успев достичь своей цели, удивительным образом связана со стихами: не будучи сам поэтом, он дебютировал в качестве полководца с песней о мимолетности жизни; его убийца, осуществивший это пророчество, сделал свое дело после соревнований в стихосложении.

Одной из самых впечатляющих битв в период «Сражающихся царств» в Японии стала битва при Окэхадзама. Нобунага, у которого было менее 2000 воинов, напал на Имагава Ёсимото (1519–1560), в распоряжении которого находилось 25000, и победил. В пятом месяце 1560 г. Ёсимото, самый могущественный полководец тихоокеанского побережья («Первый лучник Восточного моря»), во главе армии, состоявшей из воинов трех провинций: Сурута, Тотоми и Микава, направился к Киото. Нобунага стоял в Овари у него на пути. Никто не верил, что он сможет оказать какое-то сопротивление. Действительно, утром девятнадцатого дня пятого месяца, всего через день после прибытия в Овари, Ёсимото взял две из пяти выстроенных против него крепостей: Марунэ, которой командовал Сакума Дайгаку Морисигэ, и Васидзу под командованием Ода Гэнба. Оба военачальника погибли.

Как Нобунага встретил врага с превосходящими силами и как провел успешную контратаку — об этом впечатляюще рассказывает Ота Гюити (1527–1610?) в своем сочинении «Синтё-ко ки» («Биография господина Нобунага»). Считается, что она написана на основе заметок, сделанных автором еще когда он служил в армии Нобунага лучником.

Восемнадцатого числа, когда стало известно о появлении Ёсимото на землях Нобунага, последний находился в своей главной цитадели — замке Киёсу.

В ту ночь не говорили о военных делах, а просто беседовали. Когда стало совсем поздно, Нобунага отпустил своих людей. Уходя, управляющие смеялись над ним: «Пословица: “Когда удача отворачивается, зеркало судьбы замутняется” говорит именно о таком поведении».

Как и ожидалось, на рассвете один за другим прибыли гонцы от Сакума Дайгаку и Ода Гэнба и передали, что враг штурмует Васидзу и Марунэ.

Тогда Нобунага начал танцевать танец Ацумори и запел:

Человек живет пятьдесят лет.

Но для нижних небес*

Это все равно что сон, обман.

Есть ли кто-нибудь, однажды отдавший
жизнь,

Кто бы не угас?

Потом он приказал: «Разбейте раковину! Принесите мои доспехи!» Он облачился в боевое одеяние, позавтракал, надел шлем и выступил. Его сопровождали слуги: губернатор Нагато Ивамуро, Хасэгава Хасисукэ, Саваки Тохати, губернатор Хида Ямагути и Гато Ясабуру.

Хозяин и пятеро сопровождающих мчались семь миль и добрались до Ацута, когда, перед святилищем Гэндаю, посмотрели на восток и увидели, что над Васидзу и Марунэ поднимается дым. Оба замка пали. Рядом с ними находилось около двухсот пеших воинов. Ближайший путь лежал по берегу, но вода была полной, и лошади не смогли бы пройти. Тогда Нобунага со своими людьми отправился из Ацута через холмы, вначале добрался до крепости Тангэ, а затем и до храма Дзэнсё, где стоял лагерь Сакума [Уэмон]. Он пересчитал своих воинов и оценил положение.

Разведчики доложили, что армия Имагава Ёсимото, численностью в 45000 человек**, стояла у горы Окэхадза-

* Гэтэн. Имеется в виду Сио-тэн, одна из шести сфер желаний. Сио-тэн называется гэтэн, ибо находится в самом нижнем слое. Один день и одна ночь на этом «уровне» соответствуют пятидесяти земным годам.

** Ёсимото пустил слух, что у него 40000 воинов. Автор увеличил и эту цифру.

ма. Люди и лошади отдыхали. В полдень девятнадцатого он построил своих воинов лицом на северо-запад и сказал: «Вы доставите мне огромное удовольствие, большего я и представить не могу, если возьмете Васидзу и Марунэ». Потом они трижды пропели песнь *но*. Первым должен был атаковать Иэясу*: со своими воинами, облаченными в красные плащи, он привез в замок Отака провиант, попытался взять Васидзу и Марунэ, но не смог этого сделать, и теперь со своими людьми и лошадьми разбил у Отака лагерь для отдыха.

Увидев, что Нобунага отправляется к храму Дзэнсё, двое командиров — Саса Хаято-но Сё и Тиакки Сиро — бросились с тремястами воинов на Ёсимото, но были раздавлены в контратаке. Оба они и еще пятьдесят всадников погибли. Ёсимото считал это знаком того, что даже демоны, божества и духи не смогли бы противостоять его мощи. Возликовав, он приказал поставить лагерь и вновь исполнить песнь *но*.

Узнав все это, Нобунага решил идти к Накадзима. Но управляющие громко воспротивились. Они взяли под уздцы его лошадь и говорили: «Господин, по обеим сторонам дороги — болота. Если попадете в них, то не сможете сдвинуться с места. К тому же придется идти в один ряд. Враг увидит, как мало у нас сил. Этого нельзя делать, господин!» Но Нобунага вырвался и направился к Накадзима. У него было менее 2000 воинов.

В Накадзима он опять хотел пойти вперед. Но на этот раз управляющие смогли удержать его. И тогда он обратился к своим воинам: «Послушайте все, что я скажу. Враг поел только прошлым вечером и шел сюда всю ночь. Он вынужден был нести в Отака провиант, он сражался у Васидзу и Марунэ и очень устал. Мы же полны сил. К тому же вы все знаете, что сказано: “Не бойся многочисленного врага, если у тебя мало воинов. Удача во власти Неба!” Если враг атакует, отступайте. Если он отступает, преследуйте. Нужно сломить его и уничтожить. Не берите пленных. Просто

оставьте его одного. Если мы победим, то вы принесете великую славу своим домам, а имена ваши будут повторять последующие поколения. Сделайте все, что только возможно!»

Пока он говорил, вернулись Маэда Магадзаэмон, Мори Кавати, Мори Дзуро, Киносита Утаносукэ, Накагава Кинъэмон, Сакума Ятаро, Мори Косукэ, Адзики Ятаро и Уодзуми Хаято. Каждый из них нес головы поверженных врагов. Повторив им свой приказ, Нобунага повел воинов через холмы. Вдруг в лицо врагу ударил ливень, настолько сильный, что, казалось, это куски льда, выпущенные из катапульты. Воины Нобунага набросились на врага с тыла. Ветер задувал так, что камфарное дерево, которое росло рядом с соснами в ущелье Куцукакэ и которое смогли бы обхватить лишь трое воинов, наклонилось к востоку и рухнуло. Людям казалось, что само великое божество Ацуна начало битву.

Когда небо прояснилось, Нобунага поднял копье и закричал: «Вперед! В атаку!» Враги, увидев наступление, подобное черному дыму, как волна, откатились назад. Луки, копья, аркебузы, знамена и флаги — все обратилось в хаос. Враг отступил, бросив даже паланкин Ёсимото.

Нобунага отдал приказ: «Это их лагерь! Вперед!» Около двух пополудни он начал наступать на восток. Вначале 300 всадников сделали круг и опередили отступавших воинов Ёсимото. Они вступали в сражение с ними два, три, четыре, пять раз. Их силы постепенно таяли, и в конце их осталось не более пятидесяти.

Нобунага слез с лошади и ринулся вперед вместе с молодыми воинами. Их ярость не знала предела, сам Нобунага сметал врагов и впереди, и позади себя. Звенели лезвия мечей, ударяли эфесы, летели искры, полыхал огонь. При этом воины не пугали своих и чужих, отличая друг друга по одежде. Многие всадники и слуги Нобунага погибли.

Хасимото Кохэйта напал на Ёсимото, но ему отрубили по колено ногу, и он упал. Мори Синсукэ зарубил Ёсимото и взял его голову.

Окэадзама представляет собой долину. Местность там очень тяжелая, болота не дают возможности маневрировать, возвышенности переходят в низины. Те, кто оказались в болоте, увязли и могли лишь медленно ползти. Молодые воины

* Токугава Иэясу (1543–1616), объединивший Японию и установивший собственный сёгунат. В то время он носил имя Мацудайра Мотоясу и, хотя и имел собственный замок, был фактическим заложником Ёсимото. После смерти последнего он стал главным союзником Нобунага.

Нобунага догоняли их и отрубали им головы. Каждый из них принес господину две-три головы врагов. Нобунага объявил, что он осмотрит все головы в Киёсу и что он очень доволен тем, что Ёсимото повержен. По той же дороге он вернулся в лагерь.

В самом начале данного описания говорится о «беседах» Нобунага. Подобные беседы хозяина со своими ближайшими помощниками, хоть нередко праздные и развлекательные, служили важным источником получения сведений и возможностью для оценки и анализа ситуации. В эту ночь сподвижники Нобунага, по-видимому, ожидали, что будет обсуждаться вопрос о том, как противостоять Ёсимото, причем каждому будет дано слово. Однако вечер прошел в разговорах о посторонних вещах. Вот почему помощники были озадачены.

Песня, которую пропел Нобунага, — из танца Ковака и называется «Ацумори». В основе этого танца — короткий, но впечатляющий эпизод из «Хэйкэ моногатари». Кумагаэ-но Дзиро Наодзанэ (1141–1208) убивает Тайра-но Ацумори (1169–1184), ровесника своего собственного сына. Стихотворение передает мысли Наодзанэ, который убеждается в бренности сущего и решает стать монахом.

Известно, что Нобунага часто пел стихи из «Ацумори». Он любил песни. Рассказывали, что однажды он трижды спел песню, чтобы вдохновить своих воинов, перед тем как они оставили свой лагерь и пошли в бой. Однако сам он, как отмечалось, нечасто составлял стихи. Тем не менее, в одном из эпизодов он все-таки предстает перед нами поэтом.

В этом эпизоде, который входит в «Синтё ки» («Биография Нобунага»), сочинение, принадлежащее Одзэ Хоану (1564–1640), описывается момент прибытия Нобунага в Киото в качестве военного сподвижника последнего сёгуна Асикага Ёсияки (1537–1597). Уже несколько десятилетий сёгунат Асикага не имел былого влияния. На родного брата Ёсияки, тринадцатого сёгуна Ёситэру (1536–1565) напали его собственные помощники, а сам Ёсияки был вынужден бежать. (То, как Ёситэру отказался отступить перед врагами и, воткнув в пол своей комнаты несколько мечей, сражался, хватая то один меч, то другой, стало частью самурайских легенд.)

Необходимость существования сёгуната была обусловлена, по крайней мере, одной причиной. С тех пор, как в середине двенадцатого века страна фактически превратилась в вотчину самураев, перед каждым, кто хотел начать борьбу за гегемонию, местную ли или общенациональную, вставала дилемма: если ты заявляешь, что имешь право занять все земли, какие только сможешь, ты тем самым даешь другим право поступить точно так же и с тобой. Поэтому большинство полководцев строго придерживались неукоснительного соблюдения должных отношений между господином и вассалом, и тем более требовали исполнения этого на самом высоком уровне, в лице императора и сёгуна.

Так, Ёсияки, даже будучи беженцем, по-прежнему мог заявлять претензии на сёгунство и искать у полководцев военной помощи. Во втором месяце 1568 г. убийцы Ёситэру поставили четырнадцатым сёгуном Ёсихидэ (1540–1568), племянника Ёсияки. Но Ёсихидэ оставался марионеткой в их руках. Более того, он не имел легитимного права на сёгунство. Наконец, в седьмом месяце того же года один из главных вассалов Ёсияки Хосокава Фудзитака (более известный под своим поздним именем Юсай; 1534–1610) убедил Нобунага, уже начинавшего свой путь вверх, поддержать Ёсияки.

Вот как об этом рассказывается в «Синтё ки». Отметим, что «Синтё ки» — исправленная версия «Синтё-ко ки», написанной Ота Гюити. Хоан обосновывает необходимость исправления тем, что сочинение Гюити слишком «упрощенное и неровное», что в нем есть «ошибки и упущения», которые заставляют его «скорбеть о том, что те, чьи подвиги не были упомянуты, печалются». Араи Хакусэки, чей рассказ представлен в части III, сообщает, что в «Синтё ки» упомянуты предки его матери.

Когда господин Нобунага достиг Кодзёин, в храме Мии, повсюду поползли об этом слухи. Жители Киото, знатные и низкие, часто слышавшие, что он победил всех своих врагов, невзирая на их силу, и покорило множество провинций, спрашивали друг друга: наверное, он страшнее демона, не пошлет ли на нас Небо бедствия, если он войдет в Киото?

Казалось, их страх превосходил страх детей, пугавших друг друга разговорами о демонах, которые прибыли через

океаны из далекой страны и теперь убьют их галькой* и будут их пожирать. Некоторые бежали в соседние провинции Тамба и Вакаси вне зависимости от того, были у них там родственники или нет, другие сели на лодки и по реке Ёдо собрались отправиться на далекие острова. Известные же люди отсылали жен и детей вместе с мебелью и всеми ценностями к тем знакомым, кому, они считали, можно доверять, а сами оставались в Киото, с тем чтобы поздравить господина Нобунага со вступлением в столицу. Однако даже они, собравшись вместе, выказывали беспокойство по поводу того, что может обрушиться на них. Некоторые пытались успокоить себя, размышляя вслух: «Кто знает, может, раз мы здесь, нам выпадет что-нибудь хорошее». Наконец, двадцать восьмого дня девятого месяца господин Нобунага прибыл в храм Токуфу, и все прежние догадки оказались бессмысленными.

Сразу же к господину Нобунага явились с подарками: мастера рэнга Сёха и Сёсицу Синдзэн, лекари Накараи Роан и Суитикуин Додзо и прочие, преуспевшие в своем деле, а также старейшины Верхнего и Нижнего Киото, принимавшие участие в любом совете. Сёха пошел прямо к нему, неся на подносе два развернутых веера. Все затаили дыхание: что же он делает? Но Сёха, преклонив перед господином колени, произнес, даже не поправив свое церемониальное облачение:

Два веера в ваших руках, и все исполнены радости.

Господин Нобунага продолжил:

С ними будут танцевать и играть тысячи поколений!

Узнав об этом, жители Киото, старые и молодые, были так потрясены, что не могли вымолвить и слова. «Господин —

* Мальчишки часто бросались галькой, «воюя» друг с другом. Нередко подобные «соревнования» являлись частью, и весьма опасной, шумных праздников. Поэтому образ демона, галькой убивающего детей, был в то время не столь уж чуждым, как нам может показаться сегодня.

такой жестокий воин, что мы думали — он будет вести себя так, как Кисо, который вошел в Киото в эпоху Дзюэй*. Но он оказался необычайно галантным, не так ли? От него можно ожидать добрых дел». Так, возликовав, говорили люди, и вздыхали с облегчением.

«Развернутый веер» звучит как *суэхирогари но оги*. Выражение двусмысленно. *Суэ* в *суэхиро* также означает «будущее», а *суэхиро*, или *суэхирогари* — праздничное название веера. Поднося Нобунага *суэхирогари но оги*, мастер рэнга Сёха (также известен как Дзёха, фамильный знак — Сатомура; 1524–1602) тем самым приветствовал полководца, вступившего в Киото в качестве сподвижника сёгуната. Каждому было ясно, что этим Нобунага заявил претензии на то, чтобы «приказывать всей Поднебесной», как говорили в те дни.

Подлинной же уловкой Сёха стало то, что он преподнес два веера, *оги нихон*, ведь *нихон* также означает «Япония». Другими словами, говоря «с этими двумя вещами вы должны быть счастливы сегодня», Сёха подразумевал: «Япония в ваших руках, и сегодня вы заслужили наши поздравления». Получив, таким образом, приглашение посостязаться в рэнга, Нобунага тактично не заметил явно льстивую игру слов и сказал, что вееры — незаменимая вещь при исполнении традиционных японских танцев — подходят лишь для праздничного ритуала. Фраза *ман асобу*, «танцевать и играть», вызывает в памяти образы журавля и черепахи — заимствованные из Китая символы долголетия, а слова *тиё ёродзюё*, «тысяча, десять тысяч поколений» — стандартная поздравительная сентенция.

Сёха мог быть дальним родственником Акэти Мицухидэ (1524?–1582), одного из полководцев Нобунага, четырнадцать лет спустя, в 1582 г., убившего своего господина. К этому времени, согласно одной оценке, Нобунага овладел третьей частью страны. Хотя далеко не все полководцы вынашивали планы «прика-

* Кисо Ёсинака (1154–1184) — первый из полководцев клана Минамото, вступивший в Киото после того, как в 1180 г. Минамото восстали против Тайра.

зывать всей Поднебесной», у него, несомненно, еще оставались могущественные соперники.

В третьем месяце 1582 года Нобунага расправился с Такада Кацуёри (1546–1582), угрожавшим его северо-восточным владениям, и обратил свое внимание на запад. Он приказал самому способному из своих восначальников, Тоетоми Хидэёси (1536–1598), начать активную кампанию против тех западных полководцев, которые еще не присягнули на верность. Хидэёси брал одну крепость за другой и, наконец, подошел к замку Такамацу в провинции Биттю. Замок оказался неприступной твердыней, и Хидэёси окружил его рвом, надеясь взять крепость измором. Но в этот момент на выручку подоспел Мори Тэрумото (1553–1625). Его армия в шесть раз превосходила по численности войска Хидэёси. Последний попросил у Нобунага подкреплений. Нобунага, видимо решив использовать представившуюся возможность для того, чтобы покорить полководцев не только Тюоку, но и Сикоку и Кюсю, приказал Мицухидэ и еще пяти восначальникам вернуться в родные провинции и собрать войнов. Армию он планировал вести сам.

За описанием последующих действий Мицухидэ мы обращаемся к «Синтё ки». У него были две крепости в Сакамото и Камэяма, причем Камэяма считалась резиденцией.

~~*

Двадцать шестого дня пятого месяца десятого года Тэнсё [1582] губернатор Хюга, Корэто [Акэти Мицухидэ] перед тем, как отправиться с армией в Тюоку, прибыл из Сакамото в замок Камэяма, что в Тамба. На следующий день он посетил святилище на горе Атаго и в течение ночи несколько раз бросал священный жребий*. Двадцать восьмого дня того же месяца у Ниси-но Бо состоялось состязание в стихосложении рэнга:

Наступил пятый месяц, время править
миром!

Мицухидэ

* Микудзи, маленький сложенный клочок бумаги, который предсказывает судьбу.

У летнего холма в саду прибывает вода.

Ниси-но Бо

Ручей, что вытекает из пруда, полного цветов,
запружен.

Сёха

Когда было сложено сто строк, он вернулся в Камэяма. Вероятно, он бросил священный жребий с какими-то намерениями в мыслях. Позднее, по первой строке догадались, что задуманное составление рэнга должно было стать молитвой об [успешном исполнении] тайных замыслов...

В первый день шестого месяца губернатор Хюга Мицухидэ собрал в замке Камэяма Акэти Саманосукэ, Акэти Дзиемон-но Дзё, Фудзита Дэнго, Саито Кураносукэ, Мидзоо Кацубэ-но Дзё и сказал им: «Я хочу, чтобы вы отдали мне свои жизни. Если вы согласны, мы продолжим совет. Если же нет, немедленно обезглавьте меня».

Он произнес эти слова так резко, что все пятеро испугались и утратили присутствие духа. Тяжело дыша, они лишь смотрели друг на друга. Наконец, Саманосукэ молвил: «Господин, до сего дня мы считали вас своим хозяином. Почему же мы не должны поддержать вас сегодня, в годину тяжких испытаний? Что бы вы ни замыслили, я, Саманосукэ, последую за вами». Остальные четверо согласились с его воодушевляющей речью.

Тогда Мицухидэ сказал: «Я рад слышать, что вы согласны служить мне. Я говорю прямо: у меня есть несколько причин убить Нобунага. Я полагаю, что времени нет. Меня загнали в угол, откуда нет выхода. Поэтому я решил восстать...»

В тот же день, около семи вечера, он покинул Камэяма. Все пятеро были поставлены главными полководцами. Оставив позади себя гору Оэ, они ускорили шаг и уже к рассвету второго дня передовые отряды подошли к предместьям Киото. Они окружили храм Хонно, в котором находился Нобунага, и, подняв боевой клич, стали стрелять из луков и аркебуз.

~~*

Было выдвинуто несколько объяснений, почему Мицухидэ, служивший Нобунага аж с 1567 г., решил восстать. Самое убедительное принадлежит историку Кувата Тадатика. В Мицухидэ, утверждает он, накопился гнев против его господина, который относился к нему, знатному полководцу, как к простому солдату, и не раз публично оскорблял его. Принимая во внимание тираническую натуру Нобунага, что отмечали еще современники-иностранцы, имевшие возможность наблюдать за ним, как, например, миссионер-иезуит Луис Фроис (1532–1597), эти оскорбления вполне могли иметь место.

Двадцать девятого числа пятого месяца Нобунага покинул свою главную крепость, замок Адзуми — самое великолепное военное сооружение из существовавших в то время в Японии — и на следующий день прибыл в Киото. Он остановился в храме Хонно, намереваясь устроить чайную церемонию, чтобы показать коллекцию китайских чайных принадлежностей, собранную им за период после 1568 г., когда он в первый раз официально посетил Киото. Это отчасти объясняет, почему он взял с собой лишь тридцать слуг, а не отряд вооруженных воинов. Для сравнения, его сына Нобутада, прибывшего в Киото ранее, сопровождало 2000 всадников.

В первый день шестого месяца состоялась чайная церемония, на которой в качестве почетного гостя присутствовал Торин Сосицу, состоятельный торговец из Хаката, что в Тикудзэне. В церемонии принимал участие и Нобутада вместе с сопровождавшими его аристократами. После церемонии Нобунага играл до поздней ночи в го со своим учителем Хоньинбо Санса. Когда Нобутада уехал, Нобунага отправился спать. О том, что же произошло на следующее утро, повествует «Синтё-ко ки».

...Поначалу Нобунага и его слуги подумали, что на них напали какие-то презренные разбойники, но оказалось, что это не так. Слышались боевые крики, в покоях Нобунага свистели пули. «Это мятеж? Кто же восстал?» — спросил он. Мори Ранмару ответил: «Похоже, это люди Акэти, господин». Тогда Нобунага сказал: «Мы ничего не сможем сделать». И с несколькими сопровождающими удалился в свои покои.

Из конюшни, размахивая мечами, выбежали Ясиро Коцусукэ, Бан Тародзаэмон, Бан Сёрин и Мурата Китиги, но сразу же были убиты. В сражении у конюшни погибло еще двадцать четыре *тюэна**, среди них — Токуро, Тохати, Ива, Синроку, Хикоити, Яроку, Кума, Когомавака, Торавака и его сын Ко-Торавака.

Во внутренних покоях были убиты: три брата Мори — Ранмару, Рикимару и Бомару, Огава Анхэй, Такахаси Торамацу, Канамори Гинью, Сугая Какудзо, Уэодзуми Кацусиги, Такеда Китаро, Оцука Матаитиро, Карино Матакуро, Сусукида Ёгоро, Имагава Магодзиро, Огиан Кохатиро, Ито Хикосаку, Кукуру Камэ, Оида Камэ, Ямада Ётаро, Иикава Миямацу, Софуэ Магомару, братья Касивабаранабэ, Хариами, Хирао Кюсукэ, Оцука Магодзо, Юаса Дзинсукэ, Огура Сёдзюмару.

Все они погибли, отбивая непрерывные атаки. Юаса Дзинсукэ и Огура Сёдзюмару услышали о нападении в городе на одном из постоялых дворов и побежали к храму Хонно, смешавшись с врагами, но были убиты. Такахаси Торадзо храбро сражался перед входом на кухню. Никто не мог справиться с ним.

Нобунага взял было лук и выстрелил несколько раз, но, по-видимому, время его пришло: тетива лопнула. Потом он взял в руки копье, но получил ранение в локоть и отступил. Он сказал женщинам, до того момента бывшим вместе с ним: «Вам, женщинам, нечего оставаться со мной! Бегите!» И выгнал их. Огонь уже подбирался к нему. Он решил, что не должен показывать врагу свое тело. Он прошел во внутренние покои, запер за собой дверь и безжалостно вспорол себе живот.

Луис Фроис, чья церковь, как он говорит в своем письме, «находилась лишь на расстоянии одной улицы от местопребывания Нобунага», оставил несколько иное описание последних мгновений его жизни:

...Несколько христиан, пришедших на утреннюю службу, просили меня обождать и сказали, что перед дворцом какая-

* Статус *тюэна* был выше слуги, но ниже самурая.

то суматоха: по-видимому, там идет сражение. Тут же мы услышали мушкетные выстрелы и увидели пламя. Вскоре кто-то сообщил, что это не уличная ссора: Акэти оказался предателем и врагом Нобунага и окружил его. Когда воины Акэти подошли к воротам дворца, они беспрепятственно проникли внутрь. Сопротивляться было некому, ибо никто не мог заподозрить их в вероломстве. Нобунага только что умылся и вытирал полотенцем лицо и руки, когда они обнаружили его и тут же выстрелили в него из лука. Вытащив стрелу, он вышел с *нагината* в руках, оружием с длинным лезвием, сделанным по скифскому образцу. Какое-то время он сражался, но, получив ранение в руку, отступил в свои покои и запер дверь.

Некоторые говорят, что он разрезал себе живот, другие же — что он поджег дворец и погиб в огне...»

Вскоре после убийства Нобунага некоторые стали связывать первую строку Мицухидэ с совершенным им несколькими днями позже злодеянием, как это сделал, например, Хоан. *Токи*, «время», обозначает также клан, из которого происходил Акэти, так что в стихотворении можно прочесть и прямое заявление: «Пятый месяц: пришло время Токи править миром!»

Существует легенда, что Хидэёси, спешно вернувшийся с запада и разгромивший Мицухидэ, осудил мастера рэнга Сёха. Но тот, якобы, вывернулся, заявив, что кто-то при записи состязания заменил в строке один иероглиф с *амэ га сита нару* на *амэ га сита сиру*, тем самым превратив «мы под дождем» в «править миром». Он также сказал, что, почувствовав вложенный Мицухидэ в первую строку тайный смысл, он сразу попытался отговорить его, употребив слово *сэки-томи*, «преграждать», «блокировать».

Некоторые не принимали во внимание стихи, утверждая, что такой осторожный полководец, как Мицухидэ, ни за что не проявил бы публично своих намерений. Тем не менее для нас, последующих поколений, остается поразительным то, что Нобунага дебютировал в качестве полководца со стихотворным отрывком на устах, и что смерть его также связывается со стихотворением.

Пятнадцатого числа следующего месяца Хосокава Фудзитака, не откликнувшийся на приглашение Мицухидэ присоединиться к нему, устроил состязание рэнга в память Нобунага. В нем участвовали Сёха и другие поэты. Три первые строки из ста

записаны в «Сокэн-ин доно цуидзэн» («Записи в память господина Сокэн-ина»), принадлежащих кисти Омура Юоко, писца и знатного сподвижника Хидэёси. В них подробно запечатлены пышные похороны, устроенные Нобунага Хидэёси. Сокэн-ин — храм, построенный Нобунага рядом с замком Адзуты; название храма стало посмертным буддийским именем его создателя.

Окрашенный в черное вечер покрывает росой
мой рукав.

Фудзитака

Над полем скорбят и луна, и осенний ветер.

Рёго-ин

Когда возвращаюсь, в тени горько рыдают
сверчки.

Сёхо

Часть III
Путь самурая

Ходзё Соун: «Двадцать одно правило господина Соуна»

Среди многочисленных «домашних законов» (*кахо*) и «домашних уроков» (*какун*), составленных полководцами и самураями, «Соун-дзи доно нидзюити кадзё» («Двадцать одно правило господина Соуна»), приписываемое Ходзё Соуну (1432?–1519), отличаются удивительной простотой и практичностью предлагаемых советов.

Соун («Быстрое облако»), первоначально носивший имя Исэ Синкуро Нагаудзи, в свои сорок лет был рядовым странствующим самураем. В 1491 г., в возрасте почти шестидесяти лет, он, воспользовавшись распрями между двумя ветвями клана Уэсуги, стал правителем провинции Идзу (в сегодняшней префектуре Сидзуока). Постепенно его влияние в области Канто росло, земли ширились, так что в конце концов он основал клан Ходзё, просуществовавший пять поколений. Своим успехом он в первую очередь был обязан проводимой им политике: налоги на сельское население уменьшились, а вассалы Ходзё получали большую часть того, что ему удавалось приобрести.

То, что самурай незнатного рода установил контроль над целой провинцией, позволило многим считать 1491 год началом периода «Сражающихся царств» в Японии.

По всей видимости, представленные ниже «уроки» адресованы вассалам-самураям, а не наследникам дома Ходзё.

Правило: Прежде всего веруй в Будду и божеств Синто.
Правило: Непременно вставай ранним утром. Если встанешь поздно, даже твои слуги станут вялыми и непригодными. Ты не сможешь исполнять свои дела, общественные и частные.

Если это произойдет, господин откажется от тебя, так что будь настороже.

Правило: Ложись спать не позднее, чем через два часа после захода солнца. Ночные разбойники чаще всего появляются с двух часов до полуночи до двух пополуночи. Если будешь тратить время попусту, долго болтать по вечерам и ложиться спать около полуночи, то в конце концов лишишься ценностей и погибнешь сам. Твоя репутация за пределами дома тоже пострадает. Не жги бесцельно дерево и масло по вечерам.

Вставай за несколько часов до восхода солнца, умывайся холодной водой и возноси молитвы. Приведи себя в порядок и отдай приказание на день жене, детям и вассалам. Начинай трудиться до восхода. Старая мудрость гласит: «Отправляйся спать за час до полуночи и вставай за несколько часов до зари». Но это зависит от человека. Все же вставать за несколько часов до рассвета — благо для тебя. Если же будешь спать после восхода солнца, а тем более до полудня, не сможешь не только трудиться и исполнять свой долг, но даже заниматься личными делами. Это плохо. Твой дневной распорядок не будет выполнен.

Правило: Перед тем как помыть лицо и руки, осмотри отхожее место, сад и конюшни. Прикажи слугам вычистить и убрать те места, которые более всего в этом нуждаются. Потом быстро умойся. Не выливай понапрасну воду, которую использовал для полоскания, пусть даже ее в избытке. Если громко кашляешь, даже находясь в собственном доме, то тем самым показываешь себя невнимательным к другим, что не благо разумно. Поэтому, если кашляешь, то делай это незаметно. Как говорят: «Склоняйся под Небом, мягко ступай по земле!»*.

Правило: Молиться нужно ради своего же блага. Будь прямым и гибким, честным и законопослушным. Будь почтителен к тем, кто выше тебя, и сострадателен к тем, кто ниже. Принимай вещи такими, какие они есть: что имеешь, то имеешь; чего не имеешь, того не имеешь. Поступать так — значит следовать воле Будды и божеств Синто. Даже если не возносишь молитвы, помня об этом, обретаешь покровительство

* Изначально пословица имела в виду человека с нечистой совестью. Здесь она использована, чтобы подчеркнуть необходимость быть скромным.

божеств. При этом, даже если возносишь молитвы, но сердце твое несправедливо, будешь покинут Небом. Так что будь осмотрителен.

Правило: Не думай, что твои мечи и одежды должны быть так же хороши, как у других. Довольствуйся ими, пока они совсем не придут в негодность. Но если начнешь приобретать то, чего у тебя нет, и станешь еще беднее, превратишься в посмешище.

Правило: С самого утра позаботься о своей прическе, даже если ты решил остаться дома из-за болезни или для того, чтобы заняться личными делами, не говоря уже о том, если тебе предстоит исполнять свой долг*. Появляться перед людьми неопрятным — отвратительно и беспечно. Если будешь неряшливым, то даже слуги начнут подражать тебе. Неразумно метаться [в спешке пытаешься собрать волосы] только потому, что вдруг приехал твой товарищ.

Правило: Когда отправляешься на службу, никогда не иди прямо к своему господину. Жди в гостинной и наблюдай за другими. Появляйся перед господином только тогда, когда тебя вызовут. Иначе можешь столкнуться с неприятностями.

Правило: Когда хозяин называет твое имя, быстро скажи: «Да, господин!» Даже если ты сидишь на удалении от него, быстро подойди и преклони перед господином колени. Почтительно слушай, что он скажет. Потом быстро уходи, делай то, что велено, а возвратившись, честно и прямо доложи обо всем. Не пытайся превознести свои таланты. Также, в зависимости от ситуации, спрашивай совета мудрых людей о том, что и как передать господину. Не полагайся во всем только на себя.

Правило: В присутствии господина не сиди около сплетничающих. Оставайся в стороне от них. Нечего и говорить: не распускай слухи о самом себе и не смейся в открытую. Если будешь делать так, не только вышестоящие, но и равные тебе бросят тебя.

Правило: Говорят: «Делай все вместе с другими, и тогда избежешь несчастья». Полагайся на других во всем.

Правило: Когда бы у тебя не появилось время для самого себя, используй его для чтения. Всегда имей при себе что-

* Мужчины в те дни собирали волосы в пучок на голове и брили макушку, так что им нужно было не просто причесаться.

нибудь с написанными иероглифами и смотри на них, даже когда никто не смотрит. Если не будешь смотреть на них, засыпая и просыпаясь, будешь их забывать*. То же относится и к письму.

Правило: Если тебе нужно пройти перед старшими, пришедшими на аудиенцию к господину, согни ноги в коленях и опусти руки. Ни в коем случае не следует показывать ни уважения, ни смирения, а следует проскользнуть мимо. Все самураи должны быть почтительными и скромными.

Правило: Никогда не говори никому ни слова лжи или полуправды, будь это знатный или низкий. Даже шутя говори правду. Если будешь лгать, это станет твоей привычкой, и люди начнут досаждать тебе. В конце концов все покинут тебя. Ты должен помнить: если кто-то обвиняет тебя, это позор на всю жизнь.

Правило: Тот, кто не умеет составлять танка, бездарен и пуст. Изучай стихосложение. Всегда следи за тем, что говоришь. По одному твоему слову люди могут догадаться, что ты думаешь.

Правило: Когда бы у тебя ни появилось время, свободное от службы господину, упражняйся в верховой езде. Узнай основы от знатока, а как держать поводья — познаешь сам.

Правило: Ищи хороших друзей в учебе и занятиях письмом. Избегай плохих друзей в го, шахматах, в игре на свирели и флейте. Не знать об этом не постыдно, но и в том, чтобы помнить об этом, нет ничего плохого. Просто ты не потеряешь зря время. Хорош человек или плох — целиком зависит от его друзей. Куда бы ни отправились трое, среди них найдется один, достойный быть учителем. Выбери этого одного и следуй за ним. Наблюдая за тем, кто не хорош, исправляешь собственные ошибки**.

Правило: Когда уходишь со службы и возвращаешься домой, пройди из конюшен на задний двор, почини четыре стены и заборы и закрой лазы, проделанные в них собаками.

* Забавный, но весьма практичный совет. Для того, чтобы свободно читать и писать, необходимо помнить очень много китайских иероглифов. Проблема в те дни была еще более насущной, ибо формальной системы образования тогда не существовало.

** Последние две фразы — из книги VII «Бесед и рассуждений» Конфуция.

Беспечная служанка может взять для растопки солому с крыши. Позабывшись о сиюминутном, она не думает, что может случиться потом. Помни, что подобное происходит со всеми.

Правило: На закате прочно запири ворота и отпирай их только тогда, когда кому-то нужно войти или выйти. В противном случае в будущем непременно случится беда.

Правило: Вечером проверь, как горит огонь на кухне и в комнате жены. Вели ей быть осторожной и сделай все возможное, чтобы на тебя не перекинулся огонь со стороны соседей. Поступай так каждую ночь. Женщины, знатные они или низкие, обычно не думают о таких вещах и беспечно разбрасывают одежду и ценности.

Даже если у тебя есть слуги, не полагайся на то, что обо всем сказал им. Всегда все делай первым, дабы знать, как обстоит дело. И только потом думай о том, как заставить сделать это других.

Правило: Постоянно совершенствуйся в чтении, письме, военном искусстве, стрельбе из лука и езде на лошади. Об этом нет необходимости говорить подробно. Пусть ученость будет в левой руке, а военное искусство — в правой. Таков закон с древних времен. Никогда не пренебрегай им.

Миямото Мусаси: «Горин но сё» («Книга пяти колец»)

Миямото Мусаси (1584?–1645) достиг совершенства в одновременном владении коротким и длинным мечом, которые традиционно носили все самураи. Сам Мусаси называл свою технику *нитэнбити*, «два неба как одно», или *нитотти*, «два меча как один». Говорят, что он мог использовать такую технику фехтования оттого, что отличался высоким ростом и могучим телосложением.

«Горин но сё», «Книга пяти колец», написанная Мусаси на склоне лет в 1640–1642 гг., — это трактат по *хэйхо* (всеобъемлющий термин, обозначающий искусство сражения). В приводимых ниже отрывках *хэйхо* отражает очень широкий спектр понятий, от военной стратегии до самого поединка и фехтования.

«Пять» в названии книги — это пять элементов, составляющих, согласно буддийскому учению, феноменальный мир: земля, вода, огонь, ветер и воздух (или пустота). Названия «стихий» взяты для обозначения соответствующих «книг» преимущественно ради удобства, и их так называемая «философская подоплека» весьма прозрачна.

Слава Мусаси — мастера меча — гремела еще при его жизни, но о нем самом известно очень мало. Даже год и место его рождения мы не знаем точно. Большинство его деяний, описанных в последующих повествованиях и драмах, основаны на легендах и вымысле. Возьмем первые строки «Горин но сё»:

С молодых лет мое сердце питало склонность к Пути стратегии. Мой первый поединок состоялся, когда мне было тринадцать лет. Тогда я победил воина школы Синто Ари-ма Кихэ. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я одолел известного воина Акияма из провинции Тадзима. Когда мне

был двадцать один год, я отправился в столицу, где участвовал в поединках со многими мастерами и ни разу не потерпел поражения. Впоследствии я путешествовал из провинции в провинцию и мерялся силами со стратегами многих школ, и при этом, проведя не менее шестидесяти поединков, не уступил ни одному из них. Вот что я делал в возрасте от тринадцати до двадцати девяти лет.

В этом, казалось бы, безобидном пассаже содержатся весьма спорные биографические данные. В оригинале столица названа словом *тэнка*, также означающим «первая под Небом», «наилучшая в мире». Поскольку главы семьи Ёсиока служили сёгунату Асикага учителями фехтования и потому могут быть названы «наилучшими», оригинал можно интерпретировать так: Мусаси сражался с двумя братьями Ёсиока, как о том сказано в «Нитэн ки», биографии Мусаси, написанной его приемным сыном Иори:

Весной девятого года Кэйтё [1604], когда [Мусаси] был двадцать один год, он отправился в столицу и в Рэндайно, что в предместьях Киото, сражался с Сэйдзюро, старшим сыном Ёсиока Сёдзаэмона и первым мастером меча в Поднебесной, дабы выяснить, кто сильнее. У Сэйдзюро был настоящий меч, но Мусаси ударил его деревянным мечом. Сэйдзюро упал без чувств. Ученики подняли его, отнесли домой и лечили лекарствами: он выжил. После этого он бросил фехтование и постригся в монахи.

Далее Иори повествует, что младший брат Сэйдзюро Дэнситиро вызвал Мусаси на поединок и был мгновенно убит. Тогда Мусаси бросили вызов ученики Сэйдзюро во главе с его сыном Матаситиро. Но Мусаси убил и Матаситиро, и еще нескольких человек, после чего ушел.

Однако в семейных записях дома Ёсиока события описаны совершенно иначе: Сэйдзюро победил Мусаси, ранив его в бровь. Когда же Мусаси вызвали на бой ученики Сэйдзюро, он просто исчез.

В любом случае, Мусаси всегда восхищались и за его не-легкомысленный подход к искусству сражаться и убивать, и за то, что он всегда искал Путь.

Из книги земли

Когда мне исполнилось тридцать, я оглянулся на свое прошлое и осознал, что все это время побеждал не потому, что в совершенстве овладел стратегией. Возможно, победой я был обязан своим естественным способностям, воле Неба или тому, что стратегия других школ была заведомо слабее. После этого я посвятил каждый свой день с утра до вечера поискам принципа и, когда мне исполнилось пятьдесят, постиг подлинный Путь стратегии.

С тех пор я жил, не следуя какому-то конкретному пути. Овладев стратегией в совершенстве, я практикую многие искусства и техники, не признавая учителей*. При написании этой книги я не прибегаю к закону Будды или учению Конфуция, к летописям древних войн и учебникам по стратегии боевых искусств. Я берусь за кисть, чтобы изложить подлинный дух школы Ити, которая отражает Путь Неба и сострадание бодхисаттвы Авалокитешвары. Написано ночью десятого дня десятого месяца в час тигра.

Стратегия — ремесло воина. Предводители должны использовать это ремесло. Солдаты должны знать этот Путь...

Говорят, что воин следует двойственности Пути пера и меча, и поэтому должен понимать оба эти Пути. Даже если у человека нет естественной склонности, он может быть воином, если будет настойчиво практиковать оба Пути. Воистину, Путь воина — это решительное принятие смерти. Хотя священники, женщины, крестьяне и представители низших сословий подчас умирают с готовностью, повинувшись долгу или чувству стыда за содеянное, Путь воина означает другое. Воин отличается от других людей тем, что, изучая Путь стратегии, он стремится превзойти остальных. Одолевая врагов в поединках один на один или выходя с честью из стычек с большим числом нападающих, воин может снискать славу для себя и своего господина. Вот в чем добродетель стратегин...

* Мусаси в совершенстве овладел искусством чайной церемонии, рэнга, живописи и ваияни. Некоторые его монохромные картины очень высоко ценятся.

Краткое описание книг в составе «Книги пяти колец»

...Основы Пути стратегии с точки зрения школы Ити изложены мною в Книге Земли. Трудно постичь подлинный Путь, занимаясь одним лишь фехтованием. Познавайте малое и большое, поверхностное и глубинное. Первая книга подобна точной карте, нарисованной на земле, и поэтому она озаглавлена Книга Земли.

Вторая книга — Книга Воды. В основе сущего лежит Вода, и дух также подобен воде. Вода принимает форму сосуда, в котором находится. Это может быть струйка. Это может быть разбушевавшееся море*. Вода имеет ясный голубой цвет. С такой же ясностью представлены во второй книге основные принципы школы Ити. Если вы овладели техникой фехтования и одолели хотя бы одного человека, вы одолеете кого угодно в мире... Стратег превращает малые вещи в большие, словно высекает из камня большого Будду по его полуметровой модели...

Третья книга — Книга Огня. Эта книга о сражении. Дух огня яростен, каким бы ни был огонь, большим или малым... Дух битвы один и тот же, когда воины сражаются один на один и когда встречаются десятитысячные армии. Но большое легко постичь, малое — трудно.

Вкратце скажу, что изменить расположение большого числа людей очень трудно, поэтому их перемещение можно легко предсказать. Один же человек может легко перемещаться, и поэтому его движения предсказать трудно. Вы должны понимать это. Основная идея третьей книги в том, что для того, чтобы научиться быстро принимать решение, вы должны тренироваться днем и ночью. В искусстве стратегии необходимо видеть обучение частью повседневной жизни, и поэтому сохранять дух неизменным. Этому посвящена Книга Огня.

Четвертая книга — Книга Ветра. В этой книге речь идет о других школах стратегии... Трудно познать себя, если не

* «Дао дэ цзин», § 8: «Высшее благо словно вода. Вода приносит благо и пользу всем существам, ни с кем вражды не зная. Течет она в таких местах, где людям, да и тварям, жить нельзя. Поэтому близка она Дао-Пути» (пер. Е. А. Торчинова). Вода ни с кем не враждует и потому легко принимает любую форму.

знаешь других*... На каждом пути есть ответвления. Если вы изучаете Путь ежедневно, но ваш дух отвлекается, вы можете полагать, что следуете по подлинному Пути, но потом немного отступите от него и впоследствии это малое отступление станет большим...

И наконец, о пятой книге — Книге Пустоты. Под пустотой я понимаю то, что не имеет ни начала, ни конца. Постигание этого принципа означает не-постижение этого принципа. Путь стратегии — это путь Природы. Когда вы отдаёте должное силе природы и остаетесь чуткими к ритму в каждой конкретной ситуации, вы сможете напасть на врага и победить его естественно. Это и есть Путь пустоты. Таким образом, в Книге Пустоты я показываю, как естественно следовать подлинному Пути.

Два меча как один

Все воины, как предводители, так и солдаты, имеют у себя на поясе два меча. В старину эти мечи называли «длинный меч» и «короткий меч». В наши дни их называют «меч» и «меч-спутник». Скажем лишь, что в наших краях по некоторым причинам принято, чтобы все воины носили на поясе два меча. Таков Путь воина.

Школа «Два меча как один» показывает, как можно с успехом использовать оба меча. Изучающие Путь стратегии школы Ити с самого начала тренируются с длинным и коротким мечом, держа мечи в разных руках. Знайте, что, принося в жертву свою жизнь, вы не должны забывать об оружии. Совершает ошибку тот, кто умирает с оружием в ножнах.

Когда вы держите меч двумя руками, вам трудно переменить его направо и налево**. Кроме того, держать меч двумя

* «Суть-цзы»: «Если знаешь врага и знаешь себя, не окажешься в опасности даже если сразиться с ним сто раз; если не знаешь врага, но знаешь себя, будешь иногда побеждать, иногда проигрывать; если не знаешь ни врага, ни себя, в каждой битве окажешься в опасности».

** Практически все школы во времена Мусаси обучали фехтованию одним мечом и предполагали, что его следует держать двумя руками. Мусаси отказывался от этого правила как непригодного в условиях настоящего поединка.

руками неудобно, особенно когда вы скачете на лошади или бежите по неровной дороге, по болотистой местности, по грязному рисовому полю, по каменистой тропе или в толпе. Поэтому мой метод предполагает, что воин имеет по одному мечу в каждой руке. Это не относится к такому громоздкому оружию, как алебарда или копье, но человек вполне может держать в руках одновременно меч и меч-спутник.

Держать меч двумя руками не есть подлинный Путь еще и потому, что если вам понадобится держать в левой руке какое-то другое оружие, для длинного меча у вас останется только одна, правая рука. Однако, когда вам трудно зарубить врага одной рукой, вы должны держать меч двумя. Справляться с мечом одной рукой нетрудно. Чтобы научиться этому, нужно тренироваться с двумя длинными мечами, по одному в каждой руке. Сперва это может показаться трудным, но поначалу все трудно. Орудовать алебардой трудно. Стрелять из лука тоже трудно, но когда вы привыкаете к луку, вы можете натягивать его еще сильнее. Привыкнув к использованию длинного меча, вскоре вы научитесь мастерски обращаться с ним и обретете силу следовать Пути.

Длинный меч нужно использовать на длинных дистанциях, а короткий — на близких. Это следует понять прежде всего. В соответствии с учением школы Ити вы можете одержать победу и с длинным мечом в руках, и с коротким. Путь школы Ити — это дух победы, каким бы оружием вы ни пользовались и каким бы ни был размер этого оружия...

Мастеров длинного меча называют стратегами. В других военных искусствах изучающих стрельбу из лука называют лучниками, изучающих обращение с копьем — копьеносцами, изучающих стрельбу из ружей — стрелками, а изучающих алебарду — алебардистами. Но мы не называем мастеров Пути длинного меча «фехтовальщиками на длинных мечах» и никогда не говорим о «фехтовальщиках на коротких мечах». Поскольку луки, ружья, копья и алебарды — оружие воинов, обращение с ними составляет часть стратегии.

Овладеть искусством длинного меча значит познать мир и познать себя. Длинный меч является основой стратегии... Поэтому моя стратегия и есть совершенное искусство воина.

Выбор времени как составная часть стратегии

Выбор времени важен во всем. Чтобы научиться правильно выбирать время, нужно иметь большой опыт.

Координация движений важна в танце, игре на флейте и струнных инструментах, ведь от нее зависит мелодичность исполняемой музыки. Координации движений и ритму принадлежит первостепенная роль в боевых искусствах, в стрельбе и в скачках на лошадях...

В стратегии важны многие временные соображения. С самого начала вы должны знать, что такое правильное время и неправильное время. Среди больших и малых вещей, среди быстрых и медленных событий вы должны правильно учитывать время, принимая во внимание расстояние и побочные обстоятельства... Чтобы побеждать в битвах, нужно быть чутким к Пустоте, замечать ритм движений противника и действовать, выбирая время так, чтобы застать противника враспех.

Если вы днем и ночью практикуете стратегию школы Ити, ваш дух будет естественно укрепляться. Это касается стратегии сражения на поле боя и стратегии одиночного поединка в ограниченном пространстве.

Вот Путь для тех, кто желает изучать мою стратегию:

1. Не допускайте неискренности в мыслях.
2. Путь познается в тренировках.
3. Глубоко входите в каждое действие.
4. Изучайте Пути всех профессий*.
5. Различайте приобретение и потерю во всем.
6. Развивайте интуитивное понимание.
7. Замечайте то, что трудно заметить.
8. Обращайте внимание даже на пустяки.
9. Не делайте ничего бесполезного.

* Так, в одном из пассажей Мусаси демонстрирует хорошее знание плотнического дела, сравнивая обязанности и задачи воина и плотника. Впрочем, в то время самураев сравнивали с плотниками достаточно часто.

Из Книги Воды *Дисциплина духа в стратегии*

Ваша дисциплина духа в ходе изучения стратегии должна быть такой же, как и в повседневной жизни. Как в бою, так и в обычной жизни вы должны быть спокойны, но в то же время исполнены решимости. В каждой ситуации действуйте без напряжения, но и не опрометчиво. Ваш дух должен быть уравновешенным и беспристрастным. Даже когда ваш дух пребывает в покое, не позволяйте своему телу расслабляться, а когда ваше тело расслабляется, не позволяйте духу терять бдительность. Не позволяйте духу попадать под влияние тела, а телу — под влияние духа. Не позволяйте себе падать духом, но и не будьте слишком воодушевлены. Возбужденный дух слаб. Поверженный дух тоже слаб. Не позволяйте врагу видеть ваш дух.

Малые люди должны хорошо знать дух больших людей, а большие люди должны знать дух малых людей. К каким бы людям вы ни относились, не позволяйте своему телу вводить вас в заблуждение. Когда ваш дух открыт и не стеснен, смотрите на вещи возвышенно. Вам следует развивать в себе решительность и мудрость. Приобретайте опыт, учитесь судить о справедливости в делах людей, различайте добро и зло, изучайте Пути различных искусств. Если никто не может вас обмануть, значит, вы постигли мудрость стратегии...

Стойка в стратегии

Стойка должна быть такой, чтобы голова располагалась прямо, взгляд не был направлен ни вверх, ни вниз, ни в сторону. Лоб и переносица не должны быть сморщены. Не выпучивайте глаза и не позволяйте им мигать, но немного прищурьте их. Черты лица должны быть спокойными. Держите нос прямо и немного раздвиньте ноздри. Следите за тем, чтобы затылок был прямым. Пусть ваша прическа выражает силу. Пусть та же сила дает о себе знать от плеч вниз по всему телу. Опустите плечи и, не выпячивая ягодиц, позвольте силе выйти в ноги, спуститься от колен до самой стопы. Втяните живот так, чтобы не нужно было сгибать ноги в бедрах. Засуньте меч-спутник за пояс так, чтобы пояс не расслаблялся. Этот прием называется «втискиванием меча».

Во всех разновидностях стратегии важно научиться сохранять боевую стойку в повседневной жизни и сделать свою повседневную стойку боевой. Следует уделять этому должное внимание.

Взгляд в стратегии

Взгляд должен быть широким и внимательным. Взгляд выполняет две функции: слежение и обнаружение. Обнаружение должно быть сильным, а слежение — слабым.

В стратегии важно видеть удаленные вещи так, словно они рядом, и удалять на расстояние вещи, находящиеся поблизости. Очень важно также знать меч противника и не отвлекаться, замечая незначительные движения этого меча...

Взгляд должен быть одним и тем же в одиночном поединке и в битве с целой армией. Стратегия учит смотреть по сторонам, не перемещая глаз...

Путь длинного меча

Постижение Пути длинного меча означает, что мы можем обращаться с этим мечом, держа его двумя пальцами. Хорошо зная свойства длинного меча, мы можем легко обращаться с ним.

Пытаясь действовать длинным мечом быстро, вы отступаете от истинного Пути. Правильно обходиться с длинным мечом означает действовать спокойно. Пытаясь владеть этим мечом быстро, как коротким мечом или складным веером, вы совершаете ошибку, которую называют «подобие ударов коротким мечом». Вы не сможете зарубить человека, используя длинный меч таким образом.

Когда вы рубите длинным мечом сверху вниз, поднимайте его вверх вертикально. Когда вы рубите со стороны, заносите меч со стороны. Возвращайте меч в исходное положение самым подходящим образом, всегда до конца разгибая локти. Держите меч крепко. Таков Путь длинного меча.

Учение о положении-без-положения

Смысл «положения-без-положения» в том, что ни в одном из положений длинного меча нет необходимости.

И все же положения существуют как разные способы держать длинный меч. Как бы вы ни держали меч, вы должны быть готовы нанести решающий удар, принимая во внимание ситуацию, место и ваше отношение к противнику. Из верхнего положения, когда дух идет на убыль, вы можете перейти в среднее положение, а из среднего положения можно немного поднять меч и занять верхнее положение. Кроме того, из нижнего положения вы можете перейти в среднее, если того требуют обстоятельства. В некоторых ситуациях, переводя меч из левостороннего или правостороннего положения ближе к центру, вы оказываетесь в среднем или нижнем положении.

Этот принцип называется «перемещение меча из существующего положения в несуществующее положение».

Прежде всего вы должны стремиться к тому, чтобы в результате ваших действий противник был поражен. Вы должны серьезно задуматься над этим.

Удар без плана, без представления

В этом методе, отвечая атакой на атаку противника, ускорьте движения и наносите удар телом, духом и руками из Пустоты. Вот что такое удар без плана, без представления*.

Случай нескольких противников

Этот случай имеет место, когда вы сражаетесь с несколькими нападающими в одиночку. В этом случае обнажите длинный меч и меч-спутник и займите широкое левостороннее и правостороннее положение. Смысл в том, чтобы заставить противников перемещаться из стороны в сторону, даже если они нападают со всех сторон.

Внимательно следите за тем, в каком порядке к вам приближаются противники, и отражайте удары тех из них, которые к вам ближе всего. Охватывайте взором всех нападающих сразу и внимательно наблюдайте за их приближением, стараясь отвечать ударами левой и правой руки поочередно.

* Яп. *мунэн мусо*. Означает способность действовать естественно и спокойно перед лицом опасности. Такое действие возможно, когда человек достиг высшей гармонии, и его действия спонтанно соответствуют его словам.

Не выжидайте. Постоянно меняйте положение и отражайте нападающих с той стороны, с которой они приближаются. Как бы вы ни действовали, вы должны собрать их вместе, словно вы нанизываете рыбу на одну нить, и когда они собрались вместе, рубите быстро, не оставляя времени на перемену.

Шаг за шагом идите по этому Пути длиною в тысячу миль. Изучайте стратегию много лет и постигайте дух воина. Сегодня перед вами открывается возможность победить свое вчерашнее «я», завтра — свое сегодняшнее «я». Чтобы одержать победу над более опытными воинами, тренируйтесь по этой книге, не позволяя своему сердцу отклоняться от избранного пути. Даже если вы одолели врага, но при этом не действовали в соответствии со своими знаниями, вы отступили от подлинного Пути.

Постигнув Путь победы до конца, вы сможете справляться с несколькими десятками человек сразу. Изучив эту книгу, вам останется лишь приобрести опыт фехтования. Вы сделаете это в битвах и поединках.

Из Книги Огня

Особенности обстановки

Изучите место поединка.

Займите позицию спиной к солнцу. Если ситуация не позволяет сделать это, вы должны попытаться встать так, чтобы солнце было справа от вас.

В комнате же вы должны расположиться так, чтобы выход был за спиной у вас или справа от вас. Позаботьтесь о том, чтобы сзади и с левой стороны от вас было свободное место, тогда как справа находился меч в боевом положении. Если поединок проходит ночью, и если у вас есть такая возможность, поместите источник света у себя за спиной и займите описанное выше положение. Вы должны смотреть вниз на своего врага, находясь на небольшой возвышенности. Так, камидза* в домах, как правило, находится на возвышенности.

В ходе поединка всегда стремитесь оттеснить противника в левую сторону от себя. Загоняйте его в неудобные места и старайтесь сделать так, чтобы за спиной у него были препятствия. Когда противник окажется в невыгодном месте, не давайте ему времени осмотреться, стремительно преследуйте его и наносите ему удары. В домах оттесняйте противника к колоннам, загоняйте его на пороги, перемычки, в дверные проемы, веранды и так далее, не оставляя ему времени на оценку достоинств и недостатков его расположения.

Вынуждайте противника занимать неудобные положения, находиться вблизи препятствий и так далее. Сами же находите такие положения поблизости, которые дают вам преимущество. Чтобы научиться использовать такие возможности, вы должны их исследовать и неустанно тренироваться.

Понимание ситуации

Понимание ситуации означает знание настроения противника в ходе битвы. Помогает ли это победить? Наблюдая за духом вражеских воинов и занимая наилучшее расположение,

* Камидза — немного приподнятое углубление в стене, где находятся свиток, культовые предметы и доспехи. Место поклонения предкам. Глава семьи всегда сидел ближе всех к этому месту.

вы можете нейтрализовать преимущества врага и создать хорошие условия для победы. Вы можете одержать победу благодаря этой стратегии, вступая в бой с более выгодной позиции.

В поединке вы должны опередить противника и атаковать его, как только вы выяснили его сильные и слабые стороны, определив школу стратегии, к которой он принадлежит. Атакуйте самым неожиданным образом, принимая во внимание ритм перемещений и координацию движений противника.

Если ваши способности велики, понимание ситуации означает для вас видение самой сути вещей. Глубоко овладев стратегией, вы увеличиваете свои шансы разгадать намерения противника и тем самым получить все необходимые преимущества для победы. Вы должны активно учиться этому.

Станьте своим противником

Стать противником означает поставить себя в положение противника. Люди склонны относиться к вору, обнаруженному в их доме, как к врагу за крепостными стенами. Но когда мы вообразим себя этим вором, мы увидим, что весь мир против нас, и у нас нет другого выхода, кроме как сражаться до последнего. Внутри дома находится фазан. Ястреб вознамерился схватить его. Вы должны понимать это.

В крупномасштабной стратегии люди всегда пребывают под воздействием чувства, что враг силен, и поэтому склонны к осторожности. Но если у вас хорошие солдаты, если вы понимаете принципы стратегии и знаете, как следует нападать на врага, вам не о чем беспокоиться.

В поединке один на один вы также должны ставить себя в положение противника. Размышляя про себя: «Я мастер Пути, знающий все принципы стратегии», вы потерпите поражение.

Перемещение тени

Перемещение тени используется, когда вы не видите духа противника.

В крупномасштабной стратегии, когда вы не видите расположения противника, покажите, что собираетесь решительно атаковать, и, таким образом, определите его силы. В этом случае, если вам удалось выяснить его возможности, вы победите, быстро изменив тактику.

В поединке с одним противником, если враг держит длинный меч сзади или со стороны, вы не можете разгадать его намерений. В этом случае изобразите атаку, и враг покажет вам свой длинный меч, полагая, что увидел ваш дух. Извлекая преимущества из того, что вы увидели, теперь вы можете уверенно победить его. Действуя же небрежно, вы можете выбиться из ритма. Тщательно исследуйте этот вопрос.

Внушение

Обо многих вещах говорят, что они передаются или что их можно внушить. Сонливость внушается. Зевота внушается...

В крупномасштабной стратегии, если враг проявляет активность или подает признаки суеты, не обращайтесь на это внимание. Проявляйте невозмутимость. Это произведет впечатление на врага, и он расслабится. Когда вы увидите, что ваш дух расслабления передался врагу, вы можете победить его неожиданной атакой, приводя в действие дух Пустоты.

В поединке с одним противником вы можете победить, расслабив свое тело и дух, а затем, уловив момент, когда враг расслабился, застать его врасплох, атакуя сильно и быстро...

Испуг

Чтобы испугать противника, нужно сделать что-то неожиданное.

В крупномасштабной стратегии вы можете испугать врага не только своим видом, но и криками, созданием иллюзии силы или угрозой напасть с фланга без предупреждения. Все это может вселить страх. Вы можете победить, извлекая максимум преимуществ из скованных действий противника.

В поединке один на один вы также должны стремиться застать врасплох и победить противника, испугав его своими движениями, мечом или голосом. Вы должны исследовать эту возможность.

Командир знает войска

Принцип «командир знает войска» проявляется в моем Пути стратегии на всех уровнях.

Следуя мудрой заповеди, считайте вражескую армию частью своих войск. Относясь к врагу таким образом, вы можете

легко перемещать и преследовать врага по собственному желанию. Вы становитесь генералом, а враг — вашими войсками. Вы должны овладеть этим принципом.

Из Книги Ветра

...Без знания о Пути других школ трудно понять суть стратегии моей школы Ити. Глядя на эти Пути, мы обнаруживаем, что одни школы специализируются на технике развития силы, используя очень длинные мечи, тогда как другие идут по Пути короткого меча. В одних школах преподают мастерское владение фехтовальными техниками, тогда как в других практикующих учат, что владение мечом «поверхностно», а «глубинным» является лишь Путь.

В этой книге я излагаю один за другим недостатки других школ стратегии.

Методы использования длинного меча

Я знаю, что в других школах развито множество методов использования длинного меча с единственной целью — привлечь внимание потенциальных учеников. Эти школы продают Путь и оскверняют дух стратегии.

Учителя других школ подчас говорят о том, что существует много способов сразить человека. Но убийство как Путь недостойно человека. Смерть одинакова для тех, кто знает о боевых искусствах, и тех, кто не знает. Умирают в равной мере мужчины, женщины и дети, и поэтому не должно быть много способов сразить человека. Можно говорить о различных тактиках, таких как прокалывание или рассечение, но дальше этого идти не следует.

Нанесение решающего удара врагу как подлинный Путь стратегии не нуждается в разнообразии. Но все же мы должны сказать, что в некоторых местах ваш длинный меч может встретить препятствие вверху или по сторонам. Поэтому вы должны будете держать меч так, чтобы им можно было воспользоваться. Существует пять положений меча и пять подходов.

Все другие подходы, кроме этих пяти — выкручивание рук, изгибание тела, прыжки и так далее — не относятся к подлинному Пути стратегии. Чтобы зарубить противника, вам незачем делать необычные движения своим телом или выкручивать ему руки. Это полностью бесполезно. Моя стратегия говорит, что следует держать дух и тело прямыми, заставляя

врага изгибаться и извиваться. Необходим лишь воинственный дух, который одерживает победу, когда дух неприятеля сломен.

«Внутреннее» и «внешнее»

В стратегии не существует «внутреннего» и «внешнего».

В искусствах часто говорят о внутреннем смысле, или тайной традиции, и видимости, или «вратах», но в поединке не существует таких понятий, как сражение на поверхностном уровне и нанесение глубинного удара. Обучая, я прежде всего знакомяю учеников с техникой и методами, доступными их пониманию. Постепенно, по мере того как они совершенствуются, я перехожу к более фундаментальным принципам, которые понять труднее. Но при этом я не говорю о «внутреннем» или «внешнем», потому что в каждом случае глубина понимания определяется личным опытом.

Когда вы путешествуете в горах, порой вам кажется, что вы уходите все дальше и дальше, тогда как на самом деле вы приближаетесь к отправной точке. В других Путих есть более или менее важные принципы, и порой бывает полезно обратить на них внимание начинающих. Но о стратегии нельзя сказать, что в ней есть тайное и явное.

На моем Пути не нужно давать письменные обещания и свидетельства. Видя способности ученика, я обучаю его истинному Пути, постепенно устраняя дурное влияние других школ и воспитывая в нем дух воина. В основе преподавания моей стратегии лежит дух доверия.

Книга Пустоты

Подлинный Путь стратегии школы Нито Ити запечатлен в этой книге, Книге Пустоты.

Пустотой называют то место, где ничего нет. Пустота не имеет никакого отношения к человеческим знаниям. Воистину, в пустоте пребывает полное отсутствие. Познавая то, что существует, вы можете познать то, чего не существует. Такова пустота.

Люди в этом мире совершают ошибку, полагая, что то, чего они не знают, является пустотой. То, чего люди не знают, не есть подлинная пустота. В этом их заблуждение.

По мнению некоторых воинов, то, чего они не знают на Пути стратегии, есть пустота. Но это также не подлинная пустота.

Чтобы постичь Путь стратегии, вы должны быть подлинным воином. Вы должны изучать боевые искусства и не отступать от Пути ни на шаг. Не нарушая покоя своего духа, тренируйтесь ежедневно, ежечасно. Очистите две стороны своего духа, сердце и ум. Проясните две стороны своего видения, зрение и восприятие. Когда ваш дух не будет замутнен, облака заблуждения развеются, и вы постигнете подлинную пустоту.

Пока вы не постигли подлинный Путь буддизма или иной религии, вы можете полагать, что жизнь этого мира правильна и гармонична. Но если вы посмотрите на вещи непредвзято, с точки зрения высших законов, вы увидите, что многие учения уводят людей прочь от подлинного Пути. Глубоко постигните этот дух, основание которого — решимость, а действие — подлинный Путь. Используйте стратегию широко, верно и открыто.

Когда вы задумаетесь о вещах в широком смысле и выберете пустоту в качестве Пути, вы постигнете Путь как пустоту.

В пустоте есть добродетель и нет порока. Мудрость обладает существованием, принцип обладает существованием, Путь обладает существованием, дух обладает пустотой.

Араи Хакусэки: «Мой отец»

Араи Хакусэки (1657–1725), благодаря своим знаниям занявший пост главного советника при шестом сёгуне Токугава Иэнобу (1662–1712; сёгун — в 1709–1712), отличался энциклопедичностью: он интересовался историей, географией, международной политикой, религиями, лингвистикой и классической литературой. Его автобиографическое сочинение «Оритаки сиба но ки» («Собирание и сжигание хвороста») знаменито включенной в него биографией его отца Масанари (1601–1682), самурая, чья юность пришлось на годы «не столь уж далекие от эпохи Сражающихся царств», как говорит сам Хакусэки. Описанием жизни отца начинается его повествование.

Люди в старину говорили только тогда, когда у них было что сказать, и никогда не тратили слов попусту. И даже когда они произносили то, что должны были произнести, они обходились немногими словами и выражали самую суть. Мои покойные отец и мать были такими людьми.

Когда отцу исполнилось уже семьдесят пять, он заболел тифом. Когда, казалось, смерть уже близка, пришел лекарь и посоветовал принимать доку-дзинто*. Отец часто говорил: «Когда ты стар, непристойно забывать о том, что жизнь не бесконечна, и пытаться ненадолго продлить свое существование с помощью лекарств. Это удел молодых. Всегда помни об этом».

* Горячее сладкое из выпаренной моркови, иногда смешанной с имбирем.

Помня его слова, кто-то спросил, как же он поступит. Даже стоявшие рядом чувствовали его боль, его тяжелое дыхание, поэтому ему поднесли лекарство вместе с напитком из имбиря. Он стал дышать лучше, и в конце концов выздоровел.

Позднее мать спросила отца: «Почему во время болезни вы всегда лежали к нам спиной и не говорили нам ни единого слова?»

«Даже когда мне очень больно, я никогда не показываю это окружающим. Так что я не мог поступить иначе. Кроме того, я видел много людей, говорящих в бреду постыдные слова, и решил, что будет лучше, если я не произнесу ни слова. Вот почему я так поступил».

Теперь вы можете догадаться, как он вел себя, когда был здоров. К сожалению, я часто не осмеливался спросить его о том, о чем хотел спросить. И когда он оставил нас, многое так и осталось неспрошенным.

Отец говорил: «По какой-то причине мой отец потерял свои земли и удалился на покой. У него были большие глаза, густая борода, да и вообще он выглядел устрашающе. Но, насколько я помню, когда он умер, у него не было ни одного седого волоса».

Каждый раз во время еды он доставал палочки из черной лакированной коробочки, на которой были нарисованы ирисы. После еды он клал их обратно в коробочку и оставлял ее рядом с собой.

Однажды я спросил об этом старую служанку, воспитавшую меня, и вот что она поведала: «Как-то в сражении он принес своему командующему голову знатного врага. “Вы, должно быть, устали в сражении. Это вам”, — сказал командующий и подал ему переносной столик для еды и эти палочки. В те времена то была высокая честь. Вот почему он и сейчас всегда держит их рядом с собой».

Тогда я был еще маленьким мальчиком и не понял, когда и где произошла эта битва, и кто был командующим. Единственное, что я и сейчас помню из сказанного им мне, это следующее. Я играл со своим сверстником и сказал ему: “Ты говоришь оскорбительные слова”. Отец услышал меня, подо-

звал и произнес: «Получить оскорбление — позор для мужчины. Сейчас ты позволил оскорбить себя. Никогда не делай этого»».

Юность отца пришлась на годы, не столь уж далекие от эпохи Сражающихся царств*. Люди в то время поступали справедливо и придерживались принципов, весьма отличных от сегодняшних. Отец много лет провел в путешествиях по западу и востоку, редко засиживаясь в одном месте. Когда ему был тридцать один год, он начал служить Помощнику министра по общественным делам Минамото-но Тосинао**. Как-то ему поручили охранять трех воинов, задержанных по подозрению в ночных грабежах и запертых в сторожевой башне под главными воротами. Получив приказ, он сказал: «Господин, пока мне поручено охранять их, прошу не забирать у них длинных и коротких мечей».

Его просьбу удовлетворили и отдали ему мечи арестованных. Он взобрался на сторожевую башню и вернул мечи трем воинам со словами: «Если вы хотите бежать, отрубите мне голову прямо сейчас. Я не могу сражаться с вами троими. Это значит, что в моих мечях проку нет».

Потом он перевязал свои мечи длинным полотенцем и сбросил их вниз. В течение десяти дней он ел и спал с ними. Затем выяснилось, что разговоры о причастности этих троих к грабежам безосновательны. Тем не менее, их сочли недостойными для несения службы и изгнали из дома Кохо***. Перед уходом трое воинов сказали моему отцу: «Какими же недостойными считал нас господин, если поручил охранять нас одному человеку. Мы считали, что должны доказать ему нашу верность, но если бы мы убили вас, безоружного, он бы счел, что у нас совсем нет совести. И это причинило нам боль. Мы решили: если нам суждено быть преданными смерти, пусть так

и будет. Если же нам суждено остаться в живых, мы найдем способ отомстить за себя. Вышло так, что благодаря вашему состраданию нас не лишили мечей, и мы не утратили имени самураев. Мы никогда не забудем о вашем милосердии. Наша боль ушла».

Вот что отец передал мне. Вскоре он получил новое назначение и закончил службу в доме Кохо.

Сколько я помню своего отца, он придерживался твердого распорядка дня и никогда не изменял его. Каждый день он вставал в четыре утра, умывался и самостоятельно укладывал волосы.

В холодные дни мать говорила: «Умойся горячей водой». Но отец всегда отвечал: «Не стоит тревожить слуг».

Когда ему стало за семьдесят, мать сказала: «Я постарела и более не могу выносить ночной холод». Впредь она жгла древесный уголь и, ложась спать, вытягивала ноги у очага. Она также ставила рядом с очагом чайник с водой и подавала отцу горячую воду, когда он вставал.

Оба были ревностными буддистами. Каждое утро отец, приведя в порядок прическу, переодевался и молился Будде. В дни поминовения они сами готовили рис и подносили его умершим предкам, никогда не позволяя слугам сделать это за них.

Если все было исполнено, а солнце еще не взошло, отец садился и ждал рассвета, а потом отправлялся на службу. Место его службы находилось к югу от дома, а выходил он через северные ворота. Утром он огибал дом с восточной стороны, а вечером — с западной. Он носил сэтта, сандалии с кожаными подошвами, и намеренно ступал очень громко, чтобы люди знали о его приближении. Дети переставали плакать.

Каждый год в восьмом месяце Кохо отправлялся в свое поместье Мота, что в провинции Кадзуса, и возвращался в середине двенадцатого месяца*. После возвращения он всегда вызывал моего отца и расспрашивал его о том, что произошло за время его отсутствия**. Каждый год отец говорил одно: «Доложить особенно не о чем, господин».

* За год до рождения Масахари произошла битва при Сэкигахара, в которой Токугава Иэясу одержал победу и установил контроль над всей Японией. В 1614 и 1615 гг. Иэясу разгромил последних приверженцев своего бывшего господина Тоётоми Хидэёси и окончательно утвердил свою гегемонию.

** Цутиё Тосинао (1607–1675) — мелкий даймё из провинции Кадзуса. «Помощник министра» — церемониальный придворный ранг.

*** Кохо — китаизированное название Ведомства по общественным делам. Ниже Тосинао будет называться этим титулом.

* При Токугава даймё и вассалы ранга *хатамото* должны были половину каждого года или год через год проводить в Эдо.

** Масахари служил у Тосинао *мэцукэ*, «инспектором», и должен был следить за поведением вассалов Тосинао.

Так шли годы, и однажды Кохо сказал: «Конечно, наш дом невелик, но все-таки было оставлено не несколько человек. Ведь не может же быть, чтобы за все эти годы совсем ничего не случилось? Но вы год за годом говорите мне, что доложить не о чем. Не понимаю, как это так!»

«О всех важных делах вам докладывают незамедлительно, господин, — ответил отец. — Что же касается незначительных дел, то я обсуждаю их с людьми, уполномоченными вами на время вашего отсутствия, и решаю их. Поэтому действительно нет ничего такого, о чем бы я мог вам доложить».

Но и после этого Кохо по возвращении из Кадзуса неизменно вызывал моего отца. Кохо говорил ему о том, что видел, и лишь спустя много часов отпускал его. «Он более никогда не спрашивал, что произошло в его отсутствие», — сказал отец.

В конце второго года Сёхо [1645] подошел черед Кохо охранять замок Суруга*. У отца в то время были дела в поместье Кохо в Кадзуса, поэтому он не отправился вместе с господином. Весной следующего года к нему прибыл гонец с приказом спешно явиться. Отец сразу же покинул провинцию Кадзуса и направился к Суруга.

«В те дни покой охранявших замок были все еще окружены лишь частоколом из перевязанных стеблей бамбука, — говорил отец. — Поэтому каждую ночь молодые самураи перемахивали через частокол и играли. Старшие говорили господину, что нет никакой возможности удержать их. Вот почему Кохо вызвал меня.

В таком положении, думал я, наша репутация пострадает, даже если один человек совершит какой-нибудь проступок. И у меня появилась идея. Я осмотрел местность вокруг наших покоев и расставил стражу. Потом я приказал построить четыре-пять сторожевых домика и в каждый поместил по два воина. Каждую ночь, после захода солнца и до рассвета, я лично обходил местность, хвалил тех, кто не пренебрегает своими обязанностями, и предупреждал тех, кто делал это. Так продолжалось в течение всей нашей службы. Я не спал ни одной ночи. Но никто не выскочил ночью играть».

* Цитадель Токугава Иэясу.

В четвертый год Сёхо [1647] пришла очередь Кохо сторожить огонь на горе Никко*. Ему было предписано оставаться там сто дней подряд. В следующем году он должен был нести службу в замке Осака**. И в этот раз он взял моего отца с собой. На всем пути отец ни одну ночь не смыкал глаз. По дороге он дремал в седле, а на месте он выполнял днем свои обязанности, а ночью ему удавалось поспать лишь урывками. В конце концов его поразила слепота. Позднее он со смехом вспоминал, что, когда они возвращались из замка Осака и у поста Мисима их застал вечер, он не видел света, зажженного в домах.

«Господин, почему в то время вы поступали так?» — спросил я.

«Тому были причины, сын, — сказал отец. — Один молодой знатный самурай совершил тяжелое преступление. Он знал, что, если об этом станет известно, ему не избежать наказания, поэтому, перед тем как сбежать, он мечом убил другого самурая, чтобы представить дело так, будто преступление совершено из зависти. Кохо возненавидел его и искал, но никак не мог найти. Тогда он решил, что если возьмет под стражу престарелую мать беглеца, тот появится. Он арестовал и удерживал ее, но преступник так и не появился. Прошли дни и месяцы, и вот мать умерла в тюрьме. Потом кто-то сообщил мне, что беглец подкрадывается к Кохо в облиии странствующего монаха.

Если это правда, подумал я, то он попытается использовать свой шанс, пока Кохо путешествует. Поэтому я тайно расставил караулы и каждую ночь сам обходил их, так же, как и в Суруга. Все сочли, что я просто делаю то же самое, что и прежде».

Подав в отставку, отец рассказал мне одну историю: «Некто по имени Асидзава в детстве потерял отца. Кохо дал ему земли и держал рядом с собой. Когда этому человеку исполнилось двадцать, Кохо вызвал меня. Господин сидел на чем-то, а на коленях у него лежал меч. Я увидел, что он не похож

* Тосё-ин был построен на горе Никко в честь Иэясу. Правительство Токугава предписывало даймё по очереди охранять огонь в святилище.

** От даймё требовалось «охранять» ворота замка Осака, западной цитадели сёгуната.

на себя самого. “Подойдите поближе”, — сказал он. Я сделал было движение, чтобы достать из-за пояса короткий меч перед тем, как приблизиться к нему, но он сказал: “Подойдите ко мне так”. Когда я приблизился к нему, он объявил: “Я собираюсь вызвать Асидзава и убить его за преступление своими собственными руками. Оставайтесь на месте”.

Я остался, ничего не ответил. Чуть спустя господин сказал: “Вы ничего не ответили. Значит ли это, что у вас есть свои соображения?” — “Да, господин, — сказал я. — Асидзава часто говорит: “Ребенком я потерял отца, но я стал тем, кем стал, благодаря необычайной доброте нашего господина. У меня не хватит сил, чтобы отблагодарить его за его милости”.

Асидзава рожден смелым, но он еще молод и совершает глупые поступки. Что такого ужасного он совершил сейчас? Многие, не похожие в юности на него, и повзрослев не могут сделать ничего полезного. Я думал обо всем этом и не смог ответить сразу. Прошу прощения, господин”.

Кохо молчал, и я более ничего не говорил. Потом он произнес: “У вас на лице комары. Смахните их”. Я повел головой, и шесть или семь комаров, которые, напившись крови, спали, похожие на ягоды, упали на пол. Я достал из-за пазухи кусочек ткани, завернул их в нее, положил в рукав и стал ждать. Вскоре Кохо сказал: “Вы можете идти отдыхать”. И я ушел.

Тот человек любил выпить и порой, напившись, становился диким. Я поговорил с его хорошим другом по имени Сэки, и мы заставили его бросить дурную привычку. Спустя месяцы и годы он занял пост своего отца.

Сейчас Кохо уже нет, но я надеюсь, что он не забудет наших слов и до конца исполнит свой долг».

Отец рассказал все это, когда господин, о котором шла речь, после долгого перерыва напился вновь и вел себя ужасно.

В доме Кохо был человек по имени Като. Когда мне было двадцать, он выглядел на шестьдесят с небольшим. Говорили, что его дед был «командующим над воинами» в Сатоми, Ава, и защищал замок в местечке под названием Сануки, в провинции Кадзуса. В его доме хранилось два драгоценных меча, «меч змеи» и «меч обезьяны». «Меч змеи» я видел сам. Он был длиной в три фута, с тонким лезвием.

«Меч обезьяны» получил, как говорили, свое название потому, что Като в свое время выпросил его у вожака стаи обезьян. Я очень хотел увидеть его. В шестнадцать лет Като убил этим мечом собственного слугу, когда тот мариновал рыбу. Вместе со слугой оказалась разрубленной надвое и чаша цвета морской волны. Так говорили все.

После того как отец подал в отставку, я как-то упомянул об этом мече.

«Сейчас мы одни, поэтому я скажу тебе, — молвил он. — Не стоит принимать за чистую монету все, что говорят люди. Меч, которым была разрублена чаша, я отдал тебе, когда ты был маленьким. В то время Като жил рядом со мной, на втором этаже. Как-то хозяин и слуга громко поссорились, я забеспокоился и вдруг услышал, как Като бежит вниз по ступенькам. Я схватил свой меч и бросился вниз. Като уже нанес человеку удар, но, поскольку он не отличался силой рук, рана оказалась неглубокой. Слуга уже хотел напасть на него с кухонным ножом, но тут я вытащил свой меч и ударил его. Удар получился косым, от плеча вниз, и вместе с ним под удар попала и чаша. После паузы я сказал Като: “Нанесите ему последний удар”. Потом я вытер со своего меча кровь, вложил его в ножны и быстро вернулся домой.

Сбежались люди, и вся слава в конце концов досталась “мечу обезьяны”.

Мой меч поначалу принадлежал человеку по имени Гото из провинции Кодзукэ. Его старший брат как-то нанес врагу боковой удар и отсек ему верхнюю половину головы. Гото говорил, что в детстве любил играть скальпом этого врага. Узнав об этом, я несколько лет просил у него этот меч и, наконец, получил его. Береги меч и держи его рядом с собой, чтобы потом ты мог передать его».

Меч теперь лежит в изысканно украшенных ножнах и зовется «львом».

Кстати, мой великолепный короткий меч, выкованный Киёкуни, принадлежал в свое время внуку губернатора Тамба Окабэ, сражавшемуся на стороне Такэда из Кан. Он был двоюродным братом Таданао, отца Кохо, и жил в провинции Этидзэн. В молодости Таданао приглашал его на службу, намереваясь сделать его своим прямым вассалом, но вскоре умер, и этот господин провел всю жизнь в доме Кохо.

Когда этому господину было тринадцать лет, он как-то отправился со своим слугой, пажом лет шестнадцати, половить сорокопугов. Вдруг откуда-то выскочил разъяренный раненый кабан. Слуга, бросив хозяина, взобрался на сосну, что росла неподалеку. Кабан бросился прямо на господина и, казалось, вот-вот повалит его. Тот вытащил свой короткий меч и ударил зверя. Зверь захватил лезвие своей пастью почти до самой рукоятки и попытался повалить мальчика. Но за спиной у мальчика было большое дерево, так что повалить его оказалось не так просто. Кабан напирал и нападал. Серебряная рукоять меча вначале согнулась на один дюйм, и вдруг выпрямилась. Голова кабана оказалась рассечена от рыла до мозга. С мечом, вошедшим в пасть по самую рукоять, зверь рухнул замертво.

С этим господином, внуком прославленного человека, происходило много подобных случаев, еще когда он был невинным мальчиком. Отец получил его меч и передал мне.

По другому случаю отец как-то сказал: «Никогда не говори никому в лицо, что у тебя острый меч. Когда я был молод, кто-то услышал, как один человек похвально своим мечом, говоря, что он рубит великолепно, и сказал: “О Небо, вы ведете себя так грубо, как будто рядом с вами никого нет. Неужели вы думаете, что кто-то будет носить меч, который рубит плохо? А ну-ка, убедитесь сами, рубит мой меч или нет!” С этими словами он вытащил свой меч. Только потому, что его удержал спутник, ничего не произошло. Таковы были люди в старину».

К тому времени, как я стал понимать вещи, у отца осталось лишь несколько прядей черных волос. Лицо его стало морщинистым, лоб выпятился. Он был невысок ростом, но широк костью, и выглядел очень сильным. По своей природе он также не был склонен показывать радость или гнев. Я не помню, чтобы он громко смеялся. Еще менее громко он порицал кого-либо. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос. Он был скуп на слова и никогда не вел себя легкомысленно. Я не видел его удивленным, суетящимся или смущенным.

В тихие часы он убирал вазу пару весенних или осенних цветов и проводил так целый день, сидя с закрытыми глазами. Порой он немного рисовал, но не любил рисовать цветом.

Отец никогда не просил других людей что-нибудь сделать для него, за исключением тех моментов, когда болел. Он

всегда все делал сам. Утром и вечером он съедал лишь по чашке риса.

«Когда держишь чашку в руке, — говорил он, — по ее весу можно определить, много или мало в ней риса. Ешь что-нибудь другое, в зависимости от того, много риса или мало, и не ешь больше, чем необходимо, чтобы наполнить желудок.

Даже если на столе что-то вкусное, не ешь слишком много какого-нибудь одного блюда. Этим можешь повредить себе. Если будешь есть всего понемногу, блюда уравновесят друг друга, и ты вряд ли причинишь себе вред едой».

Обычно он ел то, что ему подносили, и никогда не говорил: «Я хочу то или это». Он мог сказать, но лишь как исключение: «Пожалуйста, в начале каждого времени года подавайте что-нибудь доступное и новое». Он любил есть вместе с семьей. Что касается сакэ, то он мог опьянеть даже от одной капли, поэтому он просто держал чашу в руках, чтобы разделить торжественность повода со всеми. Он очень любил чай.

Даже дома он всегда носил выстиранную одежду и не позволял себе ложиться спать в грязном. Выходя из дома, он всегда надевал новую и свежую одежду. Никогда он не пользовался вещами, не соответствующими его положению.

«В старину, — говорил он, — люди заботились о том, чтобы не выглядеть плохо, даже если им предстояло умереть».

Точно так же он относился к такой вещи, как веер. «Веер можно бросить в толпу или забыть где-нибудь, — говорил он. — По вееру можно многое сказать о его владельце».

Поэтому его собственный веер был сделан в старом стиле: около фута длиной, нелакированные ребра, покрытая золотой и серебряной пылью бумага и рисунок, созданный известным мастером. Что уж говорить об оружии, особенно о длинном и коротком мече.

После семидесяти у отца заболел левый локоть. Именно по этой причине он хотел было подать в отставку, но Кохо не принял его. Впредь он ходил на службу лишь с одним мечом — саямаки*, два дюйма в ширину и около фута длиной, который

* Короткий меч без защитной чашки. К ножнам привязывалась длинная веревка, позволявшая прикреплять меч к поясу. Получил свое название саямаки «обмотанные ножны», по особой выделке ножен. Казалось, будто их обвивает лоза.

слуга нес позади него. Это должно было показаться странным, но люди не возражали, да и сам Кохо ничего не говорил. Я полагаю, отец думал так: если что-то случится, какая разница, несешь ты меч сам или нет, если ты все равно не можешь им воспользоваться. Я из-за болезни уже не могу сражаться. Если же вещь бесполезна, я могу и не нести ее сам.

Вплоть до самой смерти отец держал саямаки под рукой. После его смерти я, выполняя его волю, отослал меч одному человеку, живущему в Митиноку, которого отец в свое время усыновил и воспитал. На лезвии меча были вырезаны волны, а ножны были покрыты черным лаком, за исключением того места, которое называется «тысяча витков». Оно было выложено золотой фольгой. Постригшись в монахи, этот человек держал меч в сумке из кожи «шкура жабы».

Через много лет после смерти отца бывший монах храма Котоку, Рёя, рассказал мне следующую историю.

«Мне не довелось видеть вашего отца, когда он был молод. Я смог увидеть его в действии, когда ему было уже за восемьдесят. Все произошло прямо перед моими глазами. Какой-то пьяный гонялся за людьми, размахивая мечом. Никто не осмеливался выйти и столкнуться с ним лицом к лицу, за исключением вашего отца: он вышел из комнаты, опираясь на трость. Я забеспокоился, знает ли он, что происходит, и боялся за него, но ничего не мог поделать. Я лишь наблюдал за происходящим через щель в воротах.

Ваш отец направился прямо к этому человеку. Когда тот поднял меч, он схватил его за руку. В следующий момент пьяница бросил меч, ваш отец поднял его и выкинул в яму, после чего вернулся в свою комнату.

Пьяный лежал на земле и не мог даже встать. Только тогда отовсюду выскочили молодые послушники и скрутили его. Они следили за ним и, когда он протрезвел, отправили его прочь».

Когда мне было семнадцать или восемнадцать, случилось так, что я уронил перед отцом «арестантскую веревку», которой связывали людей, сплетенную из тонких голубых нитей. К концу веревки был привязан крюк. Я носил ее за пазухой.

«Что это?» — спросил отец и поднял ее. Потом сказал: «Когда я занимал прежний пост, я носил нечто подобное в своей сумке. Я это делал, чтобы, если кто-то совершит пре-

ступление, иметь возможность арестовать его. Я носил ее на случай, если у них не окажется такой веревки».

После того, как я оставил пост, необходимость в ней исчезла. Нет надобности говорить, что ты должен овладеть всеми воинскими искусствами. Но есть искусства, которые ты должен практиковать в соответствии со своим положением. Это не та вещь, которую ты должен носить с собой. Ты уже не мальчик, и обязан понимать такие простые вещи».

В другой раз он поведал мне историю.

«В годы моей молодости в Этидзэне жил один человек*. Он исчез, и его местонахождение оставалось неизвестным**. Годы спустя я покинул Митиноку и, направляясь к дороге Санъё, проезжал мимо “дубового склона”. Там я обогнал человека, несшего на спине вязанку хвороста. Я уже отъехал на двадцать-тридцать ярдов, как вдруг кто-то сзади назвал мое имя. Я оглянулся. Человек опустил вязанку хвороста на землю и шел ко мне, поправляя платок на голове. Удивленный, я повернул назад. “Дело было так давно, господин, что вы, наверное, забыли меня, — сказал он. — Меня зовут так-то. Удивительно, как вам случилось проезжать именно здесь и сейчас. Все это похоже на чудо”.

Я посмотрел на него, и действительно: хотя он и не был похож на того, кого я видел очень давно, когда тот был молод, что-то в его облике напоминало черты, которые я ни за что не смог бы забыть. Это было как сон. “Как вы дошли до такой жизни?” — воскликнул я и рассказал ему немного о себе.

“Что ж, — сказал он. — По-видимому, у вас есть немного времени. Я очень хотел бы услышать о том, что произошло после нашего расставания и как живут те, кто были моими друзьями. Вы должны отправиться со мной и переночевать у меня. Мой дом недалеко отсюда”. И я пошел с ним.

“У меня престарелый отец, — сказал он. — Но у меня нет средств, чтобы помогать ему. Поблизости живет один че-

* Примечание Хакусэки: «По имени Куробэ. Это странное имя. Отец говорил, что в те дни некоторые брали себе имена по названию провинции, в которой родились. Должно быть, он родился в Этидзэне».

** Хакусэки пересказал слова отца об одном самурае, который совершил незначительный проступок, а потом, чтобы замести следы, убил несколько человек и исчез.

ловец по имени Хигаи, я знал его и отправился к нему, чтобы попросить помочь мне. Вот почему я веду такую жизнь. Мне стыдно было бы признаться в этом, но вы напомнили мне прошлое, и я не мог сдержаться”.

“Мой отец очень старомоден, — продолжал он. — Он смутится, если к нему вдруг придет кто-нибудь, кого он не знает. Я должен сначала предупредить его. Пожалуйста, подождите немного”.

Он оставил меня перед какой-то ветхой лачугой, а сам вошел внутрь. Вскоре он появился в дверях и пригласил меня войти. Я последовал за ним. Старик, которому было около восьмидесяти, разводил огонь и сказал мне: “Мы пригласили вас, господин, но, боюсь, нам нечего предложить вам. Но я слышал, что вы были хорошим другом моего сына, поэтому мне не так стыдно. Прошу вас, разделите с нами то, что спасает отца и сына от голода, и переночуйте у нас”.

Мы поужинали вареной пшеницей с овощами. Когда наступила ночь, он отправился спать в единственную комнату, что была там, сказав: “Если я, старик, останусь здесь, вы не сможете поговорить”.

Оставшись вдвоем, мы ломали и жгли хворост и продолжали вспоминать о том, что случилось за все эти годы. Когда стало совсем поздно, мой собеседник пошел в комнату, где спал его отец, и принес две бамбуковые трубки, похожие на шесты. Он открыл их и вытащил два меча, один длинный, в три фута, а другой короткий, в два фута. Затем, повернувшись спиной к огню, он достал мечи из ножен, осмотрел их и положил передо мной. Лезвия были холодные, рукоятки — украшены золотом, а ножны — обернуты кожей каираги*.

“Даже когда я служил нашему господину, — сказал он, — я был настолько недалновиден, что не мог получать достаточно жалования, чтобы поддерживать отца. Потом я остался один у него. Вот почему я ушел от людей и веду такую жизнь. Но я не мог расстаться с теми вещами, что были дороги мне.

Я решил, что, пока у меня есть хоть сколько-то сил, я должен хранить у себя хотя бы один комплект мечей. Вот

почему я не продавал их. Моему отцу, видимо, уже недолго осталось жить. Если мне удастся выполнить свой сыновний долг до конца, кто знает, может быть мы еще увидимся с вами”.

Он сказал это и заплакал.

Наутро он приготовил завтрак, накормил отца и меня. Мы шли вместе мили три, а потом расстались. Более я ничего не слышал о нем. Я не знаю, что случилось с ним: никто не видел его».

* *Каираги* — шкура ската, похожая на кожу. Иногда ею покрывали рукоять меча и ножны.

Ямамото Цунэтомо: «Хагакурэ»

Ямамото Цунэтомо (1659—1721) был вассалом дома Набэ-сима, в Хидзэне, сегодняшние Сага и часть Нагасаки, на острове Кюсю. Цунэтомо, служивший Мицусигэ, второму главе удела Хидзэн, просил разрешения стать монахом, когда в пятом месяце 1700 г. Мицусигэ тяжело заболел. Он объяснил свое желание тем, что самоубийство после смерти господина было запрещено законом еще четыре десятилетия назад. Разрешение было получено. Мицусигэ умер несколько недель спустя. Когда Тасиро Цурамото (1678—1748), молодой поклонник Цунэтомо, начал посещать его и записывать его слова, Цунэтомо уже десять лет жил отшельником.

Речи Цунэтомо и истории о самураях Цурамото собрал в одиннадцать книг под общим названием «Хагакурэ» («Сокрытое в листе»). Хидзэн был удален от таких политических и культурных центров, как Киото и Эдо, поэтому Цунэтомо саркастически употребляет слова «городской» и «изысканный».

Ниже представлены фрагменты из первой книги.

Я постиг, что Путь самурая — это смерть. В ситуации «или—или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, значит умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации «или—или» практически невозможно. Все мы желаем жить, и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать. Но если человек не достиг цели и продолжает жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг цели и

умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет ничего постыдного. Такая смерть есть Путь самурая. Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще.

Если пытаешься делать все, полагаясь только на себя, ты остаешься замкнутым в себе, идешь против воли Неба и совершаешь зло. Со стороны твои поступки кажутся неподобающими, ничтожными, пустыми и бесполезными. Когда твои возможности далеки от подлинной мудрости, лучше посоветуйся с теми, кто мудрее тебя. Раз это не их дело, они будут искренни. Тогда то, что они разумеют своей прямоотой и мудростью, будет соответствовать Пути. Другим же твой поступок покажется обоснованным и крепким, подобным большому дереву, твердо укорененному в земле. Мудрость же одного подобна бревну, воткнутому в землю.

Тех самураев, что непоколебимо преданы своему господину, отдают ему все, плохое и хорошее, и исполнены верности, нелегко отвлечь посторонними вещами. Господин, у которого есть два или три таких человека, может быть спокоен.

Мой долгий опыт свидетельствует: пока дела идут хорошо, очень многие проявляют себя на службе господину, отдавая ему свою мудрость, решительность, мастерство. Но как только господин удаляется от дел или умирает, сколь многие поворачиваются к нему спиной и начинают искать расположения нового господина! Одно воспоминание о таких вызывает во мне отвращение. Люди высокого и низкого положения, умудренные знаниями и опытом, часто почитают себя преданными слугами, но когда нужно отдать жизнь за своего господина, у них начинают трястись коленки. Поэтому бывает, что иной бесполезный человек становится несравненным воином, когда отрекается от своей жизни и во всем следует воле господина. Во времена смерти Мицусигэ был такой человек. Я оказался тогда единственным преданным слугой господина. Потом некоторые другие пошли по моим стопам. Я видел, как высокомерные и корыстные отвернулись от своего хозяина, стоило только смерти смежить ему глаза. Говорят, что для слуги в отношениях с хозяином главное — преданность. Хотя преданность может сначала казаться тебе недоступной, в действительности она у тебя перед

глазами. Если ты однажды решишь довериться ей, в то же самое мгновение ты станешь безупречным слугой.

Во владениях Набэсима запрет на самоубийство после смерти господина стал частью устава клана в 1661 г., когда умер один из членов клана Ямаги Наохиро и выяснилось, что тридцать шесть из его вассалов хотят покончить с собой: Мицусигэ, глава дома, которому тогда было двадцать девять лет, узнав об этом, отправил послание тридцати шести воинам. Его аргументы ярко отражают особенности самурайского духа того времени:

Наш господин [Мицусигэ] узнал о том, что вы, помня о милостях вашего хозяина, решили покончить с собой и последовать за ним. Он восхищается этим божественным решением.

Однако наш господин не ведает, приказывал ли вам Ямаги покончить с собой после его смерти. Если да, то он желал бы знать об этом. Если вы не забыли о великих милостях Ямаги, помните, что его сын Осукэ еще молод, защищать его и служить ему, чтобы он мог унаследовать дом Ямаги, — вот лучший путь отплатить за благодеяния Ямаги и сохранить верность Осукэ. Поэтому вам следует отказаться от мысли о самоубийстве.

Если же вы откажетесь подчиниться и все-таки покончите с собой, ваши потомки будут лишены права наследования. Конечно, наверное, некоторые из вас столь глубоко преданы своему господину, что покончат с собой, невзирая на прерывание линии потомков и славных домов. Но если хотя бы один из вас покончит с собой, Осукэ будет лишен права унаследовать дом Ямаги, и дом вашего господина перестанет существовать. И вы, в таком случае, предадите своего господина. Подумайте об этом.

Тридцать шесть самураев в слезах согласились отказаться от своего намерения. Масасигэ был очень доволен, узнав об этом, и официально запретил самоубийство в связи со смертью господина. Два года спустя, в 1663 г., сёгунат Токугава, внося исправления в «Правила военных домов», последовал этому и дополнил поправки «устным распоряжением» сёгуна Иэцуна:

С древности мы предупреждали, что кончать жизнь самоубийством вслед за смертью господина неверно и бесполезно. Но поскольку никто не сделал такое суждение явным, в последние годы слишком много человек покончило с собой в связи со смертью господина. Впредь хозяева должны твердо и настойчиво убеждать тех своих слуг, что вынашивают подобные мысли, не лишать себя жизни после их смерти. Если же и тогда кто-нибудь в будущем покончит с собой, ответственность будет возложена на покойного господина. Кроме того, его сын, унаследовавший дом, будет считаться недостойным этой чести, как неспособный предотвратить самоубийство.

Позднее запрет был включен в «Правила» отдельной статьёй.

Высказывать людям свое мнение и исправлять их ошибки очень важно. В этом проявляется сострадание, которое больше всего помогает в вопросах служения. Однако делать это очень трудно. Выявлять хорошие и плохие стороны человека легко и высказывать о них свое мнение тоже легко. Чаще всего люди полагают, что делают другим добро, когда говорят им нелюбезные вещи. Если после этого к их замечаниям относятся без должного понимания, люди думают, что ничем не могут помочь. Это — неправильное мнение. Делать так — все равно что наставлять человека, упрекая его в слабоумии. При этом ты заботишься только о том, чтобы облегчить себе душу.

Прежде чем выразить человеку свое мнение, подумай о том, в состоянии ли он его принять. Для этого нужно вначале поближе сойтись с ним и убедиться, что он доверяет тебе. Переходя на предметы, которые дороги для него, подыскивай надлежащие высказывания и делай все, чтобы тебя правильно поняли. В зависимости от обстоятельств обдумай, как лучше это сделать — с помощью письма или во время прощания. Похвали хорошие качества человека и используй любой предлог, чтобы поддержать его. Возможно, тебе следует рассказать о своих недостатках, не упоминая его слабые стороны, — но так, чтобы он сам задумался о них. Позаботься о том, чтобы он

получил твой совет, как получает воду тот, кто изнывает от жажды, и тогда твое наставление поможет ему исправить ошибки.

Это очень трудно. Если недостаток человека опирается на многолетнюю привычку, скорее всего совладать с ним тебе не удастся. Я знаю об этом по себе. Быть откровенным со всеми своими знакомыми, указывать другим на их ошибки и всегда помнить о том, чтобы быть полезным своему хозяину — вот что значит проявлять сострадание слуги. Но если ты просто заклеймишь человека, как ты можешь ожидать, что он станет лучше?

Вскоре после того, как я присутствовал при самоубийстве Савабэ Хэйдзаэмона, управляющий Накано Кадзумо прислал мне письмо из Эдо, где он остановился, в котором выражал свое восхищение. В письме было много пышных фраз, таких как «вы укрепили славу своего клана». В то время я подумал, что мой поступок не заслуживает таких громких слов. Но позднее я понял, что он сделал так, как подсказывали ему его знания и опыт. Следует похвалить молодого самурая, если он надлежащим образом выполнил свой долг, как бы незначителен он ни был. Тогда он с еще большей решимостью и мужеством будет следовать Пути. Я также получил письмо с похвалой от Накано Сёкана Старшего. Я сохранил оба письма. Ямамото Городзаэмон, мой племянник, подарил мне седло и стремяна.

В 1682 г., когда Цунэтомо было двадцать три года, его двоюродный брат Хэйдзаэмон попросил его быть помощником при самоубийстве. Хэйдзаэмон вместе с несколькими друзьями участвовал в незаконных азартных играх и был приговорен к смерти. После некоторых колебаний Цунэтомо согласился и отправил официальное письмо. Как было сказано в предисловии, «с древности для самурая считалось несчастьем быть приглашенным на роль помощника при самоубийстве. Ибо если он выполняет свое предназначение, это не добавит ему славы, если же по какой-либо случайности он ошибется, это будет считаться самой главной ошибкой в его жизни».

Второй помощник действительно промахнулся. Он встал слишком далеко от приговоренного к смерти и, не сумев обезглавить его одним ударом, был вынужден «исполосовать его».

Этот монах — один из самых достойных людей в наше время. Его великодушие поистине неизмеримо. Вот почему его большой храм хорошо управляется.

«Меня назначили настоятелем храма несмотря на то, что я — слабый человек, о котором не стоит и говорить, — сказал он. — Я полагал, что наделал бы много ошибок, если бы решил делать все сам и делать хорошо. Поэтому я делаю лишь то небольшое, что могу, а когда я плохо себя чувствую, поручаю все дела своим помощникам, уповаю на то, что ничего плохого не случится».

Предшественник его предшественника был слишком строг, и люди устали от него. Его предшественник слишком много перекадывал на других и был в чем-то даже беспечным. Когда же пост занял этот монах, люди успокоились.

Размышляя об этом, убеждаешься: он управляет хорошо, потому что твердо понимает большое и малое. Кроме того, время от времени он передает дела помощникам и позволяет им выполнять обязанности, не вмешиваясь в это сам. Но если его спросят о чем-то, он наставляет так, будто нет ничего, в чем он не был бы сведущ.

Какое-то время назад настоятель одного дзэнского храма вызвал одного монаха, склонного изрекать умные слова и щеголять своей ученостью, и сказал: «Ты идешь по пути Дхармы. Я убью тебя!» И избил его. Мне говорили, что этот монах остался калекой.

У обоих монахов было немало хороших качеств. Говорят, что последний извлек из своей болезни выгоду.

Я могу продолжать говорить людям, что
слухи беспочвенны;

Но как мне ответить, когда спрашивает
сердце?*

* Любовная танка неизвестного автора из «Госэн сю» (№ 726), озаглавленная: «Молодой человек, тайно посещающий живущую с родителями девушку, сказал: "Никто какое-то время не будет знать об этом"». Девушка отвечает стихотворением. К периоду Эдо оно стало уже своеобразным поучением, приблизительно означающим: «Благородный человек смотрит на себя и исправляет свои ошибки».

Нет ничего более ценного, чем вторая строка этого стихотворения. Ее, полагаю я, нужно повторять, как молитву.

В наше время люди, которых называют умными, обманывают других, прикрываясь показной мудростью. По этой причине они хуже необразованных крестьян. Необразованный человек ведет себя открыто. Если глубоко заглянуть в сердце, повторяя про себя эту строку стихотворения, в нем не останется потайных мест. Это хорошее испытание. Следует готовить себя к тому, чтобы с честью выдерживать такие испытания.

Мастер меча преклонных лет сказал следующее:

«В жизни человека есть этапы постижения учения. На первом этапе человек учится, но это ни к чему не приводит, и поэтому он считает себя и других неопытными. Такой человек бесполезен. На втором этапе он также бесполезен, но он осознает свое несовершенство и видит несовершенство других. На третьем этапе он гордится своими способностями, радуется похвале других людей и жалеет о недостатках своих друзей. Такой человек уже может быть полезен. На высшем же этапе человек выглядит так, словно ничего не знает».

Это общие этапы. Но есть также еще один этап, который важнее всех остальных. На этой стадии человек постигает бесконечность совершенствования на Пути и никогда не считает, что прибыл. Он точно знает свои недостатки и никогда не думает, что преуспел. Он лишен гордости и благодаря своему смиреннию постигает Путь до конца. Говорят, мастер Ягю однажды заметил: «Я не знаю, как побеждать других; я знаю, как побеждать себя».

Всю свою жизнь прилежно учись. Каждый день становись более искусным, чем ты был за день до этого, а на следующий день — более искусным, чем сегодня. Совершенствование не имеет предела.

Ягю Мунэнори (1571–1646), выдающийся мастер меча, обучавший искусству фехтования первых трех сёгунов Токугава: Иэясу, Хидэтада и Иэмицу, создал школу Синкагэ и оставил знаменитый трактат «Хэйхо кадэн сё». Среди его прочих известных учеников был Набэсима Мотосигэ (1602–1654), сын Кацусигэ,

второго господина удела Набэсима при Токугава. Мунэнори высоко ценил Мотосигэ и подарил ему экземпляр своего трактата в великолепном переплете. В итоге школа фехтования Синкагэ была признана членами и вассалами клана Набэсима базовой.

Муракава Содэн, дядя Цунэтомо и большой мастер меча школы Синкагэ, оставил о Мунэнори следующий рассказ:

Высшее суждение Ягю Мунэнори о фехтовании таково: «Настоящему мастеру меча не нужно искусство фехтования». В подтверждение своих слов он поведал историю.

Однажды к нему пришел один из помощников сёгуна и попросил разрешения обучаться у него искусству фехтования. Взглянув на него, Мунэнори сказал: «Господин, о чем вы говорите? Я вижу, что вы уже владеете одной школой фехтования. Я принимаю вас таким, какой вы есть. Вы можете считать себя моим учеником, не учась у меня».

«Но, господин, — ответил тот, — я вообще не обучался искусству фехтования».

«Что же, значит вы пришли посмеяться надо мной, — сказал Мунэнори. — Вы говорите, что наставник сёгунов не может, видя вещь, сказать, какова она, не так ли?»

Но человек поклялся, что говорит правду. Тогда Мунэнори спросил: «Если так, то, должно быть, какое-то прозрение сделало вас таким, какой вы есть».

«Господин, — сказал помощник. — Однажды, когда я был еще ребенком, мне довелось услышать, что все, что необходимо самураю — это презреть собственную жизнь. Я задумался над этим, и через несколько лет мне стало ясно, в чем смысл. С тех пор я не думаю о смерти. Больше у меня никогда не было никакого «прозрения».

Мунэнори был очень растроган. «Теперь я понимаю, в чем дело. По моему мнению, только в этом одном и заключается высшее мастерство фехтования. У меня были сотни учеников, но ни в одном из них я не видел этого высшего начала. Вам нет нужды брать в руки деревянный меч. Вы достигли совершенства самостоятельно».

И Мунэнори тут же вручил ему документ, подтверждающий его мастерство.

В «Бусидо кося сё» («Преуспевшие на Пути война») сказано: «Для умелого война есть возможность прославиться на службе без предварительной тренировки». Здесь заложен подвох, который может вызвать непонимание у слушающих. После «есть» следует добавить «также». Кроме того, Сида Китиносуке говорил: «Когда тебя заставляют выбирать между жизнью и смертью, лучше остаться в живых». Сида был отважным воином и сказал это в шутку. Тем не менее, юнцы не понимают его слов и думают, что он произнес нечто, неподобающее самураю. Рядом с этим можно поставить еще одни его слова: «Когда не знаешь, есть тебе или нет, лучше не ешь; когда не знаешь, жить тебе или умирать, лучше умри».

Сида Китиносуке был самураем достаточно низкого звания, но достиг совершенства в своем деле, поэтому к его советам прислушивались и наверху. Все восхищались его отвагой. При этом он вел себя довольно странно, прикидываясь жадным и глупым и говоря несуразные вещи. Однажды, когда он путешествовал в одеянии торговца лекарствами для глаз, на него напали разбойники. Он зарубил троих, еще двоих ранил, а остальных обратил в бегство. Сида никому не рассказывал об этом случае, но со временем о нем стало известно. Когда кто-то ему сказал, что он — великий фехтовальщик, Сида, говорят, ответил: «Совсем нет. Я трус. Я понял, что меня убьют, если я не буду сопротивляться, но я слишком ценю свою жизнь, поэтому я и зарубил их прежде, чем они зарубили меня».

Во время собрания, на котором одного человека выдвигали на ответственную должность, было решено, что этот человек недостойн занять столь высокий пост потому, что когда-то во время пьяной пирушки он устроил дебош. Однако кто-то возразил:

«Если мы откажемся от всех тех, кто однажды оступился, мы скорее всего не найдем нужного человека. Тот, кто совершил ошибку только один раз, будет осмотрителен и принципи-

ален, потому что он раскаивается. Я считаю, что этот человек должен занять должность».

«Вы за него ручаетесь?» — спросили собравшиеся.

«Да, я ручаюсь», — ответил выступавший.

«Почему вы за него ручаетесь?» — спросили другие.

«Я ручаюсь за него потому, что этот человек один раз ошибся. Тот, кто никогда не ошибался, опасен».

После этого человека избрали на должность.

Одного человека пристыдили за то, что он не отомстил. Зачастую месть заключается просто в том, чтобы ворваться к врагу и быть зарубленным. Это не постыдно. Если же ты думаешь, что должен вначале завершить свои дела, а потом мстить, время для мести никогда не настанет. Размышляя о том, сколько людей есть у твоего врага, ты только теряешь время, и, в конце концов, обстоятельства вынудят тебя отказаться от мести.

Пусть даже у твоего врага тысяча человек, успех будет сопутствовать тебе, если ты выступишь против них, исполнившись решимости сокрушить их всех до одного. Действуя таким образом, ты многого добьешься.

Обращаясь к истории ночного нападения ронинов господина Асано, можно сказать: с их стороны было ошибкой не совершить самоубийство в храме Сэнгаку, потому что после убийства их господина прошло слишком много времени, прежде чем они отомстили. Если бы господин Кира умер за это время своей смертью, им было бы о чем пожалеть. Поскольку люди из провинции Камигата мудрее, они действуют без промедления, хотя их поступки тоже бывают неосмотрительными, о чем свидетельствует резня в Нагасаки.

При этом месть братьев Сога была отложена без всякой необходимости, а Сукэнари упустил великолепную возможность, когда находился в стане врага. Это неблагоприятно. [Сога] Горо был прав.

«Резня в Нагасаки» произошла двадцатого дня двенадцатого месяца 1700 г., за два года до того, как сорок семь самураев напали на дом Кира. На основе сделанных тогда же записей этот эпизод можно представить следующим образом.

Когда двое самураев Набэсима, Фукабори Сангэмон и Сибахара Буэмон, обогнали по дороге слугу Такаги Хикоэмона по имени Сонаи, кто-то из них случайно забрызгал грязью кимоно Сонаи. Сонаи, гордясь тем, что он служит Хикоэмону, знатному господину, грубо обругал самураев. Сангэмон и Буэмон пришли в ярость, повалили Сонаи и втоптали его в грязь. Сонаи убежал, поклявшись вернуться и отомстить.

Ночью Сонаи действительно вернулся с десятком воинов. Сангэмон и Буэмон, предвидевшие это, попытались оказать сопротивление, но очевидно, они больше отличались самонадеянностью, чем искусством фехтования. Их быстро подавили и жестоко избили.

Когда сын Сангэмона Каэмон узнал, что случилось с его отцом, он решил отправиться к дому Хикоэмона, чтобы отомстить. К нему присоединились слуги Буэмона и родственники, и утром следующего дня двенадцать человек ворвались в дом Хикоэмона и убили большинство тех, кто там находился, включая самого Хикоэмона. При этом сами они не потеряли ни одного человека. После сражения Сангэмон и Буэмон покончили с собой, сказав, что их желание выполнено.

Двадцать первого числа третьего месяца следующего года из Эдо в дом Набэсима пришел правительственный вердикт: десять оставшихся человек были приговорены к смерти, а те девять, что прибежали в дом Хикоэмона на помощь — уже после того, как сражение закончилось, — к ссылке.

«Месть братьев Сога» — убийство в 1193 г. Сога Дзюро Сукэнари (1172–1193) и его братом Горо Токимунэ (1174–1193) Кудо Сукэцунэ, виновного в смерти их отца.

Пятнадцатого числа пятого месяца 1193 г. Минамото-но Ёритомо (1147–1199) устроил большую охоту на отрогах горы Фудзи. Вместе со многими другими самураями в ней участвовали Сукэцунэ и братья Сога. Согласно «Сога моногатари», на которое ссылается Цунэтомо, в ночь первого дня Дзюро, следивший за Сукэцунэ, был замечен сыном последнего и приглашен в лагерь на пир. Сукэцунэ подозревал Дзюро и отрицал свою вину в смерти отца, утверждая, что все это — клевета. Потом Дзюро даже танцевал по просьбе врага. Тем не менее, решив свершить месть только с братом, Дзюро намеренно не использовал представившуюся возможность.

Когда он потом поведал обо всем Горо, тот сказал: «Был такой удобный случай. Тебе следовало его убить, хотя, конечно, я

бы тоже хотел его убить вместе с тобой. Ты как будто вернулся с золотой горы с пустыми руками. Но все-таки я рад, что ты удержал себя».

Таким образом, комментарий Цунэтомо к словам Горо справедлив лишь наполовину.

Через тринадцать дней Дзюро и Горо осуществили задуманное. Но в схватке с воинами после смерти Сукэцунэ Дзюро погиб. Горо удалось бежать, но вскоре он был пойман и обезглавлен.

Все это имеет самое непосредственное отношение к Пути самурая. Когда приходит время, размышлять некогда. И если ты не успел обдумать все заранее, скорее всего ты опозоришь себя. Чтение книг и слушание бесед других людей нужно только для того, чтобы исполниться решимости.

Путь самурая — это прежде всего понимание того, что ты не знаешь, что может случиться с тобой в следующий миг. Поэтому нужно днем и ночью обдумывать каждую непредвиденную возможность. Победа и поражение часто зависят от мимолетных обстоятельств. Но в любом случае избежать позора нетрудно — для этого достаточно умереть. Добиваться цели нужно даже в том случае, если ты знаешь, что обречен на поражение. Для этого не нужны ни мудрость, ни техника. Подлинный самурай не думает о победе и поражении. Он бесстрашно бросается навстречу неизбежной смерти. Если ты поступишь так же, ты проснешься ото сна.

Рассуждения Цунэтомо о том, что самурай должен действовать не раздумывая, имея перед собой одну-единственную, четко поставленную цель, чтобы не опозорить себя или же смыть позор, могут показаться странными. Но, например, современник Цунэтомо, ученый-конфуцианец и военный стратег Ямага Соко (1622–1685) считал точно так же. Одна из его заповедей гласит: «В тот момент, когда в тебе просыпается чувство жалости, ты должен немедленно броситься на врага, невзирая на то, сколько у него воинов».

Истоки этой мысли Соко можно проследить еще у китайского мыслителя Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), который го-

ворил: «Чувство жалости — начало добродетели», то есть в тот момент, когда ты спонтанно откликаешься на свое чувство жалости, или сострадание, ты начинаешь восхождение к высшей добродетели. Очевидно, что Соко интерпретировал слово «жалость», *сокуин*, в широком смысле, понимая его скорее как «разбуженное чувство». Некоторые полагают, что школа Соко вдохновляла на поступки таких полководцев, как генерал Ноги Марэсуке (1849–1912) и адмирал Ямамото Исороку (1884–1943).

Еще пятьдесят-шестьдесят лет назад самураи каждое утро мылись, брили голову, смазывали волосы ароматической водой, стригли ногти на руках и ногах, терли руки и ноги пемзой, а затем кислицей, и вообще делали все, чтобы иметь опрятный внешний вид. Само собой разумеется, что оружие они тоже уделяли особое внимание: его протирали, начищали и хранили в образцовом порядке.

Хотя может показаться, что тщательный уход за собой выдает в человеке позерство и щегольство, это не так. Даже если ты знаешь, что тебя могут сразить в этот самый день, ты должен достойно встретить свою смерть, а для этого нужно позаботиться о своем внешнем виде. Ведь враги будут презирать тебя, если ты будешь выглядеть неаккуратно. Поэтому говорят, что постоянно следить за собой должны и стар, и млад. Хотя ты говоришь, что это трудно и отнимает много времени, призвание самурая требует этой жертвы. На самом деле это нетрудно и не отнимает много времени. Если ты каждый день укрепляешь свою решимость пасть в поединке и живешь так, словно ты уже мертв, ты достигнешь успеха в делах и в бою и никогда не опозоришь себя.

Существуют правила воспитания ребенка в семье самурая. С младенчества нужно поощрять в нем смелость, никогда не дразнить и не запугивать. Ведь если ребенок с детства привыкнет бояться, он пронесет этот недостаток через всю жизнь. Ошибку совершают те родители, которые учат детей бояться молнии, запрещают им ходить в темноте или рассказывают ужасы, чтобы те перестали плакать. Кроме того, если ребенка много бранить, он станет застенчивым.

Нужно избегать формирования у детей плохих привычек. Ведь если плохая привычка укоренилась, сколько ни упрекай ребенка, он не исправится. Что же касается правильной речи и хороших манер, нужно постепенно приучать детей к ним. Пусть ребенок не ведает о корыстолюбии. Если в этом отношении он будет воспитан правильно, все остальное приложится само собой.

Ребенок, выросший в неблагополучной семье, будет непослушным. Это естественно. Даже птицы и звери подражают поведению окружающих людей. Кроме того, отношения между отцом и сыном могут ухудшиться вследствие неправильного поведения матери. Мать любит свое дитя превыше всего на свете и поэтому склонна заступаться за него, когда отец делает ему замечания. Если мать становится на сторону ребенка, между ним и отцом не будет согласия. Часто мать заботится только о том, чтобы ребенок опекал ее в старости.

Говорят, что, совершив ошибку, нужно тут же ее исправить. Если это сделать без промедления, она скоро будет забыта. Но если пытаться прикрывать ошибку, события примут еще более неблагоприятный оборот. Если ты оговорился, но тут же поправился, твое неудачно сказанное слово не возьмем плохого действия, и тебе не нужно о нем беспокоиться. Но если кто-то упрекнет тебя, будь готов сказать ему: «Я объяснил вам причину своей оговорки. Прислушайтесь к голосу разума. Поскольку я сказал это случайно, к моим словам следует относиться так, будто они вообще не были произнесены, и поэтому винить в данном случае некого». Никогда не следует говорить о других людях и тайных делах. Кроме того, в разговоре всегда нужно следить за реакцией собеседника.

Основной принцип каллиграфии — не делать небрежных движений, однако при этом движения кисти могут стать неловкими и закрепощенными. Нужно пойти дальше и научиться смело отходить от нормы. Этим принципом надлежит руководствоваться и в других делах.

Мэцукэ* может принести вред, если не знает своих обязанностей. Пост мэцукэ был учрежден, чтобы помогать управлять. Господин не может видеть и слышать все сам. Поэтому мэцукэ должен ясно и четко докладывать господину о том, как ведет себя сам хозяин, о хороших и плохих поступках управ-

* Мэцукэ — инспектор, буквально «наблюдатель».

ляющих, о справедливости или несправедливости указов властей, о том, что говорят люди, о радостях и горестях народа. Он должен делать это так, чтобы господин мог управлять справедливо. Его пост называется так потому, что он поистине должен быть глазами господина.

Многие, занимающие пост мэдукэ, склонны сообщать лишь о плохих поступках низких людей, которые они видели или о которых слышали. Поскольку зло творят везде, это наносит бессмысленный вред. Среди народа редко встречаются честные люди. Но их проступки едва ли наносят вред стране.

Кроме того, обвинители должны в ходе расследования склоняться к тому, чтобы верить словам преступника, дабы он не пострадал несправедливо. В конечном счете это принесет пользу господину.

Господин Наосигэ говорил: «Путь самурая — это стремление к смерти. Десять врагов не совладают с одержимым человеком». Здравый смысл никогда не совершит ничего подобного. Нужно стать безумным и одержимым. Ведь если на Пути самурая ты будешь благоразумным, ты быстро отстанешь от других. Но на Пути не нужно ни преданности, ни почитания, а нужна только одержимость. Преданность и почитание придут вместе с ней.

Беспринципно считать, что ты не можешь достичь всего, чего достигали и великие мастера. Мастера — это люди, и ты — тоже человек. Если ты знаешь, что можешь стать таким же, как они, ты уже на пути к этому.

Мастер Иттэй* говорил: «Конфуций стал мудрецом, потому что стремился к учению с пятнадцатилетнего возраста, а не потому, что учился на старости лет**». Это напоминает буддийское изречение: «Есть намерение, будет и прозрение».

* Иттэй — Исидэ Ясубо Нобуюки (1629–1693), ученый-конфуцианец и советник Набэсима Мицусигэ. В возрасте 33 лет он совершил проступок перед Мицусигэ и был посажен под домашний арест. Через несколько лет он был прощен и провел оставшуюся жизнь в уединении, написав несколько книг. Он оказал большое влияние на Цунэтомо.

** Знаменитые слова Конфуция о своем жизненном пути: «В пятнадцать лет я обратил помыслы к учению, в тридцать укрепился, в сорок избавился от сомнений, в пятьдесят познал волю Неба, в шестьдесят — настроил свой слух, в семьдесят научился следовать велениям сердца, не нарушая ритуала».

Самурай должен быть внимателен в своих действиях и не допускать даже незначительных оплошностей. Более того, он должен быть внимателен в подборе слов и никогда не говорить: «Я боюсь», «На твоём месте я бы убежал», «Это ужасно!», или: «Как больно!» Таких слов нельзя произносить ни в дружеской беседе, ни даже во сне. Ведь если пронизательный человек слышит от другого такие высказывания, он видит его насквозь. За своей речью нужно следить.

В «Ёсицунэ гунка» («Военные стихи Ёсицунэ»)* сказано: «Командующий должен часто говорить со своими людьми». Даже в обычной обстановке, не говоря уже о том, когда воин совершил подвиг, командующий должен хвалить и простого солдата: «Ты вновь совершил подвиг», «Я был бы благодарен, если бы ты приложил к этому все усилия», «Ты — великий воин!» Если полководец говорит такие слова, воины без колебаний отдадут за него свои жизни. Этим словам принадлежит решающая роль.

Мой отец Ямамото Синъэмон Ёситада любил повторять: «Главное для самурая — иметь хороших слуг. С военными делами одному не справиться, как бы человек ни старался. Деньги можно одолжить у других, но хорошего человека встретишь нечасто. О слуге нужно постоянно заботиться и проявлять к нему доброту. Когда у тебя есть слуги, плохо, если ты думаешь только о себе. Но если ты с готовностью делишься с ними тем, что у тебя есть, ты сможешь собрать у себя хороших людей».

В итоге те, кто знали моего отца, говорили между собой: «Ни у кого из равных по положению и рангу Синъэмону нет столько людей, сколько у него», или: «У Синъэмона людей больше, чем у меня».

Многие воины из тех, которых он сам обучал, служили копьеносцами под непосредственным началом господина Кацусигэ. Когда отцу было приказано возглавить отряд, ему передали слова господина: «Синъэмон может заменить воинов своего отряда теми, кого он пожелает». Ему также выделили средства, и он смог составить весь отряд из своих вассалов.

* Собрание правоучительных стихов для воина, приписываемое Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189).

Каждый раз во время ритуала созерцания луны господин Кацусигэ посылал в Тэраи за церемониальной морской водой людей Сингэмона со словами: «Пусть это сделают воины Сингэмона. Они не боятся зайти в воду подальше».

Когда господин так полагается на тебя, остается лишь преданно и самоотверженно служить ему.

В «Кусуноки Масасигэ Хёго ки» сказано: «Самурай никогда не сдается врагу даже из хитрости или ради императора». Таким должен быть преданный самурай.

«Кусуноки Масасигэ Хёго ки» («Записи Кусуноки Масасигэ, сделанные в Хёго») — собрание изречений, приписываемых Кусуноки Масасигэ (1294—1336), которое, согласно легенде, он передал Оити Вада в Хёго перед тем, как броситься в последнюю битву. Полный фрагмент звучит так:

«Если ты, когда остался один и со всех сторон окружен врагами, решаешь сдаться, надеясь в дальнейшем обмануть врага, ты перестал быть мужественным воином. Если ты думаешь о том, чтобы выжить и обмануть врага, ты никогда не осуществишь своих намерений, ибо в следующий раз ты придумаешь еще что-нибудь, чтобы сохранить себе жизнь. Самурай существует только пока он действует, считая врага и смерть одним».

Сорок семь самураев: Свидетельство очевидца и доводы

Ночью четырнадцатого дня двенадцатого месяца — а если быть более точным, перед рассветом пятнадцатого дня — пятнадцатого года Гэнроку [1702] сорок семь самураев ворвались в дом Кира Кодзукэносукэ Ёсинака* в Эдо и убили хозяина и многих его слуг. О своем поступке они немедленно сообщили властям, представив список участников нападения и объяснив причину: они убили Кира, чтобы отомстить за своего господина Асано Такуминоками Наганори**.

Ранее в тот же год, во время ежегодной церемонии приема императорских посланцев в замке Эдо, Асано, даймё, входивший в комитет по подготовке приема, напал и ранил Кира, господина *кокэ*, «большого дома», потомственного знатока ритуалов высшего ранга, который должен был вести Асано и других на церемонию. Посовещавшись, власти вынесли вердикт: приговорить Асано к смерти и похвалить Кира за то, что он сдержался и не вступил в схватку. Брат Асано Дайгаку, адъютант сёгуна, был посажен под домашний арест, а замок Асано в Аки, провинция Харима, был конфискован.

Люди, ворвавшиеся в дом Кира и ведомые управляющим Асано по имени Оиси Кураносукэ Ёсио, были, таким образом, самураями, лишившимися господина.

Через пятьдесят дней после мести, четвертого дня второго месяца, самураи получили приказ покончить с собой. Приказ был выполнен немедленно, и к вечеру того же дня все воины, которых

* Как уже отмечалось, знатым самураям присваивался придворный ранг. Кира Ёсинака (родился в 1641 г.) носил титулы *кодзукэносукэ*, «губернатор Кодзукэ» и «младший капитан Левого крыла стражи Внутреннего дворца».

** Асано (родился в 1667 г.) получил титул *такуминоками* и старший пятый ранг в 1680 г. в возрасте тринадцати лет.

еще в день убийства Кира разделили на четыре группы и отдали под охрану четырех даймё, были мертвы.

В то время существовал судебный порядок, известный как *кэнка рёсэiban*. в столкновении признавались виновными обе стороны. Хотя бы поэтому решение властями дела Асано и Кира выглядело несправедливым. Это впечатление усиливалось еще и тем, что Кира был известен как жадный взяточник и вымогатель, без тени смущения пользовавшийся своими знаниями и положением. Несколькими годами ранее другой даймё одного с Асано ранга серьезно намеревался убить его.

Тем не менее, Япония к тому времени уже привыкла и к длительному внутреннему миру, и к деспотическому правлению капризного пятого сёгуна Токугава Цунаёси (1646–1709), который выпустил, в числе прочих, эдикт, запрещавший жестокое обращение и убийство всех живых существ, от лошадей, собак и кошек до комаров. (Люди явно не считались живыми существами: нарушавших приказ часто приговаривали к смерти.) Поэтому акт мести, совершенный группой очень дисциплинированных воинов в явное нарушение указа властей, потряс общество и вызвал всеобщее восхищение. Естественно, что решение правительства было воспринято населением с глубоким возмущением. Кроме того, оно вдохновило на бесконечные споры и ученых, большей частью конфуцианцев.

Первый раз это событие было воплощено в сценическом спектакле всего двенадцать дней спустя после смерти самураев. И с тех пор о нем создано огромное множество пьес, легенд, трактатов, романов и, конечно, кинофильмов.

Следует отметить, что после убийства Кира властям сдались сорок шесть человек. О том, что случилось с сорок седьмым, Тэра-сака Китиэмоном, до сих пор существуют самые разные мнения. Одни считают, что он испугался и сбежал перед тем, как воины ворвались в дом Кира, другие — что он получил особые указания от управляющего Оиси и покинул отряд уже после того, как акт мести был совершен. Мы следуем более распространенной версии, согласно которой самураев было сорок семь.

Ниже представлены первая часть описания очевидцем того, что случилось в тот день, когда Асано Наганори ранил Кира Ёсинака, а также объяснения причин мести.

Окадо Дэнпати́ро (1659–1723), в 1697 г. назначенный на пост *о-мэцукэ* (в данном случае можно перевести как «помощник

генерала-инспектора»), во время инцидента нес службу. Поэтому ему и одному из его коллег было предписано допросить Асано. Кроме того, он вместе с другим «помощником генерал-инспектора» был назначен *фукусси* и должен был наблюдать за процедурой самоубийства Асано.

Пост *о-мэцукэ* был довольно высоким. Занимавший его человек обязан был «шпионить» за «адъютантами» сёгуната и прочими прямыми вассалами и докладывать обо всем сёгуну. Казалось бы, непосредственным начальником *о-мэцукэ* должен был быть *оо-мэцукэ*, «генерал-инспектор», чьей первой обязанностью было надзирать за даймё. Но сёгунат Токугава отличали раздутый бюрократический аппарат и разделение полномочий, поэтому *о-мэцукэ* был подотчетен не своему номинальному начальнику *оо-мэцукэ*, а *вакадосиёри*, «заместителю управляющего», в то время как *оо-мэцукэ* докладывал *ротю*, «управляющему». Ротю был наивысший пост в правительстве, а *вакадосиёри* — второй, по крайней мере, пока не был учрежден пост *тайро*, «главного управляющего». Такое параллельное сосуществование ветвей власти отчасти объясняет непримиримое отношение Дэнпати́ро к генерал-инспектору Сёда Ясутоси (1650–1705).

Решения в сёгунате Токугава принимались коллективно. Высший пост ротю обычно одновременно занимало четыре-пять человек, попарно сменявшие друг друга каждый месяц; то же касалось постов *вакадосиёри* и *оо-мэцукэ*. Что касается *о-мэцукэ*, то, как отмечает сам Окадо, этот пост занимало аж двадцать четыре человека.

В оригинале Дэнпати́ро говорит о себе большей частью в третьем лице, но порой сбивается и переходит на первое. При переводе для удобства мы везде поставили первое лицо.

Меморандум Окадо Дэнпати́ро

Четырнадцатого дня третьего месяца четырнадцатого года Гэнроку [1701] службу несли два помощника генерал-инспектора: Окубо Гондзаэмон и я, Окадо Дэнпати́ро. Кроме того, присутствовали все двадцать четыре помощника генерал-инспектора, а Куру Дзюдзаэмон и Кондо Хэйхати́ро заступили на службу ночью. За час до полудня во дворце царил суматоха,

и в покои помощников генерал-инспектора было доставлено срочное послание: «Только что в Сосновом коридоре произошла стычка. Господин Кира Кодзукэносукэ ранен мечом. Я не знаю, кто напал на него».

Мы все сразу же поспешили к Сосновому коридору и увидели Кодзукэносукэ на руках Синагава Корэудзи, губернатора Бидзэн. Они находились на деревянной веранде около Зала вишен. Кира дрожал и кричал иступленным и пронзительным голосом: «Позовите доктора!» На всем пути из Соснового коридора в Зал вишен татами было залито кровью.

Неподалеку находился Асано Такуминоками, его лицо покраснело. Он был без меча и говорил державшему его Кадзикава Ёсобэ: «Я не сошел с ума. Я понимаю, почему вы держите меня, но прошу меня отпустить. Я не смог убить его, но я готов понести наказание. Я не нападу на него снова. Отпустите меня. Позвольте мне надеть головной убор, привести в порядок одежду, чтобы я мог ждать приказаний в соответствии с «Правилами военных домов»».

Но Ёсобэ не отпускал его. Такуминоками пытался уговорить его: «В конце концов, я господин замка в 50000 коку. Да, я вел себя неподобающим для такого места образом, и очень сожалею об этом. Но на мне официальные одежды. Если вы и дальше будете так держать меня, одевание помнется. У меня нет обиды на сёгуна, и я ничего не замышляю против него. Я сожалею, что не смог убить Кира, но что случилось, то случилось, и более я ничего сделать не могу».

Но Ёсобэ продолжал прижимать его к татами и не отпускал. Тогда мы четверо: Гондзаэмон, Дзюдзаэмон, Хэйхатио и я, взяли Асано под стражу, поправили ему головной убор и одежду, поместили в углу Зала цикад, отгороженном ширмой, и по очереди наблюдали за ним. Он выразил свое удовлетворение.

Кодзукэносукэ поместили на северной стороне Зала цикад, также отгороженной ширмой. Четверо помощников генерал-инспектора находились рядом с ним. Он спросил: «Достаточно ли далеко от меня Такуминоками? Не нападет ли он снова?» — «Не беспокойтесь, господин. Мы с вами», — ответили ему.

Вскоре около Главных ворот и ворот Сакурада собралось множество людей. Они не знали, кто участвовал в стычке, и

беспокоились за своих хозяев. Некоторые подходили к Главному входу и даже к Внутреннему входу. Мидзуно Мокудзэмон, Матида Ибэ и другие спрашивали нас: «Мы остановили их, но они не верят нашим словам. Что нам делать?»

Тогда я приказал мастерским, в которых изготовляли доски для общественных объявлений, написать крупными иероглифами следующее: «Асано Такуминоками ранил Кира Кодзукэносукэ. Проводится расследование. Всем вассалам приказывается соблюдать порядок», и установить доски у Главных ворот. Все сразу же успокоились, за исключением вассалов Асано и Кира, которые продолжали пребывать в возбуждении, так мы доложили собравшимся управляющим и их помощникам.

Управляющие Цутия Масанао, губернатор Сагами, Огасавара Нагасигэ, губернатор Садо, и их помощники Като Акихидэ, губернатор Этто, и Иноуэ Масаминэ, губернатор Ямато, поручили Кондо Хэйхатио и мне допросить Такуминоками, а Куру Дзюдзаэмону и Окубо Гондзаэмону допросить Кодзукэносукэ. Короткий меч, которым Такуминоками ранил Кодзукэносукэ, вложили обратно в ножны. Такуминоками находился в Зале кипарисов, ему вернули его головной убор и одежду. Справа и слева от него сидели шестеро помощников генерал-инспектора.

Я сказал ему: «Нам двоим приказали расследовать то, что случилось сегодня, и выслушать, что вы можете сказать по этому поводу. Мы намерены допросить вас в соответствии с существующим порядком. Вы понимаете меня? Вы забыли, где находитесь, и даже осмелились ранил Кодзукэносукэ. Что вы можете сказать об этом?»

Такуминоками не пытался искать себе оправданий и сказал: «У меня нет никакой обиды на сёгуна. Это личное дело. Я был вне себя от гнева, заблудился, где я, решил убить Кодзукэносукэ и ранил его. Я не собираюсь сетовать на судьбу, вне зависимости от того, какое наказание уготовано мне. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что не смог убить его. Как он?»

«Раны неглубокие, но он уже стар. У него поранено лицо, и мы не уверены, что он оправится», — ответили мы. Лицо Такуминоками засветилось радостью. Потом он повторил: «Боюсь, больше мне нечего сказать. Я жду решения в соот-

ветствии с законом». Такуминоками отвели в Зал цикад и оставили там.

В это же время Кодзукэносукэ расспрашивали в Зале кипарисов. Ему также вернули официальное одеяние. Двое помощников генерал-инспектора говорили ему:

«Асано Такуминоками, который, видимо, завидовал вам, осмелился ранить вас. Нам поручили провести тщательное расследование случившегося, и мы хотели бы допросить вас в соответствии с порядком. Чем же вы так прогневили Такуминоками, что он, забыв, где находится, напал на вас? Вы, несомненно, знаете, в чем причина, и мы просим вас рассказать об этом».

Кодзукэносукэ ответил: «Я даже не могу предположить, что же могло вызвать его гнев. Я убежден, что Такуминоками просто сошел с ума. Я старый человек. С какой стати кому-то иметь что-то против меня? Я совершенно не знаю, в чем причина его поступка. Больше мне нечего сказать».

После этого мы четверо: Куру Дзюдзаэмон, Кондо Хэйхатири, Окубо Гондзаэмон и я, посоветовались с Сэнгоку Хисаэси, губернатором Тамба, и Андо Сигэцунэ, губернатором Тикуго, и доложили помощникам управляющего, который, в свою очередь, довел дело до сведения управляющего Огасавара. Потом мы четверо подробно передали управляющему Огасавара и Цутия то, что сказали Такуминоками и Кодзукэносукэ. Затем обо всем было доложено господину Мацудайра Ёсиясу, губернатору Мино*. Нам приказали вернуться в свои покои и ждать дальнейших указаний. Все это время двое помощников поочередно охраняли Такуминоками и Кодзукэносукэ. По просьбе последнего к нему вызвали двух придворных лекарей, Аmano Рёдзюна и Курисаки Дою. Они осмотрели раны вместе с помощником Кодзукэносукэ Синагава Корэудзи, губернатором Бидзэн, и нашли раны неопасными.

Вскоре появился Начальник стражи Нагакура Тинами и передал:

«Помощники генерал-инспектора, расследовавшие дело, доложили обо всем. Помощники управляющего Като Акихи-

* Янагисава Ёсиясу (1658–1714) был возведен сёгуном Цунаёси в ранг даймё из низов, а вскоре назначен ротю. Ёсиясу пользовался покровительством сёгуна и потому фактически был выше придворных одного с ним ранга.

дэ, губернатор Эттю, и Инагаки Сигэтоми, губернатор Цусима, посоветовались и вынесли вердикт:

Асано Такуминоками, тая дикую ненависть к Кира Кодзукэносукэ, забыл, где находится, и ранил его мечом. Подобное нетерпимо. Ему приказано отбыть под охрану Тамура Укёнодаю и покончить с собой.

Что касается Кодзукэносукэ, то он не забыл, где находится, и не обнажил свой меч. Это достойно похвалы. Лекарю сёгуна Ёсида Иану приказано дать ему лекарства, а придворному лекарю Курисаки Дою — залечить ему раны. Он может отдохнуть и восстановить силы и отправиться со своими слугами, когда пожелает».

Всем нам тяжело было слушать эти слова. Мы немедленно сообщили Тамура Укёнодаю, что ему приказано охранять Такуминоками. Что же касается публичного оглашения решения, то мы просили бы дать немного времени, чтобы мы смогли сделать это должным образом».

Тамура Укёнодаю было отправлено послание, чтобы он мог сделать все необходимые приготовления в соответствии с предписаниями.

Затем, с помощью Нагакура Тинами мы — Дэнпатири, Дзюдзаэмон, Хэйхатири и Гондзаэмон — встретились с помощниками управляющего. Я сказал следующее:

«Когда мы расследовали обстоятельства этого дела, Такуминоками, как я в точности и передал, сказал, что ничего не замышляет против сёгуна, что он ненавидит Кодзукэносукэ и потому, забыв, что находится в священном месте, напал на него с мечом. Он согласился с тем, что подобный проступок очень серьезен и не может быть прощен. Кроме того, он прямо сказал, что согласится с любым наказанием, которое будет наложено на него.

Тем не менее, он является господином замка в 50000 коку и принадлежит к дому, члены главной ветви которого — даймё с большими владениями. Учитывая все это, я полагаю, что отданное ему приказание покончить с собой сегодня же слишком поспешно. Мы занимаем невысокие посты, но, являясь помощниками генерал-инспектора, мы сочли бы неподобающим нашему положению не указывать вышестоящим на оплошности, и боюсь, что приказ Такуминоками покончить с собой сегодня же как раз и является такой оплошностью. Вот

почему мы осмеливаемся заявить это, невзирая на гнев, который может обрушиться на нас.

Далее, Кодзукэносукэ действительно сдержал себя, но если Такуминоками, даймё с доходом в 50000 коку, настолько возненавидел его, что оставил свой дом, забыл, где находится, и бросился на него с мечом, то, даже если предположить, что он обезумел, едва ли можно с уверенностью сказать, что Кодзукэносукэ не совершил ничего постыдного.

Поэтому, если принять во внимание лишь внешнюю сторону этого дела, выясненную к тому же только нами двумя и в большой спешке, то главная ветвь семьи Асано, учитывая, что она не обладает правом наследного вассалитета, может позднее, если случится что-нибудь неблагоприятное, решить, что сёгунат вынес слишком поспешное решение.

Мы просим генерал-инспекторов провести вместе с нами новое расследование и принять решение по прошествии некоторого времени, каким бы оно ни было. На это время следует приказать Кодзукэносукэ вести себя должным образом, ибо новое расследование коснется и его. Если выяснится, что он ни в чем не виноват и не совершил ничего, заслуживающего ненависти, и что только помешательство заставило Такуминоками напасть на Кодзукэносукэ с мечом, можно решить дело в пользу последнего. Сегодня же выносить приговор в его пользу преждевременно. Вот что мы осмеливаемся заявить».

Помощники управляющего Инагаки и Като сказали: «Мы поняли вас. Отрадно, что вы столь самоотверженно выполняете обязанности, которые накладывает на вас ваше положение. Мы передадим ваши слова управляющим».

Мы продолжали ждать, и вскоре оба помощника вернулись и сказали: «Ваш протест понятен. Тем не менее, господин Мацудайра уже принял решение, и вам приказано его выполнять».

Теперь уже возразил только я один: «Господин, — сказал я, — если это решение было принято только господином Мацудайра, я прошу передать наше мнение лично сёгуну. Подобное наказание только одной стороны вызовет замешательство среди всех даймё ненаследного вассалитета. Прошу вас хотя бы один раз довести наше суждение до сведения сёгуна. Конечно, если ему уже было сообщено об этом и он

согласился с вынесенным решением, я с готовностью приму его. Но если приговор вынес только господин Мацудайра, я настаиваю, чтобы наш протест был передан сёгуну».

Помощники управляющего донесли мое возражение до господина Мацудайра. Он был вне себя от гнева и сказал: «Да, я действительно не говорил сёгуну об этом. Но я — управляющий, я разобрал дело и вынес решение. Как он смеет вновь подавать мне протест?! Дэнпати́ро заслуживает по крайней мере домашнего ареста. Пусть он остается в своей комнате»*.

Это сообщение доставил помощник управляющего Иноуэ. Двое помощников, передавших мой протест, не вернулись, быть может, сочувствуя мне.

Пока я оставался в своей комнате под арестом, в доме Тамура Укёнодаю было приготовлено место для самоубийства. Кира Кодзукэносукэ покинул дворец в сопровождении Отомо Ёситака, губернатора Оми. Императорские гонцы тоже уехали. Из-за утренней суматохи в связи с происшествием церемония приема закончилась только к вечеру.

Тем временем помощники встретились с управляющим Акимото Такато́мо, губернатором Тадзима, который согласился выпустить меня из-под стражи. Он, как передали мне, сказал: «В отношении решения об утреннем происшествии, когда Асано Такуминоками ранил Кира Кодзукэносукэ, вы дважды подавали протест, и это правильно. Вы подавали протест из уважения к сёгуну, и это, полагаем мы, достойно похвалы. Но вы совершили ошибку, дважды подав протест управляющему. Тем не менее, раз, как мы говорим, ваше четкое выполнение своих обязанностей достойно похвалы, мы не видим необходимости содержать вас под домашним арестом. Вы свободны, и можете исполнять предписания».

Я поговорил со своими коллегами, и мы решили, что Гондзаэмон и я будут присутствовать при самоубийстве Такуминоками.

Я спросил: «Что известно о процедуре предстоящего самоубийства Такуминоками? Я не знаю, в каком месте это будет происходить?»

* Некоторые историки полагают, что решение приговорить Асано к смерти было принято лично сёгуном Цунаёси.

Я узнал, что главным присутствующим при самоубийстве будет Сёда Ясутоси, губернатор Симофуса. Я встретился с ним и спросил:

«Я находился под стражей. Только что мне сказали, что вас назначили главным наблюдателем при сэппуку. Меня же попросили быть помощником. Я убежден, что вы ничего не упустили, но все-таки позвольте спросить: проверили ли вы, как Тамура Укёнодаю все подготовил?»

Губернатор ответил: «Я за всем проследил, так что нет надобности беспокоиться».

Тогда я сказал: «Я вижу, что все в порядке».

Мы сразу же пошли собираться, чтобы отправиться к Тамура Укёнодаю, и выбрали других слуг. Около пяти вечера четырнадцатого дня третьего месяца мы все вместе покинули замок Эдо. Каждого из двух помощников генерал-инспектора сопровождали один пеший воин и четверо полицейских из городской управы. На мне было фукуса косодэ и камисимо. Впереди ехал генерал-инспектор Сёда, за ним я, Дэнпатири, и Гондзаэмон. По пути к дому Укёнодаю, у ворот Сакурада, мы увидели воинов, которые, очевидно, ехали впереди нас и извещали о нашем приближении. Действительно, когда мы подъехали к дому, у ворот нас встретили трое управляющих и трое командиров. По двое они сопровождали Сёда и нас в зал для приема гостей. У главного входа нас встретил сам Тамура.

Губернатор сказал Укёнодаю: «Мы привезли с собой приказ передать Такуминоками под вашу охрану и присутствовать при сэппуку. Будьте готовы, господин». И он предложил привести Такуминоками.

Мы с Гондзаэмоном сказали, что хотели бы осмотреть место для сэппуку. Но губернатор заявил, что уже видел место для сэппуку на рисунке и осматривать его нет необходимости.

Я настаивал: «Господин, вы сказали, что позаботились обо всем, пока я находился под стражей. И я не мог даже взглянуть на рисунок, о котором вы говорите. Еще во дворце я спрашивал вас, как обстоят дела, и вы сказали, что за всем проследили и что позднее вы уточните подробности. На этом мы и остановились. Тем не менее, я считаю обязанности помощника при сэппуку очень важными. Предписание получили не только вы. Если мы даже не видели рисунка, а после самоубийства выяснится, что

была совершена какая-то ошибка, это не принесет нам ничего хорошего. Вам, может быть, достаточно и рисунка, но мы должны сами осмотреть это место. Потом уже мы можем проследить и за самоубийством Такуминоками. Я настаиваю на том, чтобы нам разрешили осмотреть все самим».

Губернатор сказал: «С тех пор как меня назначили главным наблюдателем, еще ни один помощник не осмеливался давать мне указания. Но, поскольку вы являетесь помощником генерал-инспектора, я не в праве приказывать вам. Пожалуйста, делайте, как вам будет угодно. Потом, когда все закончится, каждый из нас доложит обо всем самостоятельно. Если кто-то из нас совершит ошибку, он будет объясняться сам».

Мы с Гондзаэмоном осмотрели место для сэппуку. Во дворе внутреннего зала для гостей стояли большие скамьи, покрытые татами из белой пеньки. Со всех сторон их закрывали занавески, а напротив были установлены раздвижные ширмы из промасленной бумаги. Все выглядело слишком суровым.

Мы вызвали Укёнодаю и выразили возмущение: «Мы желаем знать, было ли это место подготовлено после того, как губернатору Симофуса отправили рисунок, или же непосредственно по его приказу. Даже если оно было подготовлено по указанию генерал-инспектора, не следует забывать, что Такуминоками — хозяин замка. Решение о его наказании было принято в соответствии с Путем самурая. При таких обстоятельствах недопустимо проводить сэппуку во дворе. Как бы двор ни был почтительно и пышно обустроен, двор есть двор. Если вы плохо относитесь к осужденному, это следует делать в доме. Мы не понимаем вашу позицию и доложим об этом».

Укёнодаю страшно разозлился: «Я сообщил обо всем генерал-инспекторам, показал им рисунок и получил их согласие. Раз это было сделано, я с трудом понимаю вас. Я только что слышал ваш спор с губернатором Симофуса. Идите и докладывайте сами».

«Мы доложим, — сказал я. — Даже если Такуминоками совершил проступок, он господин пятого ранга. Кроме того, он хозяин владений с годовым доходом в 50000 коку. И если ему приказано покончить с собой, к нему следует относиться как к хозяину замка и знатному господину».

Если бы было проведено дальнейшее расследование и через какое-то время он был бы лишен титулов и рангов, вновь стал бы Матаситиро* и был бы приговорен к смерти, тогда — другое дело. Но приговор вынесли, когда он еще сохранял все свои земли и титулы, поэтому к нему следует относиться, как к даймё.

Что касается меня, то я, будучи уверен, что так сразу трудно разобраться в обстоятельствах происшествия, просил отложить на несколько дней приведение приговора в отношении Такуминоками в исполнение. Но мою просьбу отклонили и, более того, меня заключили под стражу».

Укёнодаю хорошо понял мои доводы и в некотором смущении сказал, что, конечно, все следовало бы сделать иначе. Но в конце добавил: «Теперь, к сожалению, уже ничего нельзя изменить».

К тому времени совсем стемнело. Тогда мы обратились к губернатору и выразили протест: «Господин, мы внимательно осмотрели место для сэппуку и нашли, что оно весьма отличается от того, что мы ожидали увидеть. Мы предполагали такую возможность и, как вы помните, говоря с вами выразили надежду, что не будет совершено никакой оплошности. Мы особо спрашивали вас, проверили ли вы все надлежащим образом. Вы ответили, что все приготовлено правильно. Поэтому мы положились на вас. Вы явно показывали нам, что не хотите, чтобы мы вмешивались, и мы оставили все на ваше усмотрение. Но посмотрите, что происходит, господин. Каждый из нас обязательно позднее доложит о том, как все было».

Губернатор разгневался.

«Поступайте, как вам будет угодно, — сказал он. — Все это мало касается меня, главного наблюдателя. Ступайте и доложите все, что считаете нужным».

Вот-вот должна была вспыхнуть серьезная ссора, но тут появился Укёнодаю и объявил: «Только что прибыл какой-то человек, назвавшийся Катаока Гэнгоэмоном**, вассалом Асано Такуминоками, и сказал: «Я узнал, что мой господин пригово-

* Имя Асано Наганори в юности.

** Катаока Гэнгоэмон Такафуса (1666—1702). Перед тем как отправиться к Укёнодаю, он написал свою петицию о происшедшем и направил ее в Аки. После смерти Асано он напишет еще одну петицию.

рен к смерти в вашем доме. Господин и слуга расстаются навсегда, и я прошу вас позволить мне взглянуть на него последний раз». Я дважды пытался отправить его обратно, но он потребовал немедленно передать вам его просьбу. Он выглядел таким подавленным, что я подумал, не совершит ли он от горя какой-нибудь необдуманный поступок. Поэтому я здесь, господин».

Губернатор не ответил ему прямо и сказал только:

«Я не думаю, что это такое уж важное дело, которое непременно следует доводить до моего сведения». Он так и не сказал, следует ли удовлетворить просьбу слуги или нет.

Тогда я обратился к Укёнодаю: «Здесь не может быть никаких трудностей. Когда Такуминоками выведут и зачитают приговор, пусть слуга оставит свой меч и в сопровождении нескольких воинов охраны подойдет и посмотрит на своего господина. Вряд ли стоит до зубов вооружать охрану, ибо даже если бы он и попытался спасти своего господина, ваши многочисленные воины немедленно расправились бы с ним. Позволить взглянуть на своего господина в такой ситуации — акт сострадания, и я бы разрешил это».

Потом я повернулся к губернатору и спросил: «Что вы думаете об этом?» Он ответил: «Как вам угодно». Таким образом, мои слова были приняты.

Когда все препирания закончились, было уже поздно. Укёнодаю сказал Такуминоками: «Господин, некоторое время назад прибыли губернатор Симофуса Сёда Ясутоси и помощники генерал-инспектора Окадо Дэнпатиро и Окубо Гондзэмон и объявили о своей миссии. Вы можете пройти к месту казни. Мы приготовили для вас одежду».

Потом, как нам передали, он достал одежду из ящика и положил ее на крышку.

Мы тем временем сидели в главном зале для гостей. Все уже было высказано, поэтому губернатор Симофуса молчал и лишь изредка спрашивал нас о каких-то деталях. Вскоре вошел Укёнодаю и сказал: «Я передал ваше, помощник Окадо Дэнпатиро, решение вассалу Такуминоками Катаока Гэнгоэмону. Он чрезвычайно благодарен вам и просил меня передать вам это. Он оставил свой меч в комнате, рядом со внутренним залом для гостей, и сейчас его охраняют мои воины».

«Прошу вас, внимательно наблюдайте за ним и будьте осторожны», — сказал я.

При этих моих словах губернатор Симофуса криво улыбнулся. Он явно не желал найти с нами общий язык. Мы оба спорили с губернатором. Что касается меня, то я с утра столь часто выражал свое мнение, что оказался под арестом. Я ожидал, что на следующий день буду смещен со своего поста. Конечно, губернатор был ошеломлен тем, что я, его помощник, протестовал по каждому поводу.

Укёнодаю добавил: «Когда Такуминоками приготовится, я приведу его слугу Катаока Гэнгоэмона и позволю ему взглянуть на своего господина, пока тот будет идти к месту, приготовленному для сэппуку».

Перед тем как отправиться к месту казни, губернатор обратился в главном зале к Такуминоками: «Сегодня во дворце вы забыли, где находитесь, и осмелились напасть с обнаженным мечом на Кира Кодзукэносукэ. Ваш поступок признали непростительным, и вы были приговорены к смерти».

«Да, господин, — ответил Такуминоками. — Я благодарен, что по военному обычаю мне оказана честь покончить с собой. Кроме того, хотя каждому из вас было дано соответствующее предписание, с вашей стороны исключительно благородно прибыть сюда и выступить помощниками».

Он выслушал приговор, ничуть не изменившись в лице. «Позволено ли мне будет задать маленький вопрос, господин, — добавил он. — Я никоим образом не хочу просить об отсрочке приговора, я хочу лишь узнать: как Кодзукэносукэ?»

Губернатор сказал: «Было решено, что он останется во дворце, пока не залечит свои раны».

«Думаю, вы разговаривали с ним, — сказал Такуминоками. — Как мне помнится, я нанес ему два удара. Насколько тяжелы его раны?»

Мы с Гондзаэмоном ответили в один голос: «Да, вы дважды ранили его. Раны неглубокие, но он — старый человек. Более того, затронута опасное место, так что они могут оказаться смертельными. Он попытается выкарабкаться, но удары оказались столь сильными, а ранения — болезненными, что мы не уверены, что ему удастся это сделать».

При наших словах Такуминоками широко улыбнулся и чуть не проронил слезу.

Затем он обратился к Укёнодаю: «Ведите меня, господин». Он произнес это самым обычным голосом.

Мы подошли к месту для сэппуку, и каждый занял свое место. Сев, Такуминоками сказал: «У меня есть небольшая просьба. Должно быть, мой меч у вас. Я хотел бы попросить кайсяку воспользоваться им и потом взять меч себе в качестве подарка».

Губернатор, услышав его просьбу, обернулся к нам: «Что вы думаете об этом?»

«Мы сделаем так, как нас просят», — ответил я.

Мы сразу же приказали принести длинный меч Такуминоками. Потом Такуминоками попросил тушь, камень и бумагу. Пока ходили за мечом, он взял кусочек туши, медленно потер его о камень и написал кистью:

Ветер завлекает в объятия цветущие вишни
А я — как мне быть с тем, что осталось
от весны.

Такуминоками ждал, пока мы передавали меч его кайсяку Исода Такэдаю. Тем временем Мидзуно Мокудзаэмон взял прощальное стихотворение из рук Такуминоками и отнес его Укёнодаю. Пока последний совершал церемонию приема стихотворения, кайсяку Исода вышел и доложил, что, согласно древнему обычаю, он выполнил свой долг и присутствовал при последних мгновениях жизни Такуминоками.

Было решено, что Укёнодаю передаст тело и выполнит все прочие формальности, и мы покинули его дом.

Опасения Окадо Дэнпатиро оправдались: члены семьи Асано, общий объем годового дохода которой составлял 370000 коку, выразили возмущение действиями властей в отношении Такуминоками. Согласно официальным сведениям, губернатор Симофуса и генерал-инспектор Сёда Ясутоси был понижен в должности в восьмом месяце того же года. (Дэнпатиро сообщает, что это произошло уже через пять дней после происшествия.)

На следующий год понижен в должности был и сам Дэнпатиро, хотя причины этого не ясны. Сам он полагал, что это случилось не только вследствие его слишком настойчивых протестов,

но и потому, что когда были понижены в должности Сёда и некоторые другие, он открыто интересовался, почему же точно так же не поступили и с ним. Говорят, это вызвало недовольство вышестоящих.

Кадзикава Ёсобэ (1647–1723), схвативший и державший Такуминоками после того, как тот попытался убить Кодзукэносукэ, заслужил похвалу от властей. Его содержание увеличили на 500 коку. Но общественное мнение было настроено против него за то, что он помешал Такуминоками осуществить задуманное*.

Около двух пополудни того дня, когда Такуминоками попытался убить Кодзукэносукэ, из числа находившихся в Эдо вассалов Такуминоками были посланы в Аки с новостями Хаями Годзаэмон и Каяно Сампэй. Около девяти вечера за ними последовали Хара Содзаэмон и Оиси Сэдзаэмон, чтобы передать о смерти Такуминоками. Воины мчались без передышки, меняя один паланкин за другим, и в четыре с половиной дня покрыли расстояние в 620 километров.

Вести вызвали споры в клане Асано, многие запаниковали. Приговор хозяина замка к смерти означал конфискацию правительством его владений и лишение самураев привилегий. Главный вопрос, который необходимо было решить до прибытия посланников сёгуната, — как достойно встретить все это. Управляющие Оиси Кураносукэ и Оно Куробэ, а также 300 вассалов семьи Асано совещались день и ночь.

Было выдвинуто три варианта действий. Некоторые предлагали мирную сдачу замка — символа власти даймё — и мирный роспуск вассалов. Другие предлагали сражаться с войсками сёгуната до последнего, а когда замок падет — всем покончить с собой. Третьи — сдать замок и по примеру господина покончить с собой. Те же, кто остался в Эдо, настаивали на том, чтобы немедленно напасть на Кира Кодзукэносукэ и убить его.

Роспуск открывал самураю несколько возможностей. С одной стороны, он мог попытаться использовать незначительный шанс поступить на службу другому клану; или же заняться каким-нибудь считавшимся приличествующим самураю делом, на-

пример, преподаванием; или же он мог отказаться от прежнего статуса и вести обычную жизнь. С другой стороны, вопрос о том, как достойно выполнить свой долг перед лицом бесчестия для себя и господина — оставаял самураю единственную возможность: смыть позор, что почти всегда приводило к смерти или самым разным несчастьям. (Он, конечно, мог жить с этим позором, но это считалось совсем унижительным.) Подобная перспектива явно не нравилась многим вассалам Асано: люди начали разбегаться еще до принятия окончательного решения, а за несколько дней до того, как прибыли посланники сёгуната для «приема» замка, исчез и Оно Куробэ, исполнявший обязанности *дзедай гаро*, «хозяина замка», прихватив с собой большую сумму денег и драгоценности, вверенные ему на хранение.

В конце концов было принято третье предложение, поддержанное Оиси Кураносукэ. За него проголосовал шестьдесят один человек, включая самого Кураносукэ и его старшего сына, двенадцатилетнего Тикара. Было решено сдать замок без сражения — для того, чтобы восстановить семью Асано и добраться до Кира Кодзукэносукэ. Хотя какие-то попытки восстановить семью Асано предпринимались, главной целью было все-таки убить Кира. Как писал Кураносукэ в одном из писем к своему другу-монаху, «не будет ничего хорошего, даже если Дайгаку [брат Такуминоками] будет выпущен [из-под домашнего ареста]. Пока Кодзукэносукэ служит сёгуну, Дайгаку никак не сможет проявить себя, как бы образцово он себя ни вел, если рядом с ним окажется Кира».

Так началась череда тайных заговоров, ложных маневров, страданий, боли и жертв. Год и восемь месяцев спустя Кира был убит.

* Быть может, поэтому Ёсобэ выдвинул свою собственную версию происшедшего в «Кадзикава-си хикки» («Записи господина Кадзикава»).

Доводы Хаяси Нобуацу (1644–1732): «О мести».

Нобуацу, также известный как Хоко, — известный ученый-конфуцианец, занимавший при сёгунате Токугава пост первого *дайгаку но ками*, главного смотрителя ученого ведомства.

(Стихотворение в конце и предисловие к нему добавлены редактором японского оригинального издания.)

Оиси [Кураносукэ] и еще сорок пять самураев даймё западной области собрались вместе, чтобы осуществить свою цель — отомстить за господина. Четырнадцатого дня двенадцатого месяца пятнадцатого года Гэнроку они убили Кира и были взяты под стражу. Сёгун приказал нескольким чиновникам внимательно расследовать обстоятельства дела. Он определил причины преступления и приказал всем нападавшим покончить с собой.

Говорят так: «Три отношения и пять постоянств* являются основой этикета и принципом духовности, их действительность не зависит ни от времен, древних или нынешних, ни от места, ближнего или дальнего. Наши древние правители установили законы и прояснили правила, распространили их по всему миру и передали их наследникам.

Взаимоотношения между господином и слугой, отцом и сыном — это сущность трех отношений, основа пяти постоянств, предел Пути Неба и человеческой морали. Ни один человек между Небом и Землей не может быть свободным от них**. Поэтому составители “Ритуалов” говорили: “Никто не

* Три отношения: между господином и слугой, между отцом и сыном и между мужем и женой. О пяти постоянствах см. Введение.

** Чжуан-цзы вкладывает в уста Конфуция следующие слова: «То, что сын должен любить своих родителей — судьба, и этого не выкорчевать из его сердца. То, что подданный должен служить своему правителю — долг — и нет места между Небом и Землей, где бы он мог быть без правителя, нет такого места, куда бы он мог убежать».

живет под одним Небом с врагом своего господина или отца”*. Это значит, что побуждение возникает из твердого, неподавляемого чувства; в этом нет ничего личного или частного.

Поэтому не позволять отомстить — значит нарушать закон древних правителей и ранить сердца преданных слуг и почтительных сыновей. Если же дело доходит до убийства мстителей, то это еще хуже, чем попрасть закон и уничтожить смысл наказания. Как же в таком случае можно исправить человеческую мораль?»

Я отвечаю: «Справедливость мести можно ясно увидеть в “Книге ритуалов”, “Ритуалах Чжоу” и “Анналах Вёсен и Осеней”. О ней спорили многие конфуцианцы династий Тан и Сун. Позвольте и мне высказать свое мнение, составленное на основе того, что сказано об этом в различных книгах и комментариях.

Если говорить об этом с точки зрения сорока шести самураев, осуществивших акт мести, то они были исполнены решимости не позволить врагу жить под одним небом с собой. Они “спали на грубых соломенных циновках, положив под голову меч”. Беречь свою жизнь, но жить в бесчестии — недостойно Пути воина.

Если же говорить об этом с точки зрения закона, то любой, кто нарушает закон, должен быть приговорен к смерти. Даже если бы сорок шесть самураев выполняли волю своего покойного господина, это не уберегло бы их от нарушения закона страны. Их поступок бросил вызов властям и попрал законы. Поэтому их арест и предание их смерти означали, на взгляд населения и их потомков, исполнение законов страны.

Конечно, это совсем разные точки зрения, но они могут сосуществовать и не противоречить друг другу. Наверху находится правитель над людьми и мудрые советники, они проясняют законы и отдают приказания. Внизу находятся преданные слуги и справедливые люди, они выражают свое негодование и исполняются решимости. Если сорок шесть человек были преданы смерти по закону, как это и произошло, то о чем же тут сожалеть?»

* «Книга ритуалов». В оригинале говорится только об отце. Через отрицание возможности сосуществования выражена основная мысль — никто не имеет права успокоиться, пока не убьет убийцу своего отца.

Древние говорили: “Если мирное правление длится долго, умы людей становятся распушенными”. Конечно, огромное счастье, что наше время можно сравнить с “золотым веком” Яо и Шуня [китайские легендарные совершенно-мудрые императоры] и что люди сегодня процветают и с наслаждением предаются своим занятиям как никогда прежде. Однако самураи по всей стране стали слишком расточительными и беспечными. Они собираются толпами, проводят время за болтовней и учатся довольствоваться вежливостью и обходительностью.

Вот в какое время случилось это происшествие. Оно пробудило и восхитило людей, заставило их понять, что они всегда должны быть готовы свершить справедливость, что господин может верить в своих слуг и что слуги могут хранить преданность своему господину.

О, смерть Ван Чжу помогла Ци очнуться*, Янь Чжэнь-цин помог восстановить династию Тан**. Те, кто сегодня вслух говорят об этих людях, знают, о чем говорят. Сорок шесть самураев тоже были великими воинами, которые появляются всего один раз, дабы озарить своим сиянием весь мир. О них

* Когда царство Янь напало на Ци, полководец Янь Юэ И окружил город, в котором жил Ван Чжу, и послал ему письмо, предлагая в случае сдачи сделать его командующим и угрожая в случае отказа сровнять город с землей. Ван Чжу, хоть и обычный человек, славился своей мудростью. Он отказался и ответил так: «Верный подданный не служит двум правителям, целомудренная жена не меняет мужей... Я лучше соглашусь быть сваренным живьем, чем отказаться от чувства долга». И повесился. Узнав об этом, многие знатные люди, прежде покинувшие Ци, вернулись в свое царство и возродили его. См. «Биографию Тянь Тяня», гл. 81 «Ши цзи».

** Янь Чжэнь-цин (709–786), знатный сановник, первым поднял армию против Ань Лу-шаня, когда тот, воспользовавшись благосклонностью императора династии Тан Сюань-цзуня, поднял мятеж и захватил столицу. Позднее, когда восстал уже другой полководец, Янь отправился к нему в лагерь в качестве императорского посланника, но был арестован и через три года убит. Янь знаменит не только своей верностью, но и искусством каллиграфии.

*** Юй Жан, желая отомстить за смерть своего хозяина, который к нему очень хорошо относился, изменил свой голос и свою внешность, наевшись древесного угля и раскрасив свое тело, чтобы суметь подобраться к врагу. После того как его вторая попытка закончилась неудачей, он заколол себя кинжалом. См. «Биографии убийц», гл. 86 «Ши цзи» Сыма Цяня.

следует говорить с таким же восхищением, как о Юй Жане*** и Тянь Хэне****.

Господин Хаяси также написал стихотворение [озаглавленное: «Пятнадцатого дня двенадцатого месяца прошлого года Оиси Кураносукэ и сорок пять воинов Асано Такуминоками в едином порыве исполнившись решимости, отомстили за своего господина и восстановили поправленную справедливость. Четвертого дня второго месяца этого года по приказу властей они покончили с собой».]

Ворвавшись в ворота, они превзошли
Цзин Кэ*****.

Холодный ветер над Ишуй и сердце
храброго воина.

Немые от угля и обезображенные,
они походили на Юй Жана.

С песней о преданности они в слезах несли
Тянь Хэна.

Искренность пронизывает солнце,
чего ж сожалеть о смерти?

Справедливые сердца сокрушают горы,
жизнь не имеет значения.

Сорок шесть воинов последовали за мечом,
Они утвердили верность, но что до этого
дела небесному божеству?

**** Тянь Хэн предпочел покончить с собой, но не поехать на вызов императора Гао, своего соперника. После пышных похорон, устроенных Тянь Хэну императором, двое его сопровождающих покончили с собой, хотя император наградил их высокими титулами. Узнав о смерти Тянь Хэна, 500 его последователей, живших на отдаленных островах, покончили с собой. См. «Биография Тянь Тяня» в «Ши цзи».

***** Цзин Кэ — знаменитый воин. Ему было приказано убить Цинь Ши Хуан-ди, впоследствии первого императора Китая. Его план не удался, и он погиб. Следующая строка восходит к песне, которую он, по преданию, пропел перед тем, как переправиться через реку Ишуй: «Дует одинокий ветер, воды Ишуй холодны. Храбрый воин, отправившись в путь, никогда не вернется обратно».

Сато Наоката (1650—1719):

«О сорока шести войнах».

Ученый-конфуцианец, Наоката учился у знаменитого ученого (позднее — синтоиста) Ямадзаки Ансаи (1618—1682). Он поврал со своим наставником, когда стал последователем консервативной школы Чжу Си.

Около двух пополудни четырнадцатого дня двенадцатого месяца пятнадцатого года Гэироку сорок шесть вассалов Асано Такуминоками во главе с Оиси Кураносукэ в шлемах и доспехах, с луками, мечами и копьями атаковали дом Кира Кодзукэносукэ, обезглавили хозяина, ранили его сына Сахээ и убили многих его слуг. Утром пятнадцатого дня они отправились в храм Сэнгаку в Сиба и положили голову Кодзукэносукэ перед могилой своего господина.

Еще покидая дом Кодзукэносукэ, они отправили Ёсида Тюдзаэмона и Томимори Сукээмона к Сэнгоку Хисанао, губернатору Хоки, чтобы сообщить о своем поступке. Они передали ему письмо и объявили, что будут ждать приказа сёгуна. Сёгун должным образом отдал распоряжение и поместил сорок шесть воинов под охрану Хосокава Цунатоси, губернатора Эттю, Хисамацу (Мацудайра) Саданао, губернатора Оки, Мидзуно Кэнмоцу и Мори Цунамото, губернатора Каи. Четвертого дня второго месяца следующего года вышел приказ, и все воины покончили с собой. В приказе говорилось:

Уважая Асано Такуминоками, мы оказали ему честь, повелев встречать императорских посланцев. Тем не менее, он забыл, что находится во дворце, и совершил непростительное преступление. Поэтому он был приговорен к смерти, а против Кира Кодзукэносукэ мы не приняли никаких мер. Тогда сорок шесть вассалов Такуминоками, поклявшись отомстить за своего господина, собрались вместе, ворвались с оружием в дом Кодзукэносукэ и убили его. Мы полагаем, что этот поступок свидетельствует о неуважении к властям. Это — тяжкое преступление, и оно не

может быть прощено. Мы выносим всем смертный приговор и приказываем покончить с собой.

Приказ понятен. Сёгун не подверг их наказанию, как преступников, но позволил им покончить с собой. Это явилось выражением милости сёгуната, и они, казалось, могли благодарить свою судьбу.

Тем не менее, легкомысленные люди продолжали уверять, что эти сорок шесть воинов были верными слугами и справедливыми людьми. Невежественные люди неспособны к размышлению, вот почему они высказывали подобные ошибочные суждения. Но ведь даже господин Хаяси скорбел об их смерти, и он написал в их честь стихотворение; сравнивая их с Юй Жаном и Тянь Хэном, он назвал их справедливыми слугами. Более того, он выразил свое сожаление по поводу их смерти, сказав, что они отомстили за своего господина и восстановили справедливость. Поэтому все ученые стали легкомысленно роптать, и многие из них сочувствовали самураям.

Некоторые же говорят, что решение властей было правильным, и приговор — справедливым. Но если решение властей было правильным, как сорок шесть самураев могут быть справедливыми? Подобные доводы нелепы, ибо противоречат здравому смыслу. Если любой, кто читает книги мудрецов, произнесет хотя бы одну здравую мысль, люди будут считать его своим учителем. Очень жаль, если он высказывает и распространяет ошибочные суждения, смущающие умы простых людей. То, что сорок шесть самураев должны были считать Кодзукэносукэ своим врагом, ибо «нельзя жить под одним Небом с врагом своего отца или господина»* — огромная ошибка. Кодзукэносукэ не был их врагом. Он был бы таковым, если бы нанес вред Такуминоками.

Такуминоками напал на Кодзукэносукэ из личной ненависти и гнева, поправ тем самым Великий Закон. Поэтому сёгун приговорил его к смерти. Как можно думать о том, чтобы «отомстить» за такого человека? Если мы примем во внимание его чувства, то конечно, его гнев и возмущение

* Известно, что Хорибэ Ясубэ (1670—1703), один из нападавших и известный фехтовальщик, справлялся у Хосои Хиросава (1658—1735), конфуцианца и знатока военной стратегии, можно ли добавить в оригинал слово «господин».

можно понять, но если он хотел убить Кодзукэносукэ, это следовало сделать после исполнения своего долга и в более подходящем месте. Он же предпочел нарушить Великий Закон, да еще во время Великого Ритуала приема императорских посланцев.

Еще хуже то, что Такуминоками предательски напал на Кодзукэносукэ. Он вытацил свой меч за спиной Кира, когда тот разговаривал с Кадзикава Ёсобэ, и ударил его, когда тот попытался убежать. Но раны оказались неглубокими и не смогли убить Кодзукэносукэ, а сам Такуминоками был схвачен Кадзикава. Такуминоками лишен и отваги, и искусства, и достоин только того, чтобы над ним посмеяться. Вполне справедливо, что он был приговорен к смерти, а его замок и земли — конфискованы.

Кодзукэносукэ, в свою очередь, не обнажил меча, а просто упал в оцепенении с побледневшим лицом, чем вызвал усмешки самураев всей страны. То, как он отреагировал на нападение, было полным позором, хуже смерти. Зачем же сёгуну наказывать его? Ведь он явно не достоин мести!

Тем не менее, сорок шесть самураев, вместо того чтобы сожалеть о страшном преступлении своего хозяина, решили пойти против воли сёгуната: они взяли в руки оружие и напали на дом Кира с боевыми криками и знаками отличия. Если бы после того, как они из ярости убили Кира, они поняли бы, что совершили преступление против воли сёгуната и покончили бы с собой в храме Сэнгаку, то они, по крайней мере, заслуживали бы нашего сочувствия.

Вместо этого они доложили обо всем губернатору Сэнгоку и заявили, что будут ждать решения сёгуната. В письме они указали, что уважают власть сёгуната, да и самому Сэнгоку они первым делом заявили то же самое. Что же это все может означать, кроме как желания добиться похвалы, избежать смерти и быть принятыми на службу? Поправшим Великий Закон и пошедшим против воли сёгуната не о чем докладывать, незачем ждать указаний. То, что сделали они, — это не то, что делают готовые умереть. Эти люди были вне себя от того, что лишились господина и службы; они все рассчитали и хотели осуществить свои цели. То, что они сделали, они совершили не из чувства верности и не из-за острой боли.

Тот, кто называет себя самураем, должен продумывать все до конца, говорить и действовать четко, с тем чтобы умы людей низших сословий прояснились. Чем дольше размышляешь об этом деле, тем больше понимаешь, почему повсюду люди уверяют, хотя и бездарно, что сорок шесть человек совершили справедливость. Кодзукэносукэ был невероятно жаден. Все презирали его за надменность, хитрость и злой ум. Поэтому люди не думают о преступлении Такуминоками, а лишь сожалеют о его смерти и о том, что Кодзукэносукэ остался жив. Поэтому, когда люди узнали о его смерти, они возликовали и провозгласили сорок шесть воинов героями.

Из-за зол Кодзукэносукэ погибло столько людей, в Эдо возник хаос, умы людей были смущены. Поистине, он заслуживает ненависти.

Неизвестный самурай: «Сорок шесть воинов не были справедливыми слугами»

Хотя я не знаком с логикой и прочими глубокими вещами, кои познаются лишь при долгом изучении, если взглянуть на данное дело с точки зрения обычного предназначения самурая, непонятного окажется не так уж много. О том, что случилось с Асано и о его поступке говорят: «Это был поединок», «Нет, не был», «То была месть», «Нет, не была». Но отбросив все подобные доводы, можно сказать: для самурая вполне естественно отомстить за смерть господина. Самурай, который не может это сделать, — трус...

Низкие сословия по характеру своих рассуждений могут подумать, что эти люди совершили что-то необычайно трудное, и непрерывно говорить: «Они — верные слуги и справедливые воины». Но если самурай говорит, что они совершили чуть ли не подвиг, и начинает восхвалять их, это за пределами моего понимания. Если же самурай идет еще дальше, складывает в их честь стихи и думает: «Они — посланцы Неба, я хочу быть таким же верным и справедливым, как они», — то это уже полная чушь. Я считаю, что тот, кто не исполнен решимо-

сти отомстить за отца или господина, вовсе не является самураем. Те же самураи, которые возносят их до небес и полагают, что они совершили что-то выдающееся, поступают так потому, что напрочь лишены воинского духа.

Ученых, которые спорят об этом, я тоже не понимаю. Если они убили своего врага, в то время как он [как считают некоторые] вовсе не был их врагом, они либо совсем безмозглые, либо сделали это ради выгоды. Если же они убили его только потому, что он был врагом их господина, тогда в их поступке нет ничего особенного и выдающегося. И при этом говорят, что они — посланники небес, придумывают всякие хитрости, чтобы заполучить их мечи и конья, и посещают их могилу, отдавая им дань уважения.

Я в любое время убью любого, кто враг моего отца или господина. Я даже не побеспокоюсь об осторожности, не одену доспехов и не возьму с собой лука и стрел.

О низших сословных говорить нечего. Но чем же так восхищаются самураи? Если они действительно думают, что отомстить за господина или отца — великий подвиг, то как же они тогда служат своим хозяевам? Все это представляется мне смешным.

Что касается лично меня, то я не читал книг. Я — обычный самурай на службе. Ученые, я полагаю, глубоко исследовали вопрос, и я хотел бы услышать, что они могут сказать об этом деле.

Асами Ясусада (1652–1711):

«Сорок шесть воинов»

Ясусада, также известный под именем Кэйсай, как и Наока-та, учился у Ямадзаки Ансаи. Потом он раскритиковал своего учителя и прервал с ним отношения.

История мести воинов из Аки, что в Харима, известна повсюду. Но порой возникают сомнения: хотя о том, что сорок шесть воинов сделали для своего господина, спорить, казалось

бы, нечего, существует мнение, что, убив человека, которому сёгунат позволил жить в бесчестьи, они тем самым выказали свое неповиновение властям. Эти доводы породили много искаженных представлений. Из разных мест мне писали люди, спрашивая, какое истолкование их поступка является правильным, а какое — неправильным, какое — лучшим, а какое — худшим...

Кодзукэносукэ, являясь главой Ведомства церемоний, из-за своей жадности и самонадеянности не обратил внимания на грубую ошибку Такуминоками и позволил ему опозорить себя перед людьми во Дворце Великолепия. Это привело Такуминоками в бешенство и заставило совершить то, что он совершил. По сути, то, что Кодзукэносукэ, прикрываясь авторитетом сёгуната, вел себя так, как ему хочется, является преступлением, которое следует карать смертью. Если бы Такуминоками не напал на него, он бы не избежал ответственности за это преступление. Если бы Асано не был приговорен к смерти, он должен был бы подать в отставку и быть лишен своих владений.

Что касается Такуминоками, он не смог сдерживать гнев, забыл о том, где находится, и о правилах этикета и вел себя несдержанно — в этом его несомненная вина. Тем не менее, он не имел ни малейшего намерения действовать против власти сёгуна. Кроме того, не похоже, чтобы он совсем забылся. Его гнев накапливался постепенно, а когда в тот день он был оскорблен вновь, он, не раздумывая ни о прошлом, ни о будущем, бросился на Кодзукэносукэ. Но тот убежал, а сам Такуминоками был схвачен. Все произошло так внезапно, что он не смог осуществить свои намерения до конца.

Если бы Такуминоками мог утолить свою ненависть полностью, он бы тут же покончил с собой. Или же, если бы кто-нибудь удержал его, он бы, конечно, понял, что будет приговорен сёгунатом к смерти.

Великий Закон гласит, что виновными в поединке являются обе стороны, и обе стороны должны быть наказаны одинаково. Если Такуминоками должен понести наказание за то, что потревожил спокойствие в месте проведения Великого Ритуала, то нельзя забывать о том, что он сделал это не беспричинно, и что все произошло из-за высокомерия Кодзукэносукэ. Тогда если Такуминоками должен был быть наказан, то и Кодзукэносукэ должен был понести наказание. Однако

Такуминоками приговорили к смерти за нарушение спокойствия при проведении Великого Ритуала, а Кодзукэносукэ не пострадал. Из этого следует — и здесь не о чем спорить, — что Такуминоками погиб от рук Кодзукэносукэ. Тогда, если бы те, кто считали себя слугами Такуминоками, не убили бы врага, которого хотел убить еще их господин, Великое Свершение не пресуществилось бы.

Очевидно, что Оиси хотел лишь убить врага своего господина и что он не вынашивал никаких тайных намерений против сёгуната... Оиси и его воины не покончили с собой сразу же, но отдали свои жизни сёгуну. Это говорит о том, что они прекрасно понимали, как их хозяин предан сёгуну и с каким величайшим почтением он к нему относится. Поскольку побуждения этих людей стали понятны, власти наказали наследника Кодзукэносукэ за нарушение верности и довольно мягко обошлись с сорока шестью воинами: никто из их родственников не был приговорен к смерти, а самим воинам даже разрешили выбрать место для могилы.

Кто-то говорил: «Они убили Кодзукэносукэ, потому что Такуминоками не смог убить его. Но Кодзукэносукэ никогда не пытался убить Такуминоками. Поэтому со стороны воинов было неправильным называть Кодзукэносукэ врагом их господина».

Если ваш господин не смог кого-то убить и в итоге погиб сам, то кого же вы назовете своим врагом, как не этого человека? Подобных оснований слишком много, чтобы можно было перечислить их все.

Кое-кто говорил: «Такуминоками плохо владел мечом. Поразительно, как он не убил Кира? Он все равно был бы бесполезен для сёгуна»*.

Это тоже смешно. Даже если бы он был великолепным мастером меча и на месте убил бы Кира, то какой в этом был бы прок? Кроме всего прочего, он был подавлен внезапностью происшедшего. При этом Кодзукэносукэ убежал, а его само-

* Позднее генерал Ноги Марэсукэ (1849—1912) сказал: «Почему [Такуминоками] не заколол его?» Говорят, что если хочешь убить человека, то самый надежный способ — не рубить мечом, как это сделал Такуминоками, а колоть. Задавая подобный вопрос, Ноги подразумевал, что Такуминоками не знал, как обращаться с мечом.

го схватили. В подобных обстоятельствах неудивительно, что он не смог осуществить задуманное. Если же говорить, что Такуминоками должен был быть наказан как бесполезный для сёгуна человек, то какой же тогда прок в трусе-Кодзукэносукэ, который просто убежал? Такие доводы ставят целью не показать ошибочность решения управляющих сёгуната, а защитить его.

Есть и еще одна, особо возмутительная теория. Она утверждает, что сорок шесть воинов нигде не смогли вновь поступить на службу и тогда совершили этот акт мести, рассчитывая получить содержание. Более презренных слов нельзя и придумать.

Все воины отдали свои жизни от начала и до самого конца, и даже письменно выразили свои побуждения. И находятся же те, кто говорит столь позорные вещи, подобающие скорее торговцу, попавшему в переделку. Такие хотят уничтожить своими словами память о воинах.

Подумайте-ка: сорок шесть человек решили ворваться в огромный дом человека, где находилось множество вассалов и знатных членов семьи. Как мог хоть один из них надеяться на то, что останется в живых?* Как можно говорить, что они рассчитывали получить содержание? Это же полная чушь...

Кое-кто говорил: «Сорок шесть воинов собрались вместе, вооружились и надели знаки отличия, как в бою, что является тяжелым преступлением. Что вы ответите на это?»

Я скажу так: «Вы говорите об этом так, будто воины бросили вызов сёгунату. Но даже если вы обвиняете их в том, что они объединились в «армию», они ворвались в дом затем, чтобы убить врага их господина, и потому не могли должным образом не подготовиться. Они не имели ни малейшего намерения выказывать неповиновение властям и тревожить их.

Даже в попытке убить врага своего родителя вы можете создать суматоху и беспорядки, что зависит от вашего противника и места. Но ведь это не является частью ваших намерений. Если же в данном случае думаете только о властях и вам не удастся убить врага, это значит, что воля отца или господина вторична для вас.

* Оиси и его воины убили шестнадцать человек и ранили двадцать два.

Далее, эти войны, исполняя задуманное, не потревожили соседей и, более того, даже в доме врага старались не убивать тех, кто не оказывал сопротивления. Покидая дом, они позаботились о том, чтобы не начался пожар. Если обвинять этих людей в неповиновении властям только за то, что они были в полном боевом облачении, это значит намеренно пренебрегать подлинной целью их поступка.

В целом же, когда речь идет о великих свершениях, подобных данному, следует видеть подлинные мотивы и побуждения и прощать те немногие ошибки, что были допущены. Тогда исполненный преданности и справедливости поступок не будет запятнан. Стояла ночь, поэтому без знаков отличия было бы трудно разобрать своих и чужих. Луки и мушкеты взяли на случай, если враг попытается спастись бегством. Раненый воин не сможет убить врага, поэтому они облачились в доспехи.

Наконец, если бы только Оиси и его сын убили Кодзукэносукэ, будучи в обычной одежде, неужели бы сёгун сказал: «Вы не совершили никакого преступления» и позволил бы им остаться в живых?»

Теперь, быть может, самое время упомянуть о том, как правительство отнеслось к некоторым родственникам тех, кто участвовал в нападении.

У сорока шести воинов всего было девятнадцать сыновей. Четверо из них, в возрасте пятнадцати лет и старше, были отправлены в ссылку, но спустя три года амнистированы. Все они постриглись в монахи, ибо только это позволило им вернуться из ссылки. Подобный приговор можно считать очень мягким, ибо в те времена наказание родственников было обычным делом, а в качестве примера часто приводили Фан Сяо-жу (1357–1402). Фан, ученый, в начале правления династии Мин отказался фальсифицировать документы в пользу узурпировавшего престол императора. В итоге были выслежены и убиты все его родственники, близкие и дальние, всего несколько сот человек.

Приемный сын Кодзукэносукэ (на самом деле — внук) Ёситика был тяжело ранен в сражении, но при этом лишился своих владений на основании того, что «не погиб, защищая отца». Его передали под охрану одному из местных даймё как полу-

преступника, и через четыре года он умер, так и не оправившись от ран. Менее пострадал его настоящий отец, Цунанори. Унаследовавший семью Уэсуги, он «подал в отставку» в том же году, хотя ему было лишь сорок с небольшим.

Все сорок шесть воинов выразили желание быть погребенными в храме Сэнгаку, рядом с могилой Такуминоками. Власти с уважением отнеслись к их последнему пожеланию.

Дадзай Сюдэй (1680–1747): «О сорока шести воинах из Ако»

Сюдэй начал учиться у конфуцианца Огю Сорай (1666–1728) в 1711 г., почти десять лет спустя после происшествия. Через своего друга, управляющего Янагидзавы Ёсиясу, Сорай имел огромное влияние на сёгуна Цунаёси. Именно Ёсиясу рекомендовал властям приговорить сорок шесть воинов к самоубийству, что и было сделано. Данный комментарий написан Сюдэем через несколько лет после смерти Сорай. В одном из пассажей, не включенном в данную книгу, Сюдэй говорит, что согласен со своим учителем.

Интересно, что Сюдэй признается: первое время он глубоко восхищался этими людьми, но потом изменил свое мнение. Почему — об этом говорится в первых приведенных ниже параграфах.

Сюдэй сказал: «...Что касается жизни, то утром нельзя предугадать, что произойдет вечером. Кто мог знать, что Кира не умрет своей смертью? Почему нужно было ждать следующей зимы? А если бы Кира умер прежде, чем воины из Ако осуществили свою месть? Как бы они тогда поступили: постриглись бы в монахи, бежали бы на далекие острова* или разрыли бы могилу Кира и секли его труп, как У Цзы-суй**?»

* Последователи Тянь Хэна.

** У Цзы-суй, будучи не в состоянии разыскать правителя Чжао, виновного в смерти его отца и брата, раскопал могилу Пин-вана, который тоже был виновен, и «не остановился, пока не ударил труп триста раз». Сыма Цянь, «Биография У Цзы-суй».

Известно, что закон, установленный Иэясу, гласит: совершивший убийство в замке Эдо должен быть приговорен к смерти. Господин из Акио лишь ранил Кира. Его преступление не заслуживало смерти. Но власти приговорили его к смерти, это слишком суровое наказание. Слуги господина Акио, казалось бы, должны были быть возмущены этим. Но Оиси и его люди обиделись не на это, а на Кира, который не заслуживал даже ненависти.

Слуги должны подчиняться своему господину и бояться властителя страны, пока властитель почтителен к их господину. Но если властитель не почтителен к их господину, следует возмущаться именно его действиями. Ведь для слуг не существует никого, кроме господина и властителя.

В Японии есть Путь воина. Когда воин видит смерть своего господина, он выходит из себя от ярости и бросается на врага. [Если он сам погибает], то его смерть считается справедливой. Никто не спрашивает, правильный это поступок или нет. С точки зрения гуманности эта смерть может показаться бессмысленной, но так было всегда, с начала начал...

Оиси и его людей возмутило не то, что должно было возмутить. Они возненавидели Кира и своим поступком намеревались устроить властителя страны. Они не только не понимали подлинных отношений правителя и подданного, но и утратили Путь воина. Все это вызывает сожаление».

Гость спросил: «Как же в таком случае должны были поступить воины из Акио?»

Сюндай сказал: «Самое лучшее, что они могли сделать, — это умереть в замке Акио... Им следовало выйти из замка и сражаться с армией сёгуната. Затем они должны были запереться в замке, поджечь его и покончить с собой. Если бы их тела сгорели в замке, можно было бы сказать, что воины Акио сделали все, что в их силах...

Если же по какой-либо причине поступить так оказалось бы невозможно, им всем следовало немедленно отправиться в Эдо и напасть на Кира. В случае победы в сражении они должны были бы покончить с собой; в случае поражения — сделать то же самое. Тогда они бы выполнили свой долг.

Однако Оиси и его люди не сделали ни того, ни другого. Они ждали в бездействии, а потом с помощью ненужного заговора и в полной секретности попытались убить Кира. Они

думали о том, чтобы достичь своей цели, утвердить свою честь и тем самым добиться славы и удачи. Как это бесцеремонно с их стороны! Кроме того, для воинов Акио большим счастьем явилось то, что Кира не умер до того, как они напали на него.

Затем, когда Оиси и его люди убили Кира и положили его голову на могилу своего господина, они, конечно, достигли своей цели и исполнили свой долг. Если простой человек убьет помощника сёгуната, его ждет смерть. В таком случае эти сорок шесть человек должны были покончить с собой еще в храме. Зачем же они ждали приказа властей?

Они не покончили с собой и сдались властям потому, что, наверное, думали так: «Мы выполнили трудное дело. Если нам улыбнется судьба и нас не заставят умереть, мы не умрем. Тогда поступить на службу и получить ранг будет так же просто, как нагнуться и подобрать с земли пыль. Если же нам суждено умереть, мы умрем по закону. Умереть по закону никогда не поздно. Зачем же нам убивать себя сейчас?» Если те, кто думают так, не ищут славы и удачи, то кто тогда ищет их? Как бесцеремонно с их стороны!..»

Ёкои Яю (1702—1783): «Провинциальный разговор»

Яю, самурай и поэт, особо известен собранием хайбун под названием «Удзура горомо» («Одеяние перепела»)*.

Яю родился в тот год, когда все произошло, но написал свой комментарий, видимо, в возрасте шестидесяти лет или даже больше. В прологе он говорит, что его слуга Кусаку как-то отправился в Эдо и нашел там памфлет о сорока шести самураях, написанный ученым Дадзаи Сюндаем. Он был так «изумлен», прочитав его, что привез его Яю. Название эссе Яю говорит, что он явно задет тем, что Сюндай осуждает предполагаемые мотивы поступка Оиси и его воинов.

* *Хайбун* — прозаический отрывок, как правило, небольшой по объему, с включенными в него стихами хайку. Чаще всего их писали поэты хайку. Подобная проза была полна метафор и намеков.

«Что касается жизни, то утром нельзя предугадать, что произойдет вечером. Кто мог знать, что Кира не умрет своей смертью? Почему нужно было ждать следующей зимы? А если бы Кира умер прежде, чем воины из Аки осуществили свою месть?» и т.д.

Затем он [Дадзай] продолжает: «Если бы враг умер до наступления зимы, что бы тогда сделали сорок шесть воинов: постриглись бы в монахи или хлестали его труп? Если бы они сделали что-нибудь подобное, то стали бы посмешищем для всей страны».

Что же означают подобные слова?

Конечно, всегда очевидно, что нельзя рассчитывать на то, что кто-то будет жить вечно. Но в самом этом «всегда» есть непостоянство. Если начнешь беспокоиться о том, что произойдет в будущем, то никогда никому не одолжишь денег и ни за что не дашь обещания жениться. Конечно, если бы они отомстили спустя пять или семь лет, их можно было бы обвинить в промедлении, но они ждали лишь до следующей зимы, выбирая подходящий момент и разрабатывая план мести, чтобы не ошибиться.

Господин Дадзай, видимо, думает, что им следовало напасть, несмотря ни на что, и, вне зависимости от того, победят они или проиграют, умереть на месте. Он явно не понял подлинного смысла их намерений.

В конце концов, господин Асано, не в силах сдерживать возмущение и гнев, решил убить Кира и умереть сам. Он прекрасно понимал, что тем самым положит конец своему дому. Но, не думая ни о чем, он все-таки напал на Кира, но не смог его убить. В результате он погиб, его дом был уничтожен, а враг остался жив. Верные самураи не смогли свыкнуться с мыслью, что черви поедают костный мозг их господина, что от мук он превращается в могиле, и потому решили отомстить.

Если следовать нити рассуждений господина Дадзай, то им следовало немедленно напасть на Кира, подобно собачонке, кидающейся на вас. А если бы опять погибли лишь они, и господин Кира мог бы стать еще спокойнее, ничего не опасаясь, а господина Асано по-прежнему поедали бы в могиле черви? Они не хотели, чтобы все получилось так.

Предположим, что если бы полководец, которому приказано уничтожить врага императора, думал о том, что не сможет

утвердить свою славу, если враг вдруг умрет от болезни; если бы перед тем, как выстроить армию и построить укрепления, он один помчался бы, размахивая мечом, в лагерь врага и был бы убит — похвалил бы его тогда император как преданного подданного? Нет, он стал бы тогда посмешищем для всех.

Полководец должен первым делом укрепить свою армию и выработать стратегию; только тогда он может идти в землю врага, осуществить свой план и привезти голову врага, с тем чтобы успокоить тревоги императора. Вот как, полагаю я, должен действовать преданный слуга. Если же враг вдруг умрет от болезни, все, что остается — это отменить поход, что не будет позорным для полководца...

Сорок шесть воинов ничего не имели против Кира. Причиной смерти их господина стала его собственная опрометчивость, а не Кира. Воины убили Кира потому, что это хотел сделать их господин. Они хотели успокоить его прах. Вот почему, показав голову Кира перед могилой своего господина в храме Сэнгаку, они затем положили ее на церемониальный поднос и отдали монаху. Когда Тикара необдуманно произнес что-то оскорбительное у головы врага, [его отец] Кураносукэ твердо указал ему, что не следует вести себя грубо со знатным человеком, даже если он обезглавлен. Они не ненавидели Кира.

Они утвердили справедливость — как можно говорить о том, что они стали бы хлестать труп врага. Они думали совершенно иначе, чем У Цзы-суй. Они также не были похожи на тех, кто завидует чужой славе и клеветает на другого...

Часть IV
Современная повесть

Мори Огаи: «Семья Абэ»

Тринадцатого сентября 1912 г., в день похорон императора Мэйдзи, генерал Ноги Марэсукэ и его жена покончили с собой. В своем завещании генерал написал: «Я с сожалением сознаю, что, следуя за его величеством, я совершаю тяжкое преступление. Но с тех пор, как в ходе гражданской войны десятого года Мэйдзи [1877] я потерял свой флаг, я все время искал смерти, но безуспешно. Более того, вплоть до сего дня император оказывал мне особые милости и относился ко мне с исключительным сочувствием. Я стал немощным и мог бы быть полезен уже очень недолгое время. И тут тяжелая утрата наполнила мое сердце таким отчаянием, что я принял решение».

Потеря флага в единственном сражении, равно как и чувство вины за то, что он не понес наказания, были не единственной причиной отчаяния генерала. Во время осады Порт-Артура в ходе Русско-Японской войны он понес огромные потери и, видимо, знал, что не был смещен со своего поста, как того требовал начальник Генерального штаба, лишь благодаря вмешательству императора Мэйдзи.

Поступок Ноги произвел впечатление на многих людей, хотя часть молодежи осудила его как «анахронизм». Например, в США поэтесса Харриет Монро (1860–1936) написала в его память стихотворение, которое так и называлось — «Ноги». Оно было опубликовано во втором номере только что созданного ею журнала «Поэзия»:

Великий воин древнего клана,
Пред угрюмым каменным лицом Порт-Артура
Вы обнажили боевой меч древней Японии
И сбросили Белого царя с азиатского трона.

Еще раз самурайский меч
Вошел по рукоять в ваше преданное сердце,
Чтобы ваш взошедший на небеса господин
Не один странствовал среди духов.

Своим гордым путем, о восточная звезда,
Вы величественно последовали. Этот путь
ведет

В высь небес, где покоятся все герои,
Возлюбившие смерть во имя цели и веры.

Одним из тех писателей, кого потрясла смерть Ноги, был Мори Огаи (1862–1922)*. Армейский офицер, он изучал медицину в Германии и сделал стремительную карьеру, уже в 45 лет став генералом медицинской службы. Кроме того, Огаи пользовался большим авторитетом в литературных кругах и всеми силами способствовал распространению в Японии философских идей и литературы Запада. Смерть друга Ноги привела его в замешательство. Уже 18 сентября, через шесть дней после смерти Ноги и в день его похорон, Огаи принес издателю свою первую новеллу о прошлом Японии. Она называлась «Завещание Окицу Ягоэмона» и начиналась так: «Сегодня я покончу с собой. Некоторых это удивит, и они скажут, что я, Ягоэмон, совсем одряхлел и выжил из ума. Но дело совсем не в этом». И далее Ягоэмон говорит о том, что произошло тридцатью годами ранее.

В январе следующего года была опубликована «Семья Абэ». Это вторая историческая повесть Мори Огаи. Хосокава Тадатоси (1586–1641) — сын Тадаоки (Сансай; 1564–1645), военачальника, известного своими знаниями в области дворцового этикета, традиционного стихосложения и искусства чайной церемонии. Убийство Окицу Ягоэмоном одного из своих товарищей, которое он искупил самоубийством, произошло в тот момент, когда оба они по поручению Тадаоки отправились покупать чайную утварь.

Весной восемнадцатого года Канъэй [1641] Хосокава Тадатоси, господин старшего четвертого ранга первой ступени,

* Еще одним был Нацумэ Сосэки (1867–1916), чья новелла «Кокоро» непосредственно связана с самоубийством Ноги.

младший капитан Левого крыла стражи Внутреннего дворца и губернатор Эттю, готовился лично возглавить большую и пышную процессию, приличествующую даймё с содержанием в 540000 коку, покинуть сады своего удела в провинции Хиго, где вишни начинают цвести раньше, чем где бы то ни было, и отправиться вместе с весной на север, в Эдо, чтобы исполнить свой долг перед сёгуном, требовавшим от всех даймё каждый второй год проводить в столице. Но внезапно он заболел. Лекарство, назначенное лекарем, не помогало, и день ото дня ему становилось все хуже и хуже. В Эдо отправили гонца с известием, что его прибытие откладывается. Иэмицу, третий сёгун Токугава, известный как выдающийся правитель, выразил беспокойство состоянием здоровья Тадатоси, который сыграл не последнюю роль в подавлении Амакуса Сиро Токисада, главаря мятежников Симабара*. Двадцатого дня третьего месяца он приказал Мацудайра, губернатору Идзу, Абэ, губернатору Бунго, и Абэ, губернатору Цусима, составить официальный запрос, скрепив его своими подписями, и отправил в Хиго знаменитого лекаря из Киото по имени Исаку. Двадцать второго в Хиго с письмом, подписанным тремя губернаторами, поехал самурай по имени Сога Матадзаэмон.

Подобное внимание сёгуна к даймё казалось необычным. Еще с тех пор, как тремя годами ранее, в пятнадцатом году Канъэй, мятежники Симабара были усмирены, сёгун при каждом удобном случае оказывал Тадатоси любезности: в Эдо ему была выделена дополнительная земля для дома, ему также подарили соколов для охоты и пр. И когда до сёгуна дошла весть о болезни Тадатоси, он заботился о даймё настолько, насколько позволяли нормы отношений господина и слуги.

Однако еще до того, как сёгун принял меры, состояние Тадатоси ухудшилось, и семнадцатого числа третьего месяца около четырех пополудни он скончался в своей резиденции в Кумамото в возрасте пятидесяти шести лет. Жена его была дочерью Огасавара Хидэмаса, господина пятого ранга в Во-

* Речь идет о начавшемся в десятом месяце 1637 г. восстании крестьян в области Амакуса на острове Кюсю. Восстание, возглавляемое молодым христианином по имени Амакуса, было подавлено во втором месяце следующего года, все его 37000 участников погибли. Тадатоси в числе других даймё дал, по приказу сёгуна, войска для подавления восставших.

енном ведомстве. Сёгун удочерил ее и отдал в жены Тадатоси. В тот год ей было сорок пять лет, все ее звали госпожой Осэн. Старший сын Тадатоси, Рокумару, шесть лет назад был посвящен в мужчины. Сёгун милостиво позволил ему взять часть собственного имени «мицу», и он стал зваться Мицусада. Одновременно он получил первую ступень старшего четвертого ранга и был назначен губернатором Хиго. Теперь ему было семнадцать. Смерть Тадатоси застала его в Хамамацу, провинция Тотоми. Он возвращался после пребывания в Эдо, но, узнав о кончине отца, сразу же приехал в столицу. Позднее он взял себе имя Мицухиса.

Второй сын Тадатоси, Цуругиё, еще в детстве был отдан в храм Тайсё на горе Татта. Он стал учеником наставника Тайэна из храма Мёсин, что в Киото, и носил имя Согэн. Третий сын Тадатоси, Мацуносукэ, воспитывался в семье Нагаока, издавна связанной с Хосокава. Четвертого сына Тадатоси, Кацугиё, усыновил его вассал Нандзё Дайдзэн.

У Тадатоси было также две дочери. Старшая, принцесса Фудзи, стала женой Мацудайра Тадахиро, губернатора Суо. Младшая, принцесса Такэ, позднее должна была стать женой Ариёси Таномо Хидэнага.

Сам Тадатоси являлся третьим сыном Хосокава Сансаи. У него было три младших брата: Тацутака, имевший пятый ранг в Ведомстве центральных дел; Оки така, занимавший пост в Ведомстве наказаний; и Нагаока Ёриюки, занимавший пост в Ведомстве церемоний. Его младшие сестры, принцессы Тара и Ман, стали женами Инаба Кадзумити и Среднего советника Карасумару Мицутака соответственно. Дочь принцессы Ман, принцесса Нэнэ, позднее должна была выйти замуж за Мицухиса, первого сына Тадатоси. Оба его старших брата приняли фамилию Нагаока, а две старших сестры стали женами Маэно и Нагаока.

Его отец Сансаи Сорю был еще жив. Ему было семьдесят девять лет, и он давно ушел на покой. Когда Тадатоси умер, некоторые родственники находились в Эдо, как Мицусада, другие — в Киото, а третьи — в отдаленных провинциях. Когда до них дошла печальная весть, они горевали, но не так безутешно и сильно, как люди в доме господина в Кумамото. Мусусима Сёкити и Цуда Рокудзаэмон поехали в Эдо в качестве официальных посланников.

Двадцать четвертого дня третьего месяца был совершен Ритуал седьмого дня. Двадцать восьмого, четвертого месяца, по приказу из Эдо, в доме Тадатоси разобрали пол его комнаты и вытащили гроб с телом. Потом тело было сожжено в Сюун-ин, что в деревне Касуга, уезд Акита, и зарыто на склоне холма за воротами Кораи. Зимой следующего года на этом месте был выстроен храм Гоконудзон Мёгэ. Настоятелем в нем стал учитель Кэйсицу, прибывший из храма Токаи в Синагава, Эдо. Прежде он учился вместе с наставником Такуаном. Потом, когда Кэйсицу удалился в келью Ринрю в этом же храме, ему наследовал второй сын Тадатоси, взяв имя Тэнган. Посмертное буддийское имя Тадатоси было Мёгэ-ин-дэн Таиун Сого, Великий мирянин.

Сожжение Тадатоси в Сюун-ин соответствовало его воле. Однажды, охотясь на куропаток, он остановился в Сюун-ин попить чаю. Тут он заметил щетину под своим подбородком и попросил у монаха бритву. Монах принес таз с водой и бритву. Пока паж брил Тадатоси, он, пребывая в хорошем настроении, спросил монаха: «Я полагаю, вы побрили этой бритвой множество мертвых голов, не так ли?» Монах не знал, что и ответить, и совсем растерялся. После они с Тадатоси стали добрыми друзьями и решили, что храм будет местом его кремации.

Это произошло в середине ритуала. Кто-то из вассалов, охранявших гроб, закричал: «Смотрите, ястребы нашего господина!» В туманно-голубом небе, которое закрывали росшие в храме высокие кедры, над вишнями, прикрывшими, словно зонтиком, своими листьями круглое отверстие колодца, кружили два ястреба. Пока изумленные люди смотрели на них, ястребы, совсем рядом друг с другом, так что клюв одного почти касался хвоста другого, ринулись вниз и бросились в колодец под вишней. Двое человек оставили остальных, споривших о чем-то у ворот храма, подбежали к колодцу и, опершись на каменный сруб колодца, заглянули в него. Ястребы уже утонули, и поверхность воды, окаймленная папоротником, сверкала подобно зеркалу, как и прежде. Ястребами, бросившимися в колодец и погибшими, оказались Ариакаэ и Акаси, любимые птицы Тадатоси. Узнав об этом, люди говорили: «Даже ястребы нашего господина последовали за ним!»

Этого следовало ожидать: за время после кончины Тадатоси до двух дней перед его кремацией более десяти вассалов

покончили с собой. За два дня до кремации восемь человек покончили с собой, а за день — еще столько же. Среди вассалов не было ни одного, кто бы не думал о смерти. Как ловчие могли выпустить птиц и почему ястребы бросились в колодец, словно преследуя невидимую жертву, осталось неведомым, но никто не осмеливался говорить об этом. То, что это были любимые ястребы Тадатоси, и то, что они погибли в колодце храма Сюун-ин, в тот самый час, когда происходила кремация, было достаточно, чтобы люди решили: ястребы добровольно последовали за хозяином. Люди даже не хотели искать иного объяснения и пытаться узнать причину такого поведения птиц.

Пятого дня пятого месяца состоялся Ритуал сорок девятого дня. Среди тех священнослужителей, которые участвовали в церемониях вплоть до этого дня, были Согэн и наставники из Кисэ-до, Конрё-до, Тэндзю-он, Тёсё-ин и Фудзи-он. Наступил уже шестой день пятого месяца, но все еще случались добровольные самоубийства. Не только те, кто намеревался последовать за Тадатоси, но их родители, братья, жены, дети и даже не связанные родственными узами с ними — все думали только о смерти. Лекаря из Киото и посланцев из Эдо встретили равнодушно. В ежегодный праздник Дня мальчиков коньки крыш не украшали стеблями ириса. Даже в тех семьях, где рождались мальчики, не поднимали вымпелов. В них не устраивали никаких празднеств, как будто старались забыть о рождении сыновей.

Неписаное правило определяло, может ли самурай последовать за своим господином. Глубокое уважение и любовь вассала к господину еще не давали ему права совершить самоубийство. Как требовалось особое разрешение на то, чтобы сопровождать господина во время его регулярных поездок в Эдо, так же оно было необходимо для того, чтобы сопровождать господина в путешествии через Реку Смерти. Самоубийство без разрешения считалось «собачьей смертью». А самурай не имел права умирать «собачьей смертью», ибо более всего ценил он свое доброе имя. Ворваться в гущу врагов и быть убитым в сражении — это считалось достойной смертью. Но самурай не заслужил бы никакой славы, если бы, не повиновавшись приказу, тайно покинул лагерь, намереваясь совершить подвиг, и был убит. Это собачья смерть; точно так же и самоубийство без разрешения не имело смысла.

Были времена, когда самурай, покончивший с собой, чтобы последовать за господином, без разрешения, не считался погибшим собачьей смертью. Подобное было возможно, если между господином и его любимым вассалом существовала молчаливая договоренность — тогда отсутствие разрешения не имело значения. Учение Махаяны стали проповедовать после того, как Будда вступил в нирвану, хотя сам Будда не давал разрешения на это. Говорят, что Будда, постигший прошлое, настоящее и будущее, позволил зародиться этому учению. Некоторые имели право умереть вслед за своим господином без разрешения точно так же, как учение Махаяны можно проповедовать, как если бы оно исходило из уст самого Будды.

Как же тогда получали разрешение? Среди тех, кто уже покончил с собой после смерти Тадатоси, особенно показателен пример Наито Тёдзюро Мотоцугу. Тёдзюро служил Тадатоси очень долго и заслужил особое расположение господина. Когда Тадатоси заболел, он не отходил от него ни на миг. Когда Тадатоси понял, что уже не поправится, он сказал Тёдзюро, что, когда смерть будет совсем близка, он должен повесить в алькове у его изголовья свиток с двумя большими иероглифами *фу* и *дзи*, «несравненная». Семнадцатого дня третьего месяца состояние Тадатоси ухудшилось, и он сказал, что пришло время повесить свиток. Тёдзюро исполнил все так, как было велено. Тадатоси взглянул на иероглифы и закрыл глаза, погрузившись в медитацию. Потом он сказал, что не чувствует ног. Тёдзюро осторожно поднял подол ночной рубашки и начал массировать Тадатоси ноги, глядя прямо в глаза господину. Тадатоси тоже посмотрел на него.

«Господин, могу я обратиться с просьбой?» — «С какой?»

«Ваше состояние очень плохое, и я молюсь, чтобы, благодаря покровительству божеств и Будды и чудодейственной силе лекарств, вы как можно быстрее поправились. Но вы должны быть готовы к худшему. Если случится худшее, не позволите ли вы мне последовать за вами?»

Тёдзюро мягко поднял ногу Тадатоси и положил на нее голову. В глазах его стояли слезы.

«Нет, я не сделаю этого», — сказал Тадатоси и, хотя до того смотрел в глаза Тёдзюро, отвернулся.

«Прошу вас, не говорите так, господин», — Тёдзюро вновь взял Тадатоси за ногу.

«Нет, нет». Тадатоси по-прежнему лежал к нему спиной. Один из находившихся в комнате вассалов сказал: «Ты слишком молод, чтобы позволять себе подобную дерзость. Держи себя в руках». Тёдзюро только исполнилось тогда семнадцать лет.

«Прошу вас», — сдавленным голосом произнес Тёдзюро, в третий раз прислонившись лбом к ноге своего господина.

«Вот упрямец», — сказал Тадатоси, изображая гнев, но при этом дважды кивнув.

«О господин!» — воскликнул Тёдзюро. Он низко склонился перед кроватью и оставался недвижимым, по-прежнему держа ногу Тадатоси. В этот момент он почувствовал огромное облегчение и успокоение, как если бы, невзирая на все превратности, смог добраться до конечной цели своего пути; более он не думал ни о чем и даже не замечал своих слез, падавших на циновку из провинции Бунго.

Тёдзюро был еще очень молод и не успел ничем отличаться, но Тадатоси, тем не менее, уделял ему много внимания и всегда держал рядом с собой. Юноша не отличался воздержанностью в вине и однажды совершил проступок, за который любой другой был бы наказан. Но Тадатоси сказал: «Это сделал не Тёдзюро, а сакэ», — и благосклонно улыбнулся. После чего Тёдзюро решил, что должен отблагодарить господина за великодушие и искупить свою вину. Когда Тадатоси заболел и стало ясно, что он не поправится, Тёдзюро пришел к твердому убеждению, что единственно возможный способ принести господину свои извинения и искупить проступок — последовать за господином после его смерти.

Если бы удалось проникнуть в тайники души юноши, то можно было бы увидеть, что наряду с мыслью о добровольном самоубийстве после смерти господина его не менее сильна была и еще одна — он чувствовал, что должен умереть потому, что именно этого от него ждут люди. В своем решении уйти из жизни он явно зависел от других. Он боялся, что, если не умрет, люди будут презрительно к нему относиться. В этом проявлялась его слабость, но, в конечном счете, самой смерти он не страшился. Потому ничто не могло помешать его решимости попросить господина позволить ему умереть вместе с ним, ибо она полностью завладела им.

Вскоре Тёдзюро почувствовал, что Тадатоси напряг мышцы ноги, которую он держал обеими руками, и чуть вытянул ее. Он подумал, что ноги господина вновь онемели, и начал медленно массировать их. Потом он вспомнил свою престарелую мать и жену. Он знал, что родственники тех, кто добровольно последовал за господином после его смерти, получают особую заботу и внимание со стороны клана господина. Он подумал, что позаботился о семье и может умереть спокойно. Лицо его при этой мысли просветлело.

Утром семнадцатого дня четвертого месяца Тёдзюро облачился в лучшие одежды, пришел к матери, сообщил ей о своем решении последовать за господином и попрощался с ней. Мать уже давно знала, что в этот день сын покончит с собой, хотя ничего не говорила ему. И если бы она услышала от него что-то другое, она бы очень встревожилась.

Мать позвала из кухни жену сына и спросила, все ли готово. Девушка тут же принесла поднос с сакэ, приготовленным ею заранее. Она, как и мать, знала, что сегодня муж покончит с собой. С утра она аккуратно уложила волосы и надела одно из своих лучших кимоно. Обе женщины старались держаться с достоинством, но красные уголки глаз жены выдавали то, что она плакала на кухне. Когда перед Тёдзюро поставили поднос, он позвал своего брата Сахэйдзи.

Все четверо молча выпили по очереди из одной чаши. Когда чаша обошла круг, мать сказала: «Тёдзюро, я знаю, что ты любишь сакэ. Почему бы сегодня не выпить побольше?»

«Вы правы, матушка», — сказал Тёдзюро и начал пить чашку за чашкой. На лице его сияла улыбка, он явно пребывал в хорошем расположении духа.

Чуть позже он сказал матери: «Я наслаждался сакэ и даже немного опьянел. Сакэ ударило в голову сильнее, чем обычно, возможно потому, что последние несколько дней были очень тяжелыми. Позвольте, я немного отдохну».

Тёдзюро встал, прошел в спальню и улегся посредине. Вскоре послышался храп. Когда жена, тихо следовавшая за ним, положила ему под голову подушку, он застонал и перевернулся на другой бок, не переставая храпеть. Жена какое-то время смотрела ему в лицо, потом резко поднялась и вышла из комнаты. Она знала, что не имеет права плакать в его присутствии.

В доме стояла тишина. О решении господина знали заранее не только мать и жена, но и слуги и служанки. Ни из конюшен, ни из кухни не раздавалось ни звука.

Мать, жена и брат — каждый находился в своей комнате и пребывал в глубокой задумчивости. Хозяин храпел в спальне. Через открытое окно было видно, как колышались на ветру подвешенные к карнизу стебли папоротника синобу.

Прошло два часа, потом еще два. Минул полдень. Жена приказала служанке приготовить обед, хотя не была уверена, что свекровь захочет есть. Она боялась подойти к свекрови, ибо полагала, что если она спросит о еде, свекровь с негодованием решит, что лишь она одна может думать об этом в такой час.

Пришел Сэки Кохэидзи, которого Тёдзюро попросил быть помощником. Мать позвала жену. Та, склонившись, ожидала, что пожелает свекровь.

«Тёдзюро сказал, что отдохнет немного, — сказала мать. — Но уже пришел господин Сэки. Думаю, пора будить его».

«Да, вы правы. Не следует тянуть», — ответила жена. Она поднялась и пошла будить мужа.

В спальне она опять взглянула в лицо мужу, как в тот раз, когда принесла подушку. Ее не покидала мысль о том, что вот сейчас она разбудит его к смерти, и какое-то время она не решалась заговорить.

Даже во сне он закрывался от яркого света: он лежал к окну спиной, а его лицо было обращено к ней.

«Вставай, милый», — сказала жена.

Тёдзюро не просыпался.

Жена встала перед ним на колени и прикоснулась к его плечу. Тёдзюро зевнул, потянулся, открыл глаза и сел.

«Ты хорошо поспал, — сказала жена. — Я разбудила тебя, ибо мать сказала, что уже поздно. Господин Сэки пришел».

«Понятно. Уже, должно быть, полдень. Я хотел немного отдохнуть, но был такой пьяный и уставший, что не заметил, как пролетело время. Думаю, пора поесть рису, попить чаю и отправляться в Токо-ин. Скажи матери, что я готов».

Самурай идет на смерть с пустым желудком. Но он не мог совершить самый главный в своей жизни поступок, не подкрепившись. Тёдзюро хотел лишь немного вздремнуть, но

проспал гораздо дольше, чем ожидал. Уже минул полдень, поэтому он предложил поесть. Все четверо членов семьи усадились за обеденный стол, как это всегда было в обычные дни.

Затем Тёдзюро спокойно собрался и отправился вместе с Сэки в семейный храм Токо-ин, чтобы там покончить с собой.

В то время, когда Тёдзюро просил у господина разрешения последовать за ним, другие вассалы Тадатоси, которым хозяин оказывал всяческие милости, тоже, каждый по-своему, просили его разрешить им покончить с собой. Таковых оказалось восемнадцать, вместе с Тёдзюро. Всем им Тадатоси верил и в глубине души хотел, чтобы они защитили его сына Мицухиса. К тому же он прекрасно понимал, что заставить их умереть вместе с ним — жестоко. Но каждому из них он ответил согласием, ибо обстоятельства не позволяли поступить иначе, хотя при этом он чувствовал глубокую боль.

Тадатоси знал, что его близкие слуги будут счастливы отдать за него жизнь. Он также знал, что они с радостью последуют за ним после его смерти. Если же он не дал бы на это своего согласия и приказал бы им остаться в живых, что бы тогда произошло? Все остальные вассалы стали бы говорить, что самураи не умерли, хотя должны были это сделать, что они не исполнили свой долг, что, наконец, они просто трусы. Если бы этим все и ограничилось, то они могли бы смириться и отдать жизни за Мицухиса. А что если кто-нибудь сказал бы, что он, уже покойный господин, держал на службе таких людей и не понимал, что они — лишние чувства долга трусы. Такое они вряд ли смогли бы вынести, и их горю не было бы предела. Поразмыслив так, Тадатоси не мог не дать своего разрешения. Вот почему он сказал: «Согласен», хотя горевал об этом еще больше, чем о собственной болезни.

Когда число самураев, получивших разрешение, достигло восемнадцати, Тадатоси, видевший за свои пятьдесят с лишним лет и войны, и мир, с болью подумал о смерти своей и восемнадцати своих слуг. Ни одно живое существо не в силах избежать смерти. Рядом с засыхающим и умирающим старым деревом распускают листья и цветут молодые деревья. Молодым самураям, окружающим его старшего сына, Мицухиса, старые слуги, которыми он, Тадатоси, окружил бы его, показались бы лишними. Более того, они даже могли бы стать пре-

пятствием. Конечно, он желал бы, чтобы его самураи служили Мицухиса так же, как они служили ему, но вокруг сына много новых людей, готовых сделать то же самое и, должно быть, с нетерпением ждущих, когда настанет их черед. Его слуги, столь долго исполняя свои обязанности, уже, возможно, накопили ненависть или стали предметом зависти. В таком положении заставлять их оставаться в живых было бы неразумно. Позволить им умереть — значит проявить милость к ним. Решив так, Тадатоси почувствовал облегчение.

Восемнадцать самураев, попросившие позволения последовать за Тадатоси и получившие согласие, были: Тэрамото Хатидзаэмон Наоцугу, Оцука Кихэ Танэцугу, Наито Тёдзюро Мотоцугу, Ота Кодзюро Масанобу, Харада Дзюдзиро Юкинао, Мунаката Кахэ Кагэсада, Мунаката Китидаю Кагэёси, Хаситани Итидзо Сигэцугу, Ихара Дзюдзабуро Ёсимаса, Танака Итоку, Хондзё Кисукэ Сигэмаса, Ито Тадзаэмон Масатака, Мигита Инаба Мунэясу, Нода Кихэ Сигэцуна, Цудзаки Госукэ Нагасуэ, Кобаяси Риэмон Юкихидэ, Хаяси Ёдзаэмон Масасада и Миянага Кацудзаэмон Мунэсукэ.

Прямым предком Тэрамото был человек по имени Тэрамото Таро, из Тэрамото, что в провинции Овари. Сын Таро, Наидзэнносё, служил семье Имагава. У Наидзэнносё был сын Сахэ, у Сахэ был сын Уэмонносукэ, а у Уэмонносукэ был сын Ёдзаэмон. Во время войны в Корее* Ёдзаэмон служил в армии Като Ёсияки и прославился. Сын Ёдзаэмона Хатидзаэмон в ходе осады замка Осака находился под началом Гото Мотоцугу**. После того как Хатидзаэмон поступил на службу семье Хосокава, он получал 1000 коку и был назначен командиром отряда в пятьдесят стрелков. Он покончил с собой в храме Анъё на двадцать девятый день четвертого месяца в возрасте пятидесяти трех лет. Помощником был

* Тоётоми Хидэёси (1537–1598) в 1592–1597 гг. посылал армии в Корею. Его конечной целью было завоевание Китая. Обе попытки оказались неудачными.

** В конце 1614 г. и летом 1615 г. Токугава Иэясу, уже основавший собственный сёгунат, осаждал замок Осака, в котором находились члены клана Тоётоми и их приверженцы, в конечном счете потерпевшие поражение. Гото Матабэ Мотоцугу (1570–1615) был полководцем Тоётоми и погиб во время второй осады.

Фудзимото Идзаэмон. Оцука служил управляющим полицией и получал 150 коку. Он покончил с собой на двадцать шестой день четвертого месяца. Помощником был Икэда Ядзаэмон.

О Наито я уже говорил.

Дэндзаэмон, дед Ота, служил Като Киёмаса. Когда Тадахиро* лишили его владений, Дэндзаэмон и его сын Гондзаэмон стали ронинами, самураями без господина. Кодзюро был вторым сыном Бидзаэмона и поступил на службу к Тадатоси в качестве слуги. Он получал 150 коку. Он покончил с собой в храме Касуга в семнадцатый день третьего месяца в возрасте восемнадцати лет и стал первым, кто последовал за Тадатоси. Помощником был Модзи Гэнбэ. Харада получал 150 коку и всегда находился рядом с Тадатоси. Он покончил с собой в двадцать шестой день четвертого месяца. Помощником был Камада Гэндаю.

Братья Мунаката, Кахэ и Китидаю, были потомками Среднего советника Мунаката Удзисада. Служить семье Хосокава начал их отец. Они оба получали по 200 коку. Во второй день пятого месяца старший брат покончил с собой в Рютё-ин, а младший — в храме Гэнсё. Помощником старшего брата был Таката Дзюбэ, младшего — Мураками Итиэмон. Хаситани был родом из провинции Идзумо и являлся дальним потомком клана Амако. Он поступил на службу к Тадатоси в возрасте четырнадцати лет, получал 100 коку и всегда первым пробовал приготовленную для господина пищу, чтобы господина не отравили. Когда Тадатоси заболел, он иногда клал голову на колени Хаситани и спал. В двадцать шестой день четвертого месяца Хаситани покончил с собой в храме Сэйган. Когда он уже приготовился вспороть себе живот, из замка посылались слабые звуки барабана, отбивавшего время. Он приказал одному из своих слуг выйти и узнать точно, который час. Слуга вернулся и сказал: «Я слышал четыре удара, но не уверен, что их было именно четыре». Хаситани и все присут-

* Наследник Като Киёмаса (1562–1611), один из видных военачальников Хидэёси. То, что уже в 1632 г. сёгунат под ничтожным предлогом лишил его владений в 520000 коку и отправил в изгнание, говорит о том, с какой беспощадностью правительство Токугава консолидировало власть, даже спустя семнадцать лет после победы над главным соперником — домом Тоётоми.

ствовавшие улыбнулись. Потом Хаситани произнес: «Благодарю, что рассмешили меня в последние мгновения жизни», отдал слуге свое официальное одеяние и вспорол себе живот. Помощником был Ёсимура Дзингаю.

Ихара получал 10 коку и содержание на трех слуг. Его помощником был Хаяси Сахэ, вассал Абэ Яитиэмона*. Танака был внуком Окику, оставившего нам «Историю Окику»**, и другом детства Тадатоси с тех самых пор, когда они учились в храме на горе Атаго. Тогда он тихо отговорил юного Тадатоси от пострижения в монахи. Он имел содержание в 200 коку и являлся личным советником Тадатоси, который использовал его знания в математике. В старости ему было позволено сидеть в присутствии Тадатоси в головном уборе, скрестив ноги. Он просил Мицухиса позволить ему последовать за Тадатоси, но получил отказ. В девятнадцатый день шестого месяца он ранил себя в живот коротким мечом и вновь послал Мицухиса петицию. Тот наконец дал разрешение. Помощником был Като Ясудаю.

Хондзэ родился в провинции Танго. Ронин, он стал слугой Хондзэ Кюэмона, личного телохранителя господина Сансаи. После того, как он поймал в Накацу разбойника, ему было установлено жалование в 15 коку и содержание для пяти слуг. Именно тогда он принял имя Хондзэ. В двадцать шестой день четвертого месяца он покончил с собой.

Ито служил младшим казначеем и получал содержание рисом. Он покончил с собой в двадцать шестой день четвертого месяца. Помощником был Каваката Хатисукэ. Мигита служил семье Отомо, но стал ронином. Тадатоси взял его на службу и передал ему земли с доходом в 100 коку. Он покончил с собой в своем доме, в двадцать седьмой день четвертого месяца, в возрасте шестидесяти четырех лет. Помощником был Тахара Канбэ, вассал Мацуно Укё. Нода был сыном Нода Мино, главного управляющего семьи Амакуса, и получал содержание рисом. Он покончил с собой в двадцать шестой день четвертого месяца в храме Гэнкаку.

* Первое упоминание главы семьи в повести.

** Описание взятия замка Осака в 1615 г. Оно было впервые опубликовано лишь в 1837 г., два с лишним столетия спустя.

Помощником был Эра Хангэммон. О Цудзаки Госукэ я скажу позднее.

Кобаяси получал 10 коку и содержание для двух слуг. Его помощником был Такано Канбэ. Хаяси родился в крестьянской семье в деревне Симота, что в Нанго. Тадатоси взял его к себе, назначил жалование в 15 коку и содержание для пяти слуг и сделал садовником в своем доме. Он покончил с собой в двадцать шестой день четвертого месяца в храме Будуган. Помощником был Накамицу Хансукэ. Миянага, слуга на кухне, получавший 10 коку и содержание для двух слуг, первым попросил у Тадатоси разрешения последовать за ним. Он покончил с собой в двадцать шестой день четвертого месяца в храме Дзёсё. Помощником был Ёсимура Ёсиэмон. Некоторые из этих вассалов были погребены в семейных храмах, некоторые — рядом с усыпальницей Тадатоси на холме за воротами Коран.

Многие из этих людей получали жалование рисом. История Цудзаки Госукэ особенно интересна и заслуживает отдельного внимания.

Госукэ получал шесть коку и содержание для двух слуг и служил псарем у Тадатоси. Он всегда сопровождал Тадатоси во время охоты и пользовался расположением господина. Со слезами, как капризный ребенок, он умолял Тадатоси позволить ему покончить с собой. Тадатоси разрешил, но управляющие клана сказали: «Прочие самураи получали высокое жалование и прославились на службе господину, а ты был лишь псарем. Мы высоко чтим твое чувство долга, и то, что господин дал тебе разрешение последовать за ним — высочайшая честь. Мы полагаем, что этого достаточно. Не согласишься ли ты служить нашему новому господину?»

Госукэ не послушался их. В седьмой день пятого месяца он отправился к храму Корин, что неподалеку от могилы Тадатоси, вместе с собакой, которая на охоте всегда была рядом с ним и господином. Жена, провожая его, сказала: «Ты тоже мужчина. Не уступи же в доблести тем, кто выше тебя».

Семейным храмом Цудзаку был Одзё-ин, но поскольку храм имел отношение и к Тадатоси, Госукэ решил, что это неподобающее место для того, чтобы уйти из жизни. Он решил умереть в храме Корин. Придя на кладбище, он увидел, что Мацуно Нуиносукэ, которого он попросил быть помощником,

ком, уже ждет его. Госукэ снял с плеча светло-зеленый мешок и достал из него коробку. Открыв ее, он достал два рисовых шарика и положил их перед собакой. Собака не стала есть их: она лишь смотрела на Госукэ и виляла хвостом.

«Ты — зверь, и можешь не понять меня, — сказал Госукэ, обращаясь к собаке, как к человеку. — Наш господин, который столько раз ласкал тебя, ушел от нас. Многие из тех, кого он осыпал милостями, уже последовали за ним. Я — ничтожный слуга, но я ничуть не отличаюсь от тех, кто имел высокие ранги и получал большое жалование. Мы тоже пользовались добротой нашего господина. Вот почему я собираюсь умереть. Мне очень жаль расставаться с тобой. Ястребы нашего господина бросились в колодезь в Сюун-ин. Ну, что ты скажешь? Хочешь ли ты уйти вместе со мной? Если ты хочешь остаться брошенной собакой и жить, съешь эти шарики. Если же ты хочешь умереть, тогда не притрагивайся к ним».

Госукэ смотрел прямо в глаза собаке, собака смотрела на него и не притрагивалась к еде.

«Значит, ты хочешь умереть вместе со мной?» — спросил Госукэ и строго посмотрел на нее. Собака твякнула и завильала хвостом.

«Что ж, мне жаль тебя, но ты умираешь вместе со мной». Госукэ схватил собаку, обнажил меч и заколол ее.

Убитую собаку он положил рядом. Затем достал из-за пазухи лист бумаги, на котором было что-то написано, положил его на землю перед собой и придавил камнем. Лист бумаги был сложен вдвое — об этом правиле он узнал на одном из состязаний рэнга. На нем было начертано:

Управляющие и все остальные велели
мне остановиться.

Но, как бы они не пытались,
Госукэ не остановить.

Подписи не было. Госукэ подумал, что если в стихотворении упомянуто его имя, нет смысла повторять его. Он оказался верным традиции, не зная о ней.

Решив, что не оставил после себя ничего неделанного, Госукэ сказал: «Господин Мацуно, теперь я должен попросить

вашей помощи». Он сел, скрестив ноги, и обнажил грудь и живот. Затем он взял в руки меч, залитый кровью собаки, и громко произнес: «Псарь следует за собакой». Затем он рассмеялся и по диагонали рассек себе живот. Мацуно сзади снес ему голову.

Госукэ был низкого звания, но его вдова получила то же содержание, что и семьи других самураев, последовавших за Тадатоси, потому что его единственный сын еще ребенком был отдан в монахи. Вдова получила новый дом и жалование рисом для пяти слуг. Она дожила до тридцать третьей годовщины смерти Тадатоси. Сын племянника Госукэ унаследовал его имя, и после этого члены семьи Цудзакэ в течение многих поколений служили глашатаями.

Кроме восемнадцати самураев, получивших у Тадатоси разрешение и последовавших за господином после его смерти, был еще человек по имени Абэ Яитиэмон Митинобу. Он происходил из клана Акаси и в детстве носил имя Иносукэ. Он начал служить Тадатоси очень рано и к моменту смерти господина имел содержание в более чем 1500 коку. Во время подавления мятежа Сира трое из пяти его сыновей отличились, и каждый из них получил земли в 200 коку. Вся семья ожидала, что Яитиэмон последует за господином, да и сам он думал только об этом каждый раз, когда приходил его черед нести ночной караул. Но все безрезультатно. Тадатоси не давал своего согласия.

«Меня не может не радовать ваша решимость, — повторял он. — Но я бы предпочел, чтобы вы продолжили служить Мицухиса».

Тадатоси имел привычку не соглашаться с Яитиэмоном. Это началось очень давно. Еще когда Яитиэмон был пажом и приходил осведомиться, не хочет ли господин обедать, Тадатоси неизменно отвечал: «Я еще не голоден». Если же приходил другой паж, Тадатоси говорил: «Хорошо, несите». В Яитиэмоне было что-то такое, что заставляло Тадатоси противоречить ему. Значит ли это, что его часто бранили? Отнюдь нет. Не было человека более трудолюбивого, он все замечал и все делал безошибочно. Даже если бы Тадатоси и захотел отругать его, он вряд ли нашел бы повод.

Яитиэмон всегда сам делал то, что другие делали только когда им указывали. Он делал, ничего не говоря Тадатоси, то,

что другие делали, только посоветовавшись с господином. И все, чтобы он ни делал, было исполнено к месту и безукоризненно. Неудивительно, что очень скоро положение Яитиэмона как слуги укрепилось.

Поначалу Тадатоси перечил этому человеку бессознательно, но потом, когда понял его характер, стал негодовать. Обижаясь на него, Тадатоси, тем не менее, хорошо понимал, почему Яитиэмон стал таким и что причиной тому является он сам. Он боролся со своей привычкой перечить этому человеку, но проходили месяцы и годы, он старел, а с возрастом менять привычки все труднее.

Каждый более всего ценит того, кого он любит, и того, от кого хотел бы избавиться. Почему — вряд ли можно точно сказать. Нелюбовь Тадатоси к Яитиэмону была именно такого рода. Кроме того, и в самом Яитиэмоне таилось что-то, что мешало людям испытывать к нему теплые чувства. У него не было близких друзей. Каждый уважал его как великого самурая, но никто не снимал перед ним маску отчужденности. Порой какой-нибудь чужак пытался сблизиться с ним, но вскоре его настойчивость иссякала и он начинал отдаляться. Когда Яитиэмон был еще молод и носил челку, один из его старших товарищей, часто говоривший с ним и по разным поводам помогавший ему, в конце концов сдался и сказал: «Его не расколешь». Поэтому неудивительно, что Тадатоси так и не смог победить свою привычку, хотя и очень хотел это сделать.

Как бы то ни было, пока Яитиэмон безрезультатно пытался получить согласие господина, несмотря на свои настойчивые просьбы, Тадатоси умер. Перед самой смертью Тадатоси Яитиэмон заглянул в глаза господину и сказал: «Я никогда не просил у вас милостей. Это первая и единственная, о которой я прошу за всю свою жизнь». Тадатоси упрямо посмотрел на Яитиэмона и сказал: «Нет, прошу вас, продолжайте служить Мицухиса».

Яитиэмон понял, что дело плохо, и стал думать. Сто человек из ста сочли бы невозможным для самурая моего положения не последовать за господином и продолжать смотреть в глаза вассалам клана. В такой ситуации остается только или принять «собачью смерть», покончив с собой, или оставить Кумамото без господина. Но я таков, какой есть. Пусть думают, что хотят. Самурай — не наложница. Если мой

господин не любил меня, это не значит, что я лишен смысла существования. Так он думал и продолжал служить, как и прежде.

Прошел седьмой день пятого месяца. К тому времени восемнадцать человек покончили с собой. По всей Кумамото люди только и говорили о них. Обсуждали, кто что сказал перед смертью, чья смерть была более достойной и пр. И прежде находилось немного людей, говоривших с Яитиэмоном о чем-нибудь, кроме службы. После же седьмого дня пятого месяца с ним в замке вообще никто не заговаривал. Он видел, что другие самураи стараются не смотреть ему в глаза. Он знал, что на него смотрят только когда он глядит в сторону или повернулся спиной. Это было очень неприятно. Но ведь я, думал он, жив не потому, что дорожу жизнью. Даже тот, кто меня ни во что не ставит, не может считать, что я ценю жизнь. Если бы мне позволили умереть, я сделал бы это с радостью, прямо сейчас. И он по-прежнему приходил на службу и уходил с высоко поднятой головой.

Несколько дней спустя до него дошли возмутительные слухи. Кто пустил их, было неизвестно, но звучали они примерно так: «Абэ жив, и по-видимому рад, что не получил разрешения. Даже без разрешения можно покончить с собой, если хотеть этого. Наверное, кожа на животе у него другая, чем у остальных людей. Ему бы следовало намазать маслом тыкву и разрезать живот с ее помощью». Этого Яитиэмон не ожидал. Пусть кто угодно говорит обо мне плохо, если хочет, думал он. Но как можно смотреть на меня и утверждать, что я дрожу за свою жизнь? Пусть тот, кто хочет говорить гадости, несет их. Что ж, раз так, я намажу маслом тыкву и вспорю себе живот.

В этот день Яитиэмон сразу же, как только ушел со службы, вызвал в свой дом в Ямадзаки двух младших сыновей, живших отдельно. Он убрал ширму и мебель, разделявшие жилую и гостевые комнаты, и стал ждать. Позади него сидели трое сыновей: старший сын Гонбэ, второй сын Ягобэ и пятый сын Ситинодзэ, который еще носил челку. Гонбэ, в детстве носивший имя Гондзюро, отличился при подавлении мятежа в Симабара и получил земли в 200 коку. Он был столь же замечательным воином, как и его отец. Он лишь один раз спросил отца о том, что произошло: «Так вы не получили разрешения?» — «Нет», — ответил отец. Более ни один не

затрагивал этой темы. Они так хорошо понимали друг друга, что более говорить было не нужно.

Вскоре в воротах показалось два фонаря. Третий сын, Итидаю, и четвертый, Годаю, прибыли почти одновременно, сняли плащи и вошли в комнату. Дождь начался на пятидесятый день после смерти Тадаёси и с тех пор тяжелое, хмурое небо пятого месяца ни разу не прояснилось. Все раздвижные двери оставались открыты, ибо было безветренно и душно. Лишь огоньки свечей тихонько дрожали. Где-то между деревьями в саду мелькнул светлячок.

Хозяин дома посмотрел на собравшихся и сказал: «Я благодарю вас за то, что вы пришли, хотя я послал за вами, когда уже было темно. Я знаю, что слухи дошли до всех вассалов нашего клана, так что известны они и вам. Якобы я могу вспороть себе живот только обмазанной маслом тыквой. Что ж, так я и сделаю. Прошу вас быть свидетелями».

Итидаю и Годаю жили отдельно после того, как каждый из них получил земли в 200 коку за боевые подвиги в Симабара. Но именно Итидаю еще ранее назначили наследником. Ему было суждено в случае смены главы дома стать объектом зависти. Он склонился на коленях перед отцом и сказал: «Я прекрасно понимаю вас, господин. Некоторые мои сослуживцы говорили: «Мы слышали, что ваш отец продолжает служить, согласно воле покойного господина. Мы хотели бы поздравить вас с тем, что и отец, и сыновья могут исполнять свой долг перед господином». Я скрежетал зубами от гнева, слыша, как они мне это говорили».

Яитиэмон рассмеялся: «Знаю, что ты чувствовал. Не ссорься с недалекими людьми. Я не должен был умирать, но я умру; после моей смерти вас, как сыновей человека, не получившего разрешения, будут оскорблять. То, что вы родились моими сыновьями, — ваша судьба. Если вам суждено перенести позор, будьте рядом друг с другом. Не враждуйте между собой. Теперь же смотрите, как я покончу с собой с помощью тыквы».

Сказав это, Яитиэмон прямо перед сыновьями вспорот себе живот, затем слева направо перерезал себе горло и умер. Пятеро сыновей не могли постичь всей глубины намерений отца. Они опечалились, но в то же время почувствовали, что

как будто покинули опасное место и сбросили с себя тяжелую ношу.

«Старший брат, — обратился к первому сыну второй, Ягобэ. — Отец велел нам не враждовать друг с другом. Никто не возражает против этого. Я не смог отличиться в Симабара, поэтому у меня нет земли, и с этого времени я в полной зависимости от тебя. Но что бы ни случилось, знай, что в руках у тебя всегда есть надежное копье. Ты можешь рассчитывать на это».

«Да, я знаю. Не ведаю, что может случиться в дальнейшем, но моя земля — твоя земля», — напряженно и коротко ответил Гонбэ и сложил руки на груди.

«Именно так, — сказал Годаю, четвертый сын. — Мы не знаем, что может произойти. Некоторые наверняка скажут, что покончить с собой без разрешения господина — не то же самое, что покончить с собой с его согласия».

«Это очевидно, — сказал Итидаю, третий сын, глядя прямо на Гонбэ. — Но что бы ни случилось, давайте иметь дело с недоброжелателями не поодиночке, а все вместе».

«Так и будет», — сказал Гонбэ, все еще очень напряженный. Он всегда думал о благе братьев, но был из тех, кто с трудом выражает свои мысли. Кроме того, он предпочитал думать и действовать сам и редко советовался с другими. Вот почему Ягобэ и Итидаю связали его обещанием.

«Если бы недоброжелатели знали, что вы, мои старшие братья, вместе, они бы не осмелились плохо говорить о нашем отце», — сказал Ситинодзэ, младший сын, еще носивший челку. Его голос, тонкий, как у девочки, прозвучал столь убедительно, что для всех присутствующих он оказался лучом света, прорезающим мглу впереди.

Гонбэ поднялся и произнес: «Теперь я иду к матери сказать ей, чтобы она попросила женщин позаботиться о нашем отце».

Церемонии в честь господина первой ступени старшего четвертого ранга и губернатора Хиго Мицухиса закончились. Среди вассалов были заново распределены земли, а также жалования и обязанности. Все наследники восемнадцати самураев, покончивших с собой с согласия Тадатоси, получили должности отцов. Это касалось всех наследников без исключения. Вдовам и престарелым родителям самураев было на-

значено содержание, некоторые получили новые дома и усадьбы, и ремонт также проводился за счет властей. Покойный господин благоволил всем восемнадцати самураям, и потому позволил им последовать за собой. Некоторые завидовали им, но не ревновали.

К наследникам же Абэ Яитиэмона отнеслись совсем по-другому. Старшему сыну Гонбэ не позволили унаследовать должность отца. Земли Яитиэмона в 1500 коку были распределены между всеми пятью братьями. Семья сохранила свои земли, но статус Гонбэ, унаследовавшего главный дом, существенно понизился. Нет надобности говорить, что Гонбэ почувствовал изменение своего положения. Его братья также вряд ли могли быть довольны. Владения каждого из них увеличились, но если раньше они чувствовали себя под защитой главного дома в 1000 с лишним коку, как под огромным деревом, то теперь они больше походили на молодые деревца, каждое из которых глядит на соседнее и пытается увидеть, которое выше. В итоге они знали, что должны бы быть благодарны, но на деле ощущали себя обманутыми.

Власти не склонны искать виноватых, пока все идет своим чередом. В то время пост генерал-инспектора* занимал Хаяси Гэки. Он пользовался расположением сёгуна и был очень близок к нему. Он был достаточно умен в небольших делах и вполне справлялся со своими обязанностями помощника наследника Мицухиса. Однако ему явно не хватало проницательности, чтобы видеть полную картину событий: он неизменно увязал в деталях. Так, он решил, что поступок Абэ Яитиэмона, покончившего с собой без согласия господина, следует отделить от самоубийства восемнадцати самураев, погибших в соответствии с «буквой закона». Он рекомендовал разделить владения семьи Абэ. Опыт управления у Мицухиса, позднее мудрого даймё, был еще небольшим. Он не принял во внимание дело Яитиэмона и его наследника Гонбэ, ибо просто не знал их. Он учел рекомендации Гэки только потому, что, согласно им, должны были увеличиться земли Итидаю, которого он знал и держал рядом с собой.

Когда восемнадцать самураев последовали за своим господином, многие вассалы клана стали презирать Яитиэмона за то, что он не поступил точно так же, ибо он был близок Тадатоси. Но несколько дней спустя Яитиэмон с достоинством ушел из жизни. Однако, несмотря на это, от однажды выраженного презрения трудно избавиться: никто не восхвалял Яитиэмона. Если бы власти позволили семье Абэ похоронить Яитиэмона рядом с усыпальницей Тадатоси, вместо того чтобы отделять его от остальных восемнадцати самураев, они бы сделали шаг вперед и отнеслись к семье Абэ точно так же, как и к другим семьям. Тогда семья Абэ осталась бы в почете и всеми силами старалась бы доказать свою преданность. Однако, поставив семью Абэ ниже прочих, власти как бы узаконили презрение к ней со стороны вассалов клана. Сыновья Яитиэмона постепенно отдалялись от сослуживцев, и их недовольство росло день ото дня.

Наступил семнадцатый день третьего месяца девятнадцатого года Канъэй, первая годовщина смерти бывшего господина. Храм Мёгэ еще не был построен рядом с усыпальницей, но в Зале Коё-ин находилась мемориальная табличка Тадатоси с его буддийским именем Мёгэ-ин-дэн, а настоятелем в нем служил монах по имени Кёсюдза. За несколько дней до годовщины из храма Дайтоку, что в Мурасакино, Киото, прибыл настоятель Тэнью. В честь первой годовщины должны были пройти пышные церемонии: целый месяц в замке Кумамото шли приготовления.

Наконец, означенный день настал. Было тепло и ясно, рядом с усыпальницей пышно цвели вишни. Вокруг Коё-ин поставили ширму. Ее охраняли воины. Мицухиса вошел в зал и лично зажег свет сначала перед поминальной табличкой покойного отца, а затем перед табличками каждого из девятнадцати человек. Потом были допущены родственники. Им подарили церемониальные одежды с гербом клана Хосокава: нагакамисимо для тех, кто имел ранг всадника и выше, и хангамисимо для тех, кто имел ранг пехотинца. Низшие же рангом получили денежные подарки за службу покойному господину.

Церемония прошла спокойно, за исключением одного странного случая. Когда Абэ Гонбэ подошел к мемориальной табличке Тадатоси, он тоже зажег свечу, но, завершив покло-

* *О-мэцукэ*, который должен был следить за поведением вассалов.

нение, вдруг достал кинжал, отрезал пучок волос у себя на макушке и положил их перед табличкой. Ошеломленные таким необычным поведением Абэ, самураи, присутствовавшие на церемонии, поначалу не знали, что делать. Лишь потом, когда Гонбэ со спокойным достоинством отошел на несколько шагов, один из них пришел в себя и подбежал к Гонбэ с криком: «Господин Абэ, подождите!» К нему присоединились еще двое. Они отвели Гонбэ в другую комнату.

Гонбэ объяснил: «Вы, должно быть, подумали, что я сошел с ума, но это не так. Мой отец Яйтиэмон безупречно служил всю свою жизнь. Вот почему он удостоился чести быть помещенным в ряду других знатных людей, хотя он покончил с собой без разрешения нашего господина. Его заслуги позволили мне, всего лишь его родственнику, зажечь свечу перед табличкой нашего покойного господина впереди многих других людей. Тем не менее, власти считают, что я неспособен служить клану так же хорошо, как мой отец. Они разделили земли моего отца и распределили их между братьями. Мое существование стало бессмысленным для нашего покойного господина, для нашего нынешнего господина, для моего покойного отца, для моих родственников и друзей. Я долго думал об этом. Сегодня, когда подошел мой черед зажечь свечу перед табличкой нашего покойного господина, со мной что-то произошло, и я решил пренебречь статусом самурая. Я жажду быть наказанным за отсутствие должного почтения, но я не сошел с ума».

Мицухиса, узнав об этом, разгневался. Во-первых, он был возмущен явно провокационным поступком Гонбэ. Во-вторых, он корил себя за то, что последовал совету Гэки и сделал то, что не должен был делать. Мицухиса только исполнилось двадцать четыре года, он был молодым и импульсивным и не умел контролировать чувства и сдерживать желания. Он не отличался великодушием оказывать милости в ответ на неповиновение и тут же приказал взять Гонбэ под стражу. Узнав об этом, Ягобэ и другие члены семьи Абэ закрыли ворота — для того, сказали они, чтобы ждать дальнейших указаний господина. Ночью же они тайно собрались вместе и говорили о своем будущем.

В конце концов было решено обратиться к настоятелю Тэнью, который прибыл для проведения церемоний в честь

первой годовщины смерти господина и все еще оставался здесь. Итидаю отправился на постоялый двор, где остановился священнослужитель, поведал ему всю историю и попросил его уговорить Мицухиса проявить снисходительность к Гонбэ. Тэнью все внимательно выслушал и сказал: «Я искренне сожалею о том, что случилось с вашей семьей. Но я не имею права вмешиваться в действия господина Мицухиса. Если же Гонбэ будет приговорен к смерти, я, конечно, попытаюсь уговорить господина сохранить ему жизнь. Тем более что теперь, обрезав волосы, Гонбэ по сути стал монахом. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить ему жизнь».

Воодушевленный, Итидаю отправился домой. Узнав новости, члены семьи решили, что нашли спасительный выход.

Время шло, и настоятель Тэнью уже должен был скоро возвращаться в Киото. Встречаясь с Мицухиса, Тэнью все время старался вывести разговор на поступок Абэ Гонбэ, но ему не удавалось. Тому было объяснение. Мицухиса понимал, что священнослужитель будет просить его помиловать Гонбэ, если он приговорит того к смерти, пока Тэнью находится здесь. Просьбу Тэнью, настоятеля большого храма, невозможно было бы проигнорировать. Мицухиса просто ждал, когда он уедет, чтобы затем решить дело. В конце концов Тэнью покинул Кумамото, так ничего и не добившись.

Как только Тэнью уехал, Мицухиса приказал отвезти Абэ Гонбэ в Идэнокути и повесить. Было дано и официальное объяснение такому наказанию: Гонбэ вел себя непочтительно по отношению к мемориальной табличке покойного господина и всем своим поведением бросил вызов властям.

Ягобэ и остальные члены семьи Абэ вновь собрались на совет. Отношение к Гонбэ было вопиющим. Их покойного отца Яйтиэмона по крайней мере называли в числе тех, кто последовал за Тадатоси. Гонбэ же являлся его наследником. Они бы согласились со смертным приговором, если бы Гонбэ приказали покончить с собой, как и подобает самураю. Но его повесили, как простого вора. Из этого, говорили члены семьи, можно заключить только одно — нас не оставят в покое. Даже если Мицухиса и не предпримет против них дальнейших действий, как могут члены семьи, глава которой повешен, продолжать служить бок о бок с другими самураями и не подвергаться при этом насмешкам? Теперь бессмысленно обсуждать,

что правильно, а что нет. Яитиэмон, должно быть, предвидел нечто подобное, когда советовал сыновьям быть вместе, что бы ни случилось. Семье не оставалось иного выбора, кроме как сражаться с войсками, которые пошлет сёгунат, и умереть всем вместе. Никто не высказал иного мнения.

Все члены семьи Абэ собрались с женами и детьми и заперлись в доме Гонбэ в Ямадзаки. Весть об этом возмутительном поступке дошла до властей. На разведку послали тайных агентов. В доме Ямадзаки было тихо, ворота заперты, а дома Итидаю и Годая оказались пусты.

Собрали карательную армию. Такэноути Кадзума Нага-маса командовал отрядом, который должен был штурмовать главные ворота, под его началом находились командиры Соэдзима Кухэ и Номура Сёбэ. Кадзума, даймё с 1150 коку, возглавлял отряд из тридцати стрелков. Его сопровождал наследный вассал Сима Токуэмон. Соэдзима и Номура получали в то время жалование в 100 коку. Отрядом, который должен был штурмовать западные ворота, командовал Таками Гонгэмон Сигэмаса, хозяин земель в 500 коку. У него тоже было тридцать стрелков. Под его началом находились инспектор Хата Дзюдаю и личный слуга Кадзума Тиба Сакубэ, тоже получавший жалование в 100 коку.

Выступить против Абэ было решено на двадцать первый день четвертого месяца. Накануне ночью вокруг Ямадзаки выставили дозорных. Глубоко за полночь какой-то самурай в маске перелез через стену, но Маруяма Саннодзэ, пехотинец из дозора Сабури Кадзаэмона, убил его. Более ничего заслуживающего внимания не произошло.

Соседям дали два официальных приказа. Во-первых, всем, даже караульным, велели оставаться в домах и сохранять бдительность, чтобы не возникло пожара. Во-вторых, тем, кто не должен был участвовать в штурме, строго воспрещалось входить в дом Абэ. В то же время им позволялось убивать всех беглецов, на случай, если кто-нибудь попытается бы спастись.

В семье Абэ узнали о назначении дня нападения накануне. Дом был вычищен, а все неприглядные вещи — сожжены. Затем все члены семьи, молодые и старые, собрались на ужин. Они ели и пили вино. Потом детей убили, а женщины и старики покончили с собой. В саду выкопали большую могилу и спустили в нее тела. Остались только молодые и

сильные воины. Ягобэ, Итидаю, Годая и Ситинодзэ проследили за тем, чтобы убрали все раздвижные ширмы и перегородки. Вассалам было приказано собраться, громко возносить молитвы, сопровождая их ударами в гонги и барабаны, и ожидать рассвета. Сыновья объяснили, что молитвы нужны, чтобы умиротворить души стариков, жен и детей, но на самом деле они хотели изгнать страх из сердец слуг.

Семья Абэ заперлась в доме, в котором потом жил Сайто Кансукэ. Напротив стоял дом Яманака Матадзаэмона, слева жил Цукамото Матаситиро, а справа — Хираяма Сабуро.

Семья Цукамото вместе с семьями Амакуса и Сики владела уделом Амакуса. Когда Кониси Юкинага* правил половиной провинции Хиго, Амакуса и Сики совершили преступление и были приговорены к смерти. Осталась лишь семья Цукамото, которая служила Хосокава.

Матаситиро был в хороших отношениях с Абэ Яитиэмоном и его семьей. Не только главы домов, но и жены с детьми часто посещали друг друга. Второй сын Яитиэмона, слывший хорошим копьеносцем, и Матаситиро, также неплохо владевший этим оружием, любили хвастаться в добродушной манере, говоря: «Вы, может, и хороший копьеносец, но не сравнитесь со мной», или: «О нет, как вы можете победить меня».

Поэтому Матаситиро, еще с тех пор, как услышал, что Яитиэмону отказано в разрешении покончить с собой, сочувствовал ему, ибо прекрасно понимал его состояние. Когда же он стал свидетелем обрушившихся на семью Абэ несчастий и упадка самой семьи — самоубийства Яитиэмона без разрешения, поведения его наследника Гонбэ в Коё-ин, его казни и, наконец, неповиновения властям со стороны оставшихся членов семьи, запершихся в доме, — он жалел их еще больше, как если бы был их родственником.

Как-то ночью Матаситиро послал к Абэ свою жену. Абэ находились на положении мятежников, восставших про-

* (Ум. 1600). Полководец и торговец, ревностный христианин, крещеный под именем Агостино. Он потерпел поражение в битве при Сэкигахара, бежал, но в конце концов попросил прохожего взять его в плен и сдать врагу, ибо он, как христианин, не мог покончить с собой. Вскоре он был обезглавлен. В 1607 г. в Генуе была опубликована книга о нем.

тив властей, поэтому Матаситиро не мог открыто связаться с мужчинами семьи. Но те, кто, как он, знали историю Абэ с самого начала, не могли считать их врагами и злодеями. Кроме того, он, Матаситиро, находился в близких отношениях с прежним главой дома. Он полагал, что посетившую семью женщину впоследствии простят, даже если узнают об этом. Жена была рада услышать его слова и поздно ночью отправилась к Абэ, взяв с собой то, в чем, по ее мнению, они могут нуждаться. Она была самоотверженной женщиной и твердо решила, что если в последующем о ее визите узнают, она возьмет всю ответственность на себя и не навлечет беду на мужа.

В семье Абэ ей обрадовались. Еще бы: когда мир полон цветов и певчих птиц, божества, будды и люди покинули их, и вот они вынуждены запереться в доме. И все же нашелся человек, который набрался смелости и послал к ним свою жену, и она пришла, повинувшись его словам.

Все члены семьи Абэ чувствовали глубокую благодарность по отношению к Матаситиро и его жене. Женщины в слезах просили ее молиться за них, ибо они осуждены на смерть как преступники, и более никто не сделает этого. Дети, которым запретили выходить из дома, окружили женщину и ползли к ней слева и справа, не давая уйти.

Наступила последняя ночь перед штурмом. Цукамото Матаситиро еще раз тщательно все обдумал. Я — друг семьи Абэ. Поэтому, невзирая на возможное наказание, я отправил к ним свою жену. Следующим утром войска сёгуната нападут на них. Послать карательные войска — это то же самое, что начать сражение с мятежниками. Закон велит не вмешиваться и позаботиться о том, чтобы не возникло пожара, но самураю не подобает оставаться в стороне и смотреть. Сострадание состраданием, справедливость справедливостью, но я тоже могу что-то сделать, думал Матаситиро. Поздней ночью он с заднего хода тихо вышел в полутемный двор и перерезал веревки, связывавшие бамбуковый забор между двумя домами. Затем он вернулся в дом, переоделся, вытащил из-за поперечной балки под потолком короткое копье, достал его из ножен, украсив перьями ястреба, и стал ждать рассвета.

Такэноути Кадзума, командующий карательными войсками, родился в семье, известной своими боевыми подвигами. Среди его предков был Симамура Дандзэ Таканори, просла-

вившийся при Хосокава Такакуни как великолепный лучник. В четвертый год Кёроку [1531], когда Такакуни потерпел поражение при Амагасаки, в провинции Сэтцу, Дандзэ бросился в море, схватив двоих врагов, и утонул. Его сын Итибэ служил семье Ясуми из Коти и какое-то время носил имя Ясуми. Но когда он получил в удел Такэноути-гоэ, он взял имя Такэноути. Сын Такэноути Итибэ Китибэ служил Кониси Юкинага и за подвиг при осаде замка Ота в провинции Кири был награжден Тоётоми Хидэёси походным плащом с алым солнцем, нарисованным на глянцевом шелке. Во время похода в Корею он в течение трех лет оставался заложником Кониси. После гибели семьи Кониси его пригласил на службу Като Киёмаса* и предложил ему содержание в 1000 коку, но он прилюдно поссорился с новым господином и покинул Кумамото. При этом он приказал своим слугам нести мушкетеры с зажженными фитилями на случай, если Като пошлет погоню. Потом он поступил на службу к Хосокава Сансаи из Будзэна с жалованием в 1000 коку. К этому времени у Китибэ было пятеро сыновей. Старший сын, которого тоже звали Китибэ, позднее постригся в монахи и получил имя Ясуми Кэндзан. Второго сына звали Ситироэмон, третьего — Дзиродаю, четвертого — Ятибэ и пятого — Кадзума.

Кадзума служил пажом у Тадатоси и был рядом с ним во время подавления восстания в Симабара. В двадцать пятый день второго месяца, когда воины Хосокава начали штурм вражеского замка, Кадзума попросил Тадатоси позволить ему идти в первых рядах атакующих. Тадатоси не разрешил. Паж, канюча как ребенок, повторил свою просьбу, и Тадатоси разозлился и закричал: «Негодник! Прочь с глаз моих!» Но когда Кадзума, которому тогда было шестнадцать лет, бросился вперед, Тадатоси выкрикнул: «Будь осторожен!» За ним последовали полководец Сима Токуэмон, копьеносец и носильщик

* Киёмаса (1562–1611) — соперник Кониси Юкинага во время войны в Корее. Он получил в управление часть провинции Хиго, другую же получил Кониси. Кумамото, замок Като, и по сей день остается одним из самых красивых архитектурных сооружений эпохи. Возможно, Като строил свой замок по образцу замка Кониси, уничтоженного после смерти хозяина. Известно, что Като перенес из замка Кониси по крайней мере одну башню, прежде чем тот был разрушен.

сандалий. Залпы мушкетов из замка грохотали так страшно, что Сима схватил Кадзума за его алый походный плащ и попытался удержать. Но Кадзума вырвался и полез вверх по каменной стене. Сима оставалось только последовать за ним. Вскоре они ворвались в замок, но Кадзума был ранен. Татибана Мунэсигэ из Янагава, губернатор Хига, ворвался в замок вместе с ними. Он был старый воин семидесяти двух лет. Как свидетель событий, он сказал позднее, что отличились трое: Ватанабэ Синъя, Накамицу Найдзэн и Кадзума. Им вручили рекомендательные письма, подписанные лично Татибана и другими самураями. Когда замок пал, Тадатоси подарил Кадзума меч, сделанный Сэки Канэмицу, и увеличил его содержание до 1150 коку. Меч длиной в один фут и три дюйма был закален особым способом, и не носил имени мастера. На лезвии были высечены горизонтальные углубления, а ножны его были по краям украшены бронзой и позолочены. Тадатоси очень ценил этот меч и даже после того, как передал его Кадзума, нередко брал его с собой во время поездок в Эдо.

Получив от Мицухиса приказ возглавить карательные войска против Абэ, Кадзума вернулся к себе. Кто-то шепнул ему на ухо: «Этот негодяй достаточно знатен. Господин Хаяси правильно поступил, поручив вам напасть на главные ворота».

Кадзума насторожился: «Вы хотите сказать, что это Гэки рекомендовал меня на сей пост?»

«Именно так. Гэки сказал нашему господину: «Наш покойный господин приблизил к себе Кадзума. Почему бы не дать ему возможность отплатить за добро?» Разве это не хорошая возможность?»

«О, черт», — Кадзума нахмурился. «Что ж, значит, я погибну в этой битве», — сказал он и вышел.

Узнав о реакции Кадзума, Мицухиса отправил в дом Такэноути человека с посланием: «Будьте осторожны. Желаю вам успешно выполнить свою миссию». Кадзума ответил: «Сообщите нашему господину, что я с благодарностью принял его пожелание».

Кадзума твердо решил умереть, узнав от сослуживцев, что получил данное предписание по рекомендации Гэки. Его решение было непоколебимо. Ему передали, что Гэки ссылался на обязанность отплатить за оказанные милости. Гэки не предполагал, что до него дойдут его слова; впрочем, в этом и не

было необходимости: если Гэки и рекомендовал его, то только ссылаясь на проявленное к нему в прошлом добро. Эти мысли привели Кадзума в ярость. Да, я имел честь быть возведенным в ранг нашим прежним господином, думал он. Но с тех пор, как я стал мужчиной, я не получал каких-то особых милостей по сравнению с другими личными адъютантами, коих множество. Милости в той или иной степени оказывались всем. Почему же тогда именно я должен «платить» за них? Ответ очевиден: я должен был последовать за прежним господином и умереть, но не сделал этого; поэтому меня посылают туда, где есть опасность. Я был бы счастлив отдать свою жизнь в любое время, но я не хотел бы умирать только потому, что не последовал добровольно за прежним господином. Как мог хоть кто-нибудь предположить, что я, презирующий жизнь и сейчас, стал бы беречь ее до завершения Ритуала сорок девятого дня? Для подобного предположения нет никаких оснований. В конце концов, не существует четкой грани между тем, кто получил милостей от прежнего господина столько, что это обязывает умереть, и теми, кто не получил их. Я остался жить потому, что никто не предлагал умереть таким, как я, молодым самураем, находившимся рядом с господином. Если бы мне следовало уйти из жизни после смерти господина, я умер бы первым. Я решил, что это очевидно для всех. Теперь же ко мне относятся так, будто я давно должен был умереть. Подобный позор смыть невозможно. Только Гэки мог так опозорить человека. Это похоже на него. Но почему же господин последовал его совету?

Можно вынести оскорбление от Гэки, но невозможно вынести то, что тебя бросает господин. Когда я хотел взобраться на стену замка в Симабара, покойный господин пытался остановить меня, ибо не хотел, чтобы его личный эскорт выделялся в первых рядах атакующих. Теперь же нынешний господин просит меня быть осторожным и не получить ранения. Очевидно, он имеет в виду следующее: я беспокоюсь о своей жизни, которую слишком ценю. Как я могу благодарить его? Это подобно тому, как если бы открылась старая рана. Я должен умереть как можно скорее. Смертью не смоешь позор, но я должен умереть. Пусть это будет «собачья» смерть, но я обязан умереть. Вот какие мысли преследовали его. Избавиться от них он не мог. Он коротко сказал жене, что назначен

командующим карательными войсками против Абэ, и начал готовиться. Те, кто последовал за господином, встретили смерть спокойно. Кадзума же торопился умереть, чтобы избавиться от боли. Ни один человек в его доме не понимал мыслей хозяина, за исключением только лишь Сима Токуэмона, который оценил положение и принял такое же решение. Его жена, которая вышла замуж за него годом ранее, несмотря на двадцать один год все еще казалась маленькой девочкой и лишь ходила вокруг дома с крохотной дочуркой на руках.

В ночь на двадцатый день четвертого месяца — за день до назначенного срока нападения — Кадзума умылся холодной водой, побрил голову, умастил голову благовониями, которые дал ему еще Тадатоси. Он облачился в белую одежду с отороченными белыми нитями рукавами и перевязал голову белым платком. Затем прикрепил к плечу оторванный клочок бумаги, чтобы его можно было узнать. Он взял тридцатидюймовый меч Масамори, который находился в его доме в память об одном из предков, погибшем в битве при Амагасаки, и короткий меч Канэмицу, полученный им после первого сражения. У ворот стояла и ржала его лошадь.

Выйдя во двор с коротким копьем, он затянул свои сандалии и отрезал кинжалом концы ремней.

Таками Гонгэммон, которому было поручено атаковать задние ворота дома Абэ, поначалу носил фамилию Вада. Он являлся потомком Вада, губернатора тадзима, жившего в Вада, что в провинции Оми. В свое время семья Вада следовала за Гамо Катахидэ, но при Вада Сёгоро начала служить Хосокава. Сам Сёгоро отличился в сражениях при Гифу и Сэкигахара*. Он служил старшему брату Тадатоси Ёитиро Тадатока.

Когда отец разгневался на Тадатока — за то, что Маеда, к клану которых принадлежала жена Тадатока, слишком рано покинули поле боя в Осака — Тадатока решил стать монахом и принял имя Кюму. Сёгоро сопровождал его до горы Коя и Киото. В конце концов Сансай вызвал его в Кокура, дал ему имя Таками и сделал своим главным телохранителем.

Гонгэммон был его сыном. Он участвовал в сражениях в Симабара, но послушался приказа и потому был временно смещен со своего поста. Вскоре его восстановили и назначили личным адъютантом. Накануне штурма он облачился в черное одеяние с семейным гербом, взял меч Бидзэн Осафунэ, который очень ценил, и копье с тройным наконечником.

При Такэноути Кадзума находился Сима Токуэммон; точно так же, при Таками Гонгэммоне был паж. Как-то летним днем, за несколько лет до описываемых событий, этот паж спал в своей комнате, будучи свободным от несения службы. В это время вернулся один из самураев, ездивший вместе с господином по какому-то делу. Самурай разделся, взял черпак и собрался было идти к колодцу, чтобы умыться, но увидев спящего в комнате пажа, сказал: «Я вернулся, выполнив поручение господина, а ты спишь вместо того, чтобы принести мне воды!» С этими словами он выбил подушку из-под головы пажа. Тот вскочил на ноги. «Я, конечно, принес бы вам воды, если бы не спал, но вам не следовало выбивать подушку. Это вам так не сойдет», — сказал он, обнажил меч и разрубил самураю на две части.

Затем паж отошел в сторону, отвесил поклон и отправился к своему начальнику. Рассказав ему все, как было, он добавил: «Я бы без колебаний тут же убил и себя, но тогда вы не знали бы, что произошло». И он хотел тут же вспороть себе живот. Начальник остановил его и пошел доложить Гонгэммону. Гонгэммон, только что вернувшийся со службы, еще не успел снять одежду. Он отправился прямо в дом Тадатоси, чтобы рассказать о случившемся. Тадатоси сказал: «Поведение вашего пажа объяснимо. Я не вижу необходимости приговаривать его к смерти». С тех пор паж отдал свою жизнь Гонгэммону.

Он вышел вслед за своим хозяином. За спиной у него был колчан со стрелами, а в руке — короткий лук.

Двадцать первый день четвертого месяца девятнадцатого года Кангэй выдался облачным, что часто бывает во время уборки пшеницы.

На рассвете Такэноути Кадзума и его люди собрались перед главными воротами дома Ямадзаки, в котором заперлась семья Абэ. Всю ночь в доме звучали гонги и барабаны, но теперь не раздавалось ни звука, как будто дом был пуст.

* Обе битвы произошли в пятом году Кэйтё [1600]. Сражение при Сэкигахара оказалось решающим: Токугава Иэясу полностью овладел Японией.

Ворота была закрыты. С нижних ветвей олеандра, возвышавшегося над деревянным забором, свешивалась паутина, в которой словно жемчужины блестели капельки росы. Откуда-то появилась ласточка и перелетела через забор.

Кадзума спешил и какое-то время стоял, оценивая положение. Потом отдал приказ: «Откройте ворота!» Двое пехотинцев перебрались через забор. Вокруг никого не было, они спокойно сломали замок и выгнали деревянный засов.

Сосед Цукамото Матаситиро, услышав, как воины Кадзума открывают ворота, тут же пробрался в дом Абэ через бамбуковый частокол. Веревки он обрезал накануне. Он почти каждый день бывал в этом доме и хорошо знал его расположение. Подняв над головой короткое копье, он через кухню ворвался внутрь. Члены семьи Абэ заперлись в главном зале, с тем чтобы по одному убивать тех, кто будет врывать. Ягобэ первым услышал какой-то шум с заднего входа. Он вышел на кухню с коротким копьем в руке.

Оба столкнулись друг с другом, почти соприкоснувшись концами копьев. «Вы — Матаситиро!» — вскричал Ягобэ.

«Да, это я. Вы любите хвастаться. Я решил проверить, как вы владеете копьем».

«Что ж, идемте!»

Они вернулись в дом и начали сражаться. Вскоре выяснилось, что Матаситиро владеет копьем намного лучше. Он глубоко ранил Ягобэ в грудь. Ягобэ бросил свое копье и поспешил обратно в главный зал.

«Трус! Остановись!» — закричал Матаситиро.

«Нет. Я покончу с собой сам», — сказал Ягобэ и скрылся в главном зале.

В этот момент раздался крик: «Сразитесь-ка со мной!» Откуда-то словно молния вылетел юный Ситинодзэ и поразил Матаситиро в бедро. Только что серьезно ранив близкого друга, Матаситиро утратил бдительность и стал жертвой мальчика. Он выронил копье и упал.

Войдя в ворота, Кадзума тщательно расположил всех своих воинов. Затем он отправился к входу в дом и увидел, что дверь приоткрыта. Он уже собирался распахнуть двери, но тут вмешался Сима Токуэмон и тревожно прошептал ему на ухо: «Подождите, господин. Сегодня вы — командующий. Позвольте мне войти первым». Но как только Токуэмон

ринулся внутрь, Итидаю, который только этого и ждал, ударил его копьем в правый глаз. Токуэмон зашатался и упал прямо в руки Кадзума.

«Пошел прочь!» — Кадзума оттолкнул его и вошел в дом. Итидаю и Годаю закололи его с обеих сторон.

Следующими ворвались Соэдзима Кухэ и Номура Сэбэ, а также Токуэмон, несмотря на свою рану.

В этот момент Таками Гонгэмон, атаковавший со стороны задних ворот и продравшийся с помощью своего копья с тройным наконечником сквозь строй вассалов Абэ, добрался до главного зала. За ним следовал Тиба Сакубэ.

Нападавшие атаковали с боевыми криками и спереди, и сзади. Хотя все ширмы и перегородки были убраны, пространство главного зала могли покрыть тридцать циновок. Уличный поединок порой гораздо страшнее битвы. Еще ужаснее было это месиво. Люди, сражавшиеся в маленьком зале, походили на червей, положенных в одну тарелку и пожирающих друг друга.

Итидаю и Годаю наносили удары копьями всем, кто вставал у них на пути. Тела их покрылись бесчисленными ранами, но они не сдавались. Они бросили копья и стали сражаться мечами. Ситинодзэ уже погиб.

Один из воинов Таками увидел лежащего в кухне Цукамото Матаситиро, из его бедра лила кровь. Перед тем как войти в дом, воин сказал: «Вы ранены. Вы сделали свое дело, теперь уходите как можно скорее».

«Если бы я мог уйти, я бы встал и сражался», — горько сказал Матаситиро, скрипя зубами от боли и злости. Тут появился кто-то из его слуг, обеспокоенный долгим отсутствием хозяина. Он поднял Матаситиро на плечо и вынес его из дома.

Еще один его слуга по имени Амакуса Хэйкуро прикрывал хозяина и несшего его слугу, стреляя из лука во всякого, кто приближался, но сам был убит.

Из воинов Такэноути Кадзума первым погиб Сима Токуэмон, потом — командир Соэдзима Кухэ.

Пока Таками Гонгэмон сражался со своим копьем в руках, паж защищал его спину, стреляя налево и направо из лука. Потом он достал меч и оборонялся мечом. В один момент он увидел, как кто-то целится в Гонгэмона из мушкета.

«Это моя пуля», — крикнул он и заслониł собой Гонъэмона. Он умер мгновенно. Был тяжело ранен и Тиба Сакубэ, командир отряда, переведенный от Такэноути к Таками. Он сумел добраться до кухни и глотнуть из ушата воды, но после упал, обессиленный.

Из членов семьи Абэ первым покончил с собой Ягобэ, потом от ран умерли Итидаю, Годаю и Сигинодзэ. Большинство их слуг также погибли.

Таками Гонъэмон собрал оставшихся в живых воинов из обоих отрядов, приказал им сломать лачугу, стоявшую позади дома Абэ, и поджечь ее. Дым поднимался прямо вверх, в безветренное хмурое небо, и был виден издали. Затем воины залили огонь водой и ушли. Тиба Сакубэ и другие тяжело раненые самураи покидали дом, опираясь на плечи вассалов. Было около двух пополудни.

Мицухиса отправился с визитом к своим главным вассалам. На рассвете двадцать первого дня четвертого месяца, послав воинов против Абэ, он поехал в дом Мацуно Сакэ.

Ямадзакки находился неподалеку от дома Мицухиса, прямо через Сад цветов. Покидая утром свой дом, Мицухиса услышал шум, идущий с той стороны. «Должно быть, они врываются в дом», — сказал он, садясь в свой паланкин. Не проехал он и ста ярдов, как появился гонец и сообщил о гибели Такэноути Кадзума.

Ведя своих воинов к дому Мацуно, где находился Мицухиса, Таками Гонъэмон отправил гонца передать, что семья Абэ уничтожена. Мицухиса решил встретиться с Гонъэмоном немедленно и пригласил его в сад перед рисовальной мастерской.

Гонъэмон распахнул калитку в заборе, усыпанном, словно живая изгородь, белыми цветами, и сел, низко склонившись, на лужайку. Мицухиса увидел его и сказал: «Вы ранены? Благодарю вас». Черная шелковая одежда Гонъэмона была пропитана кровью и покрыта пеплом и золой, видимо, попавшими на нее, когда он с воинами тушил огонь.

«Ничего страшного, господин. Это царапина». Гонъэмон получил сильный удар копьем, но он пришелся в зеркальце, которое носил Гонъэмон. Это спасло его. Рана оказалась неопасной, как если бы он просто испачкался о шелковую бумагу.

Гонъэмон доложил о действиях каждого человека и сказал, что самый большой подвиг совершил сосед Абэ, Цукамото Матаситиро, нанесший Ягобэ смертельный удар.

«А что Кадзума?»

«Он вошел через главные ворота чуть раньше меня, поэтому я не успел увидеть, как он сражался».

«Понятно. Прикажите остальным прийти сюда».

Все воины, за исключением тяжело раненых, которых отвезли домой, вошли и сели на лужайку. Те, кто отчаянно сражался, были с ног до головы испачканы кровью. Те же, кто ничего не делал и только помогал сжечь лачугу, были покрыты пеплом. Среди последних был и Хата Дзюдаю.

«Дзюдаю, что делал ты?» — спросил Мицухиса.

«Да, господин», — откликнулся Дзюдаю, но не осмелился поднять голову. Он отличался могучим телосложением и трусостью. Он задержался около дома Абэ и вошел только тогда, когда остальные уже подожгли лачугу и собрались уходить. Когда его назначили в карательный поход, Синмэн Мусаси увидел его выходящим из покоев Мицухиса, хлопнул по спине и сказал: «Счастливчик! Надеюсь, ты проявишь себя». Дзюдаю побледнел и попытался затянуть ослабший пояс, но руки его тряслись, и ему так и не удалось это сделать — по крайней мере, так говорят.

Мицухиса поднялся со своего стула и сказал: «Благодарю за то, что вы все хорошо потрудились. Идите домой и отдыхайте».

Семье Такэноути было позволено усыновить мальчика, чтобы маленькая дочь могла унаследовать дом**, но впоследствии семья вымерла. Таками Гонъэмону повысили жалование на 300 коку, а Тиба Сакубэ и Номура Сэбэ — на 50 коку каждому. Комэда Кэнмоцу получил приказание и послал с поздравлениями к Цукамото Матаситиро командира отряда Тани Кураносукэ. Когда друзья и родственники пришли к Матаситиро, чтобы поздравить его, он засмеялся и сказал:

* Миямото Мусаси (1584–1645). Он познакомился с Тадатоси в 1640 г. и до конца своих дней оставался гостем семьи Хосокава. Тадатоси сам был искусным фехтовальщиком и, говорят, убедил Мусаси написать о том, чего последний достиг во владении мечом. Так появилась «Горин но сё».

** Чтобы мальчик смог жениться на дочери и взять имя Такэноути.

«В эпоху Гэнки и Тэнсё штурмовать замки и сражаться на поле брани было делом таким же обычным, как завтракать и ужинать. Уничтожить семью Абэ оказалось все равно что попить простого чаю». Через два года, в первое лето Сёхо, когда рана Матаситиро затянулась, его принял Мицухиса. Он назначил Матаситиро командиром десяти стрелков и сказал: «Вы можете отправиться к горячим источникам, чтобы окончательно залечить рану. Я также дарю вам землю для загородного дома. Можете назвать его как хотите». Так Матаситиро получил землю для дома в деревне Кайкэ, что в Масики. Позади участка был холм, на котором рос бамбук. Мицухиса сообщил, что он может взять себе и холм, но Матаситиро отказался. Бамбук нужен не только в мирное время. Случись война, связки бамбука просто необходимы. Я буду чувствовать себя неудобно, если холм окажется в моей собственности, сказал он. И тогда холм передали под вечную опеку семьи.

Хата Дзюдэю прогнали. Такэноути Хатибэ, старший брат Кадзума, по своей воле присоединился к войску. Но он не был рядом с Кадзума, когда тот погиб, поэтому ему приказали какое-то время оставаться под домашним арестом. Сын воина из конной свиты и личный слуга Мицухиса, живший рядом с домом Абэ, получил приказ не вмешиваться и следить лишь за тем, чтобы не возникло пожара. Со своим отцом он взобрался на крышу дома и тушил огонь. Потом он понял, что это противоречит указанию Мицухиса «не вмешиваться», и попросил уволить его со службы. Мицухиса сказал: «Нет, это же не значит, что вы трус. Впредь будьте внимательнее», и оставил его у себя. Когда Мицухиса умер, этот слуга покончил с собой.

Тела членов семьи Абэ отвезли в Идэнокути для опознания. Когда их обмыли в реке Сира, оказалось, что рана, нанесенная в грудь Ягобэ копьем Цукамото Матаситиро, превосходит все остальные. Это добавило славы Матаситиро.

Приложения

Хронология

Ранняя история

587: В ходе конфликта Сога — Мононобэ убит воин Ёродзу.

Период Нара: 710—794

712: Составление «Кодзики» («Записи о деяниях древности»).

720: Составление «Нихон сёки» («История Японии»).

749: Отомо-но Якамоти пишет поэму об открытии золота.

Кон. VIII в.: Составление «Манъёсю» («Мириад опавших листьев»).

Период Хэйан: 794—1185

940: Гибель мятежника Тайра-но Масакадо, провозгласившего себя императором.

Сер. X в.: Конная дуэль между Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми.

999?: Минамото-но Ёринобу побеждает вооруженного грабителя

Нач. XI в.: Сэй Сёнагон пишет «Макура-но сёси» («Записки у изголовья»).

- 1051–1062: Первая десятилетняя война. Минамото-но Ёриёси командует правительственными войсками. Создание «Муцу ваки» («История Муцу»), описания войны.
- 1083–1087: Вторая трехлетняя война. Минамото-но Ёсиноэ командует правительственными войсками.
- 1098: Ёсиноэ допущен ко двору.
- 1156: Смута Хогэн.
- 1159: Смута Хэйдзи. Тайра-но Киёмори одерживает победу. Лидеры клана Минамото, в том числе Ёситомо, убиты.
- 1160: Киёмори допущен ко двору.
- 1180: Минамото-но Ёритомо поднимает восстание против Тайра.
- 1183: Во время бегства Тайра из Киото Таданори возвращается, чтобы вручить свои стихи Фудзивара-но Сюдзэю.

Период Камакура 1185–1333

- 1185: Гибель клана Тайра.
- 1189: Смерть Минамото-но Ёсицунэ.
- 1192: Ёритомо назначен сёгуном (два года спустя подает в отставку).
- XII в.: Составление «Кондзяку моногатари сю» («Собрание историй минувших времен»).
- Ок. 1200: Составление «Удзи сю моногатари» («Истории, собранные в Удзи»).
- 1219–1222: Завершение составления «Хоэн моногатари» («История эпохи Хонэн») и «Хэйдзи моногатари» («История эпохи Хэйдзи»).

- 1254: Татибана-но Нарисуэ составляет «Кокон тёмон дзю» («Собрание услышанных древних и нынешних историй»).
- Начало XIV в.: Составление «Адзума кагами» («История Востока»), описывающей первые девять лет правления Камакура.
- 1333: Император Годайго на короткий период восстанавливает императорскую власть.

Период Намбоку-тё (Северного и Южного двора): 1336–1392

- 1336: В битве у реки Минато погибает Кусуноки Масасигэ. Асикага Такаудзи помогает Комё стать императором (Северный двор). Годайго со своим двором перебирается в Ёсино (Южный двор).
- 1338: Такаудзи назначен сёгуном.
- 1349: Завершена хроника первых лет сёгуната Асикага «Байсё рон» («Сливы и сосны»).
- 1371: Умирает Акаси-но Какуити, которому приписывается окончательная редакция «Хэйкэ моногатари».
- 1370–1372?: Монах Кодзима и другие расширяют и завершают «Тайхэйки» («Хроника Великого мира»).

Периоды Асикага (Муромати) и Момояма: 1392–1603

- 1392: Период Асикага начинается с того момента, когда «южный» император Гокомацу получает «три сокровища» от «северного» императора Гокамэяма.

- 1467–1477: Война Онин. Начало периода «Сражающихся царств».
- 1519: Смерть Ходзё Соуна, автора «Двадцати одного домашнего урока».
- 1543?: Португальский корабль привозит аркебузу в Танэга-сима, Япония.
- 1555: Крупнейшее сражение между Такэда Сингэном и Уэсуги Кэнсином у Каванакадзима.
- 1560: Ода Нобунага побеждает Имагава Ёсимото в битве при Окэхадзама.
- 1565: Тринадцатый сёгун Асикага Ёситэру погибает с мечом в руках.
- 1573: Нобунага выбивает пятнадцатого сёгуна Асикага Ёсиаки из Киото. Смерть Сингэна.
- 1575: Нобунага одерживает победу над сыном Сингэна Кацуёри, задействовав 3000 аркебуз. Первое стратегическое применение огнестрельного оружия в Японии.
- 1578: Умирает Кэнсин.
- 1582: Акэти Мицухидэ убивает Нобунага. Гоётоми Хидэёси побеждает Мицухидэ и убивает его.
- 1590: Хидэёси завершает объединение Японии.
- 1592: Хидэёси посылает армию в Корею с целью завоевать Китай.
- 1597: Хидэёси второй раз посылает войска в Корею.
- 1598: Смерть Хидэёси.
- 1600: Большинство полководцев разделяется на два лагеря, Восточный и Западный. Сражение при Сэкигахара. Лидер Восточного лагеря Токугава Иэясу одерживает победу.

Период Токугава (Эдо): 1603–1868

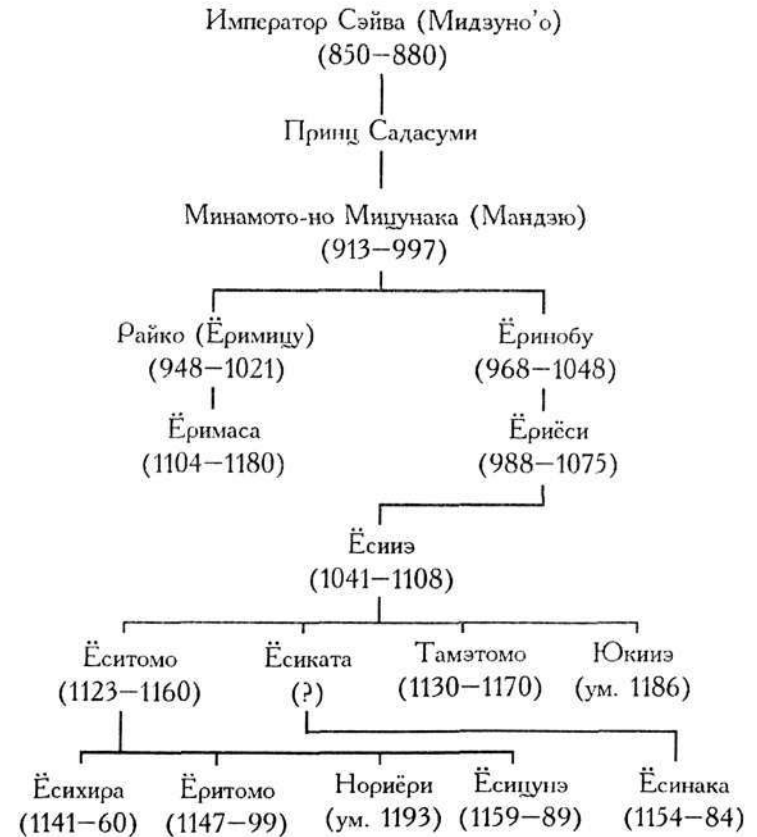
- Нач. XVII в.: Обата Канбэ Кагэнори составляет «Коёгункан» («Военная история великих людей из Каи»).
- 1603: Иэясу становится сёгуном.
- 1610: Смерть Ота Гюити, автора «Синтё-ко ки» («Биография господина Нобунага»).
- 1614–1615: Иэясу уничтожает последних приверженцев Хидэёси в двух битвах при Осака.
- 1639: Последний из серии изоляционистских эдиктов, запрещающий португальцам ступить на землю Японии. Начало эдиктам было положено, когда в 1597 г. Хидэёси казнил 26 христианских миссионеров и новообращенных.
- 1640: Смерть Одзэ Хоана, автора «Синтё ки» («Биография господина Нобунага»).
- 1642: Миямото Мусаси заканчивает свой трактат «Горин но сё» («Книга пяти колец»). Клан Хосокава, в котором гостит Мусаси, расправляется с семьёй Абэ.
- 1661: В клане Набэсима самураям запрещается совершать сэппуку после смерти господина.
- 1663: Правительство Токугава издает указ, запрещающий самураям совершать сэппуку после смерти господина.
- 1701: Асано Наганори нападает на Кира Ёсинака в замке Эдо и приговаривается к сэппуку.
- 1702: Сорок семь самураев мстят за своего господина, Наганори. В начале следующего года все они по приказу сёгуната совершают сэппуку.
- 1721: Смерть Ямамото Цунэтомо, автора «Хагакурэ» («Сокрытое в листве»).

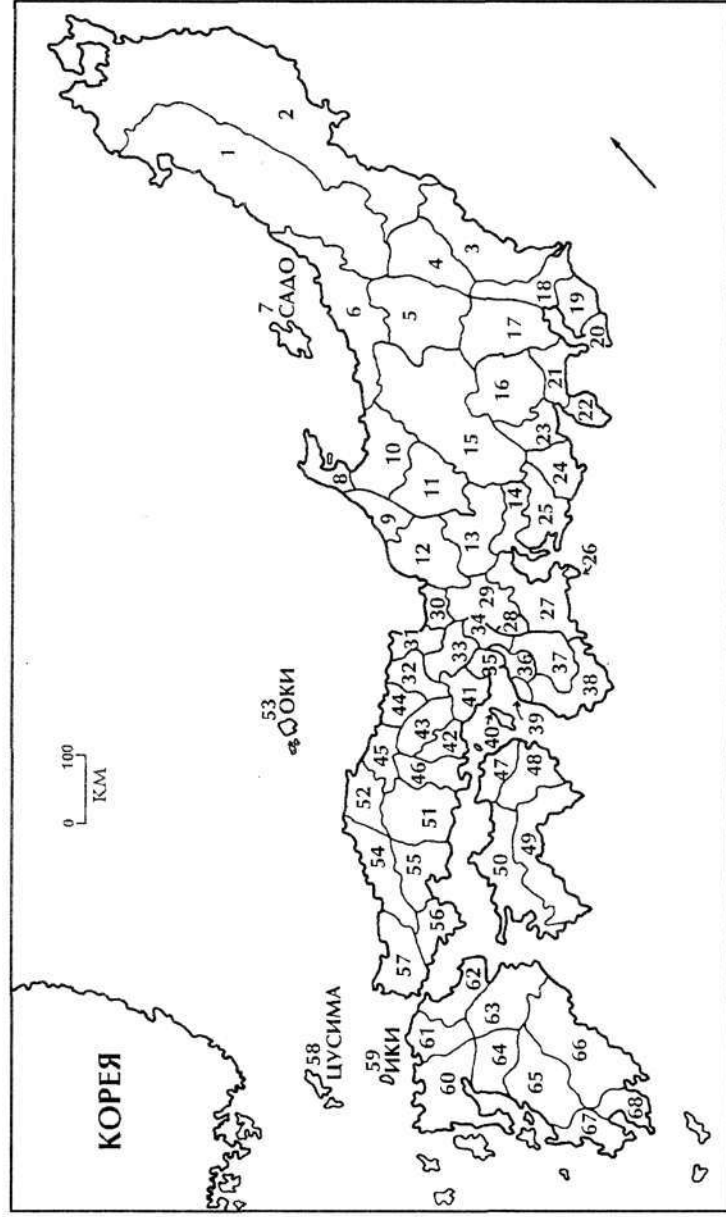
- 1725: Смерть Араи Хакусэки, написавшего автобиографию «Оритаку сиба но ки».
- 1832: Умирает Ран Сантё, автор «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии»).
- 1868: Представитель Британской Дипломатической миссии сэр Эрнест Мэйсон Сатоу присутствует при сэппуку Таки Дзэндзабуро.

**Современный период:
1868—**

- 1894—95: Китайско-Японская война. Генерал Ноги Марэсу-кэ возглавляет армию, штурмующую Порт-Артур.
- 1904—05: Русско-Японская война. Генерал Ноги вновь ведет армию на Порт-Артур, принадлежащий теперь России, и несет огромные потери.
- 1912: Ноги совершает сэппуку в день похорон императора Мэйдзи.
- 1913: Мори Огаи публикует «Семью Абэ».
- 1941: Нападение Японии на Пёрл-Харбор.
- 1945: Генерал Курибаяси Тадамити погибает на Иводзима. Капитуляция Японии.
- 1970: Мисима Юкио совершает сэппуку.

Генеалогия клана Минамото
(Линия не всегда показывает прямые отношения: сын — отец)

Провинции Японии

Ава	20, 48	Исэ	27	Оми	29	Тикудзэн	61
Авадэн	40	Кавати	36	Осуми	68	Тоса	49
Аки	55	Кага	9	Сагами	21	Тогоми	24
Бидзэн	42	Кадзуса	19	Садо	7	Харима	41
Бинго	51	Кан	16	Сануки	47	Хида	11
Биттю	46	Кири	38	Сацума	67	Хидзэн	60
Будзэн	62	Кодзукэ	5	Сима	26	Хиго	65
Бунго	63	Микава	25	Симофуса	18	Хитати	3
Вакаса	30	Мимасака	43	Симодукэ	4	Хоки	45
Дэва	1	Мино	13	Синано	15	Хьюга	66
Ивами	54	Мусаси	17	Суо	56	Цусима	58
Ига	28	Муцу	2	Суруга	23	Энго	6
Идзу	22	Нагато	57	Сэтцу	35	Этидзэн	12
Идзуми	39	Ното	8	Тадзима	32	Эттю	10
Идзумо	52	Овари	14	Тамба	33	Ямасиро	34
Иё	50	Оки	53	Танго	31	Ямаго	37
Ике	59			Тикуто	64		
Инаби	44						

Хироаки Сато
САМУРАИ:
ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Главный редактор *Чубарь В.В.*
Художественный редактор *Лосев П.П.*
Компьютерное обеспечение *Еременко С.Е.*
Ответственный выпускающий *Кирсанов Д.О.*
Корректор *Ларчик Ю.А.*

Лицензия № 065280 от 9 июля 1997 г.

ООО «Издательская группа «Евразия»
191194, Санкт-Петербург,
ул. Чайковского, д. 65, пом. 7н.,
тел. 245-9120.

Подписано в печать 15.11.99 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Объем 26 печ. л.
Формат 84x108¹/₃₂. Тираж 5000 экз. Заказ № 63.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

В книге *Хироаки Сато* органично сплетаются в единое целое самые разные источники: мифы и исторические хроники, произведения самих самураев и художественные сочинения, проза и поэзия. Все вместе они создают яркую и многоплановую картину жизни самураев, исполненной великих подвигов и свершений, верности традициям и заветам предков.

Многие самурайские истории стали неотъемлемой частью духовного и литературного наследия Японии, а также национального фольклора.

Самураи ушли в прошлое, но оставили нам легенду — легенду о подвигах, о неисчерпаемых возможностях человеческого духа, наконец, о том, что *Бусидо — Путь Воина* — это верность не только господину и родителям, но и себе самому.

ISBN 5-8071-0012-3

9 785807 100122 >